

'Gripping and heart-rending.' — *The Mail on Sunday*

ACROSS AN ANGRY SEA THE SAS IN THE FALKLANDS WAR

LIEUTENANT GENERAL SIR CEDRIC DELVES

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ СЭР СЕДРИК ДЕЛВЕС

Сквозь разгневанное море

SAS в Фолклендской войне

ХЕРСТ И КОМПАНИЯ, ЛОНДОН

Впервые опубликовано в Великобритании в 2018 году издательством C. Hurst & Co. (Publishers) Ltd.,

41 Great Russell Street, London, WC1B 3PL

© Cedric Delves, 2018

Предисловие © Max Hastings, 2018

Все права защищены.

Распространено в США, Канаде и Латинской Америке издательством Oxford University Press, 198 Madison Avenue, New York, NY 10016, United States of America

Право Седрика Делвеса на идентификацию в качестве автора данной публикации заявлено им в соответствии с Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года.

Каталогизационная запись об этой книге доступна в Британской библиотеке.

ISBN: 978-1-7873-8181-0

www.hurstpublishers.com

«Мы пилигримы, господин. Под вековечным небом
Единственный мы держим путь средь всех путей земных -
За гребень голубой горы, покрытой белым снегом,
Через моря в пустыне волн - то ласковых, то злых.»

Джеймс Элрой Флекер

Посвящается «веселым людям» из эскадрона D 22 полка SAS, Южная Атлантика, 1982 год, и всем нашим близким.

Оглавление

Примечание автора.....	8
Предисловие.....	11
Словарь	15
Благодарности	19
Карты	22
Пролог	27
ЧАСТЬ I: ЮЖНАЯ ГЕОРГИЯ	30
С оперативной группой: нащупываем свой путь.....	30
1. Преодоление кризиса	30
2. Выдвижение вперед	46
3. В залив Стромнесс.....	73
4. Поиск до уничтожения.....	109
5. Вход	121
ЧАСТЬ 2: ФОЛКЛЕНДЫ	154
С оперативной группой: Солдаты моря	154
6. Целевая группа	154
7. Остров Пebbл	175
8. Рейд	201
9. План кампании	226
10. К месту высадки	237
11. Домашняя база	259
12. Маскировка мест высадки.....	266
13. Сан-Карлос	284
14. Гора Кент	294
15. На запад	333
16. На Стэнли	356

17. Последняя ночь 371

Эпилог..... 389

Итак, это было сделано..... 389

Приложение..... 391

Вооружение и снаряжение..... 391

Примечание автора

Захват Фолклендских островов в 1982 году Аргентиной, которой в то время управляла военная хунта, стал глубоким шоком практически для всех британцев. Осознание того, что Великобритания настолько упала в глазах другой нации, что даже государство-изгой, каким в те годы была Аргентина, может использовать военную силу для захвата одной из зависимых от нее территорий и ее народа и думать, что это сойдет им с рук, было слишком сильным, чтобы принять это. Но тогда страна действительно чувствовала себя на грани, ее граждане враждовали друг с другом, она находилась в состоянии, похожем на неизбежный экономический упадок, была слаба и не уверена в своем месте в мире. Последовавшая война, казалось, прекратила все это, подвела черту под одной эпохой и создала условия для другой, чтобы вновь зажечь наш национальный оптимизм и веру в себя.

Многие историки и аналитики говорили и писали о природе Фолклендского конфликта, его целях и последствиях. Главной среди их мнений является идея о том, что мы вступили в войну, чтобы отстоять важный принцип, более важный, чем просто исправление ошибки, более важный, чем Фолкленды или даже жители Фолклендских островов. Они отмечают, что мы воевали за право всех людей, где бы они ни находились, на самоопределение и использование силы для достижения этой цели, особенно в тех случаях, когда осуществление этого права было попрано агрессией. Это была причина, которую практически невозможно опровергнуть. Они добавили бы, что это заставило мир прислушаться и вновь воспринимать нас всерьез, что это показало, что мы не пали духом, что мы осознаём нашу стратегическую мощь и то, как её использовать, и всё это в рамках глубоко прочувствованной, общепризнанной цели.

Все складывалось против нас. Война должна была вестись в Южной Атлантике, у самых ворот в Антарктику, в глубине Западного полушария. Сейчас легко упустить из виду, что тогда в администрации США были те, кто сомневался в надобности поддержки нашего предприятия, но гораздо больше тех, кто ясно видел, что стоит на кону, а также понимал необходимость поддержать верного друга. Погода, расстояние,

локальный баланс сил - все говорило о том, что Аргентина победит. В конечном итоге успех наших вооруженных сил удивил большинство, если не всех информированных наблюдателей, включая многих людей в военной форме. Он заставил Советский Союз пересмотреть свои предположения о решимости и боеспособности Запада. Спустя годы президент Горбачев признает, что действия Великобритании в Южной Атлантике сыграли свою роль в убеждении советского руководства в том, что СССР никогда не сможет победить в Холодной войне.

Что касается национального упадка, то те же историки могут сказать, что Оперативная группа продемонстрировала, что Британия была не только территорией, но и идеей: отдельной, заслуживающей доверия и означающей нечто большее, чем износившаяся имперская эпоха. Мы все еще могли отличить добро от зла, что было важно, а что нет, и у нас были инициатива и средства что-то с этим сделать. Операция показала, что нас еще многое ждет, что мы готовы двигаться дальше, чтобы достичь новой формы величия.

Короче говоря, историки, аналитики и многие другие отмечают, что в те южные, ранние зимние месяцы 1982 года мы показали миру и, наверное, прежде всего самим себе, что у нас все еще есть то, что нужно: способность достигать цели, руководствуясь здравым смыслом и практичностью. Это работало раньше, это работает и сейчас, это достигло великих высот однажды, и это может быть сделано снова.

Тем, кто участвовал в войне, кто пережил неутешительные годы непосредственно перед ней, сейчас может показаться, что мы утратили большую часть единства, сплоченности и оптимизма, которые последовали сразу после нашего успеха в Южной Атлантике. Похоже, что мы снова в смятении и дрейфуем.

Это рассказ о тех ста днях, которые пережил эскадрон D, 22 полка SAS. Я считаю, что мы сражались так хорошо, как могли, достойно, в соответствии с нашими общими национальными ценностями. Я считаю, что мы помогли добиться успеха, внесли свою лепту в отстаивание принципов, за которые страна должна была сражаться. Тем самым, возможно, мы также помогли привести Соединенное Королевство в

порядок после многих лет относительного упадка. За это пришлось заплатить такую цену, о которой никогда нельзя забывать.

Хотелось бы, чтобы была возможность упомянуть всех бойцов эскадрона и приданный ему персонал. По тем или иным причинам это оказалось невозможным. Тем не менее, это рассказ об их участии в историческом событии, увиденном моими глазами. Я надеюсь, что этот рассказ хотя бы в какой-то мере отметит их достижения и благородство их духа, принесет определенный комфорт и гордость, особенно нашим семьям и близким. И я верю, что этот рассказ сможет успокоить британскую общественность, во имя которой, во имя чьих ценностей и с помощью чьих ресурсов мы стремились сделать все возможное.

Предисловие

Я впервые встретил майора Седрика Делвеса (тогда он был в таком звании) ранней июньской ночью 1982 года, когда вместе с командующим 22 полка SAS Майклом Роузом высадился на вертолете Sea King под вершиной горы Кент в Восточном Фолкленде. Бойцы эскадрона D Седрика вели перестрелку с аргентинцами, трассеры рассекали темноту и пугали меня до смерти. SAS, конечно же, выглядели совершенно невозмутимыми. Когда мы подлетали к зоне высадки, заваленные по пояс горой оружия, снаряжения и минометных снарядов, я крикнул Майку, перекрикивая шум двигателя: «Что будет, если аргентинцы начнут обстреливать зону высадки?». Бесстрашный подполковник пожал плечами и бесстрастно ответил: «Что ж, кто рискует - побеждает!». Эти люди были, а их преемники остаются и по сей день, одними из лучших профессиональных воинов в мире, среди которых Седрик является выдающимся примером. Ни один человек не видел больше, чем он, на острие событий 1982 года в Южной Атлантике. Теперь он составил необычайно яркий рассказ об опыте его эскадрона. В ней я, как и многие другие читатели, узнаю о войне и о выдающемся вкладе SAS в британскую победу все подробности, которые до сих пор были неизвестны.

Фолклендская кампания была причудой истории, анахронизмом, подобного которому мир больше никогда не увидит. Я всегда сожалел, что не был в том возрасте, чтобы сопровождать экспедицию Китченера в 1898 году по Нилу для того чтобы уничтожить дервишей. Следующим лучшим вариантом было, конечно, отправиться вместе с Маргарет Тэтчер, по крайней мере, по доверенности, в Южную Атлантику, чтобы победить аргентинцев. Эта безумная экспедиция дала вооруженным силам Британии возможность продемонстрировать свои навыки в самом лучшем виде до того, как сокращение расходов на оборону и наступление нового века лишили их как средств, с помощью которых можно было совершать подобные действия, так и условий, в которых они могли происходить. Седрик рассказывает, как на пороге битвы он обнаружил, что воскрешает в памяти старые фильмы о войне, на которых он, как и я, вырос: «Жестокое море», «Потопить «Бисмарк»!», «Битва при Ривер Плейт». На юге меня поразила манера, в которой

многие офицеры и мужчины, казалось, сочиняли свои собственные сценарии по шаблону Второй мировой войны, как, например, капитан фрегата, который, как я слышал, вещал своей команде, когда аргентинская воздушная атака приближалась к Сан-Карлосу: «Помните, парни, когда они придут: устройте им ад!». А Джереми Ларкен, капитан флагманского корабля *Fearless*, сказал своей команде на мостике после того, как аргентинская бомба упала рядом: «В этом деле можно сказать только одно. Когда все закончится, и они снимут фильм, Роберту Редфорду не достанется ни одной роли». При этом его канадский штурман воскликнул: «А что насчет меня?!».¹

Выдающимся элементом этой прекрасной книги является ее честность в отношении слабостей и неудач SAS, а также их огромных достоинств и успехов. Полк опирается на устоявшуюся уверенность в своих силах, которая в 1982 году была подкреплена недавним штурмом иранского посольства в Лондоне - достижением, принесшим ему мировую известность. Седрик пишет: «SAS может вызывать почти физическую неприязнь у некоторых военных профессионалов, что отчасти, возможно, связано с недоверием британской культуры к элитарности, усугубляемым предположением, что нам потакают». Это правда. Полк обвиняют, иногда справедливо, в том, что он ведет себя как частная армия, его операции не имеют ничего общего с остальной частью кампании или развернутыми силами и не имеют никакого отношения к текущим делам их командующих. Во время перехода в Южную Атлантику Майкл Роуз, относительно молодой офицер, открыто заявил всем и каждому, включая таких корреспондентов, как я, о своем недовольстве адмиралом Сэнди Вудвордом, командующим военно-морской оперативной группой, а также о своей вере в то, что аргентинская армия - это сброд, который рассыплется «при одном хорошем толчке».

События доказали, что Роуз был в основном прав, но бригадный генерал Джулиан Томпсон, в высшей степени здравомыслящий офицер, командовавший 3 бригадой *Commando*, часто говорил мне: «Майк не

¹ Прим. перев. – Роберт Редфорд американец, на первых стадиях многие военнослужащие и общественность считали, что США от них отвернулись.

хотел соглашаться с тем, что мы - одномоментная сила, что мы должны правильно выполнить каждый шаг штурма островов. Если мы пробовали что-то рискованное и терпели неудачу, мы не могли просто вернуться и повторить попытку через месяц, как во Второй мировой войне». Британские войска, отвоевавшие Фолкленды, действовали великолепно, но им также необычайно везло. Здесь автор рассказывает ужасную историю подготовительной операции на Южной Георгии, когда разведчики SAS, действовавшие с помощью вертолетов и с моря были близки к потере всего эскадрона в метели на леднике Фортуна и о череде трагикомичных неудач при высадке на берег с лодок. Эти проблемы были устранены, когда все потерявшиеся были чудесным образом найдены, а аргентинский гарнизон капитулировал. Но, как с горечью пишет Седрик, «базовые навыки управления лодками... были подвергнуты серьезному испытанию в «дальнем конце» Антарктики и оказались недостаточными».

Он дает великолепный рассказ о своем опыте руководства последующим ночным рейдом на аргентинский аэродром на острове Пиббл, в ходе которого было уничтожено одиннадцать вражеских самолетов без потерь в живой силе. Эта операция была столь же блестящей, как и все те, которые SAS проводили в Северной Африке в начале Второй мировой войны. Вместе со своими коллегами из SBS (Специальной лодочной службы) Делвес и его люди действовали в качестве поддержки основной британской высадки в Сан-Карлосе 21 мая. После этого он возглавил первоначальную атаку на ключевую стратегическую высоту, гору Кент. Он пишет, что с учетом всего этого опыта, в манере, присущей всем воинам во всех конфликтах, «война по-прежнему остается на девять десятых устранением проёбов». На Фолклендских островах SAS воспользовалась преимуществами владения различными инновационными технологиями. Один из его людей сбил аргентинский штурмовик Pucara, что стало первым боевым применением американского ПЗРК Stinger. У них также были спутниковые радиостанции UHF-частоты, которые, по его словам, были «чудом для нас», контрастирующим с неуклюжей морзянкой. Благодаря щедрости Майкла Роуза, я надиктовал депешу напрямую со скованной льдом горы Кент в штаб SAS в Херефорде по голосовой связи, которая

была лучше, чем обычный телефонный звонок из Ньюбери в Лондон. Мое появление в сети связи SAS привело в восторг меня и моих читателей, но взбесило Министерство обороны.

Последняя операция SAS в этой войне, намеченная для отвлечения внимания атака на холм Кортли, что под Порт-Стэнли, с треском провалилась, что заставило Седрика думать тогда и писать сейчас: «Блядь, блядь, блядь». Штурмовой отряд оказался прижат сильным огнем противника. Автор признает, что операция «была проведена не так, как нам хотелось бы». По памяtnому выражению Артура Теддера, летчика, который в 1944-45 годах был заместителем Эйзенхауэра в Северо-Западной Европе, «война - это организованный бардак».

Операции SAS в двадцать первом веке по-прежнему окутаны официальной тайной, и на то есть веские причины. Отрадно, что Седрик Делвес, выдающийся офицер спецназа с огромным опытом, смог рассказать эту замечательную историю об одном из лучших часов его полка, восхищенным (а иногда и потрясенным) зрителем которого я был. Его книга - это прекрасная дань памяти его товарищам, погибшим в Южной Атлантике, и захватывающее повествование о необыкновенной кампании.

МАКС ГАСТИНГС

август 2018 года

Словарь

AAR - Заправка топливом по воздуху

AAWC - Управление противовоздушной обороной

AOA - Амфибийный оперативный район

ASW - Противолодочная борьба

AVTUR - Авиационное турбинное топливо

BAS - Британская антарктическая служба

Bergen - Рюкзак

C2 - Командование и управление

CAP - Боевой воздушный патруль

CASEVAC - Эвакуация раненых

CLFFI - Командующий сухопутными войсками Фолклендских островов

CO - Командир

COA - План действий

COMAW - Командующий амфибийной группой

COMCEN - Центр связи

COMMS - Коммуникации

CT - Контртеррористическая деятельность

Direct Action - Прямое действие

DZ - Зона высадки

ETA - Расчетное время прибытия

FARP - Передовой пункт вооружения и дозаправки

FCS - Система управления полётами

FIGAS - Государственная авиационная служба Фолклендских островов

FLEET - Штаб флота, Нортвуд

FLIR - Тепловизор

FMA - Зона обслуживания сил

FOB - Передовая оперативная база

HE - Взрывчатое вещество

IED - Самодельное взрывное устройство

ILLUM - Освещение

K - Километр

LAW - Легкое противотанковое оружие

LPD - Посадочный платформенный док

LS - Посадочная площадка

LSL - Десантный корабль логистики

LUP - Лежачее положение

LZ - Зона высадки

MFC - Наводчик минометного огня

MHE - Механическое погрузочно-разгрузочное оборудование

MILAN - Противотанковая ракета

MPA - Морской патрульный самолет

NBC - Ядерная биологическая химическая

NOTICAS - Сообщение о потерях

NVG - Очки ночного видения

OMG - Группа оперативного маневрирования

OP - Наблюдательный пост

ORBAT - Боевой порядок

OTX - Зарубежные учебные

PAX - Пассажиры

PTSD - Посттравматическое стрессовое расстройство

PW - Военнопленный

QRF - Силы быстрого реагирования

R&R - Отдых и восстановление

RAS - Пополнение запасов в море

RFA - Королевский вспомогательный флот

RHQ - Штаб полка

ROE - Правила ведения боя

SACLOS - Полуавтоматическое управление линии прицела

SAS - Специальная воздушная служба

SBS - Специальная лодочная служба

SEP - Сдавшийся персонал противника

SF - Спецназ

SHAR - Sea Harrier

SHQ - Штаб эскадрона

SITREP - Ситуационный отчет

SLR - Самозарядная винтовка

SSM - Старшина эскадрона

SSN - Атомная подводная лодка

STOL - Короткий взлет и посадка

STUFT - Корабли, изъятые из торгового флота

TACSAT - Тактический спутник [радио]

TEZ - Зона полного отчуждения

TFR - Радар слежения за рельефом местности

VERTREP - Вертикальное пополнение запасов судов с помощью вертолетов

WETREP - Отчет о погоде

WILCO - Будет выполнять требования

Благодарности

Идея книги была впервые подана Сюзи, моей любимой женой, которая умерла слишком молодой. У нее не было времени на фальшь, и ее никогда особо не волновала мистика, особенно когда она так явно была просто раздутым бредом. Идея обрела форму совсем недавно, после разговора с генералом сэром Майклом Роузом, моим командиром во время войны. Мы увидели, что история конфликта, мастерски написанная сэром Лоуренсом Фридманом уже раскрыла роль полка, но воспоминания из первых рук, опирающиеся на его записи, должны иметь свое место. Я признаю свой долг перед обоими: перед Сюзи - за оригинальную мысль и здравый смысл, перед Майком - за продвижение проекта, а также за его проницательность и воспоминания, на которые он опирается. А также дорогой Анне, без постоянной поддержки которой мало что было бы достигнуто. И Дэвиду Лайону, большому другу, который в этом проекте и на протяжении многих лет давал мудрые советы, мягко выявляя любые слабости и ошибки.

Для создания сюжета книги я опираюсь на мнения многих историков и аналитиков, писавших и говоривших о войне; среди них следует отметить Джулиана Линдси-Френча, который запомнился своей выразительной речью на ужине в честь 30-летия войны в Пэнгборне. Что касается высшего руководства кампании, то в повествовании использованы знания и впечатления, полученные в то время, а также беседы с Майком и многими другими людьми впоследствии. В остальном я опирался на «Официальную историю Фолклендской кампании, Том II» сэра Лоуренса Фридмана, как на признанный, авторитетный отчет.

Мало кто из нас вел дневник: это противоречило нашим боевым инструкциям. Поэтому рассказ опирается в основном на наши угасающие воспоминания; что касается Южной Георгии, то там, где это было необходимо, я дополнял свои воспоминания, обращаясь к исчерпывающе подробной книге Роджера Перкинса «Операция «Paraquet», бесценному отчету, написанному вскоре после событий. Крис Пэрри предоставил больше информации об эпических деяниях легендарного вертолета «Хамфри», включая полеты на ледник Фортуна.

Кроме того, он держал меня в курсе широкого круга вопросов, касающихся военно-морского флота. Я также благодарю его за то, что он пригласил нас с Дэнни Уэстом на ужин «Выжившие в кают-компании HMS *Antrim*», чтобы встретиться со старыми товарищами по кораблю. Я позволил себе записать пару из их историй.

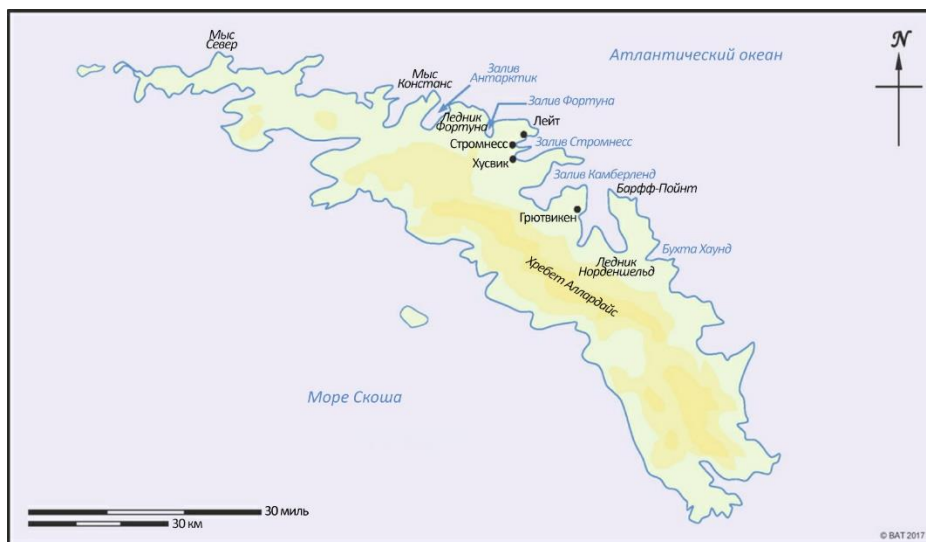
Многие члены эскадрона также оказали помощь. Главным среди них был Дэнни Уэст. Он всегда был готов дать совет, не в последнюю очередь по полковым вопросам, и в остальном поддерживал работу - так же, как он делал это во время войны. Джорди Вудс также не жалел сил, помогал составлять карту книги, используя свою феноменальную память. Бедняга Джорди умер, не дождавшись завершения. Грэм Коллинз, еще один член «головного звена» эскадрона, предложил типично недооцененный рассказ о своей и Нобби Кларка роли в поддержании нашего материально-технического обеспечения. Я прошу прощения у обоих за неадекватно слабое описание их невероятных усилий; это заняло бы целую книгу. Этот неисправимый свободный дух Карл Родс заставил меня всесторонне объяснить кажущуюся загадочную последовательность стрельбы из ПЗРК *Stinger*. Я не включил его в книгу, но беспрекословно воспользовался другими его воспоминаниями и предложениями о помощи. Рой Фонсека очень выразительно рассказал о событиях, связанных с его пленением. К счастью, аргентинцы вели себя достойно. С тех пор Рой встречался с некоторыми из своих похитителей, что является ярким примером примирения. Рою и всем «Веселым людям», каждый из которых с такой готовностью и щедростью предоставил не только эту книгу, но и все остальное, я выражаю свою благодарность, слова не могут передать моего восхищения их духом и бескорыстным чувством долга.

Мне посчастливилось получить руководство и поддержку от профессора Майкла Берли, выдающегося ученого и аналитика, еще одного свободного духа. Именно он познакомил меня с издательством Hurst Publishers. Майкл Дуайер из издательства Hurst взял книгу на себя, оказывая мне всевозможную помощь. Я не могу выразить ему степень своей благодарности за доверие к работе и практическую поддержку в доведении ее до зрелости. И сэр Макс Гастингс, в некотором смысле еще один соратник, мы вместе отважились на благое дело; я благодарю его

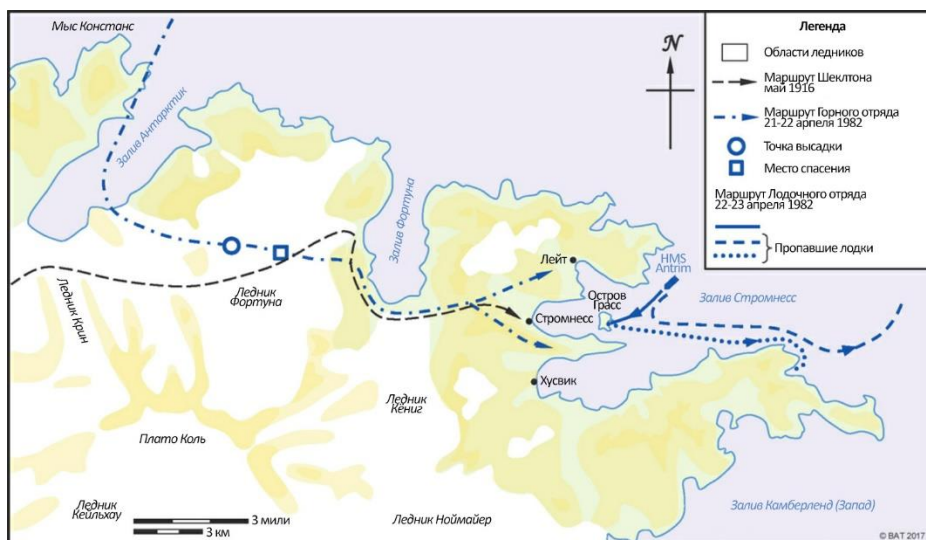
за самое пронизательное предисловие. Если с таким объемом помощи что-то в книге не получилось, то виноват может быть только один человек - я принимаю на себя всю ответственность.

Карты

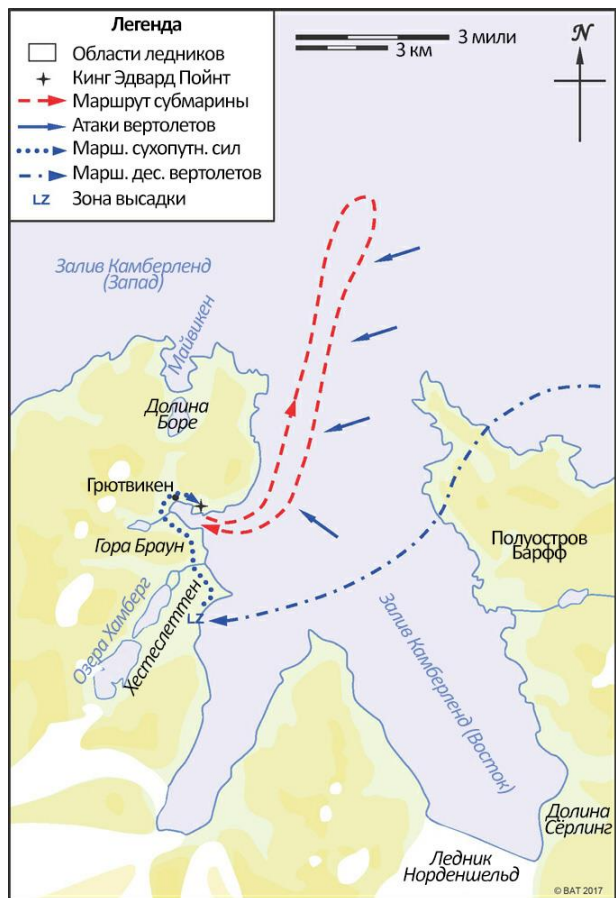
1: Южная Георгия, район операций, 21-27 апреля 1982 года.

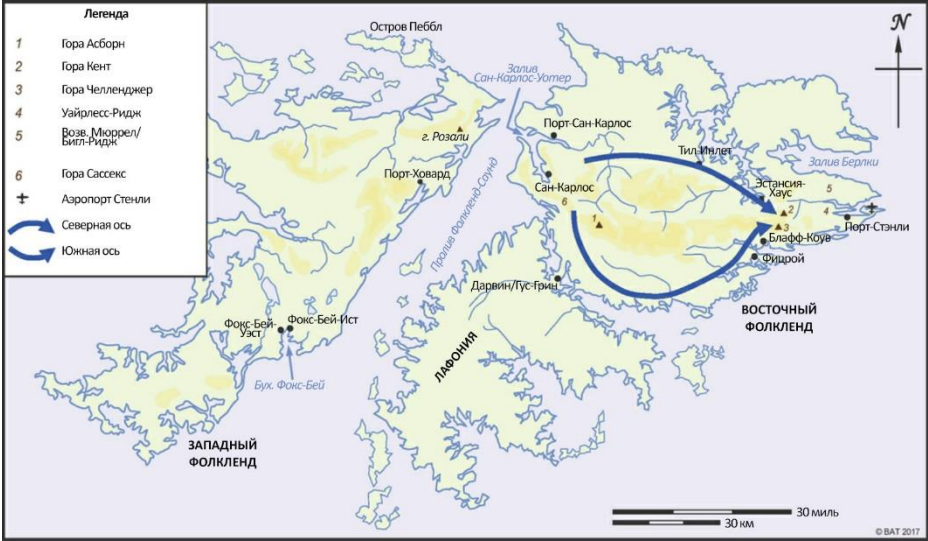
2: Разведка залива Стромнесс, 21-25 апреля 1982 года.

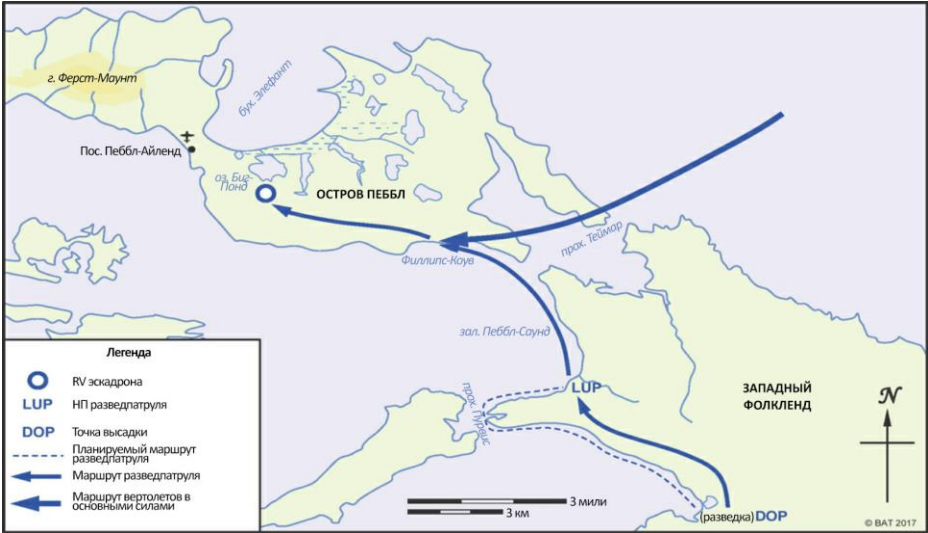
3: Штурм Грютвикена, 25 апреля 1982 года.

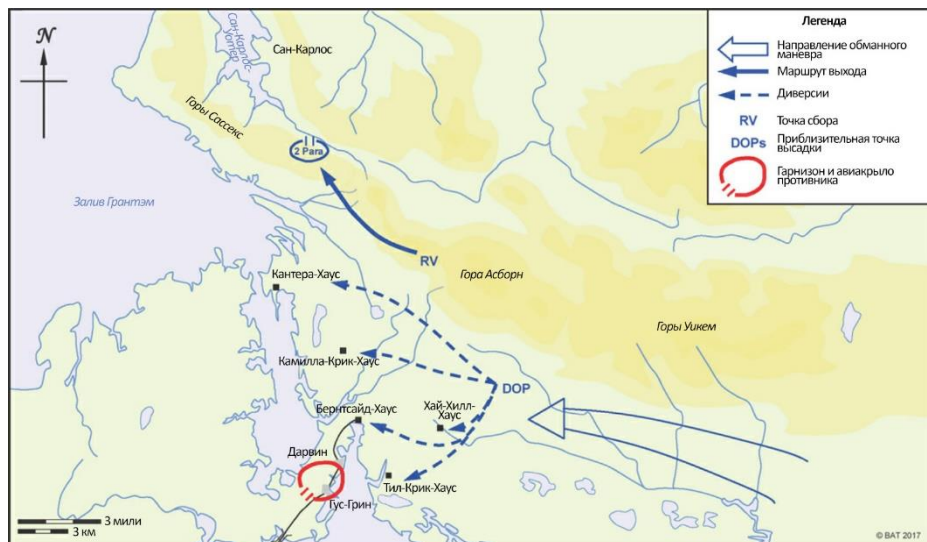
4: Район операций на Фолклендах, 11 мая–15 июня 1982 года.

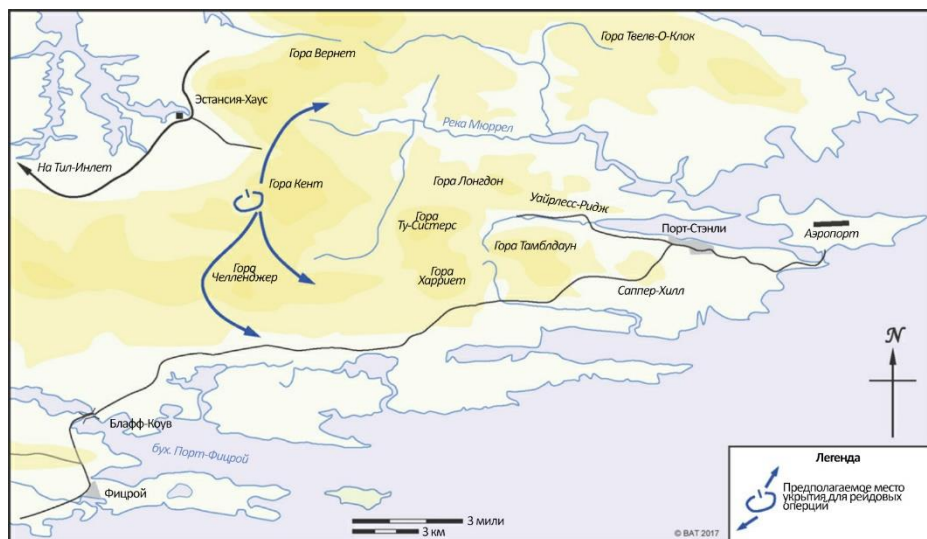
5: Остров Пebbл, 11–15 мая 1982 года.

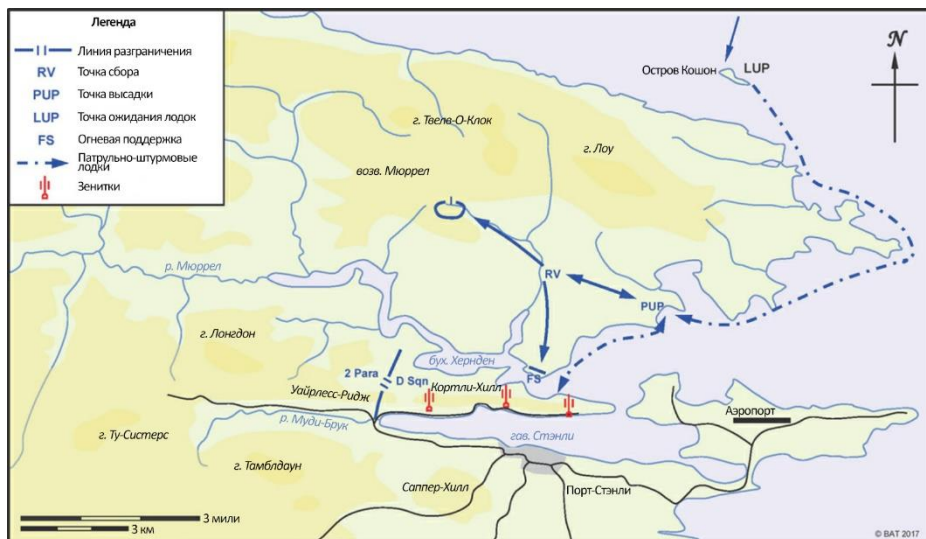

6: Диверсионные операции, ночь с 20 на 21 мая 1982 года.

7: Гора Кент, район операций, 24 мая - 3 июня 1982 года.

8: Последняя ночь, 14-15 июня 1982 года.

Пролог

Свет постепенно меркнет, серость переходит в темноту, когда авианосец HMS² *Hermes* начинает движение. Выйдя в открытое море, он и два корабля сопровождения вышли из-под защиты Оперативной группы, чтобы прорваться через зону патрулирования вражеских подводных лодок. Они направлялись к точке у северного побережья Фолклендских островов.

Это было 14 мая 1982 года. За месяц до этого Аргентина в результате неспровоцированного нападения захватила зависимые территории Великобритании в Южной Атлантике. В ответ Великобритания направила военные силы, чтобы освободить свой народ и вернуть свои острова.

Эскадрон SAS, которым я командовал, находился на борту авианосца. После того, как несколько дней назад эсминец HMS *Sheffield* был потерян в результате вражеской воздушной атаки, один из наших разведывательных патрулей отправился на берег, чтобы обнаружить одиннадцать вражеских самолетов на взлетно-посадочной полосе на острове Пибл. Патруль предоставил нам всю необходимую информацию для нанесения ответного удара. Авианосец передислоцировался, чтобы наши вертолеты оказались в пределах досягаемости. Провести рейд было нелегко. Одна только погода грозила превысить возможности людей и машин.

Штормовой ветер усилился с момента нашего отплытия, замедляя ход кораблей. Еще больше времени было потеряно, когда фрегат HMS *Broadsword*, один из кораблей сопровождения, был вынужден замедлиться еще больше, чтобы провести ремонт своего жизненно важного зенитно-ракетного комплекса, поврежденного бушующими волнами.

Мы ждали под палубой. Я курил уже третью сигарету за час, чувствуя беспокойство и слабость. Оглядываясь по сторонам, я чувствовал такое

² Прим. перев. - Расшифровывается как «Корабль Её Величества» (англ. Her Majesty's Ship) или «Корабль Его Величества» (англ. His Majesty's Ship) — префикс судов, используемый в названиях судов Королевского военно-морского флота Великобритании.

же напряжение у всех остальных, они разговаривали тихим тоном или сидели в стороне, погруженные в свои мысли. Я был близок к тому, чтобы все отменить. Тщательно рассчитанные границы допустимости ошибок постепенно уменьшались, пока почти ничего не осталось, а мы еще не ступили на берег. В этот момент мы все почувствовали, что корабль замедлил ход. Дверь открылась, морской офицер высунул голову и, кивнув в мою сторону, сказал: «Всем на верхнюю палубу, пожалуйста».

Военно-морской флот сохранил некоторые несколько устаревшие обычаи, вежливое «пожалуйста» было замечено и оценено.

Холод был лютый, ночь была густо-черной после ярких огней внизу. Летная палуба ритмично качалась вверх и вниз, ветер завывал, высасывая воздух из наших легких, и решительно толкал нас, словно желая перебросить через открытый край палубы в смертоносное море за бортом. Граница между жизнью и смертью казалась такой абсурдно тонкой.

Мы собрались на заранее намеченных вертолетных платформах, там, куда нас направили помощники, примерно напротив самолета, прикрепленного к палубе. Ветер, брызги и дождь заливали наши глаза. Порывы ветра рвали бергены на наших спинах. Мы удивлялись, как персонал летных палуб справляется со своими обязанностями, ведь их чувства одеревенели от жестокости ветра, дождя, соленых брызг и сильного холода.

Затем, когда мы уже собирались грузиться, нам сказали вернуться вниз; что-то связанное с топливом. Мы сделали то, что нам сказали, и задраили люки. Когда мы уходили, вертолеты начали оживать. Они поднимались и кружили над авианосцем, чтобы сбросить топливо. Пилоты и экипажи не могли подготовить воздушные суда во время перехода; летная палуба была закрыта, слишком опасно для работы. Любой, кто ступил бы на нее, мог быть сметен.

Вернувшись вниз, мы снова собрались со смесью смирения и неверия. Мы с трудом могли поверить в это. Это должно было случиться, но время вышло, отмена. Мы провели еще несколько быстрых подсчетов. Дело

выглядело не очень хорошо. Но, возможно, все еще может получиться, если все пойдет гладко, без задержек и заминок. Вскоре раздался вызов с предложением вернуться. Мы поднялись, чтобы встретить все, что Южная Атлантика и противник могут бросить на нас. Мы, вероятно, не успевали, но мы должны были попробовать.

ЧАСТЬ I: ЮЖНАЯ ГЕОРГИЯ

С оперативной группой: нащупываем свой путь

1. Преодоление кризиса

В начале 1982 года я командовал эскадром D 22-го полка SAS не более года. Ничто не предвещало, что через несколько месяцев мы будем воевать, и уж точно не в Южной Атлантике. Поэтому, как обычно, не имея войны, которую нужно было вести, эскадрон занялся подготовкой к войне. Для большинства военнослужащих британской армии того времени это означало подготовку к защите от Третьей ударной армии Советского Союза, угрожавшей тогда Центральной Европе. Но не для нас. Конечно, мы должны были предусмотреть возможность сражаться вместе с союзниками по НАТО, если Холодная война разгорится, но была большая вероятность того, что до этого нам придется выполнять другие задачи в других местах. Мы понятия не имели, где и что. Поэтому мы отправились в Кению, зная, что все навыки, которые мы там оттачивали, нужно будет скорректировать в случае необходимости использования в других местах.

Лоуренс Галлахер, старшина (SSM) эскадрона D, и я спланировали подготовку за шесть месяцев до этого. Мы полностью учли программу на оставшуюся часть года и характер военнослужащих. Она могла быть требовательной, граничащей с неудобностью, а иногда и просто кровожадной. Это было связано с «неустанным стремлением полка к совершенству», стремлением «всегда пройти немного дальше».³ Мы должны были вечно стремиться к вершинам, достигая одной цели, возможно, только для того, чтобы сразу перейти к следующей. Военнослужащие были полностью захвачены этой философией. И если этого давления было недостаточно, мы не ставили монополию на хорошую идею. Всех поощряли высказывать свои мысли, независимо от звания; любое сомнительное на первый взгляд решение можно было

³ Взято из стихотворения «Золотая дорога в Самарканд» Джеймса Элроя Флекера и принято послевоенной SAS для воплощения ее философии.

оспорить. Действительно, иногда казалось, что все и вся оспаривается как само собой разумеющееся или из чистой вредности. Солдаты хотели только лучшего, а компромисс SAS не устраивал. Неустанные стремления заставляли всех нас быть в напряжении, особенно офицеров, а у старшего сержантского состава были дополнительные, менее формальные способы удержать инакомыслие на комфортном уровне. В этом плане очень помогло то, что именно Лоуренс был старшиной.

Он пришел в полк пятнадцать лет назад из 9 парашютного эскадрона Королевских инженеров. Это будет иметь значение для всех, кто знаком с британской армией, поскольку 9 эскадрон имеет репутацию. Инженеры парашютного эскадрона, они жесткие, трудные, ими немного тяжело командовать, но на операциях они просто вдохновляют. Лоуренс тоже был жестким, но в своем роде покладистым гигантом. Человек с мягким, солнечным нравом, он любил американскую музыку кантри и большую часть времени напевал ее. Он обладал авторитетом. Бесконечно справедливый, он всегда видел в людях хорошее, что проистекало из его природного обаяния и оптимизма. Все относились к нему с большим уважением. Он им нравился, и они принимали то, что он говорил, но не из-за его звания. В SAS такого никогда не было. Они действовали в соответствии с тем, что он говорил, потому что это исходило от него, человека с большим авторитетом в более широком, полковом смысле. Его поддержка была очень полезной. Он с нетерпением ждал наступления года, который начинался в Кении. Ему это особенно нравилось - начинать новый год в теплом климате. К сожалению, это мероприятие оказалось не таким эффективным и не таким веселым, как мы предполагали.

Эскадрон недавно завершил период выполнения обязательств перед НАТО, перейдя к периоду «ожидания» для операций по всему миру. К концу года мы должны были принять на себя высокую роль по борьбе с терроризмом. Террористическая угроза имела тенденцию усиливаться. Требовались решительные усилия, чтобы переключить наше внимание на что-то другое. Зарубежные учения в Кении были призваны помочь отточить ряд навыков, которые можно было бы приспособить в случае возникновения кризиса и выяснения его специфики. Однако учения

никогда не были разделены на части. Оперативные навыки перетекают из одной области и дисциплины в другую.

Все четыре отряда эскадрона специализировались на определенном способе проникновения в оперативный район. Они были названы соответствующим образом: воздушный, лодочный, горный и мобильный (по сути, специализирующийся на транспортных средствах).

Существовала определенная степень оперативной совместимости.

Например, лодочный отряд лазил по горам вместе с горным, чтобы они могли преодолевать скалы. Мобильный отряд поддерживал некоторые навыки воздушного, и наоборот. А условно смежные вопросы могли быть переданы тому отряду, который предположительно лучше или наиболее подходящий: например, воздушный отряд обладал определенным опытом в области зенитного оружия, а лодочный - способностью к подводному плаванию. Естественно, была и общая для всех воздушно-десантная подготовка, включая столь нелюбимые всеми прыжки с принудительным раскрытием.

Учения начнутся со специализации на уровне отрядов, чтобы вывести их на хороший рабочий уровень. После этого будет отработано обращение с более тяжелым оружием, с которым работают в парах и более, прежде чем приступить к расширенным боевым стрельбам. Кульминацией подготовки станут изнурительные двусторонние учения. Основное внимание должно было быть уделено прочному усвоению основ, без которых будет практически невозможно приспособиться к непредвиденным обстоятельствам.

Все шло достаточно хорошо до последнего упражнения. Проблема возникла из-за моего решения. В ходе учений эскадрон должен был выдвинуться на местность двумя отрядами по обе стороны от предполагаемого района действий партизан; для этого мы использовали отдаленный племенной район. Это нагружало оба отряда приличным марш-броском на расстояние около двадцати миль, и давало много возможностей для отработки навыков патрулирования и выслеживания. Ошибка заключалась в том, что нужно было прыгать с принудительным раскрытием - способ, который мы должны были поддерживать на должном уровне. Но зона высадки находилась на высоте около 5000-

6000 футов над уровнем моря, температура воздуха была около 70 градусов по Фаренгейту.

Жара и высота плохо сочетались с используемыми в то время парашютами, которые были ненамного лучше тех, на которых прыгали наши основатели в 1940 годах. Несмотря на это, я чувствовал себя обязанным выполнить десантирование с воздуха, не в последнюю очередь потому, что ВВС предоставили нам C130 именно для этой цели. Я видел, что Лоуренс был недоволен, но он тоже понимал, что время от времени мы должны это делать. Результаты были катастрофическими, потери превысили 33 процента. К счастью, ничто не угрожало жизни, но, тем не менее, несколько травм были серьезными: один солдат угодил в куст верблюжьей колючки, а затем его вытащили из него, причем колючки были от двух до трех дюймов, похожие на стальные шипы.

Мне также удалось получить травму обеих лодыжек. Рентгеновский снимок, сделанный много лет спустя, показал мелкие наросты на кости. Они уже никогда не были прежними. Из-за этого я пролежал около недели и прихрамывал большую часть начального периода предстоящей войны. Никто из нас не сообщал о травмах, предпочитая оставаться в строю, не желая пропустить что-либо, если оно появится во время нашего пребывания в резерве. Кроме того, у нас в эскадроне было много патрульных медиков, большинство из которых очень хотели попрактиковаться в своих сомнительных медицинских навыках. Одним из их любимых лекарств в то время был «Тигровый бальзам» - удивительно эффективная мазь для снятия боли в мышцах, которую полк приобрел на Дальнем востоке во время службы на Борнео. Если дела шли совсем плохо, можно было опереться на персонал полкового медицинского центра. Они знали, что нужно делать, когда настаивать, а когда позволить нам заниматься самолечением.

Что касается развлечений, то постоянные стычки с командиром британского вспомогательного персонала учебного центра, базирующегося в Найроби, подпортили их. Он не столько отказывал в помощи, сколько оказывал ее неохотно. Его люди были готовы, но он задавал недоброжелательный тон, его враждебность порождала неуверенность среди них. Выявить его недовольство оказалось

непросто. Возможно, он просто пришел таким - человеком с занозой в плече. Конечно, мы ему сразу же разонравились. Так и случилось.

SAS может вызвать почти физическую неприязнь у некоторых военных профессионалов, возможно, отчасти из-за недоверия британской культуры к элитарности, усугубляемого ощущением, что нам потакают, что нам сходит с рук то, чего не сходит другим, что нам дают оборудование, которого у них не было и которому они завидовали. Возможно, их неприязнь имела под собой некоторые основания, которые, по иронии судьбы, перекликались с нашими собственными чувствами. С тех пор как два года назад полк стал известен общественности во время осады⁴ иранского посольства, он подвергся всевозможной раздутой, гипертрофированной героизации. Можно было ожидать, что это плохо отразится на коллегах, чье собственное место и вклад могут быть упущены или уменьшены в сравнении. Хуже того, постоянное мельтешение могло подточить нашу собственную предпочтительную скромность, нашу потребность в некоторой неизвестности.

К счастью, более мудрое руководство полка продолжало считать, что в идеальных обстоятельствах не должно быть необходимости в спецназе; регулярные силы должны были все перекрыть. Но всегда существовали пробелы в охвате, и тогда SAS приходилось заниматься тем, что входило в сферу его компетенции. Среди этого можно отметить сбор информации, атаки как на физическую, так и на психологическую «глубину», а также действия на периферии, где обычные военные возможности уступают возможностям других регулярных и нерегулярных служб безопасности.

Действительно, можно сказать, что одной из основных, не оговоренных официально обязанностей SAS является поиск и устранение пробелов в наших обычных возможностях. Но высокомерие, реальное или мнимое, могло помешать достижению этой цели, ослепляя нас самих и отговаривая других от обращения к нам. Это требовало постоянной

⁴ В мае 1980 года SAS при поддержке городской полиции успешно штурмовали посольство Ирана в Лондоне, чтобы освободить заложников, захваченных шестью вооруженными террористами.

бдительности, поскольку даже вполне респектабельные уверенность в себе и чувство собственного достоинства могли быть неправильно истолкованы. Чтобы все шло хорошо, мы должны были «вписаться», быть терпимыми, если не принимаемыми: нелегкое дело, когда смысл существования полка заключался в оспаривании ортодоксальности, поиске того, что другие могли упустить или не обратить на это внимание. Должное смирение помогало.

Всегда будет трудно предсказать будущие пробелы в возможностях. Принимая это, а также то, что наше дальнейшее существование зависело от способности быстро удовлетворять неожиданные потребности, SAS была настроена на перемены. По замыслу или бездействию, в то время мы находились в «состоянии постоянного непостоянства», как мне нравилось об этом думать. Полк действовал с большой свободой действий. Тогда у него было довольно чистое поле, не было других сил специальных операций ни справа, ни слева. Он мог свободно перемещаться, не ограничиваясь организационными рамками. Действуя практически в одиночку в пределах широкой зоны интересов, он мог отслеживать риски и угрозы, корректируя свои действия по мере необходимости.

Так, одно поколение SAS могло действовать в джунглях Малайзии и Борнео более или менее независимо, другое - в Дофаре, тесно сотрудничая с иррегулярными силами султана Омана, основанными на племенах, с акцентом на гражданские вопросы, а поколение 1980 - на борьбу с терроризмом, в основном в поддержку полиции и других гражданских сил. Естественно, задачи были более многослойными, особенно с учетом наших обязательств перед НАТО. SAS могла так быстро реагировать на изменения, что иногда казалось, что она опережает события. Это требовало определенного оппортунизма со стороны спецназа и активной поддержки со стороны верховного командования, способного выделять ресурсы, терпеть и даже поощрять необходимые и часто неудобные отступления от нормы. Это была неопределенность по замыслу, поощрение подлинной оригинальности, истинного несоответствия, далекого от противопоставления. Лучшими операторами SAS были те, кто основывался на дисциплинах традиционной военной службы или других вооруженных сил, способные

определить, когда, где и как отступить от стандартной практики. Руководство полка должно было уметь читать общую стратегическую и оперативную картину, видеть, как спецназ может адаптироваться, чтобы расширить возможности обычных войск.

По мере того, как разворачивалась грядущая война, этот необходимый оппортунизм и сопутствующая ему легкость в исполнении задач порождали трения. Определенному типу солдат и морской пехоте было некомфортно, что, вероятно, было неизбежно. Морская пехота, естественно, с подозрением относится к «свободному оружию». Их воспитывали в духе того, что «развязанности» не место на борту кораблей Ее Величества. Возможно, этим отчасти объясняется их глубоко укоренившаяся дисциплина, терпение и феноменальная стойкость. В отличие от них, наши постоянные, срочные перестановки, чтобы выйти из догм и заняться поисками других способов внести свой вклад, должно быть, вызывали у некоторых из них глубокое беспокойство, слишком легко воспринимаемое как самозабвенная недисциплинированность. По иронии судьбы, это не беспокоило ВМС - ту самую службу, которая на протяжении сотен лет прикладывала руку к формированию морской пехоты. Флот просто принимал нас такими, какими мы были, особенно это касалось подводников. Им, похоже, было вполне комфортно с ответственными «частниками» рядом, помогающими общим усилиям.

Все это возможно. Однако, мы так и не узнали, что конкретно беспокоило командира учебного центра в Найроби. Он не был подводником; и уж точно не имел ни малейшего представления о спецназе. Но он знал, что мы ему не нравимся; возможно, это был конкретно я. Однажды я спросил, хорошо ли он себя чувствует, не сходит ли с ума, не слишком ли долго находится на «солнце». Это произошло в тот памятный случай, когда он бросился ко мне через стол, схватившись за голову, и прорывал, что это проблема армии: «неповиновение», а затем стал объяснять, что мы все должны быть больше похожи на Императорскую японскую армию 1930-1940 годов, «послушную до последнего приказа». Что ж, обычный японский имперский солдат мог быть страшно храбрым, но я не хотел, чтобы меня причисляли к их командному духу, и вежливо сказал ему об этом. Кроме того, мне не было известно, что я не выполнил ни одного его банзай-приказа.

Возможно, он не был в восторге от относительно недавнего интереса британской армии к «управлению операциями», которое подразумевало не то, как выполнить задание, а то, чего нужно достичь, оставляя их самих решать, как это сделать, используя имеющиеся возможности. Это основывалось на том, что война нечистоплотна, что все редко идет по плану, и в конечном итоге все зависит от отдельных лиц и групп на местах, проявляющих собственную инициативу для решения вопросов. По сути, «управление операциями», или *Auftragstaktik* (эта техника была центральной в немецком способе ведения войны с XIX века), стремилось поощрить инициативу как организационный подход к «хаосу», целенаправленно используя его для достижения высоких целей. Метод требует, чтобы люди были готовы принять на себя ответственность, даже стремились к ней, при необходимости разбирались сами и всегда шли к общей цели. В ближайшие месяцы будет много *Auftragstaktik*.

Во время первого эфира 19 марта мы, как и большинство других людей, не очень понимали значение высадки аргентинских сбросчиков металлолома на Южную Георгию без лицензии. В какой-то степени дипломатические тонкости и юридические последствия прошли мимо нас. Все это выглядело как пустяк. Мы не придали этому значения, обратив внимание на приближающийся тур по борьбе с терроризмом. Вторжение на Фолкленды 2 апреля было совсем другим делом. Это действительно сильно поразило. Вместе с большей частью страны мы были потрясены кадрами, пришедшими из Стэнли. Вид бойцов Королевской морской пехоты, лежащих на земле, над которыми возвышались те, кого мы приняли за аргентинский спецназ, был почти невыносим. Мы не могли не заметить, что у аргентинцев было какое-то удобное на вид снаряжение. Но, несмотря на беспристрастный профессиональный интерес, самой сильной реакцией было возмущение. Может быть, у нас и не все гладко, но это было уже слишком.

Вернувшись в Херефорд, Ян Крук, или «Жулик», офицер оперативного отдела полка, и я стояли под моросящим дождем, обсуждая ситуацию и наше возможное место во всем этом. Мы и не думали уходить в тепло. У нас были мысли только о том, как мы можем внести свой вклад в отпор, который обязательно нужно дать. Командир делал все, что мог, но до

нашей базы в Херефорде доходило мало указаний. Что же делать? Сидеть сложа руки не представлялось правильным. Поэтому мы начали делать то, что любой человек, находящийся в оперативной готовности, сделал бы в критической ситуации. Мы начали доставать нужные карты и аэрофотоснимки, сортировать снаряжение и заполнять все пробелы в нашем боевом порядке (ORBAT).⁵ Это включало возвращение Дэнни Уэста в эскадрон. Многие члены эскадрона D находились в отставке - обычная ситуация, например, в резерве, или в НАТО, или на длительных карьерных курсах. Все они хотели вернуться. Несколько человек получили место, и мы довели наши четыре отряда до полной численности. Но, если я имел к этому какое-то отношение, Дэнни всегда приходил в качестве второго командира эскадрона, чтобы подменить меня, если это станет необходимым.

Дэнни был мудрым, здравомыслящим, очень сообразительным, серьезным и опытным офицером SAS. Он родился и вырос в Глазго, начал свою карьеру в SAS, служа в 264 эскадроне связистов, а затем был переведен в эскадрон D, где проявил себя как первоклассный арабист. Он владел не только арабским языком, но и местным диалектом Дофар. Именно там я впервые встретил его, восемь лет назад в Дофаре, самой южной провинции Омана, граничащей с Йеменом. Мы вели там войну против коммунистических повстанцев. Операция «STORM» была вкладом SAS в то, что стало считаться образцом борьбы с повстанцами. Наша роль заключалась в работе с иррегулярными силами султана. Многие из них ранее сражались на стороне противника. Сдавшийся вражеский персонал, мы знали их как «фиркуат», каждая группа базировалась в своем племенном районе. Мы хорошо ладили, SAS и «фиркуат», разделяя глубоко укоренившиеся черты характера. Они были жесткими, храбрыми, независимо мыслящими, иногда с ними было трудно обращаться, но они были верны нам и абсолютно преданны султану, которого все мы считали «боссом».

⁵ Произносится как «or bat» и означает иерархическую организацию, командную структуру, численность, расположение личного состава и оснащение частей и соединений вооруженных сил.

Дэнни всегда знал, как извлечь максимум пользы из своих «фиркуат». Он восхищался благородством их духа. Они отвечали ему взаимностью, уважая его за открытость, честность и очевидную преданность им. Он разряжал любую ситуацию с помощью мудрости и хорошего юмора. Я чувствовал, что мы можем ввязаться в еще одну тяжелую битву, которая может стать ужасной. Многие обладали необходимыми боевыми навыками, но у Дэнни было нечто большее. У него было то духовное дополнение, которое показывает разницу: отлаженный моральный компас. Кроме того, они с Лоуренсом были близки, мы трое были друзьями. Добавьте сюда еще двоих друзей: Грэма Коллинза, который заботился о нашем материально-техническом обеспечении, Джорди Вудса, который занимался связью, и «головное звено» эскадрона было очень надежным.

Тем временем «Жулик» тоже занимался своими делами. Насколько нам было известно, он взял на себя обязанность организовать наше раннее выдвижение к острову Вознесения, очевидному перевалочному пункту на полпути через Атлантику. Майк Роуз, наш командир, еще не определил нам конкретную роль, проводя большую часть времени в дороге, объезжая такие места, как Плимут, посещая 3 бригаду Commando⁶, чтобы не упустить нас из виду при формировании оперативной группы. Но всем было очевидно, что если будет война, то SAS должны быть там, чтобы служить в качестве «множителей силы», как американцы из НАТО тогда любили называть спецназ. Это было полезное выражение, вполне подходящий способ рассматривать наше место в крупных операциях. Это означало, что от «поддерживаемых» регулярных войск ожидалось, что они будут выигрывать войны, не заканчивающиеся тотальным ядерным конфликтом, но разумное использование «поддерживающих» сил спецназначения может помочь. Мы понимали и полностью принимали смысл того, что наша функция заключалась в дополнении, расширении возможностей других.

⁶ Прим. перев. - 3 бригада специального назначения (англ. 3 Commando Brigade) — воинское формирование специального назначения Королевской морской пехоты Великобритании.

Таким образом, Ян, вероятно, был скорее прав, чем виноват, что выдернул нас как можно скорее. Ибо, каким бы ни был конечный план более высокого уровня, он, несомненно, должен был включать в себя какую-то форму передовых сил спецназа. Кроме того, по мере развертывания кампании должны были появиться и другие вещи, выявляющие «пробелы» в охвате регулярных войск. Непосредственный приоритет казался ясным: продвинуться как можно дальше вперед, как можно скорее, чтобы помочь подготовить путь.

Тем не менее, меньшая поспешность могла бы привести к тому, что война для эскадрона сложилась бы по-другому. Эскадрон G был официально введен в строй вскоре после нашего отъезда, после более взвешенного, исчерпывающего процесса формирования и планирования сил, чем наш. G регулярно тренировались в Норвегии в течение зимних месяцев, их роль в НАТО приводила их в эти северные регионы вместе с Королевской морской пехотой. Они были экспертами по Арктике, горному холодному климату и были знакомы с работой 3 бригады коммандос. Эскадрон D был ориентирован на Средиземноморье, на южный фланг НАТО, и это было совершенно другое направление.

D, возможно, придется справляться с горами и холодной погодой. И у нас были наши эксперты по горам, среди которых Лофти Арти, недавно вернувшийся из успешного путешествия на Эверест. Были и другие, в том числе выпускники знаменитого немецкого курса горных гидов. В целом, из всех имеющихся эскадронов SAS, G, вероятно, был лучше подготовлен, чем D, к предстоящим испытаниям в непосредственной близости от Антарктики. Но судьба может распорядиться по своему усмотрению, что и произошло с нами.

Мне удалось поймать Майка Роуза перед нашим отъездом, за мгновение до того, как автобусы должны были отправиться на базу BBC Бриз Нортон. Он был в своем кабинете, разговаривал по телефону. Дела у нас не могли идти хорошо, совсем нет. Что-то происходило, что-то, что его взволновало. В конце концов, он закончил разговор. Это была его жена Анжела; речь шла об офицерской столовой. Вскоре он ввел меня в курс дела, рассказав о дизайнере интерьера из непонятного центрального департамента общественных работ, который настаивал на

«неподходящем ковре» для этого места. Он и Анжела были правы. Ковер, в конце концов, появился в здании, и оказался поистине ужасным, с аляповатым, пестрым узором, призванный скрыть следы интенсивного пешеходного движения, что он и делал с ужасающей эффективностью. Он был положен во время войны, потому что, когда определенные организационные механизмы приходят в движение, их уже не остановить. Он оставался там во всей своей захватывающей, визуальной силе в течение многих, многих лет; пока 22 полк SAS не переехал на другой конец города, оставив его позади.

В конце концов, мне удалось вклиниться, объяснив, что мне пора, если мы хотим успеть вылететь из Бриза на остров Вознесения.

- О, да. Конечно, идите. - Я дошел до двери, но не далеко.

- Подождите. Я лучше расскажу вам, что делать, на что обратить внимание.

Это было не так просто, как может показаться, поскольку, как мне было известно, не существовало разработанных или отрепетированных планов более высокого уровня на этот случай. Крупномасштабное национальное планирование на случай непредвиденных обстоятельств было сосредоточено на НАТО, поддержании открытых североатлантических линий связи и борьбе вместе с союзниками на Центральном фронте. Наша подготовка трех служб отражала эту давнюю стратегическую позицию. Предстоящая кампания должна была подвергнуть серьезному давлению наши оборонные предположения: сухопутная армия была оптимизирована для континентальной, бронетанковой войны, флот - для поддержания открытых морских путей в Северной Атлантике, ВВС - для операций с укрепленных, стационарных баз, и все мы находились в непосредственной близости от национальных линий снабжения. Вместо этого на всех уровнях три службы будут бороться с неопределенностью, связанной с проецированием сил на 8000 миль вниз по Атлантике, через суровую южную зиму, только для того, чтобы начать атаку с моря на противника на суше, находящегося на полностью подготовленных позициях.

Если бы все это не было достаточно сложным, у нас также практически не сохранилось информации о крупных десантных операциях, которую можно было бы использовать. То, что когда-то было известно, поблекло, было утеряно или забыто. Но мы все держались за одну уверенность: необходимость продемонстрировать национальную решимость. В тот момент мы, возможно, не были полностью готовы физически или концептуально, но моральный дух был именно там, где нужно. Мы бешено рвались в бой. Да, я осознавал важность момента, был заинтригован и взволнован тем, что может произойти. Действительно было ощущение истории, предчувствие того, что мы стоим на пороге важных событий.

- Есть блокнот?

- Ага.

- А карандаш? - Я кивнул.

Он начал с «Прямых действий». Я даже записал.

Так получилось, что это была первая из трех наших общих ролей. Эти слова написаны в верхней части первого слайда диафильма, который показывают для объяснения роли 22 полка SAS посетителям. Они касались спектра деструктивной деятельности, которой может заниматься полк: саботаж, подрыв, налеты и тому подобное. Ниже шла «Информационная отчетность», уже наоборот: скрытое наблюдение, разведка и тому подобное. Конечно, я это знал. Я не стал записывать. Что дальше?

Я знал, что третья, стандартная роль будет сложной, поскольку она предполагала операции с местными и иррегулярными силами, партизанами, подобную работу мы проводили в Дофаре с «фиркуат». На наших южноатлантических территориях, где жили целых три тысячи выносливых людей, находящихся под оккупацией, и бесчисленная армия пингвинов, которым было все равно на наши дела и в основном уходящими на зиму в море, таких возможностей было не так много, если они вообще были. Но Майка было не остановить. Мой карандаш застыл в напряженном ожидании. На этот раз, это должен быть тот самый,

уникальный, определяющий «множитель силы». Вклад, за который нас запомнят, возможно, прославят. Перед тем, как это произошло, возникло микроскопическая заминка:

- Специализированная помощь в амфибийных операциях! - произнесено с пышным торжеством и широкой ухмылкой «попадания в точку».

Я затолкал поглубже все мысли о ковре в офицерской столовой. Эскадрон руководствовался «управлением операциями» в чистом виде. И с этим эскадрон отправился на войну. Кто может просить о большем?

Девятичасовой полет до острова Вознесения на самолете VC10 прошел без происшествий, это дало время подвести итоги. Мы были в полном составе, в основном здоровы, за исключением случайных травм, полученных в Кении. Отсутствие оперативной ясности не вызывало особого беспокойства. Это были первые дни. У нас было достаточно дел, чтобы начать действовать. Что-нибудь да найдется. Командир работал над этим на своем уровне. А мы должны были искать возможности на своем уровне. Мы получили практически свободный доступ к оружию и снаряжению: все привычное и знакомое оружие и снаряжение, а также горстка того, что не было ранее, включая ПТРК MILAN. Я записал, чтобы мы нашли время потренироваться с плохо знакомым вооружением, желательно на острове Вознесения, перед отправкой. Помимо нашего собственного снаряжения и боеприпасов, наши американские друзья из спецназа, среди которых особо выделялся отважный Баки Буррусс, уже предоставили кое-что самое современное, в частности, четыре или пять тактических спутниковых радиостанций (TACSAT).

Для нас UHF TACSAT был чем-то удивительным, но не для ВМС, они скорее забеспокоились, когда узнали, что у нас он есть. Они знали, как легко можно засечь UHF-комплекты при передаче. И они также понимали, что это может помешать корабельному оружию и сенсорным системам. Неудивительно, что они поставили разумные условия для его использования. TACSAT позволяла нам общаться в режиме реального времени на расстоянии тысяч миль, причем разговор велся по мере того, как человек говорил. Это был почти непостижимый прогресс по сравнению с нашей стандартной патрульной связью, которая полагалась

на автономное шифрование сообщений, передаваемых по HF-связи с использованием ручного ключа Морзе. Нам пришлось бы продолжать использовать HF-связь до конца войны, поскольку у нас было слишком мало TACSAT для других, кроме основных командных узлов. Но это предвещало будущее.

Возможность передавать речь из одной точки земного шара в другую с помощью портативного устройства стала настолько обыденной, что вызывает лишь раздражение, когда прием может прерваться. В те времена нам пришлось научиться использовать эту разработку с предельной осторожностью, чтобы, например, не обойти формальную систему командования ВМС, которую мы могли легко опередить. Бывали моменты, когда Херефорд и наш штаб в Лондоне узнавали о потере корабля за много часов до самого главнокомандующего флотом. Часто мы сидели на такой информации. Аналогичным образом, это позволяло высшему командованию напрямую обращаться к подчиненным, что грозило ослаблением инициативы на более низких уровнях. Мы научились уменьшать и эти риски.

В течение войны я старался быть недоступным для многих рутинных вызовов TACSAT. Командующий, большую часть времени находившийся на HMS *Fearless*, и оперативный офицер в Херефорде все равно сами вели большую часть переговоров. Они обсуждали вопросы, представляющие значительный интерес, но не имеющие прямого отношения к нам. Поскольку мне предстояло сойти на берег в тылу врага и, возможно, попасть в плен, я решил, что чем меньше я буду знать, тем лучше. Трудно раскрыть то, чего не знаешь. Не думаю, что они замечали мое отсутствие. Они никогда не упоминали об этом.

Мы предполагали, что американцы должны были прослушивать наши конференции TACSAT. Доступ к трафику спецназа мог дать представление о мышлении и деятельности Великобритании на уровне кампании. Мы делали все возможное, чтобы защитить наши разговоры, маскируя их завуалированной речью. По мере развития войны и все более открытой поддержки со стороны США мы становились соответственно менее обеспокоенными, но никогда не теряли бдительности.

Когда мы вылетали на остров Вознесения, по бортовой громкоговорящей связи самолета раздался голос канадца, капитана VC10. Он пожелал нам всем добра, успехов и благополучного возвращения. Это был удивительно трогательный момент. Он дал нам понять, что мы не одни. Все хорошие люди должны быть с нами. Была совершена ужасная вещь, и ее необходимо исправить. Эта уверенность несколько ослаблялась по мере того, как Соединенные Штаты предпринимали свои дипломатические усилия. Некоторые ошибочно усматривали параллели с Суэцем, когда США по понятным причинам выступили против нас. Но мы все знали, что все должно быть по-другому, что причина совершенно благородная. Администрация президента Рональда Рейгана, вероятно, должна была убедиться, что США исчерпали все возможности, прежде чем открыто поддержать применение нами силы.

В конце концов, из арсенала США стали поступать всевозможные полезные вещи, некоторые из которых были доставлены нам через Херефорд благодаря нашим близким и дорогим друзьям из спецназа. Это было одобрено на высшем уровне самим министром обороны, Каспаром Уайнбергером. Год или более спустя у меня была возможность проинформировать его о нашем опыте. В то время вооруженные силы США приступили к реализации всеобъемлющей программы «возрождения» - их термин. Это включало и Силы специальных операций, и они были заинтересованы в изучении нашего опыта. Я воспользовался случаем, чтобы поблагодарить его в конце брифинга. Он одарил меня одной из своих лукавых, слегка застенчивых улыбок, не придавая этому значения. Он был настоящим джентльменом, верным другом Соединенного Королевства.

2. Выдвижение вперед

Остров Вознесения был жарким, солнечным и ярким до рези в глазах. В нем ощущалось присутствие воды. Тяжелую тишину разбавлял слабый шепот ровного, нежного бриза, отягощенного теплой влажностью окружающего синего океана. Сквозь знойную дымку по мерцающей взлетно-посадочной полосе аэродрома изредка проносился приглушенный звук автомобиля или аэродромной техники. Мало что двигалось. Это было не совсем то, чего мы ожидали, но тогда мы и не знали, чего ожидать. «Жулик» сказал нам, что мы должны добраться до острова, чтобы дожидаться военно-морского корабля типа *RFA Fort Austin* и подняться на его борт. Вскоре мы научились ценить Королевский вспомогательный флот и его корабли. Они делали все возможным тем самым негласным способом, который присущ лучшим логистическим организациям. Они были незаменимы, казалось, всегда оказывались в нужном месте в нужное время, оказывая жизненно важную поддержку: топливо, продовольствие, боеприпасы; то, без чего все дело могло бы встать.

Нас с Дэнни направили к ангару, расположенному сбоку от ВПП. Там мы обнаружили лейтенант-коммандера Королевского флота, сидящего за важнейшим элементом британского военного экспедиционного оборудования - шестифутовым разборным столом. Он выглядел так, словно в любой момент может рухнуть, несмотря на то, что на нем помещалось не более чем почти пустой поднос с парой листов бумаги, придавленных куском местного лавового камня. Это был он, самый передовой элемент нашего военного ответа на подлый акт агрессии Аргентины, самое острие наших сил возмездия, выходящих из Великобритании: складной стол, установленный так, чтобы на него попадало солнце, но не слишком много, и обдувал ветерок, но не самый сильный.

Мы объяснились с невозмутимым, приветливым морским офицером, который, очевидно, регистрировал прибывающих и убывающих людей, вручную, пером и чернилами в журнале. Мы упомянули, что нам нужно попасть на судно *RFA Fort Austin*. Он терпеливо и снисходительно выслушал нас, видя, что мы пытаемся разобраться в незнакомом

вопросе. Он объяснил, что *Fort Austin* находится в море, по его мнению, на расстоянии нескольких дней пути, а затем рассказал о капканах для добычи пушнины. Нет, судно точно не было в гавани. На острове Вознесения нет гавани. Это, похоже, заставило его вернуться к теме капканов. Мы с Дэнни напряглись и долго не могли понять, в чем дело. Он заметил это и предложил, что, возможно, нам лучше пойти и найти место для ночлега, а потом время от времени заглядывать сюда за новостями. Почему бы нам не попробовать место под названием «Две лодки»?

- Вон там, - ответил он, указывая на крутой зеленый холм, выступающий из бурого ландшафта и мерцающий на жаре, - Там школа, возможно, еще пустая. Вы первые, кому я о ней упомянул.

Это прозвучало как хороший совет. Мы его приняли. Когда мы отъезжали, я спросил Дэнни о капканах для добычи пушнины.

- Без понятия, - признался он, - Не хотел спрашивать.

Мы узнали, что VERTREP означает «вертикальное пополнение запасов», на военно-морском жаргоне, сокращенное обозначение для переброски людей и имущества с одного корабля на другой или в другое место с помощью вертолета. В течение следующих недель мы освоили этот метод очень хорошо, так как мы грузились и высаживались с семи кораблей в общей сложности, и всегда вертолетом.

«Две лодки» оказалось удачным местом. Там действительно была пустая школа. Мы устроились. Грэм воспользовался возможностью разобраться с нашими пятнадцатью тоннами припасов. Могло быть и больше - так казалось, и уж точно не меньше. Наш подход к логистике был основателен. Прежде всего, мы стремились к самодостаточности, держали при себе специализированное оборудование и запасы материальных средств и боеприпасов, куда бы мы ни направлялись. Грэм намеревался управлять всем централизованно, за исключением личных вещей, включая стрелковое оружие. При необходимости каждому человеку будет выдаваться именно то, что ему необходимо для той или иной миссии. В противном случае мы будем выкраивать

расходные материалы общего назначения у тех, кто будет принимать нас в тот или иной момент.

Насколько мне известно, мы не получали никаких исчерпывающих инструкций относительно пополнения запасов, обращения с боеприпасами на борту корабля и контроля за ними; но по сути наша автономия сработала, хотя и потребовала поистине героических усилий со стороны Грэма и его помощников. Во время операции, с учетом количества перебросок между кораблями, они должны были поднять оборудование и запасы, равные 150 тоннам. Многие из этого было упаковано в плетеные корзины больших размеров. Все предметы поднимались на вертолеты и спускались с них, входили и выходили из недр кораблей, проходили по узким коридорам, через люки, без использования механического оборудования, облегчающего задачу. Сюда входили лодки, подвесные моторы, каноэ, горное снаряжение, ПТРК, ракеты ПВО, боеприпасы для минометов - все, что могло понадобиться эскадрону. Грэм предусмотрел все возможные варианты. Мы ни в чем не нуждались благодаря его дарам.

Единственное, что мы регулярно брали с кораблей, это свежие продукты, табак, ореховые батончики и тому подобные галантерейные товары, включая пиво. Слава богу, мы не воевали всухомятку, а пиво творило чудеса с боевым духом и в какой-то момент, возможно, спасло мне жизнь.

Пока Грэм разбирался с нашим материально-техническим обеспечением, остальные проверяли личное снаряжение. Мы устроили полигон для пристрелки оружия, пользуясь возможностью познакомиться с ПТРК MILAN, а также другим недавно приобретенным оружием и предметами. Мне никогда не нравилась стандартная самозарядная винтовка (SLR), которая казалась мне большой и громоздкой, а ее боеприпасы - тяжелыми. Из нее можно было стрелять только одиночными: одно нажатие на спусковой крючок - один выстрел. Я предпочитал что-то более легкое в обращении, с более эффективными по весу боеприпасами, оружие, из которого можно было бы вести автоматический огонь в ограниченном пространстве. Американская M16 была бы идеальным вариантом. У нас их не было, но у нас было

несколько ранних моделей, AR15 Armalites времен противостояния на Борнео 1960 годов. Мне удалось раздобыть себе одну. Она вроде бы работала, но, почистив ее после пробной стрельбы, я обнаружил, что за десятилетия большая часть нарезов была стерта, и в первой трети ствола почти ничего не осталось. Но это неважно, на расстоянии ста ярдов она посылала пивные банки в полет. Кроме того, если я все делал правильно, мне не нужно было стрелять. Моя работа заключалась в том, чтобы довести бойцов до точки соприкосновения, чтобы они занимались своей работой. Если бы мне пришлось стрелять, мы бы попали в беду, дальность стрельбы была бы небольшой, а мой ствол не имел бы никакого значения для результата.

Через несколько дней появился RFA *Fort Austin*. Как всегда услужливый морской офицер, у которого к тому времени было уже два шестифутовых стола, организовал необходимую «добычу пушнины». И вскоре все мы были на борту, почти сразу же отправившись на RAS⁷ (Resupply At Sea) - ледовый патрульный корабль HMS *Endurance* в тот момент приближался к острову Вознесения с юга, успешно уклонившись от аргентинских войск у Южной Георгии.

В то время *Fort Austin* был флагманом Королевского вспомогательного флота, и это проявлялось в его красивых пропорциях и безупречном внешнем виде. Его командир коммодор Сэм Данлоп и его команда оказали нам самый радушный прием, а еда стала настоящим праздником после вполне приличных и удобоваримых стараний Грэма в «Двух лодках». Мы воспользовались возможностью разобраться со снаряжением, успев протестировать наши лодки с пугающими результатами. Подвесные моторы оказались нестабильными. 16-му отряду даже удалось совершить несколько прыжков с парашютом в свободном падении, я надеюсь, не только для того, чтобы вписать «Южную Атлантику» в свои книжки, но и для подготовки к войне. Мы все

⁷ Как часть флотского жаргона, RAS, по-видимому, имел широкий смысл и относился к любой форме приобретения, санкционированной или иной. Например, наш услужливый морской офицер мог «родить» (RASed) свои шестифутовые столы, позаимствовав их у RAF (Royal Air Force), у которых, казалось, их всегда было много.

занимались фитнесом, пробегая мили по палубам *Fort Austin*. Физические упражнения (ФУ) станут проблемой по мере продолжения войны, поскольку палубное пространство на военном корабле было ограничено, да и вообще пространства было крайне мало. Дальше на юг моря делали палубы небезопасными. А в непосредственной близости от противника нам нужно было держаться подальше, чтобы флот мог вести боевые действия на кораблях. В тропиках, на борту *Fort Austin*, таких сложностей не было, за исключением одной вещи.

Мы находились на борту уже несколько дней, совершая спокойный, комфортный переход на юг по ласковым водам средней Атлантики, наслаждаясь солнцем, когда Сэм Данлоп позвал меня к себе в каюту. Меня провели в восхитительно просторную и освещенную солнцем комнату. Теплый, влажный тропический воздух проникал внутрь через открытые окна большого размера. Со вкусом подобранные ситцевые свободные покрывала и подходящие шторы дополняли лакированный блеск деревянной отделки, создавая ощущение спокойной, комфортной изысканности. Он предложил мне чашку чая и пригласил сесть в кресло. Я согласился, опустившись в удивительно глубокое кресло, каким-то образом умудрившись не пролить чай вместе с печеньем, лежащим в блюде. «Я перейду прямо к делу», - сказал он с обезоруживающим блеском в глазах, - «Не стесняйтесь, конечно, упражняться на палубе, но не могли бы вы попросить своих людей прикрыться, надевать майки или что-нибудь еще в дополнение к ботинкам и шортам?» Должно быть, я выглядел немного озадаченным, поэтому он поспешил объяснять. «Это беспокоит экипаж. Ну, некоторых из них». Теперь я впал в ступор. «Кое-кто возбудился», - добавил он, - «это вызвало конфликты и много расстройств». Все стало ясно. Я сразу же нашел Лоуренса.

Мы с нетерпением ждали нашего корабля *HMS Endurance*. Он и его воинственный командир, капитан Ник Баркер, завоевали неплохую репутацию. Получив приказ оказать демонстративное сопротивление вторгшимся аргентинцам, его небольшой отряд королевской морской пехоты сумел повредить вражеский фрегат и сбить вертолет. Неплохие результаты для исследовательского судна с красным корпусом, которое, должно быть, отправилось из Великобритании в Антарктику, не ожидая вступить в войну. Он и его команда служили ярким примером для всех

нас и, возможно, тревожным предвестником для нашего врага. Мы надеялись приумножить его достижения, но пока не получали известий о том, что нам предстоит выполнить какое-либо задание.

Ответ пришел довольно скоро. Мы узнали, что оперативная группа военных кораблей с бригадой морской пехоты и небольшой группой SBS была направлена для захвата Южной Георгии. На мгновение нам пришла в голову мысль, что это не основные усилия.⁸ Однако, после дальнейших размышлений, политический смысл заключался в том, чтобы продемонстрировать решимость с помощью быстрого, элегантного ответа. Своевременный успех должен был помочь нашей дипломатии. Но стратегия принадлежала другим, а не нам, чтобы терять сон из-за нее, хотя всегда полезно иметь надежную цель, к которой можно двигаться. Мы просто жаждали драки, искали возможность нанести ответный удар - и, да, доказать свою правоту. Мы были молоды, здоровы и полны сил и бодрости. Если верховное командование хотело вернуть Южную Георгию, нам этого было более чем достаточно.

Я получил инструкции усилить оперативную группу горным отрядом. Они должны были подняться на борт *Endurance*. Он тоже должен был присоединиться к группе, чтобы поделиться своим опытом, и повернуть на юг, как только закончит RAS. К разочарованию, для остальных из нас ничего не было. Мы должны были оставаться на *Fort Austin*.

Я отреагировал плохо. Мы знали, что был мобилизован эскадрон G. Они все еще находились в Великобритании в пределах досягаемости планировщиков государственного уровня и уровня кампании; в силу этого, они, вероятно, были в состоянии удовлетворить потребности в качестве разведки передовых сил по мере того, как они появлялись в ходе планирования. Это должно было оставить эскадрон D для других задач, прямых действий, рейдов и тому подобного. Мы могли бы действовать в составе эскадрона. Такое разделение обязанностей в

⁸ Основное усилие имеет конкретное военное значение, относящееся к физическим элементам или действию (действиям), которые считаются наиболее важными для общего успеха миссии. Как таковые, они должны получать необходимые ресурсы по мере необходимости. Его обозначение концентрирует усилия.

конце концов появилось, возможно, не столько по плану, сколько в результате нашего быстрого отъезда. Но так или иначе, в тот момент не казалось хорошей идеей разбивать эскадрон на слишком много RFA, боевых кораблей и оперативных групп, любая из которых могла уйти в другую часть этого огромного океана.

Пока все только зарождалось, я чувствовал, что, насколько это возможно, эскадрон должен оставаться единым, готовым к выполнению задач более высокого уровня, которые в конечном итоге должны были спуститься к нам и, вероятно, в больших масштабах. И я начал беспокоиться о самом *Fort Austin*: корабле с боеприпасами, который, по слухам, перевозил ядерные боеприпасы. Он не был похож на то судно, которое ВМФ будет продвигать далеко вперед, а ведь дальше вперед - это то место, куда мы должны стремиться, это наша естественная среда обитания.⁹ Все начинало казаться беспорядочным. Непосредственным приоритетом должна была стать целостность подразделения, возвращение к совместной работе. Что дальше? Откровенно говоря, переброска к Южной Георгии сулила соблазнительную перспективу скорых действий, но в конечном итоге мы должны были добраться до базы или тесной группы кораблей, способных доставить нас всех в район основных действий. Плавание в тропиках в середине цепи снабжения с разбросанным эскадром не казалось правильным, с какой стороны ни посмотреть.

Через четыре дня плавания мы встретились с *HMS Endurance*. Он проводил RAS, пока мы «переправляли» 19 (горный) отряд, как было приказано. Вскоре, покачиваясь и подпрыгивая, ярко-красный *Endurance* повернул обратно на юг и вскоре скрылся с наших тоскливых глаз вместе с четвертью моих боевых сил, большинство из которых должны были

⁹ Я не мог ошибиться, он действительно шел вперед, прямо в оперативный район Сан-Карлос в разгар аргентинских воздушных налетов (21-25 мая), неся несколько сотен тонн боеприпасов. Сэма Данлопа цитируют, когда он сказал одному из своих младших офицеров во время особенно сильного налета: «Вам не нужно беспокоиться о том, что вы пойдёте ко дну с этим кораблём, вы сможете только взлететь».

чувствовать себя явно неважно после спокойного, величавого продвижения *Fort Austin*.

Мои опасения усилились. Мы с Дэнни все обсудили. Кроме развертывания 19 отряда, из Херефорда не пришло ничего серьезного для остальных. Казалось, что настал момент начать определять нашу собственную судьбу. На следующий день RFA должен был забрать остатки оперативной группы Южной Георгии. Это давало нам возможность принять на борт остальную часть эскадрона. Это должно было не только улучшить нашу способность реагировать на последующие задания, снова собраться вместе, но и еще больше укрепить экспедицию на Южную Георгию, повысить ее боеспособность, что, несомненно, было бы очень приятно.

Существовала вероятность того, что дело в Южной Георгии может затянуться, что поставит под угрозу нашу готовность к другой работе, как я предполагал. Это казалось маловероятным, поскольку вся основа операции «*Paraquet*», как она называлась, заключалась в том, чтобы быстро и сильно нанести удар по врагу там, где он был наиболее слаб. Люди искали быстрой победы. Риск казался приемлемым, и было правильно принять участие в операции. Мы попытаем счастья.

Убеждать нужно было двух человек: Капитана Брайана Янга, командующего HMS *Antrim*, и командира оперативной группы, майора Гая Шеридана, Королевская морская пехота, командира сухопутных сил. Очевидно, что у них обоих был приказ, включавший участие 19 отряда. Это говорило о том, что планировщики где-то начали брать ситуацию в свои руки. Следовательно, это не было «само собой разумеющимся» - убедить оперативную группу взять остальных без явного указания вышестоящего руководства. И я не хотел усугублять наши проблемы, поощряя очередной раунд «сбора вишенки»,¹⁰ раздробляя эскадрон еще больше, чем он уже был. Это должны были быть все мы или никто больше. Сложно. Но оперативная группа должна была спешить. А у *Fort Austin* был приказ повернуть на север сразу после RAS. Никто не захочет

¹⁰ англ. cherry picking, досл. «сбор вишенки», или, в данной ситуации, избирательный подход, выбор самых подходящих, игнорируя остальных. - прим. перев.

тратить время на путаницу. Если я смогу правильно подать предложение, Янг и Шеридан могут просто проявить инициативу и принять его, закрыв глаза на нельсоновский вопрос об утверждениях, протоколах и прочем. При всей неопределенности, должен был быть реальный шанс выйти сухим из воды. Я должен был быть полностью убедителен, казаться более осведомленным о ситуации, чем это было на самом деле, иметь полномочия отправить эскадрон и поступить со своим командованием так, как сочту нужным.

Вопрос о полномочиях полка должен был быть более или менее решен, учитывая инструкции, которые я получил в офисе командира, и дух, в котором они были даны. С тех пор мы не получали ничего более конкретного, за исключением инструкции для горного отряда; я также не чувствовал сильного желания добиваться большей ясности. На протяжении всей войны я редко это делал. У меня было достаточно указаний. В данном случае указание оперативного офицера погрузиться на борт *Fort Austin* звучало как целесообразность; не было никаких указаний на то, зачем, кроме продвижения вперед, и на какой срок. Когда нужно было использовать мимолетный шанс, у «Жулика» была голова; он понял бы наш шаг, несомненно, поддержал бы его, если бы потребовалось согласовать его с командиром. И я знал, что, если у Майка не будет для нас ничего, он будет ожидать, что мы сами найдем себе работу: Южная Георгия должна подойти для начала.

В итоге, выступление перед оперативной группой прошло легче, чем ожидалось. Брайан Янг был очень порядочным, скромным человеком, спокойным по натуре. Гай Шеридан был таким же практичным, взвешенным и вдумчивым. В них обоих чувствовалась уравновешенная надежность. Казалось, что управление находится в надежных руках. Они позволили мне выступить со своим предложением. Я действовал нагло, как мы с Дэнни репетировали предыдущим вечером, намереваясь взять и удержать инициативу, сделать предложение, от которого они действительно не должны были отказаться. Я начал с того, что обратился к ним за помощью. Я попросил их рассказать мне, что они могут держать для нас, прежде чем я высажу эскадрон, потому что нельзя было ожидать, что я выделю все свое подразделение без полного на то основания. Помимо того, что я сначала напугал их, прежде чем

предложить им некоторую определенность, я надеялся, что они сделают из этого вывод, что у меня есть некоторые условные полномочия, даже инструкция, чтобы предоставить всю «энчиладу».¹¹ Похоже, это сработало, так как они оба, казалось, на мгновение растерялись и посмотрели друг на друга, не зная, как реагировать. Я пошел дальше, предлагая помочь им принять решение, рассказав о наших возможностях. Я изложил все в деталях: мы были в полном составе, только что после тренировок, с разнообразным оружием и навыками; у нас были люди, только что вернувшиеся с Эвереста, другие умели работать на малых судах и так далее. Мы могли вести разведку, возглавлять тайные нападения и выполнять множество других задач одновременно или последовательно. Все это было действительно в избытке.

Вскоре они были убеждены, увидев, что предлагается нечто очень полезное, что может повысить гибкость оперативной группы. Но Янг, будучи человеком осторожным и тщательным, все же посоветовался с Нортвудом; как оказалось, убедительно, так как вскоре мы все были приглашены на борт. Я вернулся на *Fort Austin* с теплым, радужным чувством, что мы только что ввязались в операцию. Вскоре мы завершили VERTREP, большинство из нас отправились на флагманский корабль *HMS Antrim*, остальные - на *HMS Plymouth*, и все мы теперь выполняли общую миссию в одном и том же районе океана. Наше участие в операции, не имеющей аналогов, обернулось к лучшему, дополнительные войска оказались полезными, когда наступил решающий момент.

HMS Antrim был хорошим большим военным кораблем, чистокровным даже для наших необученных глаз. У него было два орудия в башне вместо одного; блок ракет EXOCET; большая летная палуба с вертолетом; и множество других штук, навешанных на его многочисленные надстройки. Он просто выглядел и чувствовал себя частью Большого флота: мощный, внушительный, красивый, слегка имперский. Нам предстояло развить утонченное чувство к кораблям. Как только мы

¹¹ whole enchilada – поговорка, означающая «целиком, все сразу», прим. перев.

ступали на¹² один из них, мы каким-то образом узнавали: счастливый, не очень счастливый, приветливый, готовый к работе, эффективный, и тому подобное. Что касается морских возможностей и функций военно-морского подразделения, то они оставались для меня совершенно непонятными. Я никогда не был уверен в этих аспектах. Я рассматривал корабли скорее с точки зрения того, могут ли они поддерживать наши операции: есть ли на них пушки, насколько велика летная палуба и тому подобное.

HMS *Antrim* производил впечатление целеустремленного, надежного, высокопрофессионального, но в то же время дружелюбного и непринужденного судна. Он был построен в Говане судостроителями Верхнего Клайда двадцать или более лет назад: об этом свидетельствовала табличка над центральной лестницей. Оборудованная как потенциальный флагман, она располагала внушительными адмиральскими каютами. Поскольку адмирал не занимал их, капитан Янг предоставил помещение в распоряжение прибывших сил, а дневная каюта служила совместным оперативным залом, где мы вскоре расположились, чтобы приступить к планированию.

Мы с Гаем Шериданом были в одном звании: оба майоры. Я достаточно знал о Королевской морской пехоте, чтобы понимать, что они могут считать своих майоров эквивалентом армейских подполковников, аномалией, которую один или двое из них могут использовать время от времени, если это будет нужно. Гай никогда не упоминал об этом. Да ему и не нужно было. Он был назначенным командующим сухопутными войсками, а Брайан Янг - нашим боссом: обе эти вещи были неоспоримо ясны.

Никакой путаницы в субординации оперативной группы никогда не было. И в основном она функционировала так, как и должна, эффективно и корректно. Я пережил одну заметную неприятность - незначительный тактический инцидент, в котором не участвовали ни

¹² В Королевском военно-морском флоте говорят, что они находятся «на» кораблях, а не «в» них, живут и действуют как сообщество.

Гай, ни «босс». Для защиты от таких проблем, как неправильная постановка задач, неадекватная боевая поддержка и тому подобных трудностей, в те дни в полку существовала своя собственная дискретная система командования, позволявшая нам передавать любые вопросы вверх и вниз для решения, при необходимости привлекая вышестоящие инстанции. Эта возможность использовалась редко, предпочтение всегда отдавалось согласованным действиям в рамках поддерживаемых командных структур. Таким образом, в любой ситуации мы всегда старались позиционировать себя рядом с высшими уровнями оперативного командования. В данном случае я считал, что наши принципы были соблюдены: я находился рядом с общим командиром и его заместителем, а мои люди находились под командованием своих собственных офицеров. И Янг, и Шеридан все понимали и, похоже, были не против. И я убедился, что в эскадроне знают, на чем мы все остановились.

Я осознавал культурные различия, которые могли испортить отношения при работе бок о бок с регулярными войсками: наше явно непринужденное отношение к званиям и использование имен между собой были очевидными, внешними социальными проявлениями. Были и другие вещи, которые раздражали, в частности, «китайский парламент», который собирал людей на ранних этапах процесса оценки, чтобы убедиться, что ни одна важная мысль не осталась без внимания. Если у вас было предложение, идея, независимо от вашего звания, мы считали, что оно должно быть услышано. Парламент стремился использовать силу коллективной мудрости, одновременно защищаясь от шаблонных решений. Мы знали об опасностях «группового мышления»; парламент, состоящий из сильных личностей, способных к независимому мышлению, вряд ли совершит эту ошибку. Это могло выйти из-под контроля, и уж точно выглядело бы по-большевистски, если смотреть со стороны. Для оптимальной работы все участники процесса должны были проявлять определенную самодисциплину, а начальник должен был знать, когда свести все нити воедино и принять решение. Как только процесс был завершен, все должны были замолчать и приступить к выполнению принятого решения. Если Гай и находил это странным, он

никогда об этом не говорил, а капитану Янгу не довелось увидеть это в действии.

Более важными были наши соответствующие философские подходы к фактической операции. SAS, SBS и морская пехота были очень близки друг другу, а ВМС находились в другом месте, и любые различия были основаны не столько на контрасте дисциплин наших оперативных сред, сколько на соответствующих уровнях оперативного опыта на этой начальной стадии конфликта. ВМС уже некоторое время не участвовали в боевых действиях. Гай, его люди и мы сами так или иначе занимались этим некоторое время. Мы, безусловно, уважали врага на берегу, а ВМС, возможно, чуть меньше.

Полк почти непрерывно участвовал в операциях с 1950-х годов. Мы научились никогда не недооценивать человеческое стремление к насилию. Возможно, это сделало нас немного осторожными, склонными к осмотрительности. Мы были особенно осторожны, когда вступали в новые отношения с противником. С самого начала часто одна или другая сторона получала преимущество. Но по мере того, как противники узнавали друг друга, могла возникнуть динамика «пилы» или «скачка», когда один из противников вырывался вперед, а другой его обгонял, и так далее, по возрастающей траектории изоэнтальпии. Этот процесс продолжается до тех пор, пока один или другой не перестанет успевать.¹³ Мы испытали это в Дофаре, где оказались на высоте. А армия почувствовала это в Северной Ирландии, ИРА оказалась изобретательным противником.

Наши отношения с вооруженными силами Аргентины развивались полным ходом. Что касается операций в Южной Георгии, то все мы

¹³ Мой друг из американского спецназа Пит Шумейкер однажды продолжил эту тему, отметив, что она может получить дополнительный, часто напряженный, разочаровывающий поворот, когда политическое руководство совершенно справедливо стремится контролировать любую эскалацию, наложить ограничения на конфликт, особенно когда ситуация считается не угрожающей жизни на национальном уровне. Кажется, он называл это «достаточным». Он всегда отличался ясным мышлением и в конце концов возглавил Силы специальных операций США, а затем стал начальником штаба армии США.

знали о героическом выступлении лейтенанта Кита Миллса в Грютвикене (Карта 1). Он и его крошечный отряд морских пехотинцев нанесли существенный урон вторгшейся аргентинской оперативной группе.¹⁴ Были те, кто считал это подтверждением нашего врожденного превосходства; мы же, напротив, придерживались мнения, что аргентинцы, вероятно, извлекли бы из этого урок. Мы столкнулись с явным изменением роли. На этот раз захватом должна была заниматься оперативная группа Королевского флота, а обороной - противник. Оказавшись в неловком положении в ходе наступления, аргентинцы, несомненно, должны были понять, как оказать ответную услугу и даже больше.

Противник начал первый раунд с фрегата, более чем подходящего для *Endurance*, на борту которого было достаточно войск, чтобы перегрузить его морскую пехоту. Укрепились ли они после этого, зная, что мы вернемся, по крайней мере, с одним военным кораблем, а возможно, и больше? Как они собираются с этим бороться, если не могут превзойти нас в количестве кораблей? У флота должна быть идея, но в наших неосведомленных в этом деле умах всплыли мины, подводные лодки, боевые вертолеты и противокорабельные ракеты наземного базирования. На суше можно было ожидать оборонительные силы численностью от взвода до роты. Мы были уверены, что для выполнения столь важной, независимой и изолированной задачи британский командир, скорее всего, использует не менее чем роту. Нам было бы разумно действовать, исходя из предположения, что наш противник поступит так же, будет обороняться, по крайней мере, ротой, и что у него будут способы противодействия нашим военным кораблям и вертолетам.

¹⁴ Лейтенант Кит Миллс, Королевская морская пехота, был высажен с корабля HMS *Endurance* с приказом оказать символическое сопротивление аргентинскому вторжению в Южную Георгию. В течение двух часов он повредил корвет ARA *Guerrico*, который больше не принимал участия в войне, сбил вертолет Puma и вывел из строя нескольких бойцов из живой силы противника. В его группе был один раненый. Они были возвращены в Великобританию, а Миллс получил заслуженный Крест за выдающиеся заслуги в знак признания превосходного примера его и его людей.

Традиционная мудрость гласила, что атакующий должен иметь преимущество три к одному, чтобы обеспечить победу над противником в подготовленной обороне; если у них была рота, мы должны были атаковать группой из трех рот. У нас не было ничего, приближающегося к этой норме. У нас была одна рота Королевской морской пехоты, подходящий тип войск для драки накоротке, и эскадрон SAS, более подходящий для тайных операций, действующий небольшими группами против слабости, а не силы противника. Мы должны были найти способ обойти предполагаемый численный дефицит.

Очевидная недостаточность нас не слишком беспокоила; в конце концов, у нас было несколько мощных средств, чтобы переломить ситуацию в нашу пользу: два боевых корабля с пушками и три боевых вертолета для «начала». И в большинстве случаев боевой дух полка исходил из предполагаемого численного неравенства, превращая «малочисленность» в преимущество. Вместо масштаба мы стремились использовать другие факторы для получения преимущества, главными из которых были точность, внезапность и смелость. В нападении это означало поиск уязвимых мест противника, скрытное проникновение в них, а затем нанесение удара с подавляющим локальным, физическим и психологическим превосходством. Желательно, чтобы мы наносили удар с неожиданного направления, прежде чем цель успевала среагировать. Это был наш способ соотношения массы и скорости, когда небольшая масса умножается на высокую скорость, что еще больше подчеркивается точностью, энергичностью и быстротечностью применения. Это было главным в подходе полка с самого его основания, определенном нашим основателем Дэвидом Стирлингом и усовершенствованном с тех пор. Таким образом, численное превосходство было естественным, если это было то, с чем мы столкнулись. Нам просто нужно было знать, где, когда и как применить нашу смесь сил в достаточно неожиданном «высокоскоростном» и, возможно, неортодоксальном стиле.

Применение этого метода может занять время, поскольку почти всегда перед нанесением удара по цели необходимо собрать подробную информацию путем разведки. Это требует терпения. Для тех, кто придерживается позиции больших масс, все это может показаться утомительным и излишне осторожным. В данном случае и со временем

ВМС склонились в эту сторону, имея большие платформы, которые быстро перемещались и были достаточно велики, чтобы сломить сопротивление. Но в конечном итоге именно нам предстояло сойти на берег, чтобы сблизиться с противником. Мы придерживались наших предпочтительных методов действий, давая врагу преимущество в этом плане. ВМС приняли это.

Детальное планирование началось с тщательной оценки миссии, изложенной в директиве штаба флота в Нортвуде. Это был внушительный документ, но, тем не менее, его цель была предельно ясна: реоккупация Южной Георгии с минимальными человеческими жертвами и минимальным ущербом для имущества. И мы так же четко понимали необходимость держать операцию в тайне как можно дольше, желательно вплоть до того момента, когда мы сделаем наш решающий шаг. Прежде чем приступить к планированию, я подчеркнул, что эскадрон не может рассматриваться как оккупационные силы. Мы должны помочь отбить Южную Георгию. После этого мы, несомненно, понадобится в других местах, если возникнет более масштабный конфликт. Все поняли.

Строгость директивы в отношении пропорциональности во многом определила ход наших мыслей, а два ограничения в любом случае перекликаются с нашими инстинктами и практикой. Великобритания, очевидно, с самого начала стремилась принять определенную модель поведения. Операция в Южной Георгии, скорее всего, могла задать тон всем последующим боевым действиям на Фолклендах, а уважение к военным конвенциям и цивилизованному поведению имело первостепенное значение. Мне хотелось бы думать, что это пришло само собой ко всем нам в группе планирования независимо от направления движения флота: необходимость поддержания морального авторитета путем ведения тяжелых, но чистых боевых действий без причинения ненужного вреда. Более прозаично, возможно, отражая наши контртеррористические инстинкты и наш опыт борьбы с захватом заложников, мы видели, что ненужное использование силы может плохо сказаться на Фолклендах, где фактически мы имели три тысячи наших собственных граждан, взятых в заложники военными, склонными к применению чрезмерной и незаконной силы к своим гражданам. Бог

знает, что они могут сделать с нашими людьми там, если их спровоцировать. Подавать и поддерживать хороший пример имеет смысл во многих отношениях.

Что касается секретности, то она тоже была бы на первом месте в наших размышлениях, причем исключительно по тактическим соображениям. Но пока мы приближались к Южной Георгии, челночная дипломатия между Лондоном, Вашингтоном и Нью-Йорком достигла высокого уровня. Ее цель - найти решение кризиса без войны - не сочеталась с нашей миссией. Если новости о наших действиях просочатся преждевременно, это может привести к затруднениям. По этой причине, очевидно, даже Министерство иностранных дел и по делам Содружества оставалось в неведении относительно намерений военного кабинета в отношении Южной Георгии.

Я не знал, как много Гай Шеридан и Брайан Янг получают информации с более высокого уровня, но мы получали достаточное представление через нашу тыловую связь TACSAT. Помимо политики, росли и военные сомнения. В ближайшие дни беспокойство по поводу Южной Георгии будет нарастать; на одном из этапов Майк Роуз памятно заметил, что операцию «Paraquet» (схоже с паракватом, очень токсичным гербицидом) нужно уничтожить, пока она не уничтожила нас - под этим он подразумевал срыв всей операции на Фолклендах, самой операции «Corporate».

Со стратегической точки зрения, операция, вероятно, была организована потому, что в ней могло быть задействовано относительно небольшое количество военных кораблей и мало войск. Это сулило скорую победу, что способствовало укреплению дипломатических позиций страны.

С другой стороны, это можно рассматривать как отвлечение от основных усилий, Фолклендов и их населения, отвлечение ресурсов, создание ряда нежелательных и ненужных рисков. Неудача могла нанести ущерб нашему моральному духу и, соответственно, поднять моральный дух нашего противника. И риски были серьезными. Временами разница между успехом и катастрофой зависела от тончайших пределов. Это было испытанием для нервов вплоть до самых высоких уровней. После

войны я встретился с премьер-министром Маргарет Тэтчер. Она расспрашивала меня о Южной Георгии, не считая всего остального; очевидно, она была поражена тем, насколько на грани все это происходило.

В любом случае, разговоры по TACSAT усилили давление. Я, возможно, больше других стал отвлекаться на «секретность», твердо решив, что эскадрон не должен стать причиной раннего срыва операции. По сравнению с этим «пропорциональность» имела меньший вес, будучи почти второй натурой для морпеха и солдата, воспитанных годами службы в Северной Ирландии, где ограничения и строгое следование закону были обычным делом. Оперативная группа, вероятно, в любом случае была бы осторожна в отношении обоих аспектов. Только привилегированная информация, поступавшая по тыловому каналу SAS, окрашивала мои мысли, поднимая секретность, в частности, на необычную высоту. Я не чувствовал себя в состоянии поделиться большей частью этой информации, не в явном виде. Это было неудобно, результатом чего стало не столько различие подходов, сколько противопоставление акцентов в рамках широко согласованной стратегии, флот нетерпеливо относился ко всему, что могло показаться излишней осторожностью.

Проанализировав задание, мы ознакомились с имеющейся информацией. У нас были карты, схемы, несколько старых аэрофотоснимков и хорошая, но устаревшая военная информация о противнике, полученная в результате первых контактов. Кроме того, у *Endurance* были бесценные локальные данные. Разведка полагала, что аргентинцы еще не получили значительного подкрепления, и оценивала общую численность противника примерно в сто человек, мало что говоря о качестве защитников. Мы знали, что будет достаточно трудно противостоять новобранцам на хорошо подготовленных позициях, но если их качество хоть немного приближалось к качеству наших войск, Миллса и его маленькой группы решительных морпехов, то мы могли встретить серьезное сопротивление. Представлялось важным получить представление не только о количестве, но и о качестве. Херефорд безуспешно прочесывал более широкие источники. Мы должны были пойти и убедиться в этом сами.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы разработать примерный план действий. Мы начали с отказа от грубого использования нашей военно-морской мощи, т.е. подойти, разнести с моря аргентинский гарнизон в пух и прах, а затем высадить войска для «уборки мусора». Это не совсем соответствовало указаниям Нортвуда. И по тем же причинам мы отвергли его очевидную разновидность - амфибийный десант, высаживающийся на «пляж» во всеоружии. Штурм был отвергнут из-за опасения, что он приведет к длительному и сложному противостоянию, во время которого Аргентина сможет проводить дипломатию, которая позволит подвести военно-морские и воздушные средства, способные нанести потери, даже поражение. Мы бы отказались от тактической неожиданности ради неопределенной выгоды.

Вместо этого мы приняли простой, двухэтапный план действий. Во-первых, мы проводили разведку, чтобы точно определить, где и что находится у противника. После этого, используя разведывательные данные, мы должны были направить подготовленные силы на выявленные слабые места противника, чтобы нанести ему поражение. Просто, банально, без фантазии, но этот обдуманый и взвешенный подход должен был позволить нам создать тонкости и тактические сюрпризы в деталях, где, как оказалось, таилось почти смертельное количество «дьявола».

Переходя к выполнению выбранного плана, мы договорились, что SBS проведет разведку в Грютвикене, административном центре территории и базе Британской антарктической службы (BAS). По этому поводу не было никаких разногласий. Грютвикен, скорее всего, будет основным местом дислокации противника, и имело смысл сделать это, насколько это возможно, делом исключительно Королевской морской пехоты, чтобы уменьшить неопределенность, присущую использованию смешанных сил, не знакомых друг с другом. Кроме того, если дело доходило до затяжного боя на узком фронте, рота «М» имела и численность, и необходимые навыки для выполнения задачи. Рота коммандос предназначена для смешанных действий, именно поэтому она была добавлена в оперативную группу в первую очередь. Мы сосредоточимся на старой китобойной станции в Лейте, где, по последним данным, находились сборщики металлолома, а также

проведем разведку на наличие других аргентинцев в районе залива Стромнесс (Карта 2). Мы должны быть готовы к любой возможной атаке.

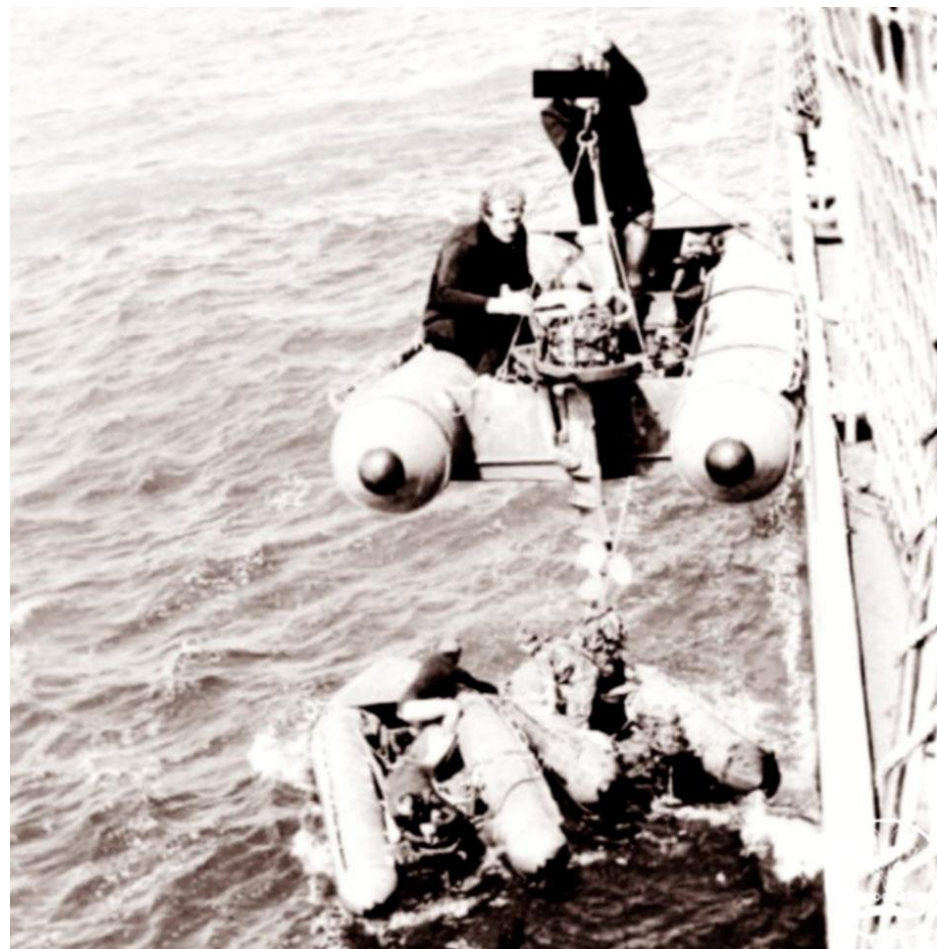
Несмотря на то, что мы исходили из вероятного разделения задач, ничего не было исключено, кроме ограничений, предусмотренных директивой. Все было не так однозначно, как могло показаться на первый взгляд. Если бы рота «М» взялась за самое сильное место, ей, вероятно, потребовалась бы поддержка, почти наверняка приоритетный вызов всех имеющихся морских орудий. И если бы эскадрон усилил роту «М», а пушки были бы недоступны, как бы это повлияло на нашу способность провести собственную, одновременную атаку в другом месте? Придется ли нам проводить последовательные атаки, теряя тем самым тактическую неожиданность для той цели, которая считалась меньшей из двух? Если, конечно, их было всего две.

Опять же, если результаты разведки поддерживают идею одновременности, то как именно она должна была быть достигнута на вероятных расстояниях и с учетом требований предварительного размещения разделенных сил, предпочтительно скрытно? Могли ли мы предотвратить связь между вражескими позициями во время нападения, что сделало бы тактическую внезапность менее зависимой от достижения абсолютной одновременности? Хватит ли у нас сил и средств для одновременного нанесения ударов более чем по одному или двум объектам? Так все и продолжалось, идя по кругу, кажущееся бесконечным сочетание переменных. Нам нужно было срочно «увидеть цель». Пока мы этого не сделали, мало что прояснится.

В Южной Георгии есть первозданное начало, ее дикая, необузданная красота притягивает. Жестоко суровая, она не место для наивности или легкомыслия. Стихийная, даже духовная, одновременно манящая и неумолимая, она может безжалостно обнажить слабость. Из моря резко вздымаются горы, их настроение меняется в одно мгновение. В один момент во фьордах царит ровный штиль, в другой - бушуют кататические ветры. Одна из самых свирепых и изменчивых сред на земле, и нам предстояло узнать, что она не так-то легко выдает секреты - ни свои, ни своих жителей.

У нас было два способа попасть на остров: на лодках или на вертолетах. Мне не очень нравился вариант с лодками, и, несмотря на его стремление возглавить десант, Теду Иншоу, командиру лодочного отряда, тоже. Мы поддерживали навыки управления лодками, но на относительно базовом уровне по сравнению с SBS. SBS из группы планирования, в основном опытные и зрелые операторы, советовали быть предельно осторожными. Честно говоря, я не был склонен проверять наше мореходство на практике. Южная Георгия представлялась мне не самым лучшим местом для этого, особенно в начале зимы.

Была и другая, конкретная, более прозаическая причина, по которой не стоило начинать с лодочного отряда и их Gemini: подвесные моторы. Несмотря на неоднократные попытки модернизировать свое имущество, полк все еще был оснащен моторами, приобретенными в 1960-х годах для использования на Дальнем Востоке. Прошло двадцать с лишним лет, и моторы изнашивались и стали ненадежными, склонными выходить из строя даже в самых лучших условиях, а это были не самые лучшие условия. Они неоднократно выходили из строя, когда мы испытывали их на *Fort Austin*, несколько дней назад, в бальзамическом тепле экваториальных вод у острова Вознесения. Тед подумал, что ему удастся позаимствовать у корабля парочку двигателей. Но достаточно было просмотреть на угрожающее море вокруг нас, чтобы понять, что от плавания вокруг Южной Георгии на чем-то чуть лучшем, чем удлинённая резиновая лодка, лучше отказаться, если есть выбор. Логичнее было отправиться горному отряду и добираться вертолетом. Военно-морской флот был согласен по обоим пунктам: избегать лодок и использовать вертолеты. На борту *Tidespring*, нашего сопровождающего танкера, находились два вертолета Wessex Mk V, а на *Antrim* - Wessex Mk III.

Бойцы SAS проверяют и испытывают надувные лодки Gemini

В горном отряде эскадрона были опытные альпинисты, некоторые из которых недавно вернулись из Гималаев. Во всех отношениях имело смысл начать наземные операции с ними. Они все еще находились на *Endurance*. Несмотря на то, что рядом с ними находились люди, обладающие лучшими знаниями местных условий, этот отряд был отделен от группы планирования на *Antrim*. Рассеивание сухопутных сил по кораблям, пожалуй, является неизбежной особенностью амфибийной войны и может серьезно осложнить ситуацию для любых десантированных сил. Окончательный исход операции может быть определен на суше, но пока силы не высажены на берег, морские императивы, скорее всего, будут преобладать. Корабли будут перемещаться, вступать в бой, группироваться и перегруппировываться на расстояниях, которые могут смутить солдата. В один момент десант

может быть вместе, а в одночасье рассеяться, разделенный десятками, а то и сотнями миль. Так будет и в случае с операцией «Paraquet».

Чтобы избежать неудобств, которые могут возникнуть в результате такой нестабильности, я решил объединить горный отряд со штабом эскадрона (SHQ) на *Antrim*. Это позволило бы нам быть вместе на протяжении всего процесса планирования и принятия решений, но обратной стороной стало бы отделение горного отряда от локальных знаний, доступных на *Endurance*. Лишенные возможности личного общения, с тех пор мы все должны были использовать знания *Endurance* по защищенной голосовой радиосвязи. Трудно сказать, насколько значимым оказалось это разделение для событий, которые должны были развернуться. Факт остается фактом: рассеивание - это фактор в морской войне, который бойцы должны осознавать и принимать во внимание.

Вскоре VERTREP перетасовал нас: горный отряд отправился на *Antrim*, а воздушный - на *Endurance*, причем замена военнослужащих практически человек на человека была вызвана нехваткой жилого пространства.

С горным отрядом вместе с SHQ, старшим пилотом и его командой мы могли всерьез заняться тактикой разведки. Не преуменьшая трудностей, солдаты в нас знали, что на берегу мы должны быть в состоянии сделать все возможное. Изучив проблему с ног до головы, мы решили, что с помощью оптики можно выполнить работу, не подходя близко. Затем встал вопрос о выборе маршрута от места высадки до установленных наблюдательных пунктов, учитывая, что эскадрон должен был проверить все возможные места нахождения противника в заливе Стромнесс: старые китобойные станции Лейт, последнее известное местонахождение противника, Стромнесс и Хусвик.

Мы должны были подойти к целевому району с максимальной осторожностью, возможно, отслеживая днем каждый основной участок маршрута на предмет активности противника, прежде чем двигаться по нему ночью. Эта тактика сама по себе отодвигала точку входа, достаточную для желаемого продвижения: одна или, может быть, две ночи, чтобы вывести группу в район залива. Если прибавить к этому «нечеткие факторы», включая возможную необходимость проведения

разведки на близком расстоянии, то на выполнение задачи могло потребоваться от четырех до пяти дней.

Точка входа будет определяться в основном характеристиками имеющихся вертолетов. Они не были оборудованы для скрытых ночных операций, кроме того, стоял вопрос их шума. Очевидно, что мы не могли приземлиться в пределах прямой видимости от объектов. Мы должны были замаскировать место (места) посадки вертолетов с помощью ландшафта, что исключало большую часть, если не всю бухту Стромнесс, и уж точно береговую линию и прибрежные зоны. Это отодвигало нас назад, что было приемлемо с точки зрения неуклонного продвижения, которое мы хотели осуществить по любому выбранному пути, за исключением того, что это приводило нас в некоторые серьезно сложные места. Побережье к северу от Лейта нас не интересовало: сухопутные маршруты оттуда выглядели одновременно опасными и относительно легкими для контроля противником. Маршруты к югу от залива Стромнесс выглядели не лучше. Вопрос шума усугублял трудности, казалось, что мы уходим дальше, чем того требовала даже маскировка местности, в окружающие горы. По нашей просьбе пилоты составили карту, на которой были указаны «безопасные в шумовом отношении» зоны посадки. Выбор был невелик: как бы мы ни старались увидеть иначе, шум в сочетании с движением заставил нас уйти на восток, к леднику Фортуна.

Это никому не нравилось. Но были и сильные преимущества. Помимо решения проблемы шума вертолетов, Фортуна находилась вне поля зрения бухты Стромнесс и ее китобойных станций, а между ними располагалась проходимая гора. Подход с этого направления должен быть неожиданным и вряд ли окажется под наблюдением. А рельеф местности должен был позволить нам тщательно изучить каждый участок подхода, прежде чем спускаться по нему. Просто никому из нас не нравилась идея пересечь Фортуну в это время года, в начале зимы.

Гай, очень опытный альпинист, посоветовал нам избегать ледников как чумы. *Endurance* выразил решительное несогласие выходу на ледник, ссылаясь на то, что непредсказуемая погода ставит кости против успеха. На заднем плане, неизвестно для меня, Британская антарктическая

служба также инструктировала против выхода на ледники, указывая, что даже их эксперты подчиняются жестким правилам безопасности при выходе в горы Южной Георгии. Маршрут Фортуны можно было бы отклонить, если бы не постоянная необходимость избежать преждевременной компрометации миссии. Кроме того, для горного отряда и вертолетов не было других вариантов. Поэтому мы продолжали рассматривать этот вариант.

Вопрос о трещинах и практичности безопасного и своевременного перехода через ледник поднимался снова и снова. По иронии судьбы, этот вопрос доминировал в дискуссии почти без учета всего остального, включая погоду. Там, где Фортуна спускается к морю, она действительно представляла собой ужасное месиво из торосов под давлением и глубоких трещин; определенно, это место следует избегать. Но на ее вершине все выглядело более благостно. Там, где мы намеревались сойти с ледника в сторону залива Стромнесс, было много трещин, но ничего непроходимого, довольно мягкий переход ото льда к голой скале.

Советы против Фортуны давались в общих чертах, а советы в пользу касались конкретных деталей. Вернувшись в Херефорд, наши успешные восходители на Эверест, Брумми Стокс и Бронко Лейн, изучили имеющиеся снимки фактического маршрута и обратились к другим национальным источникам. При условии, что мы будем придерживаться гладкой куполообразной вершины, в точности как предполагалось, они решили, что все будет в порядке. Они искали подтверждения, консультируясь с другими людьми, имеющими непосредственный опыт прохождения этого маршрута. Среди них был Джон Пикок, который в 1964 году сам прошел по нему, успешно повторив путешествие Эрнеста Шеклтона через Южную Георгию в 1916 году. «Фортуна проходима» - сказал он.

Пример Шеклтона не давал покоя. Он прошел почти точно по этому маршруту, будучи слабым от голода и не имея альпинистского снаряжения, кроме веревки. На это ему потребовалось тридцать шесть часов, чтобы пересечь Южную Георгию от северного побережья до залива Стромнесс, что составляет около тридцати миль. Мы

планировали потратить от двух до трех дней, чтобы пройти пять миль, из которых только пара будет по льду.

Я выслушал разные мнения. Я обсудил их с Джоном Гамильтоном, командиром горного отряда, и его людьми - командой, которой предстояло это сделать. Десант был доволен, его беспокоила в первую очередь погода. Посоветовались с Яном Стэнли, старшим пилотом, и его командой. Они внимательно расспросили нас, помня об опасностях, связанных с подъемом на 1000 футов над Фортунной: обледенение, плохая видимость, низкая облачность, сильный ветер со шквалистыми порывами. Они тоже считали, что это выполнимо, если будет хоть немного приличной погоды. Янг, сам авиатор, и Шеридан, альпинист, подтвердили, что они поддержат любой наш курс. В конце концов, решение мог принять только один человек: я. Я выбрал Фортуну.

3. В залив Стромнесс

День высадки наступил 21 апреля, через две недели после нашего отъезда из Херефорда, через неделю после присоединения к оперативной группе. Время летело быстро. Погода выглядела угрожающе. За ночь барометрическое давление резко упало. К рассвету у нас на руках был шторм с перспективой ухудшения. Море росло, его поверхность взбивалась штормовым ветром, большие корабли качало, а *Endurance* даже подпрыгивал. На высоте 400 футов висело сплошное серое облако, мрачное от перспективы снегопада; нужно было быть намного выше этого уровня, ведь место высадки находилось на высоте около 1000 футов. Обжигающий, сырой холод почти наверняка грозил обледенением корпусов вертолетов. Впрочем, видимость была неплохой – около двух миль.

Не зная, что мы переживаем первые признаки нарастающего шторма ошеломляющих масштабов, мы шли вперед, трогательно уверенные в своих силах, не зная о степени нашей слабости. Эскадрон утешался мыслью, что для флота все должно быть в норме, моряки и летный состав воспринимали происходящее спокойно. Если бы мы все знали, что приближается к нам из Антарктики, вся операция была бы приостановлена. Даже по меркам Южной Георгии нас ждал феноменальный удар, жестокое избиение безжалостной свирепости.

Ян Стэнли, его команда и их почтенный вертолет Wessex III, ласково называемый «Хамфри»¹⁵, должны были стать предметом легенды. В течение следующих дней их неоднократно вызывали на помощь, и они ни разу не дрогнули.

Яну понадобились все три имеющихся Wessex, чтобы поднять группу разведчиков. Его собственный, одномоторный «диппер», не подходил для этой цели, так как был маломощным и имел малую вместимость. Однако, оптимизированный для противолодочной борьбы (ASW), летательный аппарат обладал возможностями, которых не было у двух

¹⁵ В Королевском флоте принято называть корабль «она», а вертолет – «он», что, конечно же, приводит к грубым комментариям. Летные палубы располагаются в кормовой части большинства кораблей.

Wessex V, перевозивших войска. Для начала, экипаж состоял из четырех человек: двух пилотов, наблюдателя и члена экипажа. Крис Пэрри, наблюдатель, был как часть системы вооружения корабля, отвечая за точную навигацию, работу радара и управление другими вертолетами поддержки. В помощь ему был радар, обеспечивающий широкий обзор и ограниченную возможность предотвращения столкновений; однако его эффективность сильно снижалась, когда он находился среди крупных топографических объектов, таких как горы и ледники. Крис также пользовался так называемой системой управления полетом (FCS) - компьютеризированным устройством, которое помогало летательному аппарату удерживать определенное положение на заданной высоте. Эти вспомогательные средства и функции, предназначенные для использования над морем, а не над сушей, были использованы для преодоления гор Южной Георгии в условиях облачности, плохой видимости и сильной турбулентности. Творческое использование оборудования «Хамфри» в сочетании с великолепной командной работой его экипажа оказалось спасительным.

Два других Wessex V были двухмоторными вертолетами общего назначения. Они имели радиовысотомеры и оборудование для стабилизации, но в основном ими управлял один пилот, которому помогал летчик, наблюдающий за полетами из двери в задней части; оборудования для «слепого» полета не было. Wessex V должен был быть ведомым с Wessex III при любой видимости, кроме хорошей.

После отсрочки примерно на час погода показала слабые признаки улучшения. Ян получил разрешение посмотреть на условия на берегу и на вершине ледника. Он поднялся над *Antrim*, чтобы быстро и низко пролететь в направлении залива Поссешен, а затем зайти на мыс Констанс. Оттуда он снизил скорость, осторожно двигаясь в поисках аргентинцев. Войдя в залив Антарктик, он впервые увидел Фортуна с ее обрывистыми ледопадами, скалами и возвышающимися над ними горами. Он и его экипаж разговаривали с *Endurance*, но ничто не подготовило их к беспощадной, пугающей природе этого места, надвигающегося на них со всех сторон. Здесь было величие, запретная, суровая, бесплодная красота. Непредсказуемо свистели жестокие ветры, налетая на «Хамфри», словно желая сбросить его в море или на

окружающие горы. Из-за этого экипаж чувствовал себя маленьким, вторгшимся туда, куда не следовало, зажатом мокрыми ледяными скалами вокруг, темными рваными водами внизу, серыми клубящимися облаками вверху.

Вид на ледник Фортуна из вертолета «Хамфри»

Ян совершил тщательный облет залива: противника не было. Он и Стюарт Купер, второй пилот, наметили маршрут вверх по леднику. По обе стороны были отвесные скалы и скалистые выступы, периодически скрываемые кучевыми облаками. Путь будет трудным: возможности повернуть назад практически нет. То, что они могли видеть с вершины, выглядело более обнадеживающе, открывая пространство для маневра. Убедившись, что противника нет, а маршрут жизнеспособный, хотя и сложный, Ян повернул назад на *Antrim*, чтобы собрать группу.

Горный отряд грузится на вертолеты.

Спустя час или более, следующая вылазка прошла не так удачно. «Хамфри» возглавил ее, он и два Wessex V с десантом вошли в залив Поссешен, где их встретила стена густого снегопада. Ян и Стюарт знали, где они находятся, но согласились, что было бы глупо продолжать движение. Они повернули назад. На борту *Antrim* последовало

тревожное совещание в оперативном отсеке. День проходил незаметно. Хуже того, вся затея начинала казаться непрактичной, просчетом.

Скрывая свое волнение, я попросил, чтобы меня пропустили вперед, вместе с Джоном Гамильтоном. Я хотел, чтобы мы вдвоем увидели то, что видел и пережил Ян. В противном случае Ян сам бы принимал решение о проведении операции, а это казалось ему не совсем справедливым и правильным. Если от операции придется отказаться, то эскадрон должен быть частью процесса принятия решения, причем знающей, полностью информированной частью.

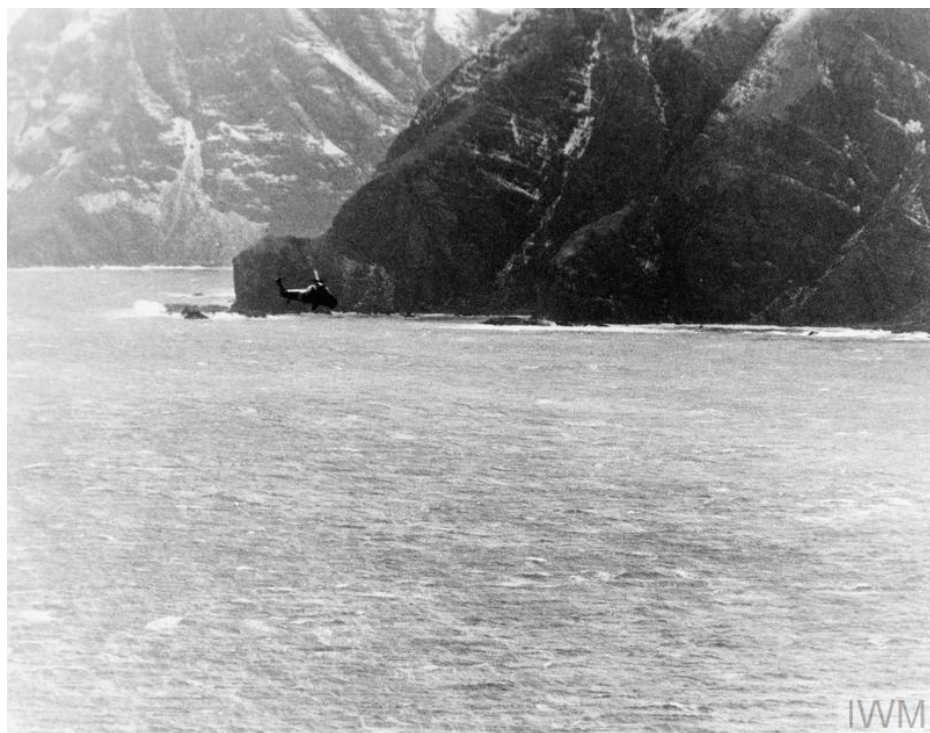
Мы получили разрешение на проведение еще одной разведки. В тот день «Хамфри» отправился в свою третью вылазку на берег. Все прошло достаточно хорошо. Погода улучшилась. Ян добрался до подножия Фортуны и оттуда поднял вертолет вверх по отвесному склону в условиях почти идеальной видимости. Ветер не слишком сильно трепал вертолет, и на вершине купол ледника расстился ровно, как ожидалось и хотелось. Ян воспользовался возможностью облететь вокруг купола, стараясь не подвергать аппарат возможному наблюдению из района Стромнесс.

Но что-то гложет Джона. Я спросил его, что он думает. Он колебался. Через некоторое время я снова указал через шум, через интерком, что мы должны принять решение здесь и сейчас. Возможно, мы находимся в благоприятном положении, но все может измениться в любой момент. Мы не могли оставаться здесь до бесконечности. Я хотел, чтобы это было решение отряда, чтобы он сам принял решение «идти или не идти». К сожалению, из-за неудачного выбора слов, по несовершенному, потрескивающему переговорному устройству, я выразился не так, как хотел, а совершенно иначе. Я сказал: «Ты должен идти, Джон», имея в виду, что он должен был принять решение немедленно, так или иначе.

Решение должен был принять он сам, поскольку, несмотря на то, что высадка вертолетом выглядела вполне реальной, ему и его отряду придется сделать все остальное. Следовательно, это должно быть его решение - идти или нет. Но Джон, понятное дело, воспринял мои слова как настоятельную просьбу спуститься на ледник, вместо того, чтобы

принять решение. Я бы согласился на «нет». Но при такой неосторожной формулировке события могут пойти по-другому, и это один из таких случаев. И вот мы пришли к решению: Джон согласился высадиться на ледник!

Мои неудачные слова стали крылатой фразой на *Antrim*, которую неоднократно использовали члены экипажа «Хамфри» и корабельный экипаж в течение следующих бурных дней и недель. Столкнувшись с проблемой, без которой они, вероятно, могли бы обойтись, они воспаряли духом и снова шли вперед, говоря: «Ты должен идти, Джон».

Горный отряд отправляется на ледник Фортуна

Мы вернулись для переброски десанта, в итоге Джон и его люди высадились на ледник в быстро ухудшающихся летних условиях, вертолеты попали в череду снежных и снежно-ледовых шквалов. Пилоты страдали от периодов оледенения. «Хамфри», имея двух пилотов и наблюдателя с FCS сзади, смог избежать дезориентации и благополучно

провел вертолеты вверх и вниз по Фортуне. Вернувшись на *Antrim*, Ян и его команда выразили облегчение, что все закончилось и им больше не придется туда подниматься.

Было похоже, что Южная Георгия ждала нас, не то чтобы она не предупредила. С момента вылета вертолетов погода ухудшилась и обрушилась на десант. «Хамфри» зарегистрировал шквалы в 80 узлов на земле, 90 узлов и более в воздухе, и ветер все усиливался.¹⁶ Люди начали движение, чтобы как можно быстрее покинуть ледник. Они надеялись проследить путь вперед, прежде чем взойти на купол, проверить, нет ли противника за ледником, прикрыть подходы к заливу Стромнесс. Видимости не было никакой, возможно, пара ярдов. Ветер гнал ледяные кристаллы в лицо, делая зрение почти невозможным даже в очках. Пришлось рискнуть, чтобы встретить врага, который в этот момент волновал их меньше всего. Никто бы не вышел на улицу в такую погоду, не так ли? Ситуация свелась к выживанию в условиях стихии. Южная Георгия утверждала себя над нашими делами, какими бы значительными они сейчас ни казались.

Там были трещины. Сперва оторопевший, отряд быстро пришел в себя, вошел в ритм, который пришлось прекратить, когда стало светать. До наступления темноты они прошли около полумили - часы, проведенные за прокладыванием пути, дали о себе знать. Почти перейдя на другую сторону, они, тем не менее, должны были укрыться, насколько это было возможно, на открытой поверхности ледника. Они не могли рисковать, двигаясь в темноте, против всей ярости ветров, несущихся на них.

А ведь все могло бы быть иначе. Если бы не потерянное время, они могли бы добраться до укрытия в скалах, как и планировали. Ветер продолжал усиливаться до невообразимой силы; даже самые опытные из них никогда прежде не сталкивались с ветрами такой, казалось бы, безжалостной, злобной силы. Казалось, будто ревущий, пронзительный ветер пытается швырнуть их по поверхности ледника, вниз к обрывистым склонам, расположенным неподалеку, навстречу бурлящему внизу морю. Дыхание вырывалось из их легких, неприкрытая

¹⁶ Соответственно: 92 миль/ч и 103 миль/ч.

плоть разрывалась снегом и ледяными кристаллами. Измочаленные, почти лишенные чувств, они укрывались, как могли, прижавшись друг к другу. Это была долгая ночь.

В море *Endurance* получил разрешение покинуть оперативную группу, пока все не уляжется. Он лучше многих из нас знал, что происходит и что еще предстоит, где найти укрытие на побережье; он был достаточно мал, чтобы спрятаться в бухте. У остальных не было другого выхода, кроме как спустить вниз все, что можно, задраить люки и стараться держаться друг друга, держа курс на бушующее море. Ветер и море со страшной силой обрушивались на корабли. Волны стали горами, и это на защищенной стороне Южной Георгии! Корабли пронзительно стонали, когда ветер рвал их надстройки. Те из нас на *Antrim*, кто боролся вместе с кораблем, проходя мимо памятной дощечки, могли поднять голову и прочитать ее еще раз, веря, что шотландские клепальщики хорошо поработали, потому что казалось, что нас разрывает на части. Море билось о 6 тысяч тонн стали эсминца, корпус грохотал от каждого удара. Барометр падал с головокружительной скоростью, мы переходили от шторма к ветрам гораздо более сильным. За все годы работы в море мало кто из моряков испытывал нечто подобное. Капитаны оставались на своих мостиках. Экипажи закрылись. Янг опасался за возможный ущерб. К югу от Гибралтара не было ремонтных предприятий Королевского флота.

На летной палубе *Antrim* не удалось загнать «Хамфри» в его ангар. Это достаточно сложная операция и в хорошую погоду, так что Ян сказал своим людям не пытаться. Любая попытка наверняка приведет к травмам, а то и к гибели. Вертолет должен был остаться на палубе. То же самое было и с одним из *Wessex* на *Tidespring*, резервным воздушным судном. Он тоже должен был оставаться на палубе, чтобы выдержать всю мощь наполненного водой шторма. Все, что стояло между их выживанием и гибелью - это цепи и стропы, привязывающие их к открытым полетным палубам. Напряженные до предела, оба аппарата каким-то образом выстояли, чтобы сражаться еще один день.

Ветер поднимался без всякой пощады, достигая, по словам некоторых, скорости более 100 миль в час. Мы достигали верхней границы шкалы

Бофорта. Сплошная стена брызг вырывалась из разорванных волн. Корабли содрогались, стонали и завывали, словно в агонии. Капитан Янг пригласил свой экипаж на нижний мостик, если они захотят посмотреть на море, чтобы в один прекрасный день рассказать об этом своим внукам. Я принял предложение. Мы увидели грозные волны, подобные горам. *Antrim* содрогался, когда встречные волны многократно врезались в него, иногда останавливая его на месте, а иногда почти опрокидывая. Волны набегали на нос, погребая под собой орудийную башню и все, что было до нее. Каждый раз корабль должен бороться за возвращение. Мужественно, стойко, он переваливался с боку на бок, избавляясь от тонн зеленой-серой, изорванной ветром воды. Освободившись, он вскакивал на ноги, чтобы снова погрузиться вниз, как будто в самую глубину.

Море вокруг бурлило, воздух был густым от соленых брызг. Ближе к вечеру все это приобрело тусклое, серо-зеленое свечение, угасающий свет усиливался белизной клубящегося шторма. Наступил момент, когда стало необходимо повернуть корабль, чтобы двигаться вместе с морем, если мы хотим оставаться хоть сколько-нибудь близко к нашим объектам. Корабль предупреждался, двигатели выводились на полную мощность, прежде чем он с готовностью входил в поворот, пытаясь завершить движение во впадине между волнами. Это было опасно, выводить корабль боком в такую волну, но, когда это было сделано, наступило облегчение, и корабль лег на обратный курс. Так продолжалось всю ночь, то в море, то вместе с морем обратно, каждый поворот подвергал нас риску поломки.

Если условия были тяжелыми на уровне моря, то какими они должны быть для горного отряда на берегу, на высоте 1000 футов в горах, намного выше уровня замерзания? Удалось ли им найти убежище, как было предусмотрено графиком? Я надеялся на это, но сомневался, как и другие. Так и не дождавшись ответа, мы все занялись подготовкой к следующему дню плохих новостей.

Сообщение пришло в середине утра. Каким-то образом отряд пережил ночь и в течение трех или более часов после рассвета боролся с непогодой в очередной попытке выбраться с ледника; но их одежда

промокла, а большая часть снаряжения была потеряна или вышла из строя ночью. У нескольких из них появились первые признаки обморожения, у некоторых гипотермии. Они не видели разумной альтернативы отмене операции, пока не начались массовые потери от холода; ведь если один пойдет ко дну, за ним непременно последуют другие. Джон передал просьбу о возвращении, посоветовав поторопиться.

В SAS существовало неписаное правило: база принимает то, что исходит от патруля на земле. Гай согласился со мной. Мы должны выполнить просьбу Джона. Мы должны уважать его оценку ситуации на месте. Это было то, чего мы все ожидали. Вертолеты были готовы. Они вылетели вскоре после сигнала. Буря немного утихла. Но снежные шквалы продолжали нестись с побережья, на мгновение сокращая видимость до нескольких ярдов. Ян вел их вперед, Крис Пэрри сзади передавал информацию с приборов «Хамфри». Они летели в свободном строю, отстающие Wessex V внимательно следили за своим лидером. Достигнув мыса Констанс, Ян приказал вертолетам приземлиться и ждать, а сам пошел вперед, чтобы поближе рассмотреть маршрут к леднику. Майк Тидд и Ян Джорджсон, пилоты, согласились, приземлившись на мысе в стороне от сильного ветра.

Фортуна была закрыта облаками прямо на куполе или под ним. Ян пытался в течение тридцати минут. Ветер рвал летательный аппарат, бросая его то в одну сторону, то в другую. Временами он терял управление хвостовым винтом. И вертолет начал обледеневать, лететь становилось все труднее. Его высотомер тревожно прыгал, когда он пересекал расщелины, обозначающие обрыв ледника в море. Это было не место для «Хамфри», не говоря уже об утилитарных вертолетах. Он повернул, чтобы двигаться по ветру, подхватив два других вертолета, когда его несло обратно к кораблям. Они дозаправились и стали ждать улучшения погоды.

Вторая и роковая попытка началась примерно через час. Погода немного смягчилась, став менее опасной. Облачный покров поднялся, облака поредели. Иногда даже появлялись короткие лучи солнца, которые своей несочетаемой интенсивностью усиливали контрастную серость

моря и суши. Они добавляли ауру мистицизма, ведь Южная Георгия даже в самые тяжелые времена никогда не теряла своей духовности. Ветер оставался сильным, порывистым, непредсказуемым, но определенно ослабевающим. Снежные шквалы были менее частыми. У нас появился соблазн попробовать. «Хамфри» поднялся, собрал двух других и направился прямо к подножию ледника, чтобы начать осторожное восхождение. Ветер трепал вертолеты, но ничего опасного, ничего такого, с чем не могли бы справиться эти опытные морские летчики. Тем не менее, их внимание привлекли скалы, сгрудившиеся по обе стороны.

Бойцы Джона не могли поверить своим ушам. Они не ожидали второй попытки. Услышав приближение вертолетов, один из них дал дым, чтобы обозначить место посадки. Стюарт Купер сразу же заметил его. Они были там, где их ожидал экипаж. Три вертолета приземлились по очереди. Бойцы сразу же начали грузиться, так как погода ухудшилась. Это была гонка на вылет.

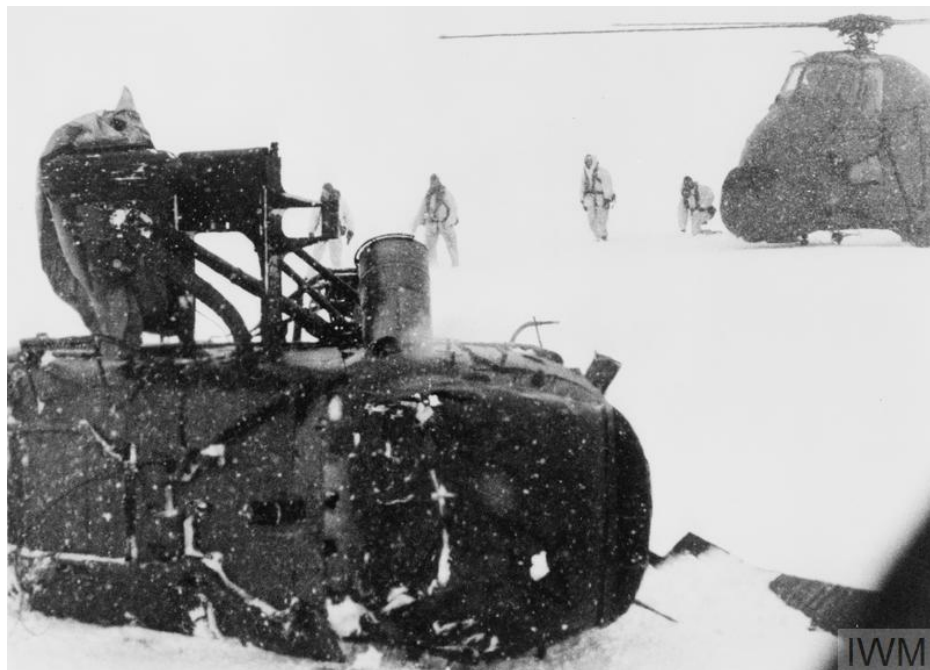
Майк Тидд первым закончил погрузку. Посмотрев налево, он заметил надвигающийся снежный шквал на расстоянии около 800 ярдов. Он подал знак Яну, чтобы тот разрешил ему подняться, чтобы опередить его. Ему было хорошо видно, что впереди, примерно в полумиле, находится ряд небольших ледяных торосов, обозначающих путь к морю. «Да, давай», - последовал быстрый ответ.

Все шло хорошо для Майка и его пассажиров - до тех пор, пока их вертолет не настиг очередной снежный шквал, налетевший сбоку, в ярдах от хребтов и спуска в безопасное место. Белая мгла. Ослепленный, Майк потерял все внешние визуальные ориентиры. Он знал, что они в опасности. Он предупредил своего члена экипажа, сидящего сзади; тот тоже уставился на небо, ища хоть что-нибудь, что могло бы помочь его пилоту сохранить ровный полет. Ничего. Майк знал, что где-то в 700 футах слева от него находится скала, а справа - еще одна, возможно, в полумиле. Непосредственно перед появлением белого пятна он пролетал над скальным выступом. Если он сможет найти эти скалы, они должны дать ему столь необходимые ориентиры. Следя одним глазом за приборами, другим - за ветровым стеклом, он вдруг заметил, что

высотомер показывает приближение - слишком быстро. Он знал, что должно произойти. Он увеличил тягу, чтобы подняться. Это смягчило удар. Вертолет вздрогнул, неохотно завалился на бок, затем дернулся и подпрыгнул, когда винты врезались в поверхность ледника, и падение еще больше смягчилось снегом, когда они скатились во впадину. Пострадавших нет, благодаря молниеносной реакции Майка, его хладнокровию в чрезвычайных ситуациях и навыкам пилотирования.

Ян Стэнли и Ян Джорджсон были свидетелями того момента, когда Майка накрыл снежный шквал. Времени на предупреждение не было. Он рухнул в нескольких секундах от безопасного места. Пара сразу же отправилась за выжившими, воздух снова стал кристально чистым, видимость - миля или больше. Я сопровождал Яна безо всякой логической причины, сидя на заднем сиденье «Хамфри» и по мере возможности поглядывая на дверь. Это был мрачный, выжимающий все нутро момент. На этой войне будут и другие плохие моменты, но это был первый, и он стал еще хуже, потому что мне нечем было заняться, кроме как наблюдать за разворачивающейся драмой.

Фотографии первого упавшего Wessex V на леднике Фортуне

Второй неприятный момент быстро приближался. Оставшиеся в живых солдаты бросили все тяжелое и поднялись на борт спасательных вертолетов. Вскоре все были готовы. Ян Стэнли ждал хорошей видимости, когда снежные хлопья снова пронесли по поверхности ледника: он рассчитывал на 800 ярдов чистого воздуха. Вскоре он дождался его и приказал взлетать. Джорджсон занял позицию позади и по левому борту. Вместе они осторожно подлетели к ледяным торосам - началу пути вниз. Когда «Хамфри» начал подниматься над торосами, налетел очередной шквал. Джорджсон сразу же потерял из виду своего лидера. Как и Майк Тидд, Ян Джорджсон был один в кабине и должен был смотреть не только внутрь, но и наружу. Он пытался поддерживать ровный полет, замедляя скорость. Это было сродни наблюдению через стакан молока. Его глаза то опускались к приборам, то возвращались обратно. Инстинкты говорили одно, органы чувств - другое, приборы - третье. И тут его высотомер показал приближение: первый из ледяных

торосов. Он набрал высоту, пытаясь сохранить вертикальное положение. Первый удар был мягким. Летательный аппарат содрогнулся. Он подумал, что ему удалось избежать наказания. Но Фортуна не собиралась сдаваться. Вертолет мягко накренился. Винты врезались в ледник и бились, пока в конце концов летательный аппарат не замер, лежа на правом борту. Стюарт Купер видел все это в зеркале заднего вида «Хамфри».

- Боже, они врезались! - прокричал он по внутренней связи.

От этих слов кровь застыла в моих жилах. Мой разум замер. Нет, этого не может быть. Мне стало физически плохо. Секунду или около того ничего не было, затем экипаж «Хамфри» размеренным тоном подвел итоги. У них не было четкого представления о выживших. Вертолет лежал на боку более или менее целым. Пожара не было. Удар был растянут по времени, а не катастрофически резким. Крис посоветовал им «вернуться к маме, босс». Они и так были перегружены, а тут еще погода закрыла ледник. Из-под вертолета начали появляться выжившие. Ян принял решение. Они вернутся к «маме», чтобы передать свой груз и вернуться как можно скорее. Он передал это спокойно и по существу. Не было никакого драматизма, только обнадеживающая уверенность, все было сказано в размеренных тонах. Это было лидерство и командная работа в лучшем виде, стабильная, решительная, без эмоций. Со своей стороны, как сторонний наблюдатель, который привел все это в движение, я чувствовал себя серьезно нехорошо: как будто пьяным в стельку, меня тошнило, и я был подавлен.

Достигнув уровня моря, Крис Пэрри нарушил радиомолчание, чтобы передать на корабль сообщение о ситуации (SITREP): «Мы потеряли двух наших птичек». Наступила пауза, прежде чем прозвучало ошеломленное «Roger» от мамы, *Antrim*.

К тому времени, как «Хамфри» вернулся на корабль, погода заметно ухудшилась; это уже не просто порывистый ветер, он усилился и снова превратился в сильный шторм. Основание облаков опустилось, видимость увеличивалась и уменьшалась с нескольких футов до 800 ярдов. Мы загрузили одеяла и медикаменты. Ян почувствовал мое

близкое отчаяние. Он держал меня в кабине; якобы для того, чтобы помочь в принятии решения, но в основном для того, чтобы занять меня, поскольку деятельность является эффективной терапией.

Вскоре мы тронулись в путь. Погода стала дикой, безжалостной, злобной. Фортуна предъявила свои права и не собиралась отдавать то, что так безжалостно захватила. Мы все чувствовали, как Ян борется за управление вертолетом. Как ему удалось снова оказаться на вершине Фортуны, никто из нас никогда не узнает. Но он смог, пробивая себе путь когтями, а Крис Пэрри делал все возможное, находясь сзади с FCS. Ян сосредоточился в основном на приборах, Стюарт смотрел вдаль, передавая визуальную информацию непрерывным потоком. Мы с летчиком делали все, что могли, наблюдая через открытую заднюю дверь. Сверху приземлиться было невозможно, любая попытка была самоубийственной. Кроме того, мы не могли найти место крушения, видимость составляла всего несколько ярдов в любом направлении. Но Ян установил радиосвязь. Все выжили, переломов нет, несколько вывихов. Ян сказал им, чтобы они укрывались как можно лучше; он вернется, когда позволит погода, позже в тот же день, как он надеялся.

Вернувшись на *Antrim*, в тишине и тепле оперативной комнаты, мы подвели итоги. Дэнни, не говоря ни слова, протянул мне сигарету. Сигарета в нужный момент помогла. Я обнаружил, что она успокаивает нервы, замедляет ход событий, дает время подумать, приносит комфорт и подобие нормальности. Дела были плохи. Мы переживали драматический и позорный провал. До сих пор наши усилия стоили оперативной группе потери ее штурмовых вертолетов. Но ни тогда, ни во время операции никто открыто не критиковал и не обвинял нас в том, что мы осложнили ситуацию, даже поставили под угрозу успех. Это бы не помогло. Это просто усилило бы давление. Это было излишне. Настало время «ты должен идти, Джон», приобретая опыт. Обвинения могли подождать, если они были желанными или заслуженными, если человек хотел бы их высказать.

Мы вернули едва ли половину отряда. В медпункте сообщалось, что в целом все в нормальном состоянии здоровья, у одного или двух появились первые признаки обморожения и переохлаждения, но

ничего, что нельзя бы исправить. Как хорошо, что мы пошли им на помощь, когда мы это сделали. Заключение медиков подчеркивало безотлагательность ситуации. Еще одна ночь под открытым небом, и мы почти наверняка потеряли бы их из-за обморожения; мы должны были спасти остальных в течение следующих нескольких часов.

Мы потеряли большую часть нашего альпинистского снаряжения, но нам не о чем волноваться. *Endurance* вмешалась, сообщив нам, что у них есть набор альпинистского снаряжения, принадлежащий отмененной экспедиции «Tri-service»; мы могли бы получить все, если бы это помогло. Таков был флот: щедрый и всегда ищущий решения. Тем не менее, горный отряд на время выбыл из игры. У них должен быть день или около того, чтобы прийти в себя.

Поскольку люди все еще находились на леднике, думать наперед было нелегко; но каким-то образом, между нами, SHQ нашел в себе смелость предупредить Теда и его лодочный отряд. Возможно, они все-таки понадобятся. Ибо, что бы еще ни случилось с нами в ближайшие часы, операция должна была продолжаться. Я поручил ему связаться со штурманом корабля, определить варианты высадки и быть готовым обсудить предпочтительные варианты действий с группой планирования позже в течение дня, как только мы освободимся от непосредственного кризиса.

Тем временем погода улучшилась. С Фортуны нужно было забрать семнадцать человек, включая экипаж. Ян посоветовался со своей командой. Все четверо понимали, что шансы на их выживание уменьшаются. Они использовали время ожидания, чтобы подготовиться, каждый по-своему. Крис написал письмо жене, запечатав в конверт обручальное кольцо. Ян еще раз все проверил, подвел итоги, убедился, что все, что можно было сделать, уже сделано. Он, как никто другой, знал, чем они рискуют. Его вертолет был пожилым. Mark III Wessex имел репутацию вертолета с капризным двигателем. Он уже дважды совершал аварийные посадки, один раз в море. «Хамфри» поднимался на Фортуну уже восемь раз. Корпус вертолета испытывал серьезные нагрузки; его инженеры делали все возможное, чтобы он продолжал летать. Если повезет, можно было успеть сделать еще два полета до

наступления ночи. Они планировали спасти выживших, повторив прежний профиль полета: держаться низко, на воздушной подушке-такси до вершины и обратно. Они знали, что это будет не пикник.

Мы все знали, что Ян и его команда испытывают судьбу. Это было видно по тому, как экипаж палубы провожал «Хамфри»; ни намек на притворную беззаботность, только невысказанные пожелания добра и люди, находящие успокоение в выполнении привычных действий. Все знали, что поставлено на карту, чувствовали серьезность ситуации.

Вертолет быстро скрылся во мраке, выглядя решительным, но одиноким, когда он снова устремился вперед. Казалось, что «Хамфри» нес на своих плечах не только нашу судьбу, но и судьбу всей страны. На его плечах лежало благополучие его экипажа, выживание тех, кто все еще находился на леднике, и, возможно, ход всей Фолклендской операции. Если бы он потерпел неудачу, оперативная группа могла бы компенсировать потери в тактическом плане. Но нельзя было сказать, каковы будут более широкие, более высокие национальные последствия такого неудачного начала нашей кампании по возвращению островов. Я чувствовал себя довольно скверно, осознавая почти сокрушительный груз ответственности в самом широком смысле этого слова. Я остался на летной палубе, замкнувшись в себе.

Достигнув побережья, Ян увидел, что погода значительно ухудшилась с тех пор, как он покинул корабль. Быстрый обмен мнениями по внутренней связи, и все согласились на радикальное изменение плана. Отдав предпочтение идее Яна, они решили рискнуть обледенением и подняться на высоту 3 000 футов, чтобы оказаться на вершине облаков. В результате они окажутся на высоте 2 000 футов или около того над самой высокой поверхностью ледника, а вокруг будут возвышаться горы. Оттуда они могли бы дожидаться разрыва в облаках, обнаружить место крушения, пролететь и забрать выживших. Это был смелый вариант, холодно рассчитанный.

«Хамфри» с готовностью откликнулся на побуждение экипажа, поднялся почти вертикально, чтобы держаться подальше от окружающих гор, скрытых от глаз, там, в клубящейся серости, которая окутывала их.

Спустя, казалось, целую вечность, вертолет вырвался на чистый воздух, в мир голубого неба, ослепительного солнечного света и заснеженных гор. Некоторое время они осторожно кружили над сплошной массой облаков внизу, отмечая, как западное солнце начинает заливать все вокруг глубоким золотистым светом. Скоро им придется прервать полет, чтобы как-то спуститься сквозь облака и выйти к морю. Затем облака начали расходиться, разорванные ветром, сначала неясно, потом с отчетливыми, большими разрывами. Навигация Криса была точной. Сквозь разрыв в облаках Ян и Стюарт одновременно увидели разбившийся вертолет. Им повезло. «Хамфри» нырнул, приземлившись в футах от выживших.

Ян знал, что это должен быть последний полет в этот день. В неуклонно угасающем свете он приказал всем выбрасывать все лишнее. Солдаты без колебаний выполнили приказ, сохранив только винтовки. Они не могли от них отказаться. «Хамфри» быстро загрузил двадцать одну душу, включая экипажи упавших вертолетов из четырех человек, руки и ноги были повсюду, некоторые торчали в дверях, Фиц Фицджеральд, летчик, наполовину внутри, наполовину снаружи, был пристегнут ремнем. Ян, при полной поддержке своего экипажа, собирался поднять свой вертолет, одномоторный Wessex III, с ледника, охваченного сильным ветром, вниз к морю, частично скрытому штормовым ветром, к кораблю, затянутому штормом, и все это с весом до 2000 фунтов. Порывистый ветер придал ему уверенности в своих силах. Его сила должна была помочь «Хамфри» подняться в воздух.

Он дождался особенно сильного, устойчивого порыва, около 80 узлов, вытянул регулятор, плавно нажал на педаль, чтобы учесть противодействующий крутящий момент. Вертолет зашатался, затрясся, как будто удивленный тем, что от него требовали. Сначала неохотно, но он поднялся, с трудом, но уверенно, ветер помогал. Ян сразу понял, что «Хамфри» не сможет зависнуть: вес был больше, чем тот, на который был рассчитан вертолет. Он осторожно повел машину вверх и вперед, используя попутный ветер. Он искал дополнительную мощность, но «Хамфри» больше нечего было дать. Тогда, все еще используя ветер, он осторожно добавил оборотов, чтобы вертолет развернуло, и они помчались к краю ледника, чтобы опуститься к морю. Они набирали

скорость, и управление стало казаться менее кашеобразным, более отзывчивым. Ветер толкал и тянул их, подталкивая к ожидающему их кораблю и к безопасности.

При приближении к кораблю вертолет обычно заходит с кормы, замирает в воздухе, а затем как бы соскальзывает на полетную палубу. Это гарантирует, что, если что-то пойдет не так, у вертолета будет шанс выбраться, а корабль останется неповрежденным. Это дает возможность выбора.

Я ждал в задней части полетной палубы, в своей тревоге и унынии все еще не желая укрыться. Возможно, я пытался таким образом разделить условия со своими людьми, если это могло бы как-то помочь. Конечно, это была полная чушь, но она показала, как разум может хвататься за соломинку, когда находится в затруднительном положении. Затем, без всякого предупреждения, на фоне быстро уходящего света появился «Хамфри». Что-то случилось. Он выглядел неважно. Направляясь прямо к корме, низко летя с трепещущими от работы дворниками, он начал подниматься.

Ян знал, что здесь, на уровне моря, воздух теплее, что дает ему гораздо меньшую подъемную силу, еще более тонкие границы для работы. И он знал, что не может зависнуть. Он должен пройти прямо над левым бортом, каким-то образом учитывая ритмично поднимающуюся и опускающуюся палубу. Это должно быть сделано одним плавным движением: вверх, внутрь на палубу, как можно точнее, вниз. Если все начнет идти не так, как надо, единственным выходом будет пройти прямо через летную палубу и надеяться, что удастся повторить попытку, не потеряв при этом необходимой скорости. Неудача, и это будет крушение на летную палубу, но скорее всего, в море за ее пределами. Мы все могли видеть, что задумал Ян. Команда летной палубы напряглась.

«Хамфри» появился, выглядел маленьким и странно хрупким, его затмевала серо-зеленая, надвигающаяся темнота и простор вздымающегося моря, покрытого брызгами. И вот он снова с нами, без церемоний, без маршировки: он зашел, с небольшой высоты, с одной

стороны кормы, опустился на качающуюся палубу, удар, еще один, ничего страшного, затем сел. Команда летной палубы бросилась вперед со своими стропами, чтобы закрепить его: все было сделано в считанные секунды. Безопасный дом. Затем появились выжившие, один за другим. Первый человек вывалился на палубу и неуверенно поднялся. Я пересчитал их, все были живы и здоровы. Это казалось невозможным.

Автор книги, Седрик Делвес, ждет своих парней.

Все эвакуированы

Экипажи, все до одного, проявили самоотверженность и отвагу во время эпизода с Фортуной, ни разу не дрогнув. «Хамфри» стал легендой, Ян Стэнли и его экипаж оказали услуги, выдающиеся даже по стандартам Королевского флота. Они действовали с образцовым мастерством и изобретательностью. Мы очень полюбили их. Они неоднократно выходили вперед, каждый раз демонстрируя летное мастерство высшего порядка и спокойное мужество. Они сделали то, что должны были сделать, без потерь и без ущерба для своего бесценного вертолета ПЛО. Это было не самое лучшее начало войны, но Ян и его люди не дали нам выйти из игры. И они подали нам всем пример, с которым трудно сравниться. Со своей стороны, эскадрон продолжал действовать; мы не собирались отступать, не замыкались в себе, не жалели себя. Если что и произошло, то этот опыт укрепил нашу решимость высадиться на землю и вступить в бой.

В ту ночь Джон Гамильтон и его отряд разыскали Яна и его команду. Вооружившись бутылкой виски, они выразили свою благодарность. Тем временем эскадрон приступил к выполнению очередной попытки попасть в цель.

Не так-то просто было сосредоточиться на следующей сессии планирования. Слишком много бесполезного шума продолжало давить. Что, если бы мы сделали это? Что, если бы мы сделали то или другое? Проблема была не в трещинах и не в том, идти или нет. В этом мы были правы. Это была погода, необычная даже по меркам Южной Георгии. Ее жестокость удивила многих из нас. Было чему поучиться и в вертолетных операциях. Неизвестно для нас, но в это самое время ВМС работали над этим вопросом, совершенствуя технику ночных полетов, пока основная оперативная группа продвигалась на юг. В будущем тайные вертолетные операции должны были проводиться ночью с использованием двухмоторных вертолетов Sea King, оснащенных приборами ночного видения (NVG), и всегда с двумя пилотами в кабине.

Вертолеты для переброски войск были утеряны, горный отряд остался не у дел, следующую попытку пришлось бы предпринимать на лодках. Как именно? С момента получения приказа, предупреждающего о подобном развитии событий, Тед, командир лодочного отряда, и его команда провели большую часть времени, обдумывая ситуацию и готовясь к ней. Действия внутри и вокруг цели будут такими же, как и предполагал Джон Гамильтон; слава богу, мы собрали два наиболее вероятных необходимых отряда вместе на борту флагманского корабля, чтобы иметь возможность проконсультироваться лицом к лицу. Мы сосредоточили наши размышления на фазе внедрения.

Тед просмотрел оценку своего отряда. Сразу стало ясно, что он хочет зайти прямо в устье залива Стромнесс, высадившись с *Antrim* за мысом, в непосредственной близости от Лейта - главной цели. Оттуда он предложил совершить двухмильный переход на *Gemini* к острову Грасс, лежащему на шельфе между Лейтом и Стромнесс. С острова Грасс отряд сможет наблюдать за берегом материка, проверяя его на отсутствие противника перед высадкой.

Мне это не очень нравилось. Шум больше не был проблемой, лодки намного тише вертолетов. Нет, неудачный вариант с Фортуной предлагал подход к объекту с самого маловероятного направления: внутренних районов Южной Георгии. Разве нельзя было достичь чего-то сопоставимого, используя лодки? Предложение Теда заставило нас двигаться прямо по самому очевидному пути. Рассматривал ли он залив Фортуна, который позволил бы им пройти по первоначальному маршруту Джона?

Он рассмотрел и отклонил залив Фортуна, поскольку, согласно картам, он был заросшим ламинарией. Дополнительную сложность мог представлять лед, который скапливался в бухте с ледников, расположенных дальше по побережью. Он грозил повредить лодки. Ламинария и лед в совокупности делали залив Фортуна проблематичным, чего нельзя было сказать о фронтальном подходе. Убедительно. Мы исключили залив Фортуна. И это исключало вход в бухту Стромнесс, поскольку другого подхода для небольших лодок не было.

Китобои установили посты на большинстве доступных участков, все потенциальные места расположения противника исключали возможность подхода по суше, кроме как со стороны Фортуны. Казалось, ничего другого не оставалось, кроме как войти прямо через «дверь», направиться прямо к острову Грасс, а затем переправиться на материк, предварительно убедившись, что побережье чисто. Это казалось таким тревожно очевидным, хотя и простым и смелым.

Мы изучили оборону противника, в частности, возможность того, что они могли разместить радары и тяжелое вооружение на мысе для защиты от того, что мы могли им предложить. Это выглядело маловероятным, так как береговая линия была обрывистой на большей части своей протяженности. Планировщики сочли риск приемлемым, заверив нас, что корабль будет находиться на боевом посту, затемненный и бесшумный, способный в любом случае проскользнуть и выйти незамеченным. Я отметил их высокую уверенность.

Военно-морской флот, конечно же, отдал предпочтение предложению лодочного отряда. Я догадывался, что они предпочтут сделать акцент на мореходстве, более знакомом им, чем альпинизм, бывший в предшествующем варианте с Фортуной. Я продолжал сомневаться. Неужели это обязательно должны быть Gemini с их ненадежными двигателями? Никто из нас не доверял двигателям, в том числе и Тед. Он позаимствовал все, что мог, у ВМФ, но в основном это будут наши собственные двигатели. А нельзя ли использовать байдарки Klepper? Отклоняется. При сильном ветре их, скорее всего, унесет в море, а при сильном волнении они могут перевернуться. Разве остров Грасс не был достаточно очевиден? Возможно, но какова была альтернатива, если они должны были наблюдать за берегом, прежде чем сделать высадку? Лишь много позже мы узнали, что Кит Миллс использовал остров Грасс при обороне Южной Георгии всего за несколько недель до этого, но аргентинцы его обнаружили.

Мы еще раз обсудили проблему двигателей и другие вопросы. Были приняты все меры предосторожности. *Antrim* одолжит нам один из своих двигателей, единственный запасной. Перед запуском мы прогреем двигатели в баках с водой. Каждый аспект высадки был неоднократно обдуман. План должен был быть максимально защищен от непогоды. Мы усвоили это на собственном опыте.

В конце концов, мы все уладили. Мы должны были действовать так, как хотели и Тед, и корабль: зайти в устье залива Стромнесс, спустить Gemini с *Antrim*, чтобы лодочный отряд вышел в целевой район через остров Грасс. Расстояние от точки высадки до острова не могло быть больше мили или около того. И все же я беспокоился. Сколько в этом было шрамов от Фортуны, сказать трудно. Мне определенно не нравилось идти вперед. Это противоречило нашим прежним выводам, не говоря уже об инстинктах. Мы приняли решение в течение часа после эпического возвращения «Хамфри» с ледника. Лодочный отряд пойдет в ту ночь.

Вечер был невероятно тихим, когда *Antrim* скользнул в залив Стромнесс. Шум и ярость предыдущих часов сменились мертвым, ровным спокойствием. Буря прошла, утихла. Вода билась о корпус корабля,

воздух был неподвижен, лишь слабый ветерок, создаваемый кораблем, осторожно входил в бухту. Прибрежные воды мягко колыхались с маслянистой медлительностью. Снизу доносился слабый гул механизмов, и время от времени доносились приглушенные звуки подвесных моторов, греющихся в бочках с водой. Это же не могло донестись до Лейта, расположенного в двух милях за мысом? Бесчисленные, незнакомые южные звезды сверкали в безоблачном небе, простираясь от гор до самого горизонта в море. Луны не было, звезды давали мягкий свет. Конечно, не настолько, чтобы выдать присутствие *Antrim* кому-либо на берегу, расположенном совсем рядом.

Мы перешли на холостой ход. Поднялся легкий морской бриз, едва достаточный для того, чтобы незаметно подтолкнуть *Antrim* к мелководью. С войсками на том берегу корабль ничего не мог поделать, только терпеливо ждать, пока вода очистится от лодок, и только потом уйти обратно в море.

Лодочный отряд готовится к патрулю. Судя по обилию снаряжения, это именно так, но фото сделано днем, а автор пишет, что вышли они ночью. Впрочем, проверить ни достоверность слов автора, ни достоверность фото не представляется возможным в ближайшее время.

Тед и его люди быстро перебрались на лодки, и вот один из подвесных двигателей закапризничал. Экипаж боролся с ним изо всех сил, снова и снова дергая за шнур стартера. Я чувствовал их нарастающее разочарование. Мы занимали слишком много времени. Корабль ждал спокойно, терпеливо, ни разу не показав беспокойства, медленно дрейфуя к мелководью. Как всегда, с *Antrim* не было никакого давления. Она знала, что мы делаем все, что в наших силах. Мы тоже знали: пора «ты должен идти, Джон!». Наконец Тед сказал нам идти.

Он справится. Да, он был уверен. К этому времени еще два подвесных мотора барахлили, но он возьмет их на буксир, если понадобится. Пяти лодок должно было хватить на большинство, если не на все случаи жизни. Шепча «удачи» и «береги себя», они двинулись в путь, может быть, несколько неуверенно с одной лодкой на буксире, но вскоре скрылись в темноте. Сразу же, бесшумно, эсминец повернул в море. Это был чистокровный, морской военный корабль, и, несмотря на его спокойствие, красться в мертвой ночи, близко к берегу, не могло быть естественным делом; ни для него, ни для нас. Все это было далеко от Кении. Я решил остаться на палубе: опять эта нелогичная попытка разделить условий с войсками. Корабль начал набирать ход, стремясь вырваться из пределов залива.

Он появился в виде легчайшего, нежнейшего ветерка, ласкающего мой затылок; его почти не было, но его сразу заметили, потому что он пришел сзади, откуда не следовало, где мы оставили отряд, по крайней мере, с одним неработающим двигателем. Через несколько минут мы вернулись к вздыбленному морю, волнению, ревущему ветру - все, черт возьми, снова! На этот раз на нас обрушился кататический ветер - натиск холодного плотного воздуха, ускоряющегося с гор. Он врзался в залив, набирая все большую скорость и устремляясь в море, сбивая все на своем пути. Злобная, коварная, неумолимая Южная Георгия снова была в деле. Я знал, что это предвещает беду, и не сомневался в этом.

Через десять минут после отхода от корабля, еще до того, как поднялся ветер, лодочный отряд начал борьбу. Почти одновременно отказали три из пяти двигателей. Наши опасения относительно возраста и надежности двигателей оправдались. Две лодки с рабочими двигателями взяли

остальные на буксир. Затем налетел ветер. Он врезался в них спереди. От штиля до ярости, рева, ударов в одно мгновение, воздух стал плотным от соленых брызг. Залитые глаза сильно щипало, стало трудно видеть в любом направлении. Волны неумолимо росли, достигая шести и более футов. Вместе с ветром они гнали лодки назад в открытое море. На солдат обрушилось осознание. Это была борьба за выживание против природы, и их физические силы казались совершенно неспособными справиться с этой задачей. Они сгибались под напором ветра и волн, лодки поднимало и крутило, угрожая опрокинуть. Безопасность лежала впереди. Каким-то образом они должны пробиться вперед.

Две лодки достигли места назначения, одна из них буксировала другую. Остановившись только для того, чтобы убедиться, что с командой, доставленной на берег, все в порядке, и не заботясь о собственной безопасности, Томми Трентон и его команда вернулись, чтобы помочь отбуксировать остальных. Когда у них отказал двигатель, их тоже унесло в море. Из пяти *Gemini*, отправившихся в ту ночь с *Antrim*, три добрались до острова Грасс, и две были унесены в море: лодка Томми и вторая, которой командовал Чиппи Карпентер, заместитель Теда.

Тед доложил о ситуации на *Antrim* первым делом на следующее утро, дав пропавшим лодкам время попытаться добраться до цели. Он передал то небольшое, что они знали: шесть человек в двух лодках пропали без вести. Остальная часть отчета Теда указывала на то, что Лейт и Стромнесс находятся под наблюдением с острова Грасс и что противник, похоже, не подозревает об их присутствии. Несмотря на последнее, настроение оставалось подавленным. Мы все знали. Вероятно, *Gemini* были в море, возможно, перевернулись, люди утонули. Мы столкнулись с потерей шести наших друзей и коллег, погибших при ужасающих обстоятельствах. Это казалось неправильным. Мы ожидали, что будем принимать удары. Это было в порядке вещей. Но вот так? И за что? Чего именно мы добились? Чего мы могли достичь, чтобы оправдать такие потери? Наш прежний восторг от участия в операции, юношеский энтузиазм и воодушевление сменились более мрачным настроением. За двадцать четыре часа мы стали опытными солдатами Южной Атлантики, закаленными испытаниями, познавшими неудачи.

Поскольку патрули на берегу не были обнаружены, капитан Янг взял на себя риск организовать поиск пропавших лодок. Эта задача была возложена на «Хамфри». По расчетам, лодки находились далеко от берега и вдоль побережья, почти наверняка вне поля зрения врага на суше. Сводка погоды не внушала оптимизма: штормовой ветер, состояние моря от беспокойного до очень беспокойного, облачность около 200 футов. На самом деле облачность опустилась гораздо ниже, обеспечивая в лучшем случае ограниченную видимость.

Янг поднял «Хамфри» с инструкциями искать пропавших людей в районе Бьюзен Пойнт, примерно в трех милях от устья залива Камберленд. Выглядывая из задней двери вертолета, когда видимость заслоняли густые брызги и время от времени налетающие шквалы снега, Фитц давал большие шансы. Он знал, что они не могут использовать радар, опасаясь предупредить противника о присутствии оперативной группы. Это должен быть «Mark I Eyeball»,¹⁷ в условиях плохой видимости, которая может только ухудшиться. Совсем не многообещающе. Крис Пэрри тоже все подсчитал. Используя собственные наблюдения экипажа за погодой против предположений «встречающих», он посоветовал Янгу направиться к побережью на расстояние, превышающее указанное на предполетном инструктаже, и дальше, чем было предписано. Они искали «ящик» в течение часа или более, пока не кончилось топливо. На последнем этапе поисков, за несколько мгновений до возвращения на корабль, Крис уловил слабый стрекот маяка самонаведения.

Чиппи и его команда уже некоторое время улавливали отдаленный звук вертолета. Сначала они подумали, что это, должно быть, противник. Но в конце концов он и его патруль уловили кратчайший проблеск, когда воздушное судно появилось из тумана вдали, на самом пределе их зрения. Чиппи посоветовался со своей командой. Да, они тоже так думали, совершенно точно: Wessex, кабина пилота на возвышении совершенно отчетливо выделялась. Насколько им было известно, у противника не было Wessex. Это должен быть наш, снова «Хамфри». Уверенный в своей оценке, что они точно отделили друга от врага,

¹⁷ Mark I Eyeball – прибор визуального наблюдения, он же человеческий глаз, прим. перев.

только тогда Чиппи обратился за помощью, включив свой поисково-спасательный маяк SARBE. До этого момента он сохранял радиомолчание, опасаясь выдать присутствие оперативной группы врагу. Ян немедленно повернул в нужную часть океана. Фитц заметил их первым - пятнышко в самой дальней точке видимости. Ян рванул вперед. Чиппи немедленно выключил маяк. Вскоре после этого он и его команда оказались на борту «Хамфри», лодка была разрезана и затоплена.

Чиппи и его патруль были обнаружены в невероятной дали от места, где их высадили накануне вечером, в шестидесяти двух милях от берега. Позиция находилась на значительном удалении от входов в заливы Стромнесс и Камберленд. Видимость на всем протяжении была плохой. Кроме одной короткой вспышки SARBE с его скромным радиусом действия, ни вертолет, ни лодка не передавали никаких других сигналов. Скорее всего, поиски прошли бы для него незамеченными. Приняв решение хранить радиомолчание, Чиппи и его команда рисковали погибнуть в бескрайней пустоши Южной Атлантики. Их беззаветная преданность была слишком болезненной, чтобы о ней думать. О другой лодке не было никаких новостей. Мы опасались худшего.

В то время как эскадрон пытался выйти на цель, SBS испытывали аналогичное разочарование. Выбранный ими маршрут выглядел достаточно простым. Они должны были стартовать с *Endurance*, их план был основан на подробных знаниях корабля о местности. Он отличался элегантной простотой. Капитан Баркер и его штурман предложили SBS высадиться на берег в бухте Хаунд, используя корабельную шлюпку. Они знали, что выбранное место высадки укрыто от непогоды и вряд ли будет патрулироваться противником. Оттуда разведгруппа могла осторожно продвигаться пешком через долину Сёрлинг к восточной части залива Камберленд. Как только они убедятся, что в этом районе нет противника, лодки патруля будут переброшены вертолетом. Если бы это прошло незамеченным, они продолжили бы движение, в конце концов, добравшись до целевого района по водам залива Камберленд.

Если бы не лед, проникновение, скорее всего, удалось бы. С частотой, которую невозможно было предсказать, он откалывался от ледника

Норденшельд в залив Камберленд большими, распадающимися на части кусками, многие из которых были размером с дом, выталкивая огромные волны. Даже без этих волн риск того, что лед повредит лодки, был бы очень велик. Лед образовал почти сплошной слой, сковавший южную часть залива. При ударе одного из периодических «цунами» повреждение любого небольшого судна было бы почти гарантировано, а заливание и опрокидывание еще более вероятны. Выжить в такой холодной воде было бы невозможно, это вопрос нескольких минут. Тем не менее, патруль предпринимал неоднократные, доблестные попытки прорваться. В конце концов, с неохотой, им пришлось смириться с неизбежным и отменить попытку.

Запрос патруля SBS на эвакуацию поступил в оперативный штаб *Antrim* вскоре после спасения Чиппи. Гладко это не прошло. Было выказано некоторое недовольство со стороны пары планировщиков. Слишком много, кто-то был настроен решительно. Было ли это действительно необходимо? Не лучше ли им остаться на земле еще на некоторое время, чтобы попробовать еще раз?

К нам это имело мало отношения, если вообще имело, но ни Дэнни, ни мне не нравились эти сомнения. В полку мы всегда шли навстречу человеку. Мы только что, довольно драматично, продемонстрировали свой подход. Мы молчали, поглядывая на Кертиса Ли, офицера связи SBS, который приводил аргументы в пользу просьбы патруля, молча выражая свое сочувствие, как только могли. Он был опытным, зрелым оператором, его суждения отличались здравомыслием. Он знал своих людей. Если они говорили, что этого нельзя сделать, значит, этого нельзя было сделать. Не было смысла желать обратного. Как может кто-то в тылу возражать против этого? Патруль на земле был бы так же предан делу, как и любой из нас. Нелегко «отменить время», часто морально легче продолжать. Они бы постарались сделать все возможное, прежде чем «поставить точку».

Я чувствовал, что в спорах есть что-то еще. Дэнни и я казались частью этого, хотя мы были вне конкретной обсуждаемой тактической ситуации и держались в стороне. Казалось, в этом вопросе кроется что-то, о чем, возможно, не говорят открыто, - о неудачах эскадрона: скорее всего,

Фортуна, и подвели эти чертовы подвесные моторы в заливе Стромнесс. Между SBS и SAS всегда существовало здоровое соперничество. Только в этот момент я уловил непривлекательное подводное течение. Возможно, это отражало решимость одного или двух из SBS избежать того, чтобы их службу в сознании ВМС относили к одной категории с нами. Это было бы разочаровывающе, но вполне объяснимо, учитывая то, что мы все пережили за предыдущий день или около того.

Вскоре здравый смысл возобладал, Кертис выиграл свое дело, и были даны инструкции по возвращению патруля. Это был неприятный эпизод. Мне не очень понравилось, что Кертису пришлось так настойчиво отстаивать просьбу патруля. Еще меньше мне понравилось то, что это могло говорить о наших собственных усилиях, включая возможное падение уважения и доверия ко мне лично. Возможно, это было просто давление, которое начало проявляться, когда наши соответствующие планы и теории подвергались испытанию. Но определенно, за последние двадцать четыре часа или более беззаботное общение во главе вступивших войск уступило место менее легкому состоянию. Существовало подводное течение, которое трудно изолировать, определенное напряжение, которое будет сохраняться.

Мы с Дэнни нашли тихий уголок. Он раскрутил свой кубик Рубика, а затем так же быстро собрал его обратно. Я так и не узнал, как он это делает. И он никогда не показывал мне; и это было не из-за отсутствия недостатка в просьбах! Никто из нас не чувствовал себя особенно оптимистично, Дэнни скрывал свое беспокойство лучше, чем я. Я чувствовал себя очень подавленно. Наряду со всем остальным, мои мысли постоянно крутились вокруг пропавшего патруля Теда. Я надеялся, что мое мрачное настроение не слишком заметно. Я изо всех сил старался их сдерживать. Он пытался подбодрить меня, чувствуя мое уныние. Он был прав. Могло быть и хуже. Мы могли только сделать все возможное. И да, действительно, у нас были подразделения на позиции. Это помогло. Я взял себя в руки. Он снова раскрутил свой кубик.

Следующий день начался достаточно хорошо, за исключением пропавшего патруля. За ночь Теду удалось добраться до «материка». С утомительной периодичностью его подвесные моторы барахлили. С

трудом преодолевая узкий участок воды, они высадились на берег на полпути между Стромнесс и Лейтом и обнаружили вдоль берега спутанное месиво из металла - обломки китобойных станций. Добавьте к этому скользкие камни, и им было нелегко вытащить себя и резиновые лодки на сушу без происшествий. Это заняло у них целую вечность, испытывая их терпение почти до предела. Несмотря на потерю времени, они придерживались своего плана: одна группа двинулась к Стромнесс, другая - к Лейту, третья осталась охранять спрятанные лодки и запасы.

Стромнесс оказался чистым от противника, жутковатым городом-призраком, постоянно вздыхающим и гудящим на ветру. В крайнем случае, он мог бы послужить местом, где можно укрыться от стихии, если бы возникла такая необходимость. Вероятность быть обнаруженным среди его многочисленных зданий была невелика. Патруль отбросил эту мысль и вернулся к лодкам.

Тед и его патруль направились в Лейт, заняв наблюдательную позицию в районе Харбор Пойнт. Внизу виднелись огни. Там было какое-то движение, странная фигура, проходящая перед окном. По ветру разносилось ровное «донк-донк» дизельного генератора. Двигатель заглох в ранние часы, когда аргентинцы расположились на ночлег. Было уже поздно, два часа ночи. Тед на мгновение задумался, объясняя это тем, что латиноамериканцы предпочитают поздние ночи, но потом вспомнил, что оперативная группа работает по ЗУЛУ (время по Гринвичу). Таким образом, мы опережали местное время на четыре часа.

Решение перевести всю оперативную группу на ЗУЛУ было принято оперативным штабом флота с разумной, хотя и обыденной целью - держать всех на одной «вахте», независимо от текущего часового пояса. Это упростило бы управление для всех: координацию встреч, планирование мероприятий, аннотирование документов, регистрацию сигналов. Даже личные часы будут выровнены. Все и вся будут находиться в едином боевом ритме. Это внесло далеко идущий вклад, выходящий за рамки управленческих удобств. Непредвиденное, дополнительное преимущество заключалось в том, что мы постоянно опережали противника на четыре часа. Мы вставали и завтракали

задолго до начала их дня, каждый день. Аргентинцы так ничего и не поняли.

Не все в Лейте спали. В какой-то момент часовой открыл автоматный огонь, напуганный падением камня в его тылу. Патруль, смотревший вниз, заметил его позицию. С рассветом весь гарнизон встал на свои оборонительные позиции: все шестнадцать человек. Офицер совершал обход, останавливаясь у каждого окопа, чтобы перекинуться парой слов. Может быть, и добросовестно, но при этом он точно дал определить местоположение каждого окопа: миномет, еще один пулемет, а вон там радиостанция, предположительно командирский окоп.

Тед отметил, что представленная ему схема охватывала подходы со стороны моря, практически исключая все остальные направления, при этом не особенно умело. Имелась ограниченная глубина, рудиментарная взаимная поддержка между окопами и скудная маскировка. Миномет был «наклонен вперед», смотрел в сторону моря и береговой линии, более или менее перекрывая наши предполагаемые, наиболее вероятные пути продвижения. Хуже, хотя с нашей точки зрения это было лучше, окружающая, более высокая местность оставалась без присмотра. Тем не менее, с нее открывался вид на все. При условии, что враг будет придерживаться своего плана позиционной обороны, можно будет перебить почти весь гарнизон с того места, где патруль стоял на наблюдении.

Это должна была быть работа плохого тактика с минимальным пониманием теории обороны, любителя. Да и войска не отличались особой осторожностью. Вскоре Тед составил карту: каждый окоп, укрытие, другие заметные позиции, расписание дня противника и рекомендуемый метод атаки. Он не чувствовал необходимости продвигаться дальше; просто вел наблюдение за местностью с того места, где он находился. Отмечайте любые изменения. Он передал все это обратно в оперативный штаб *Antrim*. Мы были воодушевлены. Отчет прояснил ситуацию. Для разгрома врага в Лейте лодочному отряду потребуется лишь незначительное подкрепление. Мы могли сосредоточить оставшиеся силы эскадрона на Грютвикене, если бы это потребовалось. Одновременные или почти одновременные атаки на

Лейт и Грютвикен были вполне осуществимы. Отчет помог уменьшить боль и разочарование предыдущих дней, подчеркнув ценность хорошей, актуальной разведки целей. Он должен был оказаться весьма полезным. Но этого не произошло, поскольку он оказался фактически ненужным из-за всего того, что должно было произойти.

4. Поиск до уничтожения

В конце концов, противник начал играть более активную роль, с которой он так и не смог справиться, поскольку мы реагировали одним способом, а они не смогли эффективно противодействовать другим. Утром 23 апреля, вскоре после того, как доклад Теда поступил в оперативный отдел, *Endurance* обнаружил то, что оказалось одним из двух аргентинских самолетов Hercules C 130 в этом районе. К счастью, корабль избежал обнаружения. Не так повезло *Plymouth*, *Tidespring* и *Brambleleaf*. Их обнаружили далеко к северо-востоку от острова, когда они проводили столь необходимую дозаправку. Третий вражеский самолет, также выполнявший роль наблюдателя, Boeing 707, позже был замечен летящим на низкой высоте над восточным побережьем Южной Георгии. Если воздушная активность не вызывала достаточного беспокойства, то затем *Endurance* перехватил радиопередачу, которая могла исходить только от подводной лодки. Вся эта активность должна была быть связана. Так оно и было. Эти события совпадали с сверхсекретной разведывательной информацией из Нортвуда, предупреждавшей, что враг намерен победить нас на море, используя подводную лодку, находящуюся сейчас в этом районе. ВМС держали большую часть этой информации «в секрете», поэтому некоторое время десантные силы оставались в блаженном неведении относительно угрозы со стороны подводных лодок.

Янг должен был почувствовать, что инициатива перешла к противнику. Вне всякого сомнения, он утратил элемент оперативной внезапности. Аргентинцы знали, что мы находимся в море. Но усилия Теда в Лейте показали, что все еще возможно достичь тактической внезапности на местном уровне, на суше, по крайней мере, в заливе Стромнесс. Чтобы усилить давление, он и его заместитель недавно были опрошены вышестоящим командованием по поводу отсутствия прогресса на берегу и, надо полагать, зыбкой роли спецназа во всем этом. Это побудило его и Гая рассмотреть возможность раннего наступления на Лейт, задействовав эскадрон для использования разведданных Теда, оставив Грютвикен на потом. Когда меня спросили о моем мнении, я предложил, что мы, конечно, можем взять Лейт, если они хотят, не раньше раннего утра следующего дня, если позволит погода. Нам, вероятно, придется

использовать корабельные шлюпки, чтобы скрытно добраться до берега, поскольку мы хотим подобраться к врагу незаметно, начав атаку с первыми лучами солнца, чтобы застать его на известных позициях.

Фактически Лейт выглядел подходящим вариантом в любое время при условии, что он останется таким, каким его нашел Тед. Можно было ожидать, что его ранняя потеря для врага подорвет дух в Грютвикене, их предполагаемом главном месте. Но, с другой стороны, может ли движение против любой менее значительной цели быть истолковано как признак нашей слабости, а не силы, как недостаток уверенности? Может ли это укрепить решимость противника? И чего именно можно добиться, взяв Лейт без Грютвикена? Мы могли понести потери и раскрыть еще больше своих карт без ощутимого выигрыша, потому что на каком-то этапе нам обязательно придется взять Грютвикен. Взятие Лейта на ранней стадии и в одиночку, казалось, ничего не добавляло. В конце концов, было решено, что мы должны продолжать действовать на суше, как и раньше: разведка, предшествующая штурму Грютвикена морской пехотой в качестве основной операции, а Лейт должен быть вписан в нее как можно лучше. Как и следовало ожидать, большая часть меня находила идею о том, что эскадрон даст ранний результат при скромном риске, очень привлекательной, компенсируя некоторые из предыдущих разочарований.

Командир оперативной группы с его более широкими обязанностями чувствовал себя обязанным в первую очередь устранить растущую морскую угрозу, а дела на суше должны были подождать. Это должно было быть правильным; неудача на море грозила полным поражением. Это было мудрое решение. Янг принял решение, предупредив свои корабли, чтобы они приготовились к решительной противолодочной борьбе. Сухопутные войска он оставил продолжать разведку. Так мы и поступили, большинство из нас на тот момент еще не знали о существовании подводной лодки.

Если капитан Янг и сомневался в своих приоритетах, то они развеялись на следующее утро, когда Всемирная служба Би-би-си передала аргентинское сообщение о присутствии двух военных кораблей и транспортного корабля у берегов Южной Георгии. Это сообщение

фактически подтвердило, что военно-морские и военно-воздушные силы противника обнаружили нас, если не полностью, то уж точно частично. К тому времени *Tidespring*, наш жизненно важный танкер RFA с ротой Королевской морской пехоты, был выведен в безопасную зону в 200 милях к северо-востоку.

Endurance с 16 отрядом держался вблизи берега, где любой подводной лодке было бы трудно его обнаружить, не говоря уже о том, чтобы вступить с ним в бой. В море его шумные дизельные двигатели, не соответствующие военным стандартам, должны были выдать себя. Скрываясь среди фьордов, он оставался мощной угрозой, готовый нанести удар своими вертолетами WASP, вооруженными ракетами класса «воздух-поверхность».

Antrim тоже отступил, чтобы занять более выгодную позицию для проведения ПЛО-поиска. Естественно, у SHQ и горного отряда не было другого выбора, кроме как идти с ним, чтобы стать совершенно ненужными сторонними наблюдателями. Такова природа морской войны для десантных сил.

По оценкам Нортвуда, оперативной группе предстояло сразиться с *Santa Fe*, бывшей океанской подводной лодкой ВМС США класса «Гуппи» времен Второй мировой войны. Ее дизель-электрическая силовая установка позволяла ей при необходимости зависать и оставаться неподвижной в погруженном состоянии. Это позволяло ей выполнять тонкую и осторожную работу в прибрежной зоне. Возможно, лежать в засаде. И она была достаточно тихой. Ее было бы трудно найти. Может быть, старинная, но вооруженная современными торпедами, лодка-ветеран, вполне подходящая для такой работы. Шансы были равны.

Подводная лодка вышла из Мар дель Плата десятью днями ранее. По расчетам разведки флота, она должна была оказаться в районе Южной Георгии примерно 24-25 апреля. Радиоперехват *Endurance* подтвердил эту оценку. Принимая во внимание всю имеющуюся информацию, включая то, что мы знали о Лейте, оперативный штаб *Antrim* считал, что субмарина, скорее всего, направится к Грютвикену, ночью выгрузит подкрепление и припасы, а затем снова выйдет в море, чтобы атаковать

нас. Если они были правы, мы могли ожидать, что она выйдет из залива Камберленд рано утром следующего дня!

Нортвуд держал в курсе событий командующего главной оперативной группы контр-адмирала Сэнди Вудворда. Сам подводник, он понимал опасности, грозящие силам операции «Paraquet». Он видел, что нам не помешало бы больше вертолетов, не только для переброски войск, чтобы восполнить потери на Фортуне, но и для ПЛО. Он послал HMS *Brilliant*, фрегат типа 22. Под командованием Джона Коварда он оказался не только блестящим по названию, но и блестящим по характеру на протяжении всей войны, всегда оказываясь на месте, когда это было необходимо.

Brilliant настиг оперативную группу как нельзя вовремя. Он привез два вертолета Lynx и еще один гидролокатор, установленный на корпусе, - самое современное оборудование ВМС для ПЛО. Было бы легко не заметить этого, списав такое развитие событий на удачу. На самом деле, ее своевременное прибытие было результатом разведки в сочетании с профессиональным предвидением и абсолютно решительным осуществлением запланированного вмешательства. Капитан Ковард примчался на место происшествия, доведя свой корабль до предела, зная, что у него в запасе мало времени. Удача имела к этому мало отношения.

План командира оперативной группы был прост. Он держал Лейт под наблюдением Теда, который наверняка сообщит о появлении любой подводной лодки. Поэтому он сосредоточится на Грютвикене и заливе Камберленд, как предполагала разведка. Однако, чтобы запутать ситуацию, пришло еще одно сообщение с полевой станции Британской антарктической службы, расположенной на острове Берд, на самой северной оконечности Южной Георгии. Ученые утверждали, что видели два вражеских военных корабля и реактивные самолеты. Янг отнесся к этому скептически, правильно полагая, что за предыдущие дни они наверняка видели элементы оперативной группы, приняв их за аргентинцев. Тем не менее, он учел в своих планах вероятность того, что отчет окажется правдивым. Его военные корабли должны были двигаться ко входу в залив Камберленд, проводя ПЛО по мере

продвижения. Учитывая расстояния, они не успеют вовремя поймать любую подводную лодку, выходящую на поверхность с первыми лучами солнца на следующее утро. Для этого ему придется полагаться на свои вертолеты.

В распоряжении Янга теперь было шесть летательных аппаратов, но только его собственный, почтенный Wessex III, вездесущий «Хамфри», был оптимально оборудован для противолодочных операций. Слава Богу, вертолет и его экипаж прошли через Фортуны. *Brilliant* мог предоставить два современных Lynx. Они имели ограниченные возможности для поиска ПЛО, но были вооружены самонаводящимися торпедами. Наконец, *Endurance* и *Plymouth* могли предложить три вертолета WASP; они не имели возможности поиска за пределами видимости, но были вооружены ракетами AS 12. Примитивная по современным стандартам «выстрелил и забыл», AS 12 должна была наводиться на цель вручную оператором с помощью джойстика. Это требовало виртуозности в благоприятных условиях и героического уровня устойчивости во время операций.

И снова судьба будет зависеть от профессиональных навыков и возможностей авиации флота. Действительно, наши жизни, не говоря уже об оперативном успехе, находились в их руках. Они знали это. Ничто не было оставлено на волю случая. Все было перепроверено: вертолеты, оружие, тактика, координационные инструкции. Ничто не было упущено из виду. Они полностью осознавали задачу и ее ужасающую серьезность. Невозможно сделать ничего другого, кроме как уничтожить вражескую подводную лодку, если она обнаружена и намеревается атаковать. Взять на бордаж - не вариант. Призывать ее к сдаче также нецелесообразно. Вражеская подводная лодка должна быть обнаружена, а затем уничтожена - никаких «если», никаких «но». В военно-морском флоте есть выражение для этой работы, недвусмысленное, бескомпромиссное, если не сказать архаичное: «поиск до уничтожения».

Ян Стэнли и его команда должны были возглавить и контролировать поиск с воздуха. Стартовав с восьмидесяти миль от берега, они намеревались войти в залив Камберленд с первыми лучами солнца 25 апреля, вооружившись двумя глубинными зарядами - оружием

практически того же класса, что и подводная лодка, которую они надеялись найти. Одновременно два Lynx с *Brilliant* должны были проверить район второстепенной важности у залива Поссешен. Они должны быть готовы прийти на помощь «Хамфри» в случае необходимости, захватив с собой самонаводящиеся торпеды. Вооруженные WASP AS 12 должны были оставаться на палубе в состоянии боевой готовности, готовые усилить тот район поиска, в котором будет обнаружен «товар».

Я узнал о «поиске до уничтожения» рано утром того дня. Впервые я почувствовал это, лежа в своей койке. Это разбудило меня. Что-то случилось. Корабль шел вперед, целенаправленно, уверенно, с легким ryzyканием по волнам. В выраженном, непрерывном и ритмичном движении чувствовалось нетерпение, явное ощущение целеустремленности. Странно, как машины могут приобретать личные качества; в тот момент корабль чувствовал необычайное стремление, полную концентрацию на неотложном деле. Это заставило меня встать с постели. По пути в кают-компанию за пивом, толкаясь от движения, все, мимо кого я проходил, казались более оживленными, чем обычно. Волнение было осязаемым. Я быстро перекусил сэндвичем с беконом и кружкой чая, а затем отправился узнать больше, но персонал кают-компания не смог предложить ничего, кроме подводной лодки и Камберлендской бухты.

В нашей оперативной комнате были известны только самые общие контуры. Военно-морской флот был уверен: где-то там находится вражеская подводная лодка. Мы направлялись к заливу Камберленд, наиболее вероятному месту ее обнаружения. От нас уже поднялся «Хамфри», а Lynx с *Brilliant*. Он только что прибыл на подкрепление. Пока ничего не обнаружено. Инстинктивно я направился к нижнему мостику, чтобы полюбоваться видом. Место было в моем распоряжении. Это не должно было удивлять. Смотреть было бы не на что. Кроме того, экипаж был на своих боевых постах, укомплектовывая свою часть корабля, теперь уже явно единую, сложную машину морской войны, нацеленную на разрушительные цели. Снаружи все выглядело как всегда мрачно: серо, ветрено, волны покрыты барашками, но в кои-то веки волна относительно легкая, под обычными плотными низкими облаками,

изредка пробивающимися лучами зимнего солнца. Залив Камберленд лежал в семидесяти милях от нас, и мы находились далеко в море, вне видимости суши.

Через некоторое время ко мне присоединился морской офицер, не находящийся на вахте. Он должен был отдыхать. Но ему тоже нужно было осмотреться. Он подтвердил то, что я уже знал: у нас почти наверняка есть подводная лодка, возможно, у Грютвикена. Мы стояли в товарищеской тишине, расставив ноги, наслаждаясь стремительным, нетерпеливым продвижением *Antrim*, его нос методично поднимался и опускался, брызги взлетали вверх, уносимые ветром. Он делал то, для чего был создан: сражался. И он наслаждался этим, освобождением, чувством уверенности, которое приносит действие, море в кои-то веки позволяло ему беспрепятственно идти вперед.

Затем капитан Янг приказал поднять боевой флаг.¹⁸ Я понял намек без слов, но мой спутник все же объяснил: атака началась. Мы обнаружили врага и приближались к нему, чтобы убить. Вертолеты могли возглавлять атаку, находясь за пределами видимости корабля, но они были нашими, частью системы вооружения *Antrim*. Следовательно, и сам корабль был задействован, вел бой. Мы шли туда. Это было захватывающе, почти опьяняюще. Я не знал, чего ожидать. В памяти всплывали сцены из мальчишеских фильмов: «Жестокое море», «Потопить «Бисмарка», «Битва за Ривер Плейт». Я представлял, как Янг в исполнении Джека Хокинса стоит там, наверху, суровый, с горящими глазами-фонарями, в плащ-палатке, с биноклем на шее, в одном из тех темных головных уборов с козырьком, которые теперь, к сожалению, почему-то исчезли из гардероба ВМФ, и ведет нас на встречу с судьбой, наклоняясь к

¹⁸ Военный флаг (боевой флаг, штандарт, флаг армии, флаг вооружённых сил) — вариант государственного флага, используемый сухопутными вооружёнными силами страны.

Военный флот, как правило, имеет отдельный военно-морской флаг. В настоящее время большинство стран используют в качестве военного флага государственный флаг. Прим. перев.

летающим брызгам. На *Antrim*, конечно, был закрытый мостик – и тем не менее!

Ян Стэнли вошел в залив Камберленд с первыми лучами солнца, погода была относительно спокойной для Южной Георгии (Карта 3). Бодрый прибрежный ветер гнал рваные клочья тумана, видимость то возрастала, то сокращалась и, вероятно, улучшалась по мере появления слабого солнца. Крис контролировал действия ASW. Он решил не использовать свой радар, опасаясь предупредить подводную лодку. Вместо этого весь экипаж использовал «Mark 1 Eyeball», Ян и Стюарт наблюдали спереди, Крис - через иллюминатор, а Фитц - через дверь. Это не сработало. Они искали маленькое темное пятнышко подводной лодки на поверхности, скрытое мраком и дрейфующим туманом. Крис предложил дать единственный импульс своего радара, буквально одну-две секунды. Это могло бы сыграть решающую роль и ускользнуть от внимания любого вражеского слушателя.

К тому времени Ян уже влетел далеко в залив, параллельно его восточному побережью, держась как можно дальше от Грютвикена, маскируя «Хамфри» на фоне серого берега позади. Крис посоветовал им вернуться ко входу в залив, чтобы посмотреть на радар. Это позволит увидеть море, а также оба рукава Камберлендского залива, восточный и западный. Ян повел «Хамфри» по кругу, плавно поворачивая. Уклоняясь от тумана, они вскоре достигли наилучшей позиции. Ян сообщил об этом Крису, который включил и сразу же выключил радар. Мгновенно на экране появились всплески, которые медленно исчезали. Айсберги. Как и ожидалось. Он следил за их перемещением в течение предыдущих дней, присвоив каждому свое обозначение. Все они были там, где должны были быть, за исключением одного небольшого эха. Он знал, что у него что-то есть. Оно не вписывалось, точно находилось не в том месте. Он предупредил Яна, указав пеленг и расстояние.

Ян осторожно вывел «Хамфри» на заданный курс. Через минуту или около того Ян объявил своему экипажу ровным, спокойным тоном, мягко, без намека на волнение: «Подводная лодка впереди». Он оттянул назад регулятор, уменьшив обороты, чтобы поднять нос вертолета вверх, сбрасывая скорость, чтобы держать его на значительном расстоянии от

лодки, «Хамфри» - хищник, подкрадывающийся к своей замеченной добыче. Ян и Крис быстро посоветовались, перебрасываясь скупыми фразами по внутренней связи. Они согласились, вне всяких разумных сомнений, что это должна быть подводная лодка класса «Гуппи», точно по прогнозу: *Santa Fe* вышла из залива Камберленд точно в срок.

Ян еще немного сбросил скорость и перешел в состояние почти зависания, держась далеко за кормой, чтобы слиться с серым туманом и фоном побережья Южной Георгии. Крис быстро подсчитал параметры, вычисляя точку сброса глубинных бомб. Он бы сказал, что математика была простой, он был умным человеком и однажды станет адмиралом. Он указал Яну скорость и высоту, на которой нужно двигаться, сообщив ему, что глубинные бомбы должны быть выпущены в тот момент, когда они пройдут над рубкой подводной лодки. Это позволило сделать бросок вперед. Ян опустил «Хамфри» на рекомендованную высоту, расположив его прямо за целью. Подводная лодка продолжала свое целенаправленное движение в море, не обращая внимания на угрозу.

Когда все было готово, «Хамфри» сделал шаг, ускоряясь для атаки. Крис откинул предохранительный колпачок тумблера сброса бомб. Теперь они находились на точно рассчитанной высоте и скорости. Он мог различить темное море, стремительно проносящееся внизу, между его ногами, через щель между корпусом гидролокатора и каркасом вертолета. Он видел легкую волну, усеянную белыми брызгами, странно знакомую при совершенно необычных обстоятельствах. «Хамфри» перешел на малую скорость: ровно 100 узлов. И вот оно, в одно мгновение море, а затем черный, зловещий металл корпуса подводной лодки, проплывающий внизу. Крис нажал на спуск, когда Ян отдал приказ. Две имеющихся глубинных бомбы понеслись по дуге вперед. Одна из них задела ограждение рубки, проносясь мимо, и упала перед лодкой, обе погрузились на глубину тридцать футов, когда подводная лодка прошла мимо.

Два взрыва, как и было задумано, ударили в середину корпуса подводной лодки. Лодку подкинуло вверх и накренило на один борт, корма полностью вышла из воды, гребные винты на мгновение затрепетали. Внизу, в один момент, царил порядок, тишина, экипаж

готовился к погружению, отвечая на тихо переданные приказы о том, что война переходит к нам, а в другой - суматоха: тела разлетались, свет мерцал, лампочки разбивались, кабели и шкафы срывались с переборок, искры трещали, трубы лопались, струи пара и обжигающей воды, запах и дым горячей проводки. В одно мгновение успокаивающее занятие - прохождение хорошо отработанных действий - превратилось в жестокую борьбу за выживание. Все было перевернуто.

Ян и его команда знали, что лодка, должно быть, повреждена и почти наверняка не сможет безопасно погрузиться. Она металась туда-сюда, сначала в борьбе за управление, потом в попытке уйти от невидимых нападавших. Но нападавших было не сбросить. Они также не могли проявить жалость или сострадание. Это могло быть позже. Пока же подводная лодка должна перестать быть угрозой. Никаких сомнений, никаких «может быть», все должно закончиться уничтожением субмарины. Ян отошел на 400 метров от пораженной субмарины, чтобы Фитц вступил в бой со своим GPMG, пытаясь уничтожить сонары, мачты антенн и иным образом удерживать вражеский экипаж внизу, откуда они не смогут хорошо видеть, чтобы ориентироваться. Он передал на *Antrim* доклад о ситуации и вызвал остальные вертолеты. В этот момент по всей оперативной группе раздались боевые сигналы.

Первым прибыл один из *Lynx* с *Brilliant*, пилотируемый Ником Батлером и Барри Брайантом. «Хамфри» передал им управление боем, а сам ушел на *Antrim* для дозарядки. К этому времени *Santa Fe* успела развернуться. Медленно погружаясь кормой и сильно кренясь, она пыталась бежать в относительную безопасность аргентинского гарнизона в Грютвикене. Ее командир, капитан Бикейн, вполне порядочный, мягкий и культурный человек, как нам предстояло узнать, увидел в перископ приближающийся *Lynx*. Он с ужасом наблюдал за падением торпеды. Он знал, что это должна быть Mark 46, способная наводиться на цель, отслеживать подводную лодку на глубине 1000 футов, прежде чем взорваться в корпусе своей жертвы. У этого оружия была смертоносная репутация, оно считалось одним из лучших в своем роде. Ему и его команде, вероятно, оставалось жить считанные минуты.

Бикейн сохранял спокойствие, скрывая свои знания и страхи от экипажа. Ни он, ни они не могли сделать многого, чего уже не было сделано. Остаться на ходу. Вернуться в Грютвикен. И верить, что лодка будет слишком близко к поверхности, чтобы торпеды могли добраться до них. Его вера принесла дивиденды. Торпеда стартовала достаточно охотно, «выныхивая» свою добычу, бросаясь туда-сюда, в какой-то момент пройдя прямо под кормой подводной лодки, а затем ушла куда-то за ее пределы. Неважно, Батлер и Брайант были довольны. Они ожидали этого. Они продемонстрировали угрозу. Это должно было удержать подводную лодку на поверхности для WASP, оснащенных AS 12, которые уже были на подходе. Они продолжили атаку, используя установленный на двери GPMG, подражая усилиям «Хамфри» по уничтожению датчиков подводной лодки и другого открытого вспомогательного оборудования. Огонь лился внутрь и ограждения рубки, снаряды отскакивали от бронированного корпуса.

Затем прибыли три WASP, все жаждали ввязаться в бой, BMC не были настроены сдерживаться, поскольку их «поиск до уничтожения» приближался к своей кульминации. Lynx сохранили тактический контроль над действиями, поочередно направляя вертолеты вперед. Аргентинским зрителям на берегу они показались роем, воздух был наполнен вертолетами. WASP сосредоточили свою цель на стыке ограждения рубки с корпусом, под которым находится нервный центр субмарины. Несколько ракет не взорвались, пройдя через легкое стекловолокно ограждения, материал которого был недостаточно твердым для детонации боеголовки. Вертолет за вертолетом, их экипажи отстреливали все, что попадалось под руку, когда ракеты были израсходованы: дверные GMPG, винтовки. На одном из этапов пилот даже достал свой пистолет, но потом одумался и убрал его в кобуру.

Santa Fe героически отбивалась изо всех сил. Рубка подверглась настолько сильному обстрелу, что командиру пришлось остаться внизу, чтобы ориентироваться с помощью перископа, как и предполагали нападавшие. В отчаянии наверх был послан моряк, чтобы попытаться отбиться от нападающих вертолетов с помощью пулемета. Стреляя через узкий проем, он оказал бесполезное, поистине доблестное сопротивление, но был неминуемо ранен, потеряв ногу от

неразорвавшегося AS 12. Бедняга упал обратно в оперативный отсек, что еще больше усилило ощущение беды.

Наконец, подводная лодка, с трудом ковыляя, добралась до причала в Кинг Эдвард Пойнт в Грютвикене. Вертолеты начали обстреливать осажденный гарнизон, так как солдаты неистово пытались помочь своим товарищам на пострадавшей лодке. Ян Стэнли вернулся с «Хамфри», что позволило Крису снова взять в свои руки управление односторонним сражением. Он и Ян увидели, что подводная лодка повержена и больше не является реальной целью. Они объявили отбой.

5. Вход

Позднее многие могли бы заявить, что они распознали решающий момент, момент, когда инициатива полностью перешла к нам, когда правильная реакция позволила бы нанести поражение нашему врагу. Возможно, все они были бы правы, так как военная организация является странной органической структурой, мысль или чувство иногда возникают быстро и почти бессознательно. Однако я считаю, что мой морской товарищ распознал это раньше меня.

Мы вдвоем, все еще находившиеся на нижнем мостике и глядящие через нос корабля, могли только ощущать события, разворачивающиеся перед нами, на виду у аргентинского гарнизона в Грютвикене. Однако, обратившись ко мне, он предположил, что это должно все изменить. Мы показали свои карты, потеряли оперативную внезапность. Зачем еще ждать завершения разведки передовыми силами? Разве враг не был в состоянии шока? Предположительно, они рассчитывали, что подводная лодка нанесет нам поражение. Теперь у них не было средств победить. Они должны увидеть, что игра окончена. Конечно, нам нужно сделать немного больше, чем просто приплыть и вернуть это место.

Возможно, несколько неуверенный после наших неудач, я ответил, что было бы неплохо узнать больше об обороне Грютвикена, прежде чем решиться на штурм среди бела дня. Есть ли на мысах орудия, способные повредить приближающийся военный корабль? Были ли мины на суше или в море? Я проанализировал неблагоприятные относительные преимущества. Рота морской пехоты была в нескольких часах пути. И если бы мы пошли с одним только эскадронном, численное преимущество противника было бы еще больше. Всегда существовала проблема соотносимых сил, отсюда и наша решимость добиться тактической внезапности. Я продолжал болтать в довольно снисходительном тоне. И тут меня осенило. К черту тщательность штаба и любую осторожность, проистекающую из недавнего несчастья, если проблема в этом. Нужно взять себя в руки. Не сдерживаться. Это был момент, когда нужно было действовать инстинктивно, быстро и яростно, действовать так, как говорят немцы - *Fingerspitzengefühl* - кончиками пальцев, интуитивно. Мой флотский товарищ попал в точку. Я так ему и

сказал. Не надо больше возиться. Ситуация решительно изменилась. Появилась возможность. Воспользуйся ею. Я отправился на поиски Гая Шеридана, зная, что только он сможет достучаться до капитана Янга в разгар поисков на уничтожение.

Вскоре я нашел Гая. Я не берусь предполагать, были ли у него такие же мысли или нет. Но он тоже понял, что время пришло. Он должен был выбрать момент, чтобы подойти к командиру. Он знал флот. Они будут поглощены *Santa Fe*. Возможно, у него будет только одна возможность сделать свое предложение. Тем не менее, мы решили предупредить войска о возможном быстром перемещении.

К позднему утру все вертолеты вернулись на корабли, а экипажи заслуженно сияли от успеха. Они были великолепны, «Хамфри» - бесподобен. Они нашли угрозу и преследовали ее с абсолютной решимостью. Мы гордились ими и были благодарны. Одним махом они устранили смертельную опасность и привели нас к победе. Еще один рывок, и день будет за нами. Работа сделана!

Но началось казавшееся бесконечным «подведение итогов», когда все были опрошены, чтобы установить точный статус подводной лодки и возможную более широкую морскую картину. Даже экипажи самолетов стали проявлять нетерпение. Время шло. Было трудно добиться того, чтобы голос с суши был услышан. Ярость угасала. Проходит ли момент? Прошел ли он уже?

Это был разочаровывающий эпизод. Полностью освободившись от необходимости концентрироваться на других вопросах, кроме морских, десантные силы изменили свое мышление. Мы отказались от тактической внезапности в пользу шокового оперативного воздействия. Тактическая внезапность была потеряна, но мы должны были воспользоваться моральным превосходством флота над противником. Аргентинский гарнизон, должно быть, находится на грани психологического коллапса, их надежды разбиты, их оборонительная стратегия разрушена. Нам нужно было добить их. Они только что стали свидетелями потери своей передовой и главной линии обороны из-за роя вертолетов. Бог знает, что они думают о том, что их ждет за этим. Мы

должны подпитать их страх, войти, пока они не успели опомниться, угрожать им всем, что попадется под руку. Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Военно-морской флот, безусловно, разделял это стремление, просто будучи гораздо более взвешенным в этом вопросе. Их забота имела смысл. Им нужно было убедиться, что подводная лодка больше не представляет опасности, что поблизости нет другой морской угрозы, благодаря чему они смогут отвлечься от подступов к морю и полностью сосредоточиться на Грютвикене. Ошибетесь, и ошибка может привести к потере корабля, а возможно, и к провалу всей операции.

Возможно, это говорило о разнице между военно-морским способом ведения боевых действий с кораблей и других платформ и более индивидуально распределенной формой ведения боевых действий сухопутных сил. Одна ошибка в море - и последствия могут быть катастрофическими, что в мгновение ока приведет к потере всего экипажа. Допуски часто были точными, многие риски, очевидно, поддавались измерению. Война на суше несла свои опасности, а также инструменты и дисциплины для их смягчения; но ее физика, казалось, предоставляла больше возможностей исправить ошибку. Просто на суше не так легко одним махом потерять целое подразделение тактически рассредоточенных людей, как на море. Это не значит, что морские силы не могут или не будут идти на риск, руководствуясь инстинктом. Королевский флот, безусловно, может пойти на просчитанный риск, и у него есть блестящая история, когда он делал именно это. Но есть различия, и во время кризиса, каким бы незначительным он ни был, они могут неприятно сказаться, особенно в случаях, где взаимодействующие силы незнакомы друг с другом.

В конце концов, все пришло в равновесие, были подсчитаны затраты и выгоды, морские императивы уравнены, потребности и предпочтения сухопутных войск совпали: капитан Янг приказал атаковать с воздуха, моря и суши, чтобы вернуть Южную Георгию тем же днем.

Были рассмотрены различные варианты штурма. Артиллеристы предполагали просто войти в залив Камберленд, чтобы разнести

противника в пух и прах. В какой-то момент Гай высказался за то, чтобы броситься на врага, воспользовавшись его предполагаемой полной деморализацией. Нам, спецназовцам, это было не очень интересно, мы предпочитали оказаться на земле в относительно безопасном месте, а затем двинуться туда, чтобы развить ситуацию от того положения, в каком мы ее обнаружили, что должно было смягчить недостаток разведки целей у оперативной группы и потерю тактической внезапности. План, в конечном итоге принятый и утвержденный капитаном Янгом, демонстрировал необходимую степень осмотрительности, отражая его основательный и осторожный характер.

У противника, вероятно, было до 100 человек на подготовленных оборонительных позициях, использующих целый ряд неприятных устройств: мины, проволочные заграждения, стационарные пулеметы, заранее пристрелянные минометы и тому подобное. Мы не знали, как именно они расположились, но их позиции должны были быть взаимоподдерживающими, охватывать все вероятные подходы и располагаться так, чтобы иметь возможность поглотить атаку и разбить ее. Если бы они были достойны своей цены, они бы выставили заслон, чтобы засечь нас при приближении. Они бы использовали это, чтобы сформировать нашу атаку, втягивая нас в выбранные ими зоны поражения. Нельзя было сбрасывать со счетов и экипаж подводной лодки; по крайней мере, они могли бы укрепить тылы, занять позиции для отступления.

Рота Королевской морской пехоты на RFA *Tidespring* находилась за пределами района, на расстоянии 200 миль. В остальном, сухопутные силы располагали примерно семьюдесятью пятью бойцами из числа доступных боевых кораблей, что значительно меньше, чем у противника, и лишь 25% от числа, необходимого для штурма, если действовать в обычном соотношении 3:1. На каждом корабле имелся небольшой отряд пехотинцев, всего около дюжины. В остальном, из своих первоначально высаженных сил Гай смог собрать одну минометную группу, несколько разведгрупп, две группы содействия артиллерии BMC (NGA) и группу SBS. К счастью, у него были и мы - эскадрон SAS из трех отрядов, лодочный отряд находился в Лейте. Штурмовые силы, возможно, и были случайными, но их ядро - SAS. Эскадрон прибыл закаленным,

сплоченным и привыкшим к неожиданностям. У нас также было много поддержки: вертолеты с ракетами и два военных корабля со скорострельными 4,5-дюймовыми орудиями. Огромная, неудержимая мощь, этого должно быть достаточно.

Мы разбили штурм на две части, играя на нашем уверенно предполагаемом моральном превосходстве и оставаясь верными указаниям Нортвуда, чтобы избежать ненужных человеческих жертв и ущерба имуществу. В первую входили «пехотинцы», во вторую — «боевая огневая поддержка», артиллерия и вооруженные вертолеты. Обычно их рассматривали бы как две части одного целого, огневая поддержка помогает пехоте достичь своей цели. В каком-то смысле так и осталось. Но в данном случае мы обнаружили, что полезно видеть различие, рассматривать их как работающие обособленно и взаимодополняющим образом, по крайней мере до тех пор, пока не возникнет необходимость объединить их для достижения единой тактической цели.

Таким образом, эскадрон должен был десантироваться на сушу, чтобы целенаправленно и методично теснить врага. В то же время пушки будут стрелять по другим целям, чтобы продемонстрировать угрозу нашей подавляющей мощи. Только если у десанта возникнут проблемы, они объединятся. Затем, после подавления любого локального сопротивления, процесс возобновлялся. По сути, мы проявили бы сдержанность, применяя прямую силу только по мере необходимости, а уровень эскалации выбирали бы они, а не мы, в зависимости от степени их сопротивления; как говорится, для танго нужны двое. Таким образом, мы надеялись, что нам удастся избежать боя лицом к лицу, что наш враг поступит достойно и сдастся. Мы, конечно, предоставим им все возможности.

Прежде чем продвигать войска вперед, чтобы создать условия для «прессинга», необходимо начать движение с места, находящегося далеко позади и вне зоны контакта. Ни в коем случае наши передвижения по местности не должны позволить противнику вернуть инициативу. Мы не должны быть втянуты в равное противостояние или даже хуже. Что касается плана огня, орудия должны были начать с

интенсивной концентрации на коротком, но безопасном расстоянии от Кинг Эдвард Пойнт, главной позиции противника. В противном случае они и вооруженные вертолеты будут в приоритете, чтобы поддержать наступающие войска, если потребуется.

Ввиду нехватки времени и прочего, эта концепция так и не была сформулирована таким образом в командном составе оперативной группы. Впрочем, это не имело значения. Эскадрон должен был возглавить наступление на суше. Я знал, как мы это сделаем, и бойцы тоже. Как единственное сформированное маневренное подразделение на земле, мы должны были определить основную тактику и руководить ближней огневой поддержкой; по крайней мере, я так думал.

Изучение карты показало ровную местность, Хестеслеттен, примерно в 2000 метрах к югу от Грютвикена. Она выглядела свободной от подготовленных вражеских позиций, что делало ее вероятной зоной высадки (LZ) для наступления. Между возможной зоной высадки и Грютвикеном находилось значительное препятствие - гора Браун с отходящим от нее хребтом, спускающимся к морю. Гора закрывала зону высадки от противника со стороны Кинг Эдвард Пойнт, но с нее также открывался вид на зону высадки и южные подходы к поселению. Фактически, с нее открывался вид на всю окружающую территорию. Нам это не нравилось, совсем не нравилось, потому что тот, кто удерживал гору, удерживал эту часть Южной Георгии. С военной точки зрения это была «жизненно важная земля»¹⁹. Следовательно, противник должен был непременно удерживать ее. И если они это сделали, нас могли ожидать тяжелые времена.

Мы изучали карту в поисках других вариантов. Мы проконсультировались с *Endurance*. Их не было. Учитывая срочность ситуации, необходимость одержать верх над дрогнувшим противником, мы должны были обойтись тем, что у нас было, высадившись как можно южнее и дальше от горы Браун. Чтобы еще больше снизить риск, район зоны высадки и склоны, с которых открывается вид, будут подвергнуты

¹⁹ Vital Ground, специальный термин, относящийся к местности такой важности, что она должна быть удержана или контролируема для успеха миссии.

профилактическому обстрелу непосредственно перед высадкой. Это позволит нам высадиться на берег. Однако оставался хребет. Нам все равно придется иметь с ним дело. Но как только мы окажемся на вершине, для противника все должно было закончиться. Мы будем смотреть вниз на Грютвикен и его окрестности. Я действительно не хотел вовлекать эскадрон в то, что могло быть равносильно полной лобовой атаке роты традиционного образца. Но гора Браун была ключом, и если это было то, что требовалось для победы, то мы так и поступим - не раньше, чем я применю всю имеющуюся огневую мощь, включая вооруженные вертолеты, чтобы выбить все найденные вражеские окопы.

Мы планировали переправлять десант на берег с помощью двух Lynx с корабля *Brilliant* и «Хамфри», что давало нам возможность перебрасывать двадцать четыре человека за вылет. Корабли должны были находиться близко к берегу, в трех или четырех милях от зоны высадки, что давало бы короткое плечо доставки. Но даже в этом случае, чтобы доставить все силы на берег, может потребоваться до часа, что более чем достаточно для реакции противника. Вместо того чтобы ждать, пока все прибудут на зону высадки, я предпочел смелость, чтобы двигаться быстро и с теми, кто прилетел первой партией, чтобы направиться прямо к хребту. Только если бы мы столкнулись с сильным и собранным противником, мы бы стали ждать всех, прежде чем расчищать площадку.

Возможно, у нас была слишком общая концепция операции, но мы не слишком задумывались о том, «что если». Времени на это практически не было. Что, если мы обнаружим мины в зоне высадки? Что, если они попытаются лишить нас зоны высадки с помощью непрямого огня? Что если нам не удастся взять хребет горы Браун? Что, если мы не встретим их, пока не войдем в китобойную станцию? Что, если бы они заминировали подходы к Кинг Эдвард Пойнт? Что, если они будут сражаться упорнее, чем ожидалось, а наши предположения относительно их морального духа оказались неверными? Что, если флот был бы вынужден отступить, чтобы противостоять морской угрозе, оставив нас на берегу без поддержки?

В устном приказе эскадрону я объяснил, как мы будем продвигаться к противнику на расстояние пулеметного выстрела, а затем выцеливать отдельных людей. Если дело дойдет до драки, мы также применим морскую артиллерию, минометы, ПТРК MILAN и AS 12. Это может показаться осторожным, но должно сработать. Я подчеркнул важность горы Браун, что нам, возможно, придется штурмовать ее. Когда я закончил, Дэнни спросил, может ли он сказать несколько слов. Он выступил вперед, чтобы подчеркнуть необходимость сдержанности. Он напомнил нам всем, что противник - это солдаты, как и мы, они тоже выполняют приказы и имеют семьи. Хотя их следует бить, когда это необходимо, здесь не должно быть места беспричинному насилию. Одно дело - жесткая атака, совсем другое - неоправданное убийство.

Горный отряд грузится на вертолеты для штурма Грютвикена

В итоге мы выдвинулись примерно в 14:30 часов по ЗУЛУ при идеальной погоде для этой работы. У нас оставалось не так много светового дня, возможно, пять или шесть часов. Горный отряд должен был идти первым. Они уже полностью восстановились после Фортуны и были готовы приступить к работе. Я решил присоединиться к ним, взяв с собой связиста. Это может оказаться самой сложной частью всего дела; лучше всего быть на месте с самого начала. Предстояло принять одно или два важных, ранних решения. Дэнни останется на *Antrim*, чтобы держать нас на связи с командиром оперативной группы. Гай Шеридан и командир роты морской пехоты тоже намеревались высадиться, так что у нас не было командиров для тактического управления моим небольшим отрядом «штурмовиков». Я не думал об этом.

Поскольку эскадрон должен был возглавить «атаку», будучи единственным доступным сформированным подразделением, мы могли бы быть назначены тактической главной силой. Но было не так. Тогда мы все еще только нащупывали свой путь, не имея опыта в искусстве совместного боя. Действительно, очень немногие из нас ранее участвовали в чем-то подобном разворачивающейся операции: высадка группы спецназа, маскирующегося под стрелковую роту, и некоторых других «на подмоге», осуществляемая на вертолетах, оптимизированных для морской войны, на удерживаемое противником побережье, с военных кораблей, не подготовленных специально для амфибийных операций. Действительно, различные элементы объединенных сил оперативной группы никогда не действовали вместе до этого момента, за исключением тайных разведывательных операций. Это была импровизация в самом крайнем ее проявлении. Мы действовали без репетиций, не имея никаких общих знаний даже об основах того, что мы пытались сделать. Что могло пойти не так?

Когда мы отходили от кораблей, огонь морской артиллерии готовил зону высадки к нашему прибытию. За несколько минут до высадки огонь переключился на гору Браун, огонь вел Крис Браун с воздушного ОП. Когда пришло время переносить огонь на гору, Крис столкнулся с трудностями, связанными с узостью линии хребта. Если он немного отклонял огонь, снаряды проскальзывали за хребет и безвредно взрывались за ним или внизу. Он сделал несколько попыток, прежде чем

предложил перенести огонь на более выгодные цели ближе к видимому противнику на Кинг Эдвард Пойнт. Он посоветовал мне самому разобраться с хребтом, используя в первую очередь миномет, заверив, что в случае необходимости он быстро перенесет огонь. Это звучало разумно. Я одобрил корректировку плана огня, отметив, что он явно был на высоте, с четким пониманием принципов операции и ее приоритетов.

Мы мчались к береговой линии, зона высадки располагалась в ярдах за ней. Проносясь в футах над морем на скорости около 100 узлов, напряжение нарастало; привычный восторг от полета был утрачен. В этот момент «быстро и низко» превратилось из развлечения в просто самое безопасное занятие, и чем быстрее, тем лучше. Мы были набиты битком. Никто особо не заботился об этой части операции, мы полностью зависели от пилотов. Мы были уязвимы, нам не терпелось выбраться и заняться своими делами. Часть меня сомневалась в том, что есть смысл идти на потенциально «горячую» зону высадки так нагло и при свете дня! По крайней мере, в этот раз решение было общим, а не только моим. Это помогло. И, кроме того, какая была альтернатива? Это тоже помогало. Я очистил свой разум, оглядывая кабину со своего места, прислоненного к спинке сиденья правого пилота. Там были они, безмятежные лица, которые я видел раньше в других, едва ли сравнимых случаях, без эмоций, их спокойствие контрастировало с грохотом вертолетов.

Береговая линия мчалась к нам, странно твердая, странно знакомая после всех этих дней в море. Я приготовился к сигналу, который означал быстрое замедление, спуск, а затем приземление. Я посмотрел на свою винтовку, на предохранитель. Готов к старту.

В этот момент мы резко накренились, неожиданно навалившаяся сила «g» выбила дыхание из наших легких. Мы бросились обратно в море. Как ошпаренные кошки, мы мчались прочь.

«Что за черт?» - воскликнул я по внутренней связи, сбитый с толку, не зная, что и думать. Никто не ранен. Не стреляют. Лица повернуты в мою сторону. Другие отворачивались. - «Что, черт возьми, происходит?»

Через мою гарнитуру доносился треск отрывистых слов, которые трудно было разобрать: что-то связанное с тем, что мы столкнулись с собственным огнем. Я не видел никакого огня по зоне высадки. Пилот ничего не видел. Крис руководил огнем. Я знал, что он держит все под контролем, его воздушные наблюдатели давали ему четкий обзор. Он уже должен был перенести орудия с зоны высадки на новые цели. Проёб. Кто-то подстраховывал нас, пытался помочь, но этим самым мешал; первый признак того, что в работе слишком много поваров? Что-то подобное должно было случиться.

Все было быстро улажено. Мы вернулись обратно, пилот извинился, хотя и не был виновен. Мы были на берегу, снова на «суше», снова в своей стихии. Чувствовали себя хорошо. Было знакомое ощущение потери ориентации, те несколько секунд, когда вертолеты улетали; затем слабая, первоначальная тревога от неподвижности после суматохи полета. Текстура земли, растительность, запахи, звуки - все это регистрировалось чувствами, обостренными предвкушением борьбы.

После постоянного движения кораблей наши ноги отвыкли от земли. Потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к уверенности шагов. Отряды выстроились в подобие тактического порядка, быстро удаляясь от мест высадки. Это был уязвимый момент. Быстрый взгляд вокруг показал, что Джон был на высоте. Его солдаты веером разбежались, чтобы проверить зону высадки. Все чисто от противника и препятствий. Мы доложили Дэнни. У следующих партий был свободный ход; они придут в безопасную зону. Мы повернулись лицом к горе Браун, которая неприступно возвышалась перед нами. Нам нужно было идти.

Миномет морпехов был установлен под управлением командира их роты прямо рядом с нами. Мы слышали вдалеке стрельбу морской артиллерии, много, но не видели ее. Я предполагал, что они работают по зоне вокруг Кинг Эдвард Пойнт, как советовал Крис, но на хребте точно ничего не было. Я вызвал минометчиков, чтобы они прикрыли хребет, прежде чем мы отправимся в путь. Я хотел знать, что у нас есть огонь на случай, если он понадобится. Это означало предварительную регистрацию цели, известной точки на холме, с которой мы могли бы

вести корректировку. Я не искал подготовительного огня для обработки, а только уверенности в том, что миномет будет в тот момент, когда он нам понадобится. По мере приближения к подножию холма мы становились уязвимыми, рискуя быть разбитыми на части, когда мы окажемся в пределах досягаемости шквального огня из стрелкового оружия любого противника, находящегося выше. Миномет был идеальным оружием для этой цели, смертоносным и быстро приводимым в действие.

Позиция миномета морпехов. Занятая история с этим минометом. Огонь по морским слонам SAS и морпехи переваливают друг на друга, кто прав – неясно.

Мы не получили миномет, запрос отклонили, внезапно отрезали, занятые целью. Пришлось бы ждать. Но как это могло быть? Кто, кроме нас, мог вызвать минометчиков. Какова цель? Мы не видели врага и не слышали вражеского огня. Что делал миномет? Что может быть важнее

главного усилия атаки? Черт, мы и были им. Других «усилий» на земле не было. Все это было настолько абсурдно, что я подумал, что, должно быть, ослышался. Я повторил просьбу. Командир роты морской пехоты вернулся и снова объяснил, что они заняты целью, и нам придется подождать своей очереди. Отказано! Я сказал ему пару крепких слов насчет его глупости, и чтобы он взял себя в руки. Последовали повторные отказы, пока в конце концов мне не сказали, что я засоряю эфир, и чтобы я ушел с частоты; и если это не было достаточно шокирующим, то это была частота моего собственного чертового эскадрона!

Очевидно, когда минометная группа заняла позицию, они заметили движение там, где хребет упирается в море. Командир роты взял управление на себя, чтобы открыть огонь по несчастной группе морских слонов, вероятно, по старику и его гарему. Мы уже отметили их как безобидных. Они не представляли никакой опасности для миссии, кроме, возможно, самоповреждения. Но ничто не могло отвлечь командира миномета от его самостоятельных усилий. По правде говоря, ему было тяжело. Его рота, которая должна была возглавить штурм, все еще находилась за сотни миль на *Tidespring*. Разочарование было сильнее, чем многие могли вынести.

Какими бы ни были «если» и «но», этот второй случай рассогласования заставил меня сорваться. Опустился красный туман. Если это имело какое-то отношение к результатам работы эскадрона, моим результатам или мне лично, то к черту все. Мы проведем эту атаку по-своему, и в одиночку, если до этого дойдет дело - за исключением Криса, его артиллерии и вооруженных вертолетов. Все остальное может пропасть. Мы не могли позволить себе больше никаких задержек, ненужных осложнений или споров. Нравится нам это или нет, но эскадрон находился на переднем крае этого наступления. Все, кто не видел этого и не мог поддержать нас, должны были убраться с нашего пути. Я сказал Джону, чтобы он начинал действовать, поднимался на гребень как можно скорее. Мы потеряли достаточно времени. Я проверил, чтобы Крис был на связи с артиллерией и вооруженными вертолетами. Так и было. Для пущей убедительности я велел ему взять под контроль

миномет. Он не должен был поражать никакие цели без разрешения его или меня. Я подбадривал Джона. Ему это было не нужно.

Я связался по радио с Дэнни, приказав ему передать остальным членам эскадрона, чтобы они догоняли его, как только смогут. Они не должны ждать в районе зоны высадки. 16-й отряд должен взять с собой пару треног для GPMG; они могут пригодиться, чтобы увеличить дальность действия пулеметов. Я помчался за горным отрядом, когда начал подходить второй вертолет, а миномет все еще занимался обезвреживанием некомбатантов в виде морских слонов.

Вскоре мы достигли подножия хребта, и моя ярость утихла, когда я взглянул на угрожающую вершину над головой. Никто из нас не задерживался. Мы все знали, что нужно как можно скорее добраться до вершины. Следующие несколько минут могли определить исход или, по крайней мере, его характер. Скорость была крайне важна. По-прежнему не было ни встречного огня, ни «треска и грохота» от скрытого врага. Но мы заметили тревожную особенность дальше по горе. Она выглядела как подготовленная оборонительная позиция, оснащенная шестом или антенной. Она была безмолвной, но находилась в плохом месте. Я попросил Джона дать по ней ракетой MILAN. Лучше перестраховаться. Кроме того, не помешает показать противнику в Кинг Эдвард Пойнт или Грютвикене, на что мы способны - обстреливать их позиции ракетами из-за пределов досягаемости стрелкового оружия. Ракета MILAN, покачиваясь, поднялась на холм и с приятным грохотом врезалась в предполагаемый бункер. Остальные тем временем продвигались вперед; мы были почти у цели.

Это был крутой подъем. Нобби Кларку приходилось нелегко. Обычно он работал на складе вместе с Грэхемом, который разрешил ему сойти на берег, чтобы взять с собой MILAN. Почему бы и нет? В конце концов, это был случай «все руки к насосам». У Нобби был прекрасный послужной список, он служил в Дофаре, на Борнео и в Кении, а также в Малайзии, как хотелось верить нам, «молодым». Свободно владея суахили и малазийским, он имел репутацию бойца в джунглях, обладал навыками работы с окружающей средой, не слишком востребованными в Антарктике. Но он с готовностью шагнул вперед, взвалив на плечи ПТРК,

мужественно преодолевая нагрузку, делая один болезненный шаг за другим вверх по склону, демонстрируя каждый год своего преклонного возраста. Он не собирался пропускать эту прогулку, ни за что на свете. Я добрался до гребня раньше него, но ненамного.

Когда мы покидали *Antrim*, ВМФ кристально четко дал понять, что рассматривает поврежденную подводную лодку как незаконченное дело. Если у нас будет возможность, нужно уничтожить ее, сделать это раз и навсегда. По их мнению, противотанковая ракета в оперативный отсек, где ограждение рубки соединяется с корпусом, должна сработать. Я посмотрел вниз с вершины на Грютвикен, а там, у причала в Кинг-Эдвард-Пойнт, стояла *Santa Fe*, черная, зловещая, слегка накренившись. И тут появился Нобби с тем, что нам было нужно - ПТРК. Пошатываясь, он поднялся на вершину. Я помахал ему рукой. Он плюхнулся рядом со мной, оценив мягкий, приветливый дерн.

- Зифти бум валлах по самую капалу, босс.²⁰ Никто из нас не знал, что это значит. Вероятно, в данном случае это означало, что он чувствует себя вымотанным.

- Ты знаешь, как пользоваться этой штукой? - спросил я, ткнув большим пальцем в его MILAN.

- Вроде того.

- Тогда быстро, как только сможешь, засади ее в эту чертову подводную лодку.

Он заметно оживился.

- Куда-то конкретно? - Это было впечатляюще. Похоже, он знал, что делает!

- Туда, где ограждение рубки соединяется с корпусом.

Тут раздалось настойчивое похлопывание по моему плечу.

²⁰ Чудовищная мешанина слов на разных языках, общий смысл – черт возьми, прим. перев.

- Босс, босс.

- Не сейчас, - огрызнулся я, все еще нетерпимый к любым задержкам, неважно от кого.

- Долго еще?

Я посмотрел на Нобби. Раскладывается, но недостаточно быстро. Я подстегнул его. Мы продолжим наше продвижение сразу после того, как займемся подводной лодкой. Надо торопиться.

- Давай, Нобби.

- Босс, босс, послушай. - Это был Лофти Арти. Его голос стал настойчивым, повелительным, от него нельзя было отмахнуться.

- Какого черта?

- Они сдались!

Я отвел глаза от Нобби и подводной лодки. Черт возьми, они сдались. Повсюду белые флаги и простыни. Как я мог пропустить это. Я оттеснил Нобби от его ракеты. Он выказал удивление, затем разочарование.

- Зифти бум валлах.

Слава богу, что бойцы трезво оценили ситуацию, что хотя бы один из нас все правильно понял: враг в Грютвикене, его белые флаги, подводная лодка, Нобби и его MILAN, и босс с его явной фиксацией на подводной лодке. Лофти не просто наблюдал, у него хватило ума действовать, и таким образом он предотвратил потенциально серьезную катастрофу.

Что насчет пушек? Я ничего не слышал. Крис, должно быть, остановил их. Быстрая проверка подтвердила, что он остановил пушки и минометы пятью минутами ранее, когда мы поднимались на хребет и заметили белые флаги. Пока все хорошо.

По идее, нельзя идти к сдавшемуся противнику. Это значит подвергать себя опасности. Все должно быть наоборот. Однако самый беглый взгляд на эту землю показывал, что теорию трудно применить. Они находились на Кинг Эдвард Пойнт, это за Грютвикеном в обход бухты, на

расстоянии добрых двух миль, около 1000 метров по прямой через воду. Если мы пройдем почти весь путь, то можно будет подать им сигнал, чтобы они вышли на дорогу и встретили нас недалеко от китобойной станции. Мы могли бы оставаться под прикрытием зданий, а они - на открытой местности. Но даже это казалось сложным: связь на расстоянии, на дороге, да еще и язык. И даже если бы нам удалось найти способ справиться со всем этим, что бы мы тогда с ними делали? На самом деле они прекрасно выглядели там, где находились, уязвимые и хорошо сдерживаемые. Возможно, по такому случаю мы должны пойти к ним.

Я не был склонен передавать этот вопрос наверх. План выполнялся лучше и быстрее, чем ожидалось. Я знал, что должно быть достигнуто, и имел наилучшее представление о ситуации на месте. Я не чувствовал нужды в помощи при принятии, казалось бы, очередного тактического решения. Насколько это настроение было вызвано разочарованием от недавних событий, включая то, что мы потерпели на Хестеслеттене, трудно сказать. Но мы наслаждались свободой действий и не собирались останавливаться, пока работа не была полностью выполнена.

Если посмотреть через бухту на Кинг Эдвард Пойнт, то там было не так уж много интересного: несколько человек на открытом месте, но большинство из них держали головы опущенными. Они выглядели ухоженными, повсюду белая ткань. Бог знает, как я мог это пропустить. Я чувствовал, что им просто нужно было как-то официально оформить окончание открытых военных действий. Возможно, не было лучшего способа, чем пойти и поговорить с ними об этом напрямую. Я решил так и поступить. В конце концов, вся операция была основана на использовании предполагаемого морального превосходства. Так что нужно отправиться туда и воспользоваться им.

Я приказал Джону расставить своих людей вдоль линии хребта, пополняя свои ряды остальными по мере их прибытия с зоны высадки. Он должен был зарегистрировать все потенциальные цели, выделив для каждой из них средство поражения. Как ни странно, он должен был время от времени делать одного или двух человек видимыми, чтобы

убедить противника, что он действительно столкнулся с подавляющей силой, что они находятся под прицелом, буквально глядя в стволы нашего оружия. По сути, он должен был убедить противника в том, что разумным вариантом будет сдача. Это должно помочь мне в любых переговорах.

Если противник откроет по нам огонь, нарушив предполагаемое перемирие, он должен был выполнять мои приказы. Если я по какой-либо причине не смогу связаться с ним, он должен вступить в бой и начать методично обстреливать вражеский гарнизон, пока они снова не сдадутся. Он должен попытаться сделать это, избегая ненужного ущерба имуществу, в частности, зданиям Британской антарктической службы. Я не ожидал, что он двинется вперед, даже для того, чтобы вытащить меня из западни. Это могло бы лишить нас инициативы, втянуть в инцидент, вероятно, не имеющий отношения к выполнению задачи. Он не должен забывать о подводной лодке. Почему бы не начать с нее? Устроить чертовски большой взрыв, чтобы шокировать их и заставить сдаться. Зачем портить нашу собственность, если мы можем испортить их собственность, чтобы вернуть их на путь истинный?

Затем я связался по радио с Дэнни на *Antrim*, сообщив ему о наших намерениях и попросив передать их капитану Янгу и Гаю. Все было сделано, Джон занялся расстановкой своих солдат, и мы отправились вниз по холму в сторону Грютвикена.

SAS и SBS на склоне горы Браун после капитуляции аргентинского гарнизона.

Мы были небольшой группой, каждый из нас был добровольцем: Джорди, старшина связистов эскадрона, Стью, еще один связист, и Сид Дэвидсон, очень приветливый, добродушный человек из горного отряда, немного владеющий испанским языком, так он меня заверил. Никто из нас не имел четкого представления о том, как действовать дальше, кроме поиска места на дальней стороне Грютвикена, откуда мы могли бы вызвать вражеского офицера для переговоров. Казалось, что лучше всего держать врага на Кинг Эдвард Пойнт, где они будут сдерживаемы, защищены от непогоды и под нашим прицелом; но я не должен был привлекать эскадрон к караульной службе. У нас были незаконченные дела в Лейте.

Мы мало сомневались. Враг, похоже, был психологически раздавлен. Я оглянулся назад. Да, отлично, мы выглядели соответствующе. Мне не нужно было ничего никому говорить. Мы все знали теорию, фольклор: трудно стрелять в человека, который улыбается. Мы должны выглядеть уверенными, спокойными, не угрожающими. Мы вышли, если не улыбаясь, то, по крайней мере, выглядя приветливыми; ну, может быть, кроме Джорди с его почти вечной хмуростью. Я снова повернулся, чтобы

улыбнуться ему, но в ответ получил лишь пустой взгляд. Осторожно, он мог подумать, что я ищу поддержки. Я прибавил шаг.

Старая китобойная станция стонала и вздыхала, превратившись в город-призрак. Ржавые листы гофрированного железа звенели на ветру. Мы заглядывали в окна, когда спешили мимо, на столы, все еще заваленные бумагами, на верстаки с инструментами, как будто все ушли в один миг. Сблэзн сделать паузу, остановиться и осмотреться оказался почти непреодолимым. Маленькая белая часовня, обшитая досками, стояла на небольшом возвышении в достойном одиночестве, выделяясь из окружающей серости. *Petrel*, старое китобойное судно, лежал на берегу, ржавея, но в остальном явно готовый, как будто ожидая, чтобы продолжить с того места, где он остановился. Все это время не покидало ощущение присутствия Шеклтона. Он был с нами еще до Фортуны и никогда не покидал нас. Если бы у нас будет время, мы должны посетить его могилу.

Через китобойную станцию, не останавливаясь, мы вчетвером продолжили путь к Кинг Эдвард Пойнт. Здесь не было удобного укрытия, из которого можно было бы вызвать противника на переговоры. К тому же это уже не казалось хорошей идеей, слишком легкомысленной в данных обстоятельствах, да и ненужной, ведь Джон только что сообщил, что гарнизон расположился на открытой местности и, предположительно, ждет нас. Мы шли вперед, шагая быстро и уверенно, как будто владели этим местом, что в некотором смысле так и было, это же была Британия, а наша маленькая группа представляла Корону. Я перестал улыбаться. Она казалась слишком принужденной, неправдоподобной и глупой. Кроме того, у меня начало болеть лицо. Вместо этого я взял винтовку за плечо, пытаюсь передать доверие к врагу и его капитуляции. Сид поднял свою винтовку в североирландском стиле «хай-порт» в знак того же.

Подводная лодка стояла рядом с причалом, зловещая, покрытая шрамами, но все еще угрожающая в своей мрачной манере. И там стоял наш враг, как на параде. Оставалось около 200 метров, мы не сбавляли темпа, глядя прямо перед собой. Мы все знали, что нужно сохранять атмосферу абсолютной уверенности в сочетании с авторитетом, избегая

излишнего чувства превосходства. Я надеялся, что все будет происходить на строго профессиональном уровне, без эмоций. Мы победили, они проиграли, давайте просто обсудим последствия. Пулеметное гнездо находилось слева, двое аргентинцев все еще стояли в нем, хотя и с поднятыми руками. Сид махнул им рукой, чтобы они присоединились к остальным, собравшимся у близлежащих зданий. Они присоединились. Хорошо. Все, как и должно быть. В этот момент, когда до цели оставалось метров 100, возможно, меньше, но точно почти среди них, вмешался Джорди. Очевидно, Гай хотел, чтобы мы остановились.

- Что? Почему?

- Там мины.

Мы были начеку в поисках мин, но не обнаружили никаких признаков вмешательства на дороге. Мы зарегистрировали возможное присутствие самодельных устройств с управляемым подрывом, то сбоку, то сзади, но в остальном ничего.

- Нет, их нет.

В ярдах от нас виднелись белки их глаз. Сейчас было не время для колебаний. В любом случае, мы должны пройти через любое минное поле. К черту. Я сказал Джорди игнорировать сигнал. Мы не могли остановиться. Вместо этого мы вышли на импровизированный парадный плац аргентинцев и встали в ряд перед нашим противником. Я сказал Джорди, что он может сообщить Гаю о нашем появлении.

- Поблагодари его за предупреждение. И скажи ему, насколько мы можем судить, на пути нет мин.

Лучше не расстраивать босса; но вернемся к непосредственному делу.

Противник выглядел в хорошей форме, выстроившись в три шеренги и стоя «вольно». Большинство из них смотрели на нас с изучающим любопытством. Они выглядели дисциплинированными и спокойными, хорошо одетыми, в те элегантные костюмы оливкового цвета в стиле армии США 1950-ых, которые в то время предпочитали латиноамериканские армии, в комплекте с касками GI. Их оружие,

очевидно, было чистым и хорошо смазанным. Вперед шагнул майор, насколько я понял. Мы обменялись приветствиями. Он подтвердил их желание сдаться, произнесенное на довольно хорошем английском языке. Я сказал ему, что это очень порядочно с его стороны, и, естественно, мы примем его капитуляцию, но он может предпочесть официально предложить ее моему командиру, который должен прибыть в ближайшее время. Он произвел хорошее впечатление, порядочный человек, гордый, но не надменный. Похоже, что все это было для него довольно сложно, и он искал утешения в предполагаемой процедуре. У меня не было полномочий обсуждать условия. Это должен был делать он, его командир и те, кто выше меня. Но я надеялся, что, сосредоточившись на основах, проявив внимание и должную учтивость, он найдет у меня то, что ему нужно, и вместе мы сможем продвинуться вперед. Это было очень деликатное дело, и, оглядывая собравшуюся массу вражеских солдат, я начинал чувствовать себя в меньшинстве. Я предложил, пока мы ждем Гая, начать с того, чтобы его люди сложили свое оружие, гранаты, ножи, все, включая оружие, находящееся в распоряжении экипажа подлодки. К счастью, он повернулся, чтобы сделать это. Пока он это делал, я заметил его кобур. Я обратился к нему, чтобы предложить, что он и его офицеры могут оставить свое оружие на время, если они хотят. Я подумал, что это продемонстрирует наше уважение и доверие к ним. Это не было совсем уж альтруистичным: офицерам было бы легче сохранить контроль над своими солдатами. Оценив жест, если не суть, он приступил к распоряжениям.

И каким-то образом, поскольку я никого не вызывал вперед, у флагштока появился огромный, внушающий уверенность Лоуренс. С помощью пары противников, поскольку он мог очаровать любого, он снимал аргентинский флаг, а затем поднял «Юнион Джек». Он взвился на сильном ветру, великолепный, его красный, белый и синий цвета гордо возвышались на фоне серого цвета вокруг, провозглашая, что в этом стихийном уголке мира все снова стало так, как должно быть. Покончив с этим, он помахал мне рукой, широко улыбнулся и поднял большой палец вверх.

Лоуренс руками пленных аргентинцев поднимает «Юнион Джек»

Вскоре прибыл Гай с морпехами. Он казался немного отстраненным, возможно, злился на меня. Я списал это на нашу вольную интерпретацию управления операциями и на то, что эскадрон, как

только он развернулся, разогнался во всю мощь. Я решил держаться от него подальше, не желая снова вступать в перепалку, уж точно не с Гаем. Он мне слишком нравился для этого. На протяжении всего эпизода эскадрон всегда знал, что делать, точно просчитывал риски и был готов к их выполнению. На самом деле победила непреодолимая мощь флота. Мы просто закрепили все на берегу. Не было необходимости перебирать в памяти дальнейшие события, не сейчас. Наслаждайся моментом. Я оставил его и аргентинского командира наедине. Они были представлены друг другу. Дальше он мог действовать вместе с морпехами. Конечно, мы поможем, если понадобится. Но мои мысли вернулись к Лейту и нашему пропавшему патрулю.

Тем временем Джорди отправился с капитаном подводной лодки, чтобы получить коды с *Santa Fe*. На вопрос, где они находятся, аргентинец ответил:

- За бортом, чего вы ожидали?

- Ничего другого, - пробурчал Джорди с широкой ухмылкой.

В товарищеском молчании они вернулись на причал, снова вышли на свежий, чистый, влажный воздух, Джорди сжимал в руках охапку бумаг и документов, которые заинтересовали его, несмотря на чарующие заверения капитана. Они будут переданы офицеру связи на *Antrim*, тоже занимающемуся сбором информации, который, в свою очередь, передаст их и многое другое в разведку флота, которая действительно сочла их все интересными.

Близился вечер, свет медленно угасал, все окрасилось в серые тона. Я подумал о сигарете, но вместо этого съел галету. Быстрый взгляд в сторону зданий показал Лоуренса с горсткой бойцов эскадрона, помогающих морпехам с пленными, сортирующих оружие, перебирающих оборудование. Джорди направлялся в радиорубку, чтобы продолжить поиски разведывательной информации. Гай, окруженный морпехами, беседовал с небольшой группой аргентинских офицеров.

Казалось, все было под контролем. Итак, горстка нас, тех, у кого не было срочной работы, пошла на кладбище, чтобы отдать дань уважения Шеклтону. Это было правильное решение.

С захватом Грютвикена в наших руках оставался небольшой аргентинский гарнизон в Лейте под командованием капитана Альфредо Астиса.²¹ Позже тем же вечером в ходе краткого, контролируемого радиообмена между ним и капитаном Бикайном, капитаном подводной лодки, предполагаемым старшим аргентинцем на Южной Георгии, было установлено, что Астис не сдастся. Он будет сражаться насмерть. Это звучало неправдоподобно, слишком много бахвальства, но Гай Шеридан и Брайан Янг вместе разработали план, как обязать его.

Он предусматривал использование тех элементов эскадрона, которые уже находились на борту *Plymouth* и *Endurance*, последний из которых заходил в бухту Стромнесс во время штурма Грютвикена. Высадка войск должна была произойти в начале следующего дня, не позднее. Но Тед и его отряд уже были на месте. Они могли бы воспользоваться тактическим планом, присланным ранее. Он был вполне разумным. Значит, будет предложено нечто большее, чем просто приплыть и, возможно, высадиться на берег. Командовать операцией будет капитан Пентрит с *Plymouth*. Я не встречался с ним лично, но знал достаточно, чтобы доверять ему в разумном использовании моих людей. Тем не менее, я договорился с Тедом соединиться с SHQ как можно скорее, намереваясь прибыть до начала любого штурма.

Я был уверен в Тедде; только я чувствовал, что должен быть там, чтобы командовать любым значительным усилием. Дэнни уже отдал приказ о том, что SHQ прибудет с дополнительными войсками, подчеркнув ставшие уже привычными условия относительно пропорциональности.

²¹ Астис был плохим человеком, его разыскивали для допроса несколько полицейских служб за его участие в некоторых из наиболее чрезмерных мероприятий по обеспечению внутренней безопасности Аргентины, связанных с исчезновением иностранных и аргентинских граждан. Франция и Швеция были особенно заинтересованы в беседе с ним. Со временем он будет репатрирован Великобританией в строгом соответствии с Женевскими протоколами.

Операция должна быть направлена на убеждение, а не на уничтожение, на достижение капитуляции противника. Тед был проинформирован о событиях в Грютвикене, о том, как враг капитулировал перед угрозой насилия. Я хотел добиться успеха без фактического сближения с противником, при необходимости обстреливая его позиции с господствующей линии хребта. Теду было рекомендовано не атаковать и не форсировать штурм на уровне эскадрона, пока я не присоединюсь к нему для контроля. Однако он имел право действовать и командовать силами SAS в Лейте в случае, если я не смогу присоединиться к нему вовремя или ситуация потребует иного, получив такой приказ от капитана Пентрита.

Прибыв в Лейт, я обнаружил, что Астис выбросил полотенце почти сразу перед моим прибытием, при виде *Plymouth*, входящего в залив Стромнесс, чтобы присоединиться к *Endurance*. Все было кончено. И в довершение всего к позднему утру флот обнаружил Томми Трентона и его людей, наш пропавший патруль, в районе Джейсон-Пойнт в устье залива Стромнесс. *Plymouth* отметил их местоположение, когда входил в залив тем утром. Увидев корабль, патруль подал сигнал бедствия; до этого момента Томми и его команда, как и Чиппи, хранили радиомолчание, пока не убедились, что иное не поставит под угрозу операцию. Их судьба была тяжелым бременем для всех нас. Безусловно, это повлияло на мой темперамент. Дух взлетел.

Таким образом, мы победили без потерь²², за исключением двух вертолетов и некоторого дискомфорта. Это действительно была неплохая работа для оперативной группы, впервые действующей вместе в одной из самых негостеприимных сред на планете. Когда настал момент, мы удачно объединили силы, применив их на достойном уровне сложности. Оперативная группа могла наслаждаться своим достижением.

²² Был один погибший, аргентинский подводник Феликс Артузо. Военно-морской флот похоронил его со всеми воинскими почестями на китобойном кладбище в Грютвикене.

Капитан Янг сообщил об этом стране и всему миру по радиосвязи через своего командира, контр-адмирала Сэнди Вудворда:

- Рад сообщить Ее Величеству, что в Грютвикене, Южная Георгия, белый флаг развевается рядом с флагом Объединенного Королевства. Боже, храни Королеву.

Возможно, старомодный, возможно, нельсоновский, его голос звучал звонко; он отражал наш восприятие происходящего. Мы навели порядок в Южной Георгии чисто британским способом: может, слегка сумбурно, но в основном со спокойным профессионализмом, со вспышками гениальности, примерами героизма и всегда порядочно.

У нас практически не было времени для празднования. Штаб RHQ хотел, чтобы мы вернулись для участия в стратегически главном усилии - возвращении Фолклендских островов. Мы были готовы к этому. Мы все инстинктивно чувствовали необходимость в постановке задач, более соответствующих нашим способам и средствам: менее ограниченных потребностями, взаимодействием и необходимым контролем на тактическом уровне, когда мы тесно связаны во времени и пространстве с обычными силами и их непосредственными целями.

Нам было приказано подняться на борт *Brilliant* и отойти на север к оперативной группе, чтобы попасть на борт флагманского корабля адмирала Вудворда, авианосца HMS *Hermes*. В этот самый момент он и его авианосная группа приближались к Фолклендскому архипелагу, чтобы ввести зону полного отчуждения (ЗПИ, или TEZ) - мероприятие, призванное продемонстрировать, что Великобритания считает Фолкленды, их воды и окружающие море зоной боевых действий. Корабли и суда любой страны, вошедшие в зону, подлежали обстрелу без предупреждения. Это не мешало Великобритании предпринимать действия за пределами ЗПИ в соответствии с правом на самооборону, закрепленным в 51 статье ООН; это давало потенциал для выполнения некоторых задач стратегического уровня, что было заманчивой перспективой. Нам нужно было встать рядом с командующим силами и посмотреть, что он может предложить нам.

Джон Ковард также оказался под давлением необходимости быстро отойти. Оперативной группе был нужен его корабль для непосредственной противовоздушной обороны *Hermes*, поскольку *Brilliant* нес самую современную зенитную ракету ВМФ - Sea Wolf. В результате, несмотря на сложный сеанс пересадки, осложненный относительной нехваткой вертолетов и предсказуемо злобной погодой, мы вскоре взяли курс на север.

Отъезд был омрачен сожалением. У нас появилось много новых друзей. Нам было жаль расставаться с ними. Большинство из нас глубоко привязались к своим кораблям. Мы желали друг другу успехов, просили беречь себя, обещали встретиться где-нибудь, как-нибудь, когда-нибудь. В частности, нам было неприятно покидать *Antrim*. Мы не могли быть простыми ни для ее капитана, ни для ее экипажа, ни для оперативной группы в целом. Большую часть времени мы были источником беспокойства, но, когда наступал момент, мне нравилось думать, что мы были там, чтобы заполнить пробел. Мы всегда делали там все, что могли, даже больше, чем следовало, сказал бы критик. Бойцы продолжали действовать, не дрогнув.

Попав на борт *Brilliant*, мы воспользовались возможностью отдохнуть и насладиться перерывом от непосредственной оперативной деятельности. Это дало нам время для размышлений. Я обсудил все с Дэнни, Лоуренсом, Джорди, Грэхемом и командирами отрядов, чтобы определить извлеченные уроки, которые могли бы послужить основой или изменить наш подход к тому, что будет дальше.

Если и было что-то совершенно новое для нас, то это война вместе с ВМС и в условиях субантарктической зимы. Поэтому в первую очередь мы обратили внимание на море и погоду. И то, и другое практически уже было сделано за нас.

В то время у нас были очень редкие контакты с SBS; мы были частью армии, а они - небольшим специализированным подразделением Королевской морской пехоты ВМС. Тем не менее, существовало негласное взаимопонимание. Полк поддерживал базовые навыки управления лодками, достаточные для того, чтобы мы могли приходить

и уходить по морю или закрытым водам. Но когда дело доходило до действий на воде, это было для SBS. Недавний опыт показал, что это весьма важное различие. Мы всегда с уважением относились к морю, или нам так казалось. Теперь мы знали, что оно требует к себе внимания, выходящего за рамки простого уважения, и гораздо большего, чем случайные тренировки у кенийского побережья или в бассейне в лагере. Наша база прошла серьезную проверку на антарктических широтах и была признана несостоятельной.

Мы пришли к выводу, что полк должен пересмотреть весь свой подход к воде и что это должно включать его отношения с нашими коллегами из морской пехоты.²³ Но многое из этого должно было подождать. Пока же нам предстояла война, и мы должны были идти с тем, что у нас было. В связи с этим мы решили оставить воду для SBS до конца этой войны, если это возможно. Мы будем передвигаться на вертолетах. Если бы нам пришлось пересекать воду, мы бы постарались привлечь специалистов. Мы бы точно не стали снова использовать наши лодки. Если бы нам действительно пришлось выходить на воду самостоятельно, мы бы использовали байдарки Klepper и полагались на мускульную силу. Это означало спокойную воду, не более того. Если же альтернативы не было, а задача требовала, то, разумеется, мы выходили на воду.

Что касается погоды, то нам особенно не повезло. Оба захода проходили в исключительно сложных условиях даже по меркам изменчивой и свирепой Южной Георгии. Нам нужны были более точные прогнозы. И никто в эскадроне D не мог упустить из виду важность «погодостойчивых» планов и всего остального в максимально возможной степени.

Сухопутные войска противника, казалось, подчинялись погодным условиям, в то время как мы пытались справиться с ними, если не использовать их в тактических целях. Поразительно, но они ориентировались на то, что казалось наиболее очевидным. В Лейте они

²³ Через несколько лет SAS и SBS были объединены в единое командование под руководством директора спецназа. Это решение было принято «поколением Фолклендов» в документе, подготовленном по заказу командира 22 полка SAS (Энди Мэсси), и это наследие сохраняется до сих пор.

проводили большую часть времени в помещениях, укрываясь от непогоды. И в Лейте, и в Грютвикене их оборонительные сооружения смотрели в основном на море. Теория обороны, похоже, была плохо усвоена. Отдельные позиции были расположены неудачно, обеспечивая малую глубину, ограниченную взаимную поддержку и скудное прикрытие от посторонних глаз. Хуже того, они не предпринимали никаких попыток защитить свои «жизненно важные позиции».

Их ВВС и ВМС были менее легко читаемы. Они четко понимали необходимость совместной работы, самолеты наблюдения появлялись практически в тот же момент, что и подводные лодки. Но насколько хорошо эти элементы действительно работали вместе, сказать невозможно. Были свидетельства здорового новаторства: C 130 и Boeing 707 имели подходящую дальность и продолжительность полета, ни один из них не был разработан специально для морского наблюдения. Была и храбрость - выставить незащищенные самолеты против ракетных систем Королевского флота; точно так же выставить старинную подводную лодку времен Второй мировой войны против одного из самых хорошо оснащенных и практикующих ПЛО флотов НАТО.

Подводя итог нашему первоначальному представлению о противнике, мы увидели серьезные недостатки в его сухопутных войсках, которые демонстрировали рудиментарный уровень компетентности. Их организация была грубой, стилизованной и тактически неполноценной. Это свидетельствовало о низком уровне военного образования и подготовки, возможно, исключающем все, кроме самых базовых уровней владения всеми видами вооружений. Это не означало недооценки нашего противника. Они наверняка сохранили способность удивлять. Только, учитывая рудиментарную компетентность войск, их старшие командиры поступили бы мудро, если бы упростили план сражения на Фолклендах.

Мы отметили довольно озадачивающее, половинчатое качество их усилий. Мы не хотели придавать этому слишком большое значение. Возможно, им приказали оказать лишь символическое сопротивление, а может быть, подводная лодка действительно была тем самым моментом, что после ее поражения все было потеряно. Возможно, на

Фолклендах, где от аргентинцев можно ожидать большей духовной отдачи, все будет иначе. Однако мы задались вопросом, не свидетельствует ли эта пассивность о глубоко укоренившемся чувстве профессиональной неполноценности. Если да, то что нужно сделать, чтобы комплекс неполноценности перешел в откровенное пораженчество.

Астис заложил самодельное взрывное устройство (СВУ) под вертолетной площадкой в Лейте. Ни одна атакующая сила не стала бы приземляться в таком очевидном месте. Должно быть, оно было установлено для того, чтобы поймать неумеху, прилетевшего, например, во время переговоров. Мы надеялись, что это был единичный случай, не более чем дилетантское поведение низкого и развращенного человека, а не свидетельство более широкого аргентинского невежества или пренебрежения правилами и конвенциями войны. Отмечая, насколько горячим может стать этот вопрос, руководству эскадрона напомнили о необходимости строго придерживаться Женевских конвенций, особенно в случае провокации, когда речь идет о неправомерном поведении противника, бесцеремонном или ином.

Возвращаясь к военно-воздушным и военно-морским силам, можно сказать, что большая часть их техники устарела, но похоже, что они могут использовать то, что у них есть, с воображением, решимостью и некоторым талантом. Действительно, любой базовый потенциал с высоким уровнем укомплектованности профессиональными офицерами и старшими унтер-офицерами, скорее всего, будет работать достаточно хорошо, независимо от службы или рода войск. Но насколько хорошо они могут взаимодействовать для совместных или общевойсковых операций, остается неясным: вероятность не очень велика. Тем не менее, мы будем продолжать уважать их всех.

Капитан Янг был осторожным командиром, который понимал преимущества хорошей разведки цели перед наступлением. Мы были с ним в этом солидарны, понимая, что чем лучше разведка цели, тем больше шансов на успех, что подтверждало нашу веру в предварительную разведку. Однако наше предпочтение начинать с разведки не осталось неоспоренным. Так была ли разведка, проводимая

силами специального назначения на местности, вполне уместной в условиях полномасштабной войны, или она больше подходила для конфликтов низкой интенсивности? Проявлял ли он чрезмерную осторожность? Предвосхищало ли это успех? Было ли это помощью или помехой?

Поначалу в нашем менталитете присутствовал элемент информационной точности, стремление к самым высоким уровням разведки цели. Одним из первых примеров этого было то, как открывались двери на объектах Британской антарктической службы в Грютвикене, как будто это могло иметь значение. Не все шло гладко. Но, несмотря на разочарования, мы все же достигли цели, и высокая ценность разведданных была снижена лишь неожиданным развитием событий. Импровизированный характер возможного нападения также не должен опровергать важность разведки передовых сил. Атака была ответом на быстро меняющиеся обстоятельства, вопросом использования, казалось бы, мимолетной возможности. Решение идти напролом было основано на расчете, но в нем таилась доза инстинкта, вероятно, основанного на впечатлениях, полученных от наблюдений Теда за Лейтом. Мы сделали вывод «за», зная, что имеющиеся в распоряжении оперативной группы технологии наблюдения и захвата целей были плохой заменой хорошо проведенной, управляемой разведке, выявляющей более широкие факторы, как Тед так замечательно проделал в Лейте.

Таким образом, нам нужно было улучшить наше взаимодействие с флотом; оставаться рядом с SBS; улучшить нашу координацию в обычном боевом пространстве; привести все в соответствие с потребностями Южной Атлантики зимой; и продолжать уважать врага. И мы будем придерживаться разведки как обязательного условия.

ЧАСТЬ 2: ФОЛКЛЕНДЫ

С оперативной группой: Солдаты моря

6. Целевая группа

Brilliant спешил. Легкий и проворный, он проскакивал над морем там, где его вспахивал *Antrim*. Но эти волны набегали сзади, с левого борта, заставляя корабль подниматься и крутиться, погружаться и покачиваться. Это движение продолжалось час за часом, большинство из нас откладывали еду, в том числе и корабельная компания.

Нам всем нравился *Brilliant*, мы привязались к его капитану с того момента, как он появился у берегов Южной Георгии несколько дней назад. Джон Ковард был немногословен, с обескураживающе пристальным, оценивающим взглядом. У него был мозг подводника: быстрый, хладнокровный, расчетливый, с этой сверхъестественной осведомленностью о позиции и геометрии. Он просто знал, где что находится; как все должно быть; когда это правильно, а когда нет. Нонконформист в самом лучшем смысле этого слова, оригинальный, неортодоксальный, изобретательный, прирожденный воин, в нем было что-то от пирата. Его экипаж был о нем лучшего мнения. Мы могли понять, почему. Я думаю, что мы видели в нем частичку себя, а он - частичку себя в нас. Мы, безусловно, поладили с самого начала.

Его единственным сожалением было то, что на его корабле не было орудийной башни, что лишало его и его команду права участвовать в некоторых береговых операциях, включая высаживание нас на берег в темное время суток - работа, которую он явно хотел, наряду со всем остальным, что позволило бы ему вести бой с врагом.

У него был социальный прием, который я бы рекомендовал всем командирам, когда они оказываются в трудном положении, когда окружающие могут получить некоторое успокоение. Когда дела шли тяжело, события накалялись, он начинал говорить тихо. Те, кто должен был услышать, должны были внимательно слушать. Это приносило

спокойствие и тишину, ускоряя реакцию, так как шум и возбудимость в основном порождают замешательство.

Когда мы подошли к оперативной группе, он пригласил меня подняться на мостик. Он указал на радар. Я не был ни обученным, ни опытным интерпретатором радарной картинки, но даже я разобрался в этом. Экран показывал множество всплесков и эхо-сигналов, каждый из которых означал военный корабль или вертолет. Через некоторое время мы увидели бы их невооруженным глазом, широко раскинувшихся по морю от горизонта до горизонта. Мы уверенно двигались сквозь многослойную оборону к нашей цели, флагманскому кораблю HMS *Hermes*; каждый корабль, мимо которого мы проходили, был целеустремленным, сосредоточенным на войне, не обращавшим внимания на все остальное, уже помеченный и потрепанный морем.

Здесь снова была морская мощь страны, флот, собранный и неуклонно, неумолимо надвигающийся на врага. Мигали фонари Aldis, трепетали флаги. Большие корабли шли вперед, их носы ритмично поднимались и опускались. Ближний эскорт деловито подпрыгивал, время от времени меняя место. Огромная масса стали возвещала о целенаправленной, подавляющей, неостановимой силе. Она затрагивала первобытные струны. Неопределенным заботам повседневной жизни практически не было места; здесь все сводилось к единому, великому предприятию. Мы были единым целым.

К счастью, мы находились в руках командира, твердо стоящего на ногах: адмирал Сэнди Вудворд, еще один подводник, ледяное спокойствие, холодный расчет, искусный воин. Курс «Perisher», казалось, рождал их.²⁴

Мы поднялись на борт *Hermes* в важный момент. Дипломатические усилия по поиску решения путем переговоров еще не закончились, а в

²⁴ Курс командиров подводных лодок готовил офицеров к командованию подводной лодкой. Курс длился четыре месяца и был интенсивным, изнурительным, с высоким процентом неудач: 70%. Он отсеивал всех, кроме самых лучших. Те, кто не прошел курс, не могли больше служить на подводных лодках ни в каком качестве. По обеим причинам этот курс стал известен как «курс неудачников».

некоторых частях Соединенного Королевства росло разочарование по поводу того, что Соединенным Штатам потребовалось время, чтобы однозначно выступить в нашу поддержку. В конце концов, мы защищали принципы, которые горячо поддерживали, а США считались явным лидером и защитником тех определяющих ценностей свободного мира. С другой стороны, по мере того как просачивались новости о характере их довольно унижительного поражения в Южной Георгии, аргентинская военная хунта испытывала все большее давление внутри страны, чтобы действовать, нанести удар по приближающемуся британскому флоту, остановить его на его пути.

В оперативной группе нам не были известны подробности дипломатических усилий, но многие из нас беспокоились, что Соединенные Штаты в конечном итоге могут дать команду о прекращении операции. Мы стремились продолжить работу. Верховное командование также испытывало острую оперативную озабоченность. Мы упирались в пределы наших национальных военных возможностей: действовать по морским линиям связи на расстоянии около 8000 миль от домашней базы, зимой, против врага, имеющего численно превосходящие оккупационные и воздушные силы. Но на нашем уровне мы никогда не сомневались в результате. Как только мы сойдем на берег, нас будет не остановить. Может быть, придется скакать через обручи, выполнять условия, соблюдать порядок действий, что иногда казалось скорее условностью, чем абсолютной необходимостью, но мы собирались победить.

Эскадрон G находился на борту уже некоторое время, с тех пор как *Hennes* отплыл от острова Вознесения для введения зоны отчуждения. Им было поручено установить наблюдение за всеми вероятными позициями аргентинцев вокруг Фолклендов, включая каждый из основных населенных пунктов (Карта 4). Сотрудникам оперативного уровня²⁵ эта информация была необходима для планирования

²⁵ Термин, мало использовавшийся британскими военными до начала 1980-х годов, частично заимствованный из советской теории "оперативного искусства". Он относится к уровню, на котором стратегические цели преобразуются в

кампании, которая, как мы предполагали, предполагала полную реоккупацию Фолклендов. Нам не было известно, что рассматривались варианты, не достигающие этой цели: один из них, например, предусматривал создание опорного пункта на Западном Фолкленде в качестве козыря. Если бы мы знали, думаю, мы были бы озадачены, даже возмущены подразумеваемым пораженчеством. К счастью, мы этого не знали и не смотрели дальше логичного военного потока, который предположительно привел бы к нашей победе в Стэнли и вокруг него.

В рамках этой передовой операции SBS должны были провести разведку возможных мест высадки - чрезвычайно деликатная работа, требующая максимальной осторожности. Ситуация имела параллели с вторжением союзников во Францию в 1944 году; тогда было всего несколько подходящих мест для высадки, обе стороны видели одно и то же, выбор союзников держался в тайне и был замаскирован обманом, выбор Нормандии в конечном итоге стал сюрпризом для защитников. Аналогичная ситуация сложилась и у нас на Фолклендах. Было относительно немного мест, которые отвечали критериям планировщиков. Вражеское внимание не должно быть привлечено к какому-либо конкретному объекту. Патрули на пляже должны были избежать обнаружения, чтобы не поставить под угрозу всю операцию.

Серьезность ситуации не покидала никого из нас. Со своей стороны, эскадрон G безжалостно минимизировал частоту и количество вертолетных высадок, считая, что они могут быть обнаружены противником. Как следствие, для минимизации перемещений большинство патрулей SAS выходили на берег на длительные периоды времени; напротив, патрули SBS, осуществлявшие разведку на побережье, выходили на берег на относительно короткие промежутки времени с частотой, которую G считала почти тревожной. Как и следовало ожидать, эти две операции заметно отличались друг от друга: G сосредоточилась на более долгосрочном наблюдении за общей диспозицией сил противника, а SBS - на более срочном получении

мероприятия, в ходе которых разрабатываются кампании и операции, чтобы использовать военные силы для достижения высшей цели (целей).

подробной информации о пляже для составления плана вторжения. Для этой работы имелась лишь несколько квалифицированных патрулей SBS, гораздо меньше, чем количество пляжей, которые нужно было исследовать. А информация о пляжах не могла быть просто передана по Морзе. По обеим причинам SBS приходилось выходить чаще, чем им самим хотелось бы.

Тем не менее, это стало источником раздражения: эскадрон G рассматривал SBS как повышение риска для всех патрулей программы передовых сил. На войне мелочи могут привести к серьезным последствиям. В данном случае трения возникли из-за почти наверняка необходимых различий в тактике, усугубленных отсутствием единого командования силами специальных операций, которое могло бы обеспечить консенсус, устранить проблемы, выпустив общее руководство и четкий набор приоритетов для всех. Вместо этого мы полагались на несколько неформальный, дружелюбный и товарищеский метод соглашения об «устранении конфликтов» между нашими отдельными миссиями, или иную совместную работу по мере необходимости.

Что касается эскадрона D, то, поскольку разведку обеспечивали G и SBS, мы сосредоточились на поиске чего-то достаточно важного для атаки. В течение следующих нескольких дней появилась очень конкретная, мощная угроза: противокорабельная ракета EXOCET воздушного запуска, которую несли в бой самолеты Super Etendard аргентинского флота, действующие с материковых баз. Эти полутонные ракеты с фугасной боеголовкой весом 350 фунтов проносились над поверхностью моря со скоростью 650 узлов. Даже если бы боеголовка не взорвалась при ударе, ее импульс, скорее всего, поразил бы большинство кораблей на шесть баллов, а все еще горящее топливо добавило бы ущерба. Мы, конечно, могли оценить опасность, которую они представляли, находясь на авианосце, полном легковоспламеняющихся материалов, одной из главных целей противника.

Угроза EXOCET в конечном счете стала острой. Но операция по снижению угрозы была бы сопряжена с непропорционально высоким риском: вероятно, потребовалась бы большая оперативная группа во главе с

авианосцем, чтобы перебросить эскадрон и доставляющие его вертолеты, перекрыть материковую часть Аргентины, в результате чего все мы оказались бы в зоне действия сотен вражеских самолетов. И не было никакой гарантии, что мы достигнем цели, поскольку самолеты имеют привычку перемещаться. Никто в здравом уме не решился бы на такую авантюру. Это могло закончиться катастрофой и проиграть нам войну. К счастью, адмирал Вудворд хорошо контролировал свои способности. Он решил справиться с проблемой самостоятельно, используя свои корабли ПВО и самолеты Sea Harrier. Это сработало, но не без определенных затрат. И вот, по иронии судьбы, мы оказались там, куда эскадрон так стремился, слишком далеко впереди, чтобы противостоять угрозам на стратегической глубине, и любая наша операция могла поставить под угрозу наш «центр тяжести»,²⁶ саму оперативную группу. Мы оказались неразрывно связаны с силами, навязывающими нам ТЕЗ. И там мы оставались, на уровне театра военных действий, в необычайно тесных, симбиотических отношениях с нашими общевойсковыми коллегами.

Поэтому мы сосредоточились на том, чтобы найти что-то для атаки на островах, что, тем не менее, могло бы принести ценность, превышающую сумму его уничтоженных частей; скорее всего, цель с психологическим, а также материальным воздействием, с большим акцентом на первом из них, успех, который продвинет все наши усилия.

Придерживаясь принципа, что силы SAS должны управляться на самом высоком уровне, Юэн Хаустун, командир эскадрона G, установил очень хорошие отношения с адмиралом Вудвордом, пользуясь свободным доступом. Мы оба полагали, что Вудворд является общим, оперативным командиром театра военных действий. Флот часто побуждал его думать в этих терминах. Однако, строго говоря, это было не так. Он отвечал за ввод авианосных сил в ТЕЗ и за создание общих условий для успешной высадки. Фактическая высадка и ответственность за последующую сухопутную кампанию возлагалась на других: commodора Клэппа, командующего десантом, и бригадного генерала Томпсона, командира 3

²⁶ Проще говоря, центр тяжести можно считать источником силы. Это дает возможность делать что-то; в военных терминах это дает «свободу действий».

бригады Commando. В конце концов, за сухопутную кампанию стал отвечать генерал-майор, равный по званию Вудворду. По сути, флот сохранил за собой командование тремя основными элементами сил: авианосными силами, амфибийными силами и сухопутными войсками, при этом общего командующего на театре военных действий не было. Это может показаться сомнительным - эффективно руководить театром военных действий с домашней базы, на расстоянии, и так оно и оказалось.

Но мы с Юэном верили, что находимся рядом с нужным человеком, в нужном месте, в нужное время, единственным старшим командиром на театре в тот момент. Вопросы, связанные с высшим командованием, были скорее для командира, чем для нас. Если акцент сместится, мы должны быть в состоянии сместиться вместе с ним. А пока мы занялись своими делами. Это означало оставить Юэна в качестве основного, повседневного контакта Вудворда в SAS. Я не видел смысла нарушать вполне эффективную рабочую договоренность при условии, что Юэн и все остальные, включая адмирала, понимали, что только я могу говорить от имени эскадрона, когда дело доходит до постановки задач.

Объединенный разведывательный комитет в Лондоне предупреждал, что аргентинцы могут вот-вот атаковать оперативную группу. Они видели, что противник развернул свои надводные части в три группы, заявив по дипломатическим каналам, что намерен нанести удар по любым британским судам, приближающимся к его берегам на расстояние 200 миль, включая Фолкленды - территорию, однозначно превышающую установленную нами TEZ.

Каждая вражеская группа представляла значительную угрозу сама по себе. Где-то на севере скрывался авианосец *25 De Mayo*, способный поднимать в воздух истребители-бомбардировщики. Они могли действовать в координации с другими самолетами с материка, чтобы отвлечь или перебить наши Sea Harrier (SHAR). Это значительно повысило бы шансы противника провести одну из своих EXOCET через нашу многослойную противовоздушную оборону. На юге крейсер *Belgrano*, способный превзойти любой из наших кораблей, также оснащенный ракетами EXOCET, расположил себя и свою группу, чтобы

уничтожить любых отставших или выживших после воздушного удара по авианосцам. Третья группа фрегатов угрожала аналогичным образом откуда-то с востока. Подводные лодки усиливали угрозу, так же как и потенциальные истребители-бомбардировщики, действующие со взлетно-посадочной полосы в Стэнли, имеющей всепогодное твердое покрытие.

Все выглядело не очень хорошо. Мы были скованы скоординированным, все еще уверенным, хорошо оснащенным и многочисленным противником. Тем не менее, Вудворд не выглядел слишком обеспокоенным, судя по его хладнокровию на вечерних брифингах. Похоже, он приветствовал растущую воинственность противника и его готовность вступить в бой. По его мнению, мы должны уничтожить противника до того, как попытаемся высадить десант, и лучший способ добиться этого - вступить в бой. Соответственно, он стремился спровоцировать его на своих условиях, используя сложившуюся ситуацию.

Он принял план, побуждающий противника думать, что мы являемся передовыми морскими десантными силами, прибывшими для совершения первоначальной высадки. Если обман сработает, они должны будут энергично отреагировать. Он должен был заманить их, сосредоточив огневую мощь на аэропорту в Стэнли и всех расположенных за его пределами вспомогательных взлетно-посадочных полосах. Когда аргентинцы выйдут вперед, чтобы отразить нашу атаку, *25 De Mayo* и *Belgrano* будут встречены нашими атомными подводными лодками. Одновременно он планировал провести активную операцию ПЛО, чтобы нейтрализовать подводную угрозу противника. Чтобы не остаться в стороне от всей этой морской активности, Вудворд собирался перебросить на берег свои силы специального назначения, используя ночные вертолеты 846-й эскадрильи военно-морской авиации. Это была позитивная, хорошо продуманная, уверенная идея, несущая в себе все признаки холодной отваги Вудворда. Это могло выбить аргентинский флот из войны.

Видя, что у Вудворда более чем достаточно дел, мы в эскадроне D заняли скромную позицию, предпочитая разрабатывать возможные,

дополнительные варианты тихо, на заднем плане, хотя мы и находились вне сроков непосредственной операции. Адмирал планировал привести в действие свой план примерно 1 мая, через несколько дней после нашего прибытия с Южной Георгии.

Однако мы могли догнать его и начали искать, по чему бы ударить, просматривая имеющиеся разведданные. Это может быть что-то незначительное, скорее всего, объект тактического уровня, но его повреждение или уничтожение должно оказать заметное влияние на противника. Наши умы инстинктивно обратились к структурам C2 (командование и управление). Уничтожение хорошо выбранного узла C2 могло бы временно парализовать систему, привлечь внимание. Мы даже подумали, можно ли добраться до вражеского командира соответствующего ранга. И то, и другое должно привлечь их внимание.²⁷

На рассвете 1 мая, в день упреждающих ударов Вудворда, море было относительно спокойным, легкая волна под серым, свинцовым небом. Корабли ушли на боевые посты. Когда *Hermes* заходил на позиции, эскадрон и другие военнослужащие, размещенные на корабле, надевали свои капюшоны и перчатки для защиты от вспышек вместе со всеми, но в остальном старались держаться подальше от остальных, сидя или лежа в каком-нибудь укромном уголке. Мне все это казалось немного клаустрофобным и нервным, я сжимался в «позицию бездействия» внизу или на уровне ватерлинии, ожидая бог знает чего. Временами во время воздушной тревоги *Hermes* запускал ложные цели,²⁸ и треск их запуска отдавался по всему кораблю. Мы догадались, что это означает, что корабль обнаружил вблизи ракету, возможно, даже нацеленную на нас. Это было очень похоже на последнюю меру, которая

²⁷ Мы вспоминали похищение SOE генерала Крейпа, командующего немецким гарнизоном на Крите 26 апреля 1944 года. Но в данном случае речь шла не о похищении, а о нападении, о чем-то, что могло бы усилить чувство уязвимости и изолированности противника, когда зона полного отчуждения начнет действовать.

²⁸ «Зыбь» - это средство противодействия радарам. При выстреле образуется облако из алюминиевых, стеклянных или пластиковых полос, которое сбивает с толку любые радары поиска или наведения оружия.

практически ничего не давала, чтобы снять напряжение или повысить уверенность.

Вместо того чтобы ждать катастрофы внизу, не имея назначенного места действия или задачи по защите, я решил воспользоваться предполагаемой свободой и делать то, что имело для меня смысл. Я нашел открытый участок палубы у мостика, смотровую площадку. Оттуда я мог смотреть наружу. Мне казалось, что если случится худшее, я смогу заметить то, что вот-вот обрушится на нас, и уплыть, пока мы будем тонуть. Может быть, глупо, но это было общее чувство с Майклом Николсоном из ITV. Мы делили несколько квадратных футов палубы в течение нескольких часов каждый день, и оба считали это лучшим вариантом, чем оставаться внизу в темноте.

Именно там мы находились в то утро, когда *Sea Harrier* поднялись с *Hennes* и *Invincible*, чтобы нанести первые удары, которые в конечном итоге привели к нашей победе. Два авианосца уверенно держались против ветра, на расстоянии видимости друг от друга, их ближний эскорт деловито сновал туда-сюда, но всегда держался на наиболее угрожаемом фланге. Там были наш верный друг Джон Ковард и *Brilliant*, охранявшие нас. Они называли это «защита ворот». То, что Джон Ковард и его люди защищали *Hennes*, обнадеживало. Все были уверены в *Brilliant*, начиная с адмирала. Гораздо дальше лежали остальные корабли охранения, большинство из них не были видны или были едва различимы в тусклом сером свете. Рядом с каждым кораблем висел вертолет, готовый броситься в море, чтобы подобрать экипаж самолета, если что-то пойдет не так со стартом.

Sea Harrier сгрудились на полетных палубах, выстраиваясь в очередь, между ними оставались считанные дюймы. Они двигались вперед, шум их турбин то нарастал, то спадал. Один за другим они уверенно подходили к стартовой позиции; малейшая пауза, почти случайный взмах сигнальщика, открытая рука, приглашающая к вылету; и затем, в одно мгновение вой переходит в вибрирующий рев. Все самолеты по очереди прыгнули на рампу в экстатическом порыве. Корабль содрогнулся. На мгновение показалось, что каждый *Sea Harrier* завис, сгорбившись над носом корабля, когда заслонки реактивной тяги

полностью развернулись для полета вперед. Каждый из них, заметно нагруженный бомбами, поднялся в воздух, чтобы пристроиться за теми, кто поднялся раньше, огибая флот. Вскоре все они были подняты.

Они собрались в строй, свободно расположившись в воздушном пространстве, чтобы обеспечить независимый маневр в случае необходимости. Еще один круг, затем мимо флагманского корабля, как бы салютуя, наши самолеты уверенно, целеустремленно направились к своим целям в Стэнли и Гус Грин, их серые формы быстро сливались с мрачными, сплошными облаками над головой.

Ранее в Стэнли отправились корабли с артиллерийским вооружением, которые можно было освободить от оборонительных обязанностей. Они должны были сопровождать воздушный удар обстрелом. Неизвестно для большинства из нас, ВВС уже нанесли первый удар, сбросив 20 000 фунтов бомб с бомбардировщика Vulcan перед самым рассветом. Бомбы разорвались на взлетно-посадочной полосе в Стэнли, одна из них попала точно в центр. Ударному самолету потребовалась поддержка десяти самолетов-заправщиков, чтобы совершить круговой полет протяженностью 8 000 миль туда и обратно. Этот пример нашего стратегического влияния не остался незамеченным руководством хунты в Буэнос-Айресе.

Враг увидел в этом нападении то, чем оно не являлось: первые шаги нашей высадки. Их можно было простить. Масштаб обманной игры и ее тщательная реализация были более чем достаточны, чтобы предположить именно это: что-то серьезное и крупное.

Аргентинцы активизировали свои планы на случай непредвиденных обстоятельств, изменив их с учетом новой серьезной угрозы со стороны стратегических бомбардировщиков. С этого момента они держали самолеты для обороны своих материковых аэродромов. Корректировки на некоторое время запутали ситуацию, вызвав задержки. В конце концов, они произвели контратаку из шестидесяти вылетов, только половина из которых достигла цели и нанесла относительно легкий ущерб нашим кораблям у Стэнли. Истребители Sea Harrier перехватили и уничтожили три атакующих самолета. Однако, когда наши корабли

отошли, как и предполагалось, противник ошибочно посчитал, что он отбил решительную попытку высадить наземные силы, что он нанес значительный ущерб нескольким нашим кораблям и сбил большой процент имеющихся у нас самолетов ПВО.

Воодушевленные кажущимся успехом, аргентинские военно-морские части получили приказ выдвинуться вперед, чтобы заманить нас в ловушку и нанести убийственный удар. Корабль *25 De Mayo* со своим авиакрылом зашел с северо-запада, *Belgrano* - с юга. Приказы, предписывающие эти действия, были перехвачены и мгновенно доведены до сведения Вудворда. Его план сражения сработал, возможно, даже лучше, чем предполагалось.

Незадолго до ужина на следующий день мы узнали, что *Belgrano* был потоплен, торпедирован одной из атомных подводных лодок, HMS *Conqueror*. Мы с Дэнни пили чай, когда по системе оповещения пришло сообщение, которое наши товарищи по кораблю восприняли с ликованием. Он был атакован за пределами зоны отчуждения. Ликование звучало как-то не так. Дэнни это явно не нравилось. Меня это тоже задело: мысль о том, что эти моряки в один момент находились в тепле, а в следующий - были брошены в лютую стужу, в свирепую Южную Атлантику. Возможно, это был необходимый, полностью оправданный акт войны. Это, несомненно, должно было остановить аргентинское наступление. Но нота триумфа раздражала. И она казалась преждевременной. Однако, что мы знали о морской войне? Она казалась очень жестокой. Когда что-то шло не так, это было очень плохо, катастрофично для всех участников, независимо от места: резко, необратимо, с минимальными возможностями для восстановления. Возможно, это и было спонтанным выражением облегчения людей, более глубоко осведомленных, чем мы.

Как и все десантные войска, мы с нетерпением ждали возможности сойти на берег, вернуть контроль над своей судьбой, снова оказаться в своей стихии. Относительное бездействие, усугубленное отсутствием контроля, усиливало наше ощущение замкнутости. Если уж на то пошло, то затопление *Belgrano* усилило чувство уязвимости и бессилия. Это становилось нервным, утомительным делом, когда стоящие рядом

военные корабли занимались своими делами. Новизна уже утратила свой блеск.

За это время враг получил многочисленные удары. Эскорт *Belgrano Bouchard* был поврежден в том же инциденте, когда торпеда попала и в него, но, к счастью, не взорвался. На следующее утро патрульное судно было потеряно из-за ракет Sea Skua, выпущенных с вертолета Lynx. Было сбито множество самолетов. Позднее мы получили некоторое утешение, услышав, что мы не будем атаковать вражеские корабли, участвующие в спасательных операциях, или вмешиваться в их действия. Масштаб и частота всего этого заставили аргентинский надводный флот отойти под прикрытие авиации наземного базирования, где они и остались, отброшенные назад и фактически разгромленные.

Но потери побудили их к возмездию. Они пережили неудачное начало. Унижение глубоко задело их. Они были полны решимости отомстить нам, восстановить свое теоретическое преимущество; ведь с какой стороны ни посмотри, все должно было сложиться в их пользу. Ждать оставалось недолго.

Следующие два дня прошли достаточно спокойно, без каких-либо признаков вражеского ответа. Они предпринимали определенные усилия. Разведывательному управлению в Лондоне стало известно, что аргентинцы перебросили пять своих реактивных самолетов французской постройки Super Etendard, сигнатурных самолетов под EXOCET, на передовую оперативную базу в Рио-Гальегос. Но наша разведка утешалась тем, что техники, работавшие по контракту, вернулись во Францию, так и не завершив свою работу по переоборудованию аргентинских военно-морских самолетов под EXOCET до начала боевых действий. Передовое развертывание самолетов должно было развеять все подобные мысли. Это говорило о том, что аргентинцы с помощью или без помощи устранили все оставшиеся проблемы с программным обеспечением и готовы нанести ответный удар оружием, способным в одно мгновение переломить ход войны.

Это оружие было доверено отборным экипажам 2-й морской истребительно-штурмовой эскадрильи. Их, лучших аргентинских

летчиков, попросили летать на пределе оперативных возможностей, на дальности, увеличенной благодаря дозаправке в воздухе и на большой высоте, когда они находились в непосредственной близости от оперативной группы. Один вылет был отменен 3 мая, когда атакующие истребители не смогли дозаправиться от медленно движущегося танкера KC 130.

4 мая еще один налет бомбардировщиков Vulcan нанес удар по цели. И снова удар был нанесен с целью не дать противнику использовать Стэнли в качестве стартовой площадки для своих скоростных самолетов. Бомбы не попали на взлетно-посадочную полосу, но налет произвел желаемый эффект, ограничив «шустрил» противника их материковыми базами в трехстах милях к западу. Адмирал Вудворд разместил свои корабли так, чтобы воспользоваться этим, расположив их на предельном расстоянии от баз, у юго-восточного побережья Фолклендов днем, и медленно перемещая их обратно к островам, чтобы ночью на вертолетах высадить патрули эскадрона G и SBS.

Мы наслаждались необычайно спокойным, ясным днем, видимость была чистой до самого горизонта. Прodelав большой объем работы в оперативном отсеке, тщательно изучая доклады разведки на предмет возможных целей и составляя планы действий в чрезвычайных ситуациях, я решил подышать свежим воздухом на смотровой площадке. Через некоторое время ко мне присоединился Майкл Николсон. Мы обменялись приветствиями, вникая в диспозицию Вудворда, но без особого интереса.

Стояли вратари, два фрегата типа 22, *Brilliant* и *Broadsword*, пристроившиеся со стороны предполагаемой угрозы двум авианосцам. Вообще-то фрегаты типа 22 были оптимизированы для противолодочной работы, но в ходе испытаний их система Sea Wolf показала, что способна поразить артиллерийский снаряд в полете. EXOCET должен быть легким делом, поэтому 22-е корабли предназначены для защиты ворот.

За авианосцами и их эскортом шли несколько логистических кораблей. Мы догадывались, что они находятся там отчасти для того, чтобы принять все, что сумеет прорвать оборону на таком расстоянии; лучше

один из них, чем один из авианосцев. Все знали, что потеря одного из авианосцев, вероятно, означала конец, занавес для любой попытки вернуть Фолкленды силой оружия.

За головными кораблями располагался экран противолодочных и противовоздушных фрегатов. Еще дальше, на горизонте или за ним, находилась внешняя оболочка нашей обороны, пикеты ПВО, в этот роковой день корабли Ее Величества *Coventry*, *Glasgow* и *Sheffield*, вооруженные ракетами SEA DART, способными стрелять на расстояние около пятидесяти миль и на высоту до 30 000 футов.

Дежурство в пикетах ПВО было одиноким, рискованным делом, на самом краю коллективной обороны и первым на линии огня. Корабли знали это. Это означало быть на высоте, быть абсолютно бдительным и готовым к мгновенному ответу. Их экипажи знали, что любой вражеский самолет будет пролетать низко, под радарам кораблей. Но в определенный момент враг должен был «вынырнуть» для быстрого сканирования, когда он приближался, чтобы включить свой радар обнаружения цели. Это должно дать любому патрулирующему кораблю, находящемуся поблизости, мимолетное предупреждение и возможность защититься. Самолету, возможно, придется «вынырнуть» еще раз, чтобы добиться захвата цели ракетой; после этого останется несколько минут, чтобы вывести ЗПК и запустить зенитную ракету. Но допуски были тонкие, с небольшим запасом на ошибку.

В этот день в атаке участвовали два лучших аргентинских летчика, капитан-лейтенант Августо Бедакаррац и лейтенант Армандо Майора. Вылетев из Рио-Гальегос в густом тумане вскоре после рассвета, они направились на randevu к западу от Фолклендов, чтобы заправиться с танкера KC130. Все прошло успешно. Два Super Etendard продолжали идти тесным строем на большой высоте еще некоторое время, а затем снизились до высоты волны, когда приблизились к району цели. Стало трудно удерживать строй, когда они прорывались сквозь туман и дымку, периодически теряя из виду море в нескольких футах внизу.

Приблизившись к позиции, ранее обозначенной вспомогательным морским патрульным самолетом, стареньким *Neptune*, и улучшив

видимость, Бедакарратц быстро «вынырнул». Сразу же их радары увидели цели: они обнаружили оперативную группу. Сразу же оба пилота снизились, чтобы завершить последовательность стрельбы из своих оружейных систем. Еще несколько миль, и они снова поднялись вверх, чтобы запустить ракеты. Никакого времени на раздумья: вверх, фиксация, запуск, вниз, домой, веря, что им удастся избежать столь пугающих Sea Harrier. Время: 1402 ZULU, середина утра по местному времени.

В этот раз, возможно, разница во времени сработала против нас. Все утро, начиная с завтрака, корабли подвергались ложным тревогам. К полудню (ЗУЛУ) скептицизм взял верх. Главный диспетчер противовоздушной обороны (AAWC) оперативной группы на *Invincible* не захотел больше отвечать на предупреждения без подтверждения. Но *Glasgow* уже все видел воочию, и его своевременные наблюдения были переданы на *Invincible*. Не получив второго отчета, подтверждающего факт наблюдения, AAWC не передал сигнал тревоги, оставив всех нас в состоянии наименьшей боевой готовности, «белом» предупреждении о воздушном налете: угрозы нет.

Glasgow неоднократно пытался вызвать *Sheffield*, не только чтобы предупредить его, но, и чтобы передать необходимое подтверждение обратно в AAWC. *Sheffield* оставался в неведении относительно всего, что ее окружало, пока не был поражен в 1404 ZULU, через две минуты после того, как Бедакаррац и Майора запустили свои ракеты. Первая ракета, возможно, не взорвалась. Вторая промахнулась и исчезла в море. Но *Sheffield* был смертельно поврежден, многие из его экипажа погибли и были ранены. Загоревшийся, потерявший ход, лишенный энергии и насосов, он был покинут экипажем спустя несколько часов. Неоднократные мужественные попытки спасти его не увенчались успехом. Гордый боевой корабль был жестоко уничтожен в одно мгновение.

Эффект, оказанный на оперативную группу, был немедленным и благотворным. Настроение изменилось, все следы прежней самоуверенности сменились совершенно спокойной, более взвешиваемой, взвешенной решимостью. Мы по-прежнему были уверены в себе, только

с еще большим уважением относились к нашему врагу. Флот продемонстрировал то, что помогло ему стать таким великим институтом, и Вудворд стал ярким примером. На протяжении всех событий того дня он сохранял ледяное спокойствие, почти отстраненность, как казалось окружающим, давал указания, достаточные для обеспечения целостности обороны оперативной группы, не прекращая концентрировать внимание на более широкой операции, которую еще предстояло провести. Он никогда не терял из виду общую картину. В остальном он доверял своим капитанам, зная, что они сделают все необходимое и возможное, чтобы удержать ситуацию. Они и их люди, в свою очередь, действовали с выверенным спокойствием после первоначальной, инстинктивной реакции броситься на помощь *Sheffield*.

Отвага проявлялась на всех уровнях. На борту потерпевшего бедствие судна экипаж боролся снова и снова, вопреки обстоятельствам, спускаясь вниз, чтобы попытаться взять пожары под контроль, чтобы спасти хоть что-то. Многие из них погибли или получили тяжелые увечья. Подходили спасательные суда, вертолеты. В любой момент пожар мог добраться до боезапаса *Sheffield* и унести с собой всех. В какой-то момент корабли были предупреждены о возможном присутствии вражеской подводной лодки, пришедшей воспользоваться ситуацией. Контрмеры были усилены. Спасательные и эвакуационные суда оставались на своих постах. В тот день эскадрон воочию убедился, что значит «дубовые сердца»: холодная, расчетливая стойкость в условиях смертельной опасности.

Флот также продемонстрировал свою стальную безжалостность. В конечном итоге *Sheffield* должен был остаться в качестве приманки, чтобы привлечь любую вражескую подводную лодку. Никакой сентиментальности. И бедный капитан Солт, командир корабля, в то время не пользовался особым сочувствием. Ходили слухи, что, возможно, имели место организационные и оперативные недостатки. Как ни странно, люди нашли в этом некоторое успокоение. Я и раньше сталкивался с подобной реакцией в связи с неудачами в других операциях. Когда что-то идет не так, бывает менее неприятно найти недостатки в собственных действиях, чем признать, что враг превзошел

тебя. Первое можно свести к относительно простому вопросу исправления недостатка или ошибки, тем самым превратив проблему в проблему с решением, вполне доступным человеку. В другом случае, решение проблемы зависит не только от самого человека, но и от перспективы фактического превосходства противника, что является более неприятным моментом.

Со своей стороны, в течение следующих часов мы помогали, как могли. Одна из столовых на *Hennes* была переоборудована под временный пункт приема раненых. Дэнни и Лоуренс понимали, что количество поступающих раненых может превысить возможности корабля. Они немедленно выделили двадцать патрульных медиков, некоторые из которых имели опыт участия в боевых действиях. Остальные держались в стороне, чтобы удвоить наши усилия по поиску способа отомстить врагу.

Парадоксально, но события того дня могли усилить наш потенциал. Во второй половине дня оперативная группа также потеряла один *Sea Harrier* от огня с земли во время атаки на Гус-Грин. В качестве временной меры Вудворд наиболее разумно прекратил наземные атаки SHAR, оставив свои самолеты для противовоздушной обороны. Мы предположили, что истребители-бомбардировщики BBC GR7 *Harrier* должны быть на пути из Великобритании с десантными силами для выполнения необходимых задач по воздушному перехвату и других задач наземной поддержки. Однако до их прибытия могут пройти дни, а возможно и недели. Тем временем, если бы оперативной группе пришлось наносить дальнейшие точные удары по берегу, возможно, мы могли бы помочь. Других вариантов, похоже, не было. А кроме этого, мы подумали, что после *Sheffield* нам всем не помешало бы приободриться. Нужно было отбросить врага, восстановить прерванную череду неудач. Наверняка настало время для рейда спецподразделений на берег.

Мы считали само собой разумеющимся, что пеший рейд, совершаемый скрытно в темное время суток, оказывает психологическое воздействие, которое трудно сравнить с атакой с авианосца. Оба варианта могут быть одинаково разрушительными. Но враг, пораженный с самолета или любого другого дистанционного средства, использующего

технологическое преимущество, может найти если не силу, то некоторое утешение в чувстве обиды за нечестную игру, даже моральное возмущение. Хотя подобное можно получить и при «ручной доставке», присущая ей близость, существенное равенство в отношениях между людьми, усложняет ситуацию. Нам нужно было убедить адмирала и его оперативный персонал посмотреть на это по-нашему.

С того момента, как мы поднялись на борт *Hermes*, мы работали над нашей акцией прямого действия (DA). Мы начали с согласования основных правил между двумя эскадронами и SBS, чтобы не мешать друг другу. На первый взгляд, это может показаться простым делом. Но эти три роли были очень разными и требовали тщательного разграничения, особенно в условиях ограниченного оперативного пространства вокруг Фолклендов.

Наблюдение требует терпения и осторожности, чаще всего наблюдение за объектом в течение длительного периода времени. Помимо сбора подробной информации, оно может включать в себя определение сложившейся картины жизни на территории объекта. Патрулю, возможно, придется совершать частые, осторожные перемещения, чтобы охватить все углы. Ничто не должно беспокоить или настораживать противника, или отвлекать патруль излишне, так группы наблюдения, находящиеся в глубоком тылу, возможно, будут избегать выходить на связь.

Для эскадрона G это означало, что патрули высаживались на берег на срок до месяца. Они прилетали на вертолетах ночью, патрули ограничивались двумя высадками - одна на берег, другая обратно. Никакого пополнения запасов или медицинской эвакуации, кроме случаев крайней необходимости. Они будут высаживаться за много миль от своих целей, вне пределов слышимости и дальности обнаружения любых средств наблюдения. От точек входа патрули с предельной осторожностью продвигались к целям. Огромные акры открытой пастбищной местности обеспечивали большое поле зрения. Это позволяло большинству патрулей наблюдать за каждым основным участком маршрута в светлое время суток, убеждаясь в отсутствии врага или препятствий, а затем двигаться по нему предстоящей ночью. Этот

процесс мог повторяться на всем пути к цели, как мы и планировали в Южной Георгии.

Юэн и его люди установили тесные отношения с 846-й военно-морской авиаэскадрильей - нашими вертолетами поддержки. Они обнаружили, что экипаж готов к работе, недавно получив очки ночного видения (NVG), но практически не имея формальной подготовки по их использованию. Поначалу и вертолеты не были приспособлены для ночных полетов. Но все приступили к работе, обучаясь на ходу. Воздушные и наземные экипажи сами переоборудовали кабины, используя все, что попадалось под руку, включая восковой карандаш и клейкую ленту. Тактика и процедуры были отработаны на воде во время перехода на юг, все знали, что они потребуют дальнейшей доработки для операций на суше. Кроме ПНВ не было никаких других средств ночного полета: ни радаров, следящих за местностью, ни инфракрасных осветителей, ни цифровых карт. Каждый маршрут приходилось планировать в мельчайших деталях и прокладывать с кропотливой точностью, используя бумажные карты и визуальные ориентиры. Но их усилия окупились, они внесли значительный вклад, который остался в основном неоцененным, и стали еще одним примером того, что ВМФ «может решать».

Прямое действие, по своей сути надежное мероприятие, обычно работает с более высокими допусками, чем наблюдение; в конце концов, в определенный момент оно должно «зашуметь». Атакующая сила может даже специально нарушить маскировку, чтобы завершить свою работу над целью и сделать отход, воспользовавшись замешательством, которое она помогла создать. Можно также определить минимумы для успеха, сведя требования к фазе разведки к таким основам, как поиск маршрута входа и выхода, что поразить: сторожевые посты, другие оборонительные сооружения. Прямые действия более ограничены и измеримы, чем неограниченные возможности наблюдения. Важно избежать обнаружения до начала атаки, особенно на этапе разведки. Не стоит преждевременно раскрывать свою руку; разведка редко бывает достаточно сильной, чтобы вступить в схватку с противником, что требует соответствующей осторожности.

Очевидно, что мы должны предоставить операции эскадрона G широкий простор, держась на значительном расстоянии как от их целей, так и от прилегающих районов. Их деятельность по передаче информации должна иметь приоритет. Это было важно для вышестоящих планировщиков. Однако мы должны быть готовы ответить на все, что они обнаружат, что оправдывает нанесение удара. То же самое должно быть и в отношении SBS и операций их передовых сил.

Это сузило наши варианты. Эскадрон G положил глаз на каждый крупный населенный пункт на Фолклендском архипелаге, а именно на все очевидные, наиболее вероятные вражеские места. Это не выглядело многообещающим для нас, вопрос в том, чтобы прочесать оставленные незамеченными районы, оставаясь готовыми ко всему, что G и SBS могут быть готовы дать нам. Нам не стоило беспокоиться. Почти сразу после координации наших усилий кое-что обнаружилось, спрятанное в файле разведданных: поселение Пebbл-Айленд у северного побережья Западного Фолкленда. Все наше, ни у G, ни у SBS его не было на их карточках.

7. Остров Пеббл

В разведданных говорилось о небольшой группе инженеров и морской пехоты в поселении на острове Пеббл, и больше ничего. Мы искали именно это: изолированный вражеский отряд для атаки. Нам было неважно, что именно это будет, при условии, что его уничтожение или повреждение захватит воображение оккупационных сил в целом и вызовет тревогу. Он не должен быть слишком большим. Я имел в виду вражеский объект численностью не более шестидесяти человек, число которое мы могли бы подавить неожиданностью и свирепостью нашей атаки. По имеющейся информации, небольшой гарнизон такого размера затеял что-то интересное.

В каком-то смысле мы снова стали самостоятельными. Я не припомню, чтобы до нас было доведено какое-то строгое и ясное задание, но поскольку G и SBS были полностью заняты сбором информации, мы просто взяли на себя наступательную роль. И в пределах зоны отчуждения мы не знали ни о каком списке приоритетных целей. Возможно, что-то было для кораблей и самолетов до того, как их ограничили противовоздушной обороной. Если так, то этот список до нас не дошел. И я так и не выяснил, рассматривал ли оперативный штаб авианосной группы нас официально как ударный актив, которым они должны управлять. Похоже, это не имело значения. Мы просто занимались своими делами, кажущаяся неформальность не мешала нам. И нам это нравилось - чувство свободы. У нас было достаточно указаний от командира. Мы были рядом с нашим адмиралом. Мы могли читать ситуацию на театре. Мы решили, что настало время для тщательно организованного рейда SAS.

Только благодаря Южной Георгии мы полностью открыли глаза на риск, который мы могли представлять для своей собственной стороны. Драматический провал, последовавший за разгромом *Sheffield*, был бы ужасен. Это могло бы даже повредить национальной морали, подрвать желание общества довести дело до конца. Тем не менее, целью полка было брать на себя высокий риск ради высокой выгоды, смягчая опасность за счет отбора людей и привилегированного доступа к учебным ресурсам и материальным средствам. Недавние события

наглядно продемонстрировали эффективность всего этого в сложившихся обстоятельствах. Южная Атлантика зимой - не место для пикника. Она обнажила наши ограничения таким образом, что только дурак мог их игнорировать, а мы не были дураками. Ее беспредельная дикость оказалась ничуть не менее опасной, чем враг, и во многих отношениях более сложной.

Поэтому, хотя время казалось подходящим для дерзкого поступка, и мы были более чем готовы к нему, и могли найти подходящую цель, чтобы дерзнуть победить, мы не собирались нырять с головой. Это не было ни излишней осторожностью, ни рефлексией после Южной Георгии. Скорее, это показало, как далеко мы продвинулись с тех пор, как покинули Херефорд всего три недели назад. В следующий раз, когда мы спустимся на воду с одного из кораблей Ее Величества, наши действия должны были быть полностью продиктованы всем тем, чему мы научились до сих пор.

Что касается острова Пebbл, мы посоветовались с Роджером Эдвардсом, пилотом без вертолета, который присоединился к эскадрону во время нашего пребывания на *Brilliant*. Я так и не узнал, как именно он попал к нам, и никогда не спрашивал. Думаю, Дэнни приложил к этому руку. Роджер был женат на Норме, девушке с Фолклендских островов, которая в то время вернулась в Великобританию. Он обладал бесценными местными знаниями об островах и помог нам извлечь максимум из нашей ограниченной информации.

Сначала Роджер объяснил, как устроены острова в широком социально-экономическом смысле. Был Стэнли. И был «Лагерь», земля за пределами Стэнли, усеянная поселениями, в основном овцеводческими фермами, которые больше походили на ранчо, чем на фермы в том смысле, в котором это понимают у нас дома. Поселения были изолированы, но связаны между собой по радио, а некоторые из них на Восточных Фолклендах имели телефонную связь со Стэнли. Внутри и вокруг поселений имелись фермерские тропы, но между поселениями не было дорог. Передвижение по «Лагерю» на автомобиле было трудоемким и требовало от местных сноровки, чтобы объехать многочисленные болота, что было чем-то вроде искусства. Чтобы

добраться из одного поселения в соседнее, могла потребоваться большая часть дня. Соответственно, люди были самодостаточны в хозяйстве и ремонте. Они были выносливыми, независимо мыслящими, но с сильным чувством общности.

Местность может напомнить Дартмур, хотя в целом она лежит ниже, с открытыми лугами и вересковыми зарослями, и сильно ощущается присутствие моря. Погода была очень переменчивой. Почти постоянные, часто сильные ветра приносили холод и сырость. Нам следовало опасаться каменных полос - миль валунов, похожих по внешнему виду на ледниковую морену. Их было опасно преодолевать пешком, а на автомобиле практически невозможно. Наиболее распространенные на Восточных Фолклендах, они были характерны для холмов в окрестностях Стэнли. Примечательны были и заборы, которые использовались как для ежегодного перегона овец к стригальным сараям, так и для ограждения или определения границ, их расположение было точно обозначено на всех местных картах.

Тяжелые грузы перевозились на каботажных судах. Поселки и отдаленные фермы были расположены так, чтобы иметь доступ к морю, и все они имели основательные причалы, способные обрабатывать тонны шерсти, производимой каждый год. Почту, мелкие грузы и людей перевозила государственная авиационная служба Фолклендских островов (FIGAS) на легких самолетах, что напоминало службу такси. В каждом поселении была взлетно-посадочная полоса, многие из которых были довольно примитивными, а некоторые были ограничены в использовании из-за особенностей погоды. Аэродром в Дарвине/Гус Грин имел две пересекающиеся взлетно-посадочные полосы на твердой, хорошо дренируемой почве, что позволяло использовать его при широком диапазоне направлений ветра и погодных условий. Мы знали, что противник разместил там тактические самолеты, создав значительную передовую оперативную базу. Роджер полагал, что поперечная полоса на острове Пиббл будет такой же надежной; кроме того, он знал, что близлежащий пляж был зарегистрирован как пригодный для использования более тяжелыми самолетами с коротким разбегом (STOL), вплоть до размеров C130 Hercules.

Наше внимание привлекли взлетно-посадочные полосы Пebbл. Но прежде чем сосредоточиться на них, мы рассмотрели другие особенности острова. Он лежал недалеко от входа в пролив Фолкленд-Саунд. Роджер отметил, что это делает его идеальной радарной площадкой для обзора северных подходов к архипелагу, включая вход в пролив Фолкленд-Саунд, который проходит с севера на юг, отделяя главный остров Восточный Фолкленд от своего собрата Западного. Он также охватывал вход в Сан-Карлос, но тогда мы не знали, какое значение это имеет.

Радар стал занимать важное место, возможно, объясняя, почему враг расположился в таком изолированном месте вдали от Стэнли. И это объясняло присутствие инженеров, которые должны были помочь с жизнеобеспечением и другими необходимыми работами: водоснабжением, укрытиями, обороной, улучшением и обслуживанием дорог и взлетно-посадочных полос и так далее. Их морпехи будут там для защиты.

Тем временем наши мысли были направлены в основном на взлетно-посадочную полосу, состоящую из двух пересекающихся полос. Хотя она была меньше, чем взлетно-посадочная полоса в Дарвине, но по фолклендским меркам она была значительной, довольно ровной по всей длине и ширине, но с уклоном по краям. Ровный грунт может быть смешанным благом, вызывая заболачивание отдельных участков полосы во время длительных периодов влажной погоды. Начало зимы выдалось необычайно влажным. Роджер напомнил нам всем о рудиментарном характере полос поселений, их единственная цель - поддерживать легкие самолеты STOL. Мы можем исключить быстрые реактивные самолеты. Например, на острове Пebbл в настоящее время нет ангаров, нет всепогодных взлетно-посадочных полос, нет твердого покрытия, нет топливных складов, только пастбища и навес для пожарного прицепа.

Нет нужды говорить, что мы все могли видеть, что враг может внести улучшения. Это заставило нас вспомнить о присутствии тех инженеров. Возможно, у врага были более высокие амбиции в отношении полосы Пebbл. Поселение, вероятно, могло бы вместить сотню или более человек. Для этого нужно было привести в рабочее состояние сарай для

стрижки овец, а возвести дополнительные временные помещения - дело несложное. Зимние дожди, вероятно, обеспечат обильное снабжение питьевой водой, достаточное для содержания значительного гарнизона. Здесь имелась исправная пристань, способная принимать тяжелые строительные машины и материалы.

Аэродром Стэнли подвергался разрушительным ударам, часто становясь объектом обстрела морской артиллерии, не говоря уже о налетах стратегических бомбардировщиков, а до недавнего времени и ударов SHAR. Дарвину также уделялось определенное внимание. По оценкам разведки, аргентинцы сохраняют Стэнли как основную воздушную линию связи с материком, а Дарвин - как поле расщепления для тактической авиации. Но центральное расположение Дарвина имело и другое оперативное значение. Силы, находящиеся там, должны были иметь возможность быстро реагировать во всех направлениях, по всем островам. Мы знали, что в Дарвине есть большой гарнизон. И мы знали, что противник разместил там самолеты Pucara. Могли ли они все быть частью сил оперативного реагирования, а Дарвин - передовой оперативной базой (ПОБ)? Pucara могли бы стать основным компонентом, быстро реагировать, наносить сильные удары. Они должны очень бережно относиться к самолетам и своим оперативным объектам. Так разрабатывал ли противник остров Пейбл, чтобы тот служил в качестве вспомогательного поля Дарвина, для улучшения защиты и устойчивости воздушных компонентов? Роджер считал это вполне вероятным. Так же думали и остальные.

Мы проанализировали то, что знали о Pucara: аргентинский штурмовик, предназначенный якобы для контрреволюционных операций. Он был бронирован и спроектирован так, чтобы выдерживать определенное количество попаданий из стрелкового оружия. Его фиксированное вооружение состояло из четырех 7,62-мм пулеметов Браунинг, установленных по два с каждой стороны фюзеляжа, рядом с двумя 20-мм пушками, также установленными в фюзеляже. Три точки подвески, одна под фюзеляжем, другие, по одной на каждом крыле, позволяли нести ряд боеприпасов, включая авиабомбы и 2,75-дюймовые реактивные снаряды. Это была грозная система вооружения, способная

нанести серьезный ущерб любым войскам, оказавшимся на открытой местности или даже на подготовленных оборонительных позициях.

Мы начали рассматривать остров Пиббл, и, соответственно, самолеты Рисага, как занимающие важное место в общих оперативных планах противника по обороне «Мальвинских островов». Как и в случае с Южной Георгией, предполагалось, что их флот будет представлять собой первую линию обороны противника, поддерживаемую в этом случае быстроходными реактивными самолетами, базирующимися на материке. Военно-морские и военно-воздушные силы, вероятно, должны были остановить нас на нашем пути еще в море. Но если мы выйдем на берег, то, несомненно, авиация продолжит наносить удары, поддерживаемые в той или иной форме с земли. И вот тут-то, должно быть, и пригодятся сухопутные/воздушные силы в Дарвине. Они, несомненно, должны быть там для быстрого реагирования, чтобы первыми проводить операции по борьбе с высадкой десанта на берег.

Если мы были правы, то противник должен максимально заботиться о силах в Дарвине, не в последнюю очередь о их воздушном компоненте. Было бы разумно рассредоточить самолеты для их безопасности, а также для повышения их оперативной гибкости. Мы начали рассматривать остров Пиббл как цель высокой ценности: пусть это и вспомогательный аэродром, но, тем не менее, ключевой компонент общей схемы обороны Аргентины.

Мы прикинули его численность, основываясь на том, как, по нашим расчетам, ВВС могли бы оборудовать вспомогательный аэродром. Там будут экипажи самолетов: не так много. Затем авиаинженеры, наземный персонал, небольшой оперативный персонал, связисты, администраторы: пятьдесят или шестьдесят человек? Нужно было добавить вероятность наличия радара: шесть человек? Отряд инженеров: двадцать-тридцать человек? Наконец, защитники аэродрома, морская пехота: тридцать, шестьдесят или целая рота в девяносто человек? Мы могли столкнуться с гарнизоном в 100-200 человек, больше, чем я ожидал. Однако, он располагался на отшибе, вдали от быстрого подкрепления. Учитывая его состав, возможно, едва ли половина вражеских сил будет иметь значение в ближнем бою.

Шансы казались не слишком плохими, не идеальными, но вполне выполнимыми. Нужно сходить посмотреть.

Располагая лишь одной крупницей достоверной информации, поданной разведкой, и остальными предположениями, мы, тем не менее, приступили к разработке предложения для адмирала. Не имея подробной информации о цели, концепция должна была быть представлена в общих чертах, несколько обобщенной.

Операция должна начаться с наземной разведки, чтобы выяснить, чем может заниматься противник, действительно ли он представляет собой подходящую цель. Если разведка обнаружит что-то стоящее, она должна продолжить сбор тактических деталей, необходимых для поддержки любого последующего рейда, предлагая подходящий метод атаки, основанный на заранее определенных руководящих принципах. Сделав это, разведчик должен продолжать наблюдение за целью, чтобы уловить любые изменения перед началом атаки. Учитывая размер потенциальной цели и спектр задач, которые предстоит выполнить передовому отряду, я бы рекомендовал проводить разведку примерно тремя патрулями по четыре человека в каждом.

Что касается самой атаки, то мы начали с рассмотрения скрытого метода, используя технику диверсии: бойцы скрытно устанавливали заряды взрывчатки и уходили до того, как противник узнавал о чем-то неприятном. Учитывая наши обстоятельства, я не очень-то стремился к этому. Ночью это заняло бы много времени, пришлось бы обходить, вероятно, большое количество отдельных целей разного рода, разбросанных на довольно большой территории. Для каждой категории целей может потребоваться свой тип взрывного устройства: стандартный заряд взрывчатого вещества для самолета, возможно, несколько зарядов для радарного комплекса, что-то совершенно иное для большого жилого блока. Преждевременное обнаружение любого элемента атаки могло поставить под угрозу все усилия, что грозило полным провалом.

И мы должны избегать жертв среди гражданского населения, если это вообще возможно. Очевидно, что взрывчатка будет установлена только

на военных объектах, но поскольку инициирование устройств произойдет или должно произойти спустя долгое время после нашего ухода, нет никакого способа предотвратить появление гражданских лиц в опасных зонах. Если этого было недостаточно, чтобы исключить тайный метод, оставался еще вопрос о «карандашах» замедленного действия, или взрывателях.

Наши «карандаши» времени были простыми устройствами времен Второй мировой войны. Они состояли из подпружиненного поршня, удерживаемого медной проволокой разной толщины, и ампулы с кислотой, заключенной в трубку длиной и шириной примерно с толстый карандаш. При раздавливании трубки кислота высвобождалась и разъедала проволоку, удерживающую поршень. Толщина проволоки определяла период между обжимом и детонацией: пять минут, тридцать, час, двадцать четыре часа - целый диапазон времени. Нам нужно было знать время, чтобы обойти цели и скрыться. Однако взрыватели, как известно, были ненадежными, редко срабатывали в точно назначенный момент: одни срабатывали раньше, другие позже, а некоторые и вовсе не срабатывали. Даже если бы они сработали точно так, как нужно, было бы практически невозможно синхронизировать столько взрывов на таком количестве целей, на такой территории, с таким количеством скрытных перемещений.

Пробираться в темное время суток, по одному и по двое, по вражеским позициям и вокруг них, может быть, и имело свою романтическую привлекательность, может быть, даже было тем, чего ожидал адмирал, но это было не для нас. Было слишком много переменных. Диверсию по площадной цели, осуществляемую с моря в сжатые сроки, вряд ли можно было назвать актом войны.

Мы также отбросили все методы атаки «с ходу»: например, морская артиллерия или штурмовая авиация. Или, возможно, снайперская стрельба по целям с использованием нашего собственного оружия дальнего радиуса действия: ПТРК MILAN, средние пулеметы. Ночью добиться точности было бы сложнее всего. Кроме того, в этой тактике не было той близости, которая возникает при сближении, а значит, и того морального воздействия, к которому мы стремились в тот момент.

Это подводило нас к силовой атаке: проникнуть в район цели скрытно, прежде чем поднимать шум, ошеломить противника неожиданностью, шоковым воздействием и локальным перевесом численности. Масштаб и агрессивность должны позволить нам преодолеть любое, кроме самого упорного сопротивления, и сделать рейд менее зависимым от точной информации о цели, что, в свою очередь, значительно ускорит его подготовку и проведение. Я отдавал предпочтение этому прямолинейному варианту.

На кораблях было много работы, они сражались на поверхности, под поверхностью, в воздухе, в эфире. Насколько это возможно, они должны были иметь возможность беспрепятственно передвигаться, без помех со стороны нас или кого-либо еще, свободно, когда и как им нужно. Любая наша операция должна проводиться в течение настолько короткого периода времени, насколько это возможно, чтобы не сковывать их.

Мы бы скорректировали наше решение так, чтобы максимально защитить свободу действий флота (Карта 5). Высадив нас на берег на короткое время, мы бы проникли туда и разгромили все с такой точностью, на какую только были способны, прежде чем выбраться. Если бы им пришлось отойти, чтобы встретить какое-то неожиданное и срочное морское происшествие, или мы застряли по какой-либо причине, возможно, из-за погоды, то, будучи в силах, мы могли бы продержаться до их возвращения. Это не отражало недостаток веры в военно-морской флот. Но это показывало, что мы научились понимать особенности боевых действий на море.

На разведывательную фазу отводилось от двух до трех дней. Учитывая шум вертолетов и радары, мы планировали высадиться на берег на «материке» Западного Фолкленда. В случае обнаружения у патруля был бы весь «запад» для отхода и уклонения. Посадка вертолета прямо на острове Пebbл показалась нам слишком рискованной. Высадка на «западе» также позволила бы патрулю наблюдать за маршрутом в течение некоторого времени, проверяя его на отсутствие врага или препятствий, прежде чем переправиться на байдарках на остров.

В какой-то момент во время наших приготовлений ко мне подошел морской офицер, изучавший этот аспект на однодюймовой карте типа артиллерийской службы. Он представился штурманом и спросил, что я делаю. Согласившись с тем, что ему можно доверять, но, тем не менее, предостерегая его, я объяснил, что ищу места для переправы с Западного Фолкленда на остров Пebbл на байдарках. Район бухты Филиппа выглядел подходящим для скрытой высадки, проход Тамар или проход Иннер-Пасс - подходящими водами, достаточно защищенными и узкими, менее мили.

- О, - сказал он любезно, со слабой ноткой снисходительности, - давайте воспользуемся этим. Он поменял мою карту на схему, - Где вы сказали?

Мой палец вызывающе ткнул в его желтую карту с россыпью цифр в самом узком месте между «материком» и островом Пebbл.

- Там, мы переправимся там.

- Понятно. Но вы же знаете, что там довольно сильный рип-тайд, - мягко ответил он, назвав впечатляющую цифру, - много узлов.

- При спаде воды, - мгновенно возразил я, не понимая, как это пришло мне в голову и что именно это значит. Звучало это довольно правильно.

- Хм... - Затем последовала быстрая морская проверка таблиц приливов и отливов. А потом, - Вам повезло, тихая вода, прямо посреди ночи в течение следующей недели или около того. Это должно подойти.

Сам рейд потребовал бы подъема четырех или пяти Sea King, и, в свою очередь, корабля с большой летной палубой. Мы должны были бы подойти относительно близко к Фолклендам, чтобы достичь расстояния разворота, учитывая, что грузы будут тяжелыми в обоих направлениях, что повлияет на загрузку вертолетов топливом и, следовательно, на продолжительность полета. Единственными кораблями подходящего размера были авианосцы. Я понимал, что это может стать камнем преткновения: пришлось бы очень многого просить от адмирала, чтобы один из двух его жизненно важных авианосцев оказался в опасности во время рейда SAS.

Мы представили этот план Вудворду 5 мая, на следующий день после потери *Sheffield*. Я был прав. Адмирал отказался наотрез, вежливо, даже любезно, но быстро и категорично, в свойственной ему манере. Никаких наступательных операций SAS пока не должно было быть.

Мне хотелось думать, что это отражало исключительно текущую оперативную ситуацию. Силы столкнулись с многочисленными угрозами. Должно быть, адмиралу казалось, что ситуация становится все более напряженной. Он должен сосредоточить свои силы на морском сражении. Возможно, он мог бы обойтись без отвлекающего рейда эскадрона D, рискуя ради неопределенной выгоды. Я надеялся, что все именно так и было, а не началось с проблем в Южной Георгии. Я думал, что нет. Взаимоотношения между ним и его спецназом казались здоровыми. Вудворд производил впечатление человека, который подходил к делу объективно, с холодным расчетом. Он мог отсеять «шум», увидеть вещи такими, какие они есть. Вероятно, он думал, что время еще не пришло, не более того.

Мы сообщили RHQ о нашем разочаровании, спросив, могут ли они помочь разрулить ситуацию, вернуть рейды на повестку дня. Вскоре после этого ситуация изменилась. Мы не знали, почему, но нам было предложено начать рассматривать наступательные задания. Я предположил, что Майк Роуз, должно быть, переговорил с кем-то, обладающим необходимым влиянием. Со своей стороны, мы не переставали думать о том, как достать врага. Мы продолжали искать, но не нашли ничего, что могло бы сравниться с потенциалом острова Пebbл. Затем один из самолетов SHAR, пролетая рядом с островом, сообщил, что его осветил радар, возможно, излучающий с острова. Лишь много лет спустя я узнал, что практически в то же время, независимо от сообщения SHAR, но по случайному совпадению, Майк Роуз передал штабной разведке на *Hermes* отрывок, в котором говорилось о наличии на острове Пebbл радара наблюдения, смотрящего в море. Он даже указал вероятный тип, детали которого он почерпнул из справочника по аргентинским военным радарам. У него не было веских доказательств, подтверждающих его догадку, но это помогло, так как появилось два независимых источника, указывающих на возможное присутствие

вражеского радара, расположенного в особенно неудобном месте. Это все изменило.

Мало кто, кроме Вудворда, знал, что планировщики, работавшие на *Fearless*, среди которых был Майк Роуз, решительно выступали за Сан-Карлос в качестве возможного места высадки. Перспектива того, что радар на острове Пebbл будет охватывать подходы к Сан-Карлосу, была крайне нежелательной. Поэтому 10 мая Вудворд созвал совещание для обсуждения этого вопроса. Я не присутствовал, решив, что это обычное собрание, не зная, что речь идет о выборе цели. Я, как обычно, оставил это Юэну. Собравшийся оперативный штаб пришел к выводу, что радар на острове Пebbл представляет собой самую серьезную угрозу. Он должен быть обнаружен и уничтожен. Они рассмотрели возможные варианты. Выбранный вариант должен был не только устранить непосредственную опасность, но и отбить у противника всякую мысль о его повторной активации.

Штаб обсуждал очевидные методы: артиллерия флота или удар SHAR. По тем или иным причинам они не подходили, пока Юэн не предложил нашу помощь. Адмирал сразу же проявил интерес. Он видел, что враг ожидал, что мы нападём на них, используя самолеты или корабли. Мы делали то же самое в Стэнли и Дарвине/Гус-Грин. Они проявляли похвальную стойкость, научившись отражать атаки. Но визит спецназа, проникновение к ним и нахождение среди них, должно было быть совершенно другим предложением. Помимо тесного контакта, высокой точности и морального воздействия, это должно было также показать врагу, насколько он уязвим, занимая любое отдаленное место, кроме сильного. Это может отбить у них охоту продолжать действия на острове Пebbл. Это может подтолкнуть их к привлечению других отрядов. Рейд спецназа мог нарушить оперативную инфраструктуру противника на всех островах.

Вудворд видел все это, не нуждаясь в уточнениях, и спросил, как быстро это можно сделать. Под влиянием истощающего, продуманного характера миссии наблюдения его собственного эскадрона и опыта, накопленного им на текущий момент, Юэн колебался, прежде чем ответить с оценкой в районе недели или больше. Адмиралу требовалось

решить проблему в течение нескольких часов или дней, а не недель. В тот момент эскадрон D ментально находился совсем в другом месте, чем G. Мы привыкли использовать возможности, реагировать почти мгновенно, если это необходимо и возможно. Это была одна из тех вещей, которым мы научились на Южной Георгии: скорость, с которой ситуация может измениться на море, насколько быстрым нужно быть, чтобы не отстать от флота, когда они начинают действовать.

- Не годится. - таков был резкий ответ Вудворда.

Он никогда не тратил слов впустую. Все подводники были похожи друг на друга: быстрые, прямые и логичные. Они тратили очень мало или вообще не тратили времени на несущественное, а также на то, что выходило за рамки их непосредственного влияния. В этом была определенная экономия. Мы вышли из поля зрения. Обычно это был бы конец. Решено. Идем дальше. Но необычно, возможно, из-за симпатии к Юэну, или потому, что ему трудно было поверить в предложенные сроки, или потому, что у него действительно не было лучших вариантов, адмирал дал Юэну еще один шанс, возможность все обдумать.

Когда я узнал об этом, я был потрясен и расстроен вместе с Юэном, который выглядел подавленным. Но он сразу же вернул нас обоих на инструктаж к адмиралу. Я пристально смотрел на Вудворда, чтобы быть в курсе всего происходящего. У него был довольно проницательный встречный взгляд. Я заявил, что мы готовы. Я напомнил ему, что мы уже давно думали об острове Пebbл. У нас был план. Разведка может отправиться на следующую ночь, если это будет приемлемо. Мы должны дать разведчикам день или два на «земле». Я объяснил необходимость осторожного передвижения с «материка» на байдарках. Что касается самого рейда, я снова порекомендовал идти тяжелой группой из всего эскадрона, потому что это сделает все надежным: по сути, зайти и все разнести. Он согласился, поняв концепцию сразу. Вопросов было немного. Он заявил, что хочет, чтобы все было сделано не позднее, чем через четыре ночи, что он называл своим «drop-dead time». Мы должны были достать радар. Он сделал акцент на радаре.

- Хорошо?

- Хорошо, - подтвердил я.

- Что ж, да будет так, - слегка анахроничный, странно привлекательный и меткий оборот речи, который флотские используют в избранные моменты, когда разговор прекращается и начинается действие.

Он сказал это со слабым кивком, легкой улыбкой и явным блеском в глазах. Я думаю, перспектива рейда спецназа затронула его инстинкты подводника, пробудив чувства, возможно, общие, лежащие глубоко внутри: пират в нем, хулиган в нас.²⁹

Процесс начался более официально на координационном совещании вечером, когда адмирал и корабль подводили итоги операций этого дня и рассматривали действия на предстоящий период, целью которого было согласование усилий всей авианосной группы. Это было ключевое событие в ежедневном ритме боевых действий. Приказы и инструкции поступали от этой относительно небольшой группы офицеров на авианосец и разлетались по оперативной группе. Расположенные в крошечном отсеке за мостиком, офицеры толпились вокруг небольшого квадратного стола из красного дерева, чаще всего перед ними была морская карта. Адмирал сидел на одной стороне, капитан *Hennes* стоял на другой, чаще всего справа от него.

Мы с Юэном втиснулись сзади. Он говорил за нас двоих, когда это было необходимо, но очень редко. Я не помню, чтобы я получал приглашение присоединиться к собраниям, но все присутствующие, казалось, ожидали, что мы будем там. После обзора деятельности того дня, остров Пebbл был выведен на повестку. Капитан *Hennes* выглядел неуютно при мысли о том, что его корабль пойдет вперед, возможно, со значительно уменьшенным эскортом, поскольку таков был план - подойти достаточно близко к берегу, чтобы высадить и затем забрать вертолетную группу

²⁹ В монастырях Вестминстерского аббатства находится мемориал, посвященный подводникам, командос, воздушно-десантным войскам и SAS (пустынная группа дальнего радиуса действия была добавлена с запозданием в 2013 году). Он посвящен всем тем, кто служил в этих войсках, причем объединение их в одну группу отражает общий дух, который двигал и продолжает двигать ими.

спецназа. Во время паузы он облокотился на стол, кончиками пальцев правой руки осторожно провел по карте, осматривая район острова Пebbл.

- Адмирал, если я правильно понял, мы собираемся провести этот корабль [а мы все знали, что он имел в виду: жизненно важный, незаменимый, один из всего двух авианосцев, флагманский корабль, в случае потери которого игра закончится] сквозь известный район патрулирования вражеских подводных лодок?

- Да, - последовал слегка насмешливый, бесстрастный ответ, произнесенный еще одним из тех прямых, пронизывающих взглядов.

Это было проявлением силы воли и мужества во всем. Где то, что должно быть сказано, может быть сказано; где серьезные вопросы обсуждались объективно и без эмоций всеми заинтересованными сторонами; где руководил дальновидный, вдумчивый и смелый полководец; и где столь же сильные, добросовестные и уверенные в себе подчиненные могли внести свой вклад, зная, что от них ожидают. Встреча продолжилась, и в конце концов мы все разошлись, чтобы «сделать так».

Однако я не мог до конца понять суть дела с радаром, в чем и признался Дэнни. Вся операция решительно завязывалась на деле с радаром, что, на мой взгляд, сводило на нет все доказательства того, что остров Пebbл имеет отношение к рассредоточению самолетов. Я видел несоответствие между имеющимися разведданными, нашим анализом, предположениями ВМС и тем, чего от нас ожидали. Я не видел никаких веских доказательств присутствия какого-либо радара, и все же Вудворд и его подчиненные говорили об этом как о несомненном факте, вплоть до почти полной уверенности. Но в тот момент они знали о вмешательстве нашего командира, в котором указывался радар вероятного типа и его угроза Сан-Карлосу, району, выбранному для десанта. Мы этого не знали. Я нашел это несоответствие тревожным. Но я не собирался портить наш план, задавая слишком много вопросов. Рейд уже однажды был отменен; я не собирался рисковать снова. Я должен был положиться на разведку, чтобы прояснить ситуацию.

Если нам предстояло провести разведку на берегу следующей ночью, терять время было нельзя. Задача естественным образом легла на плечи Теда и его людей. Он и его второй номер, Чиппи, были вызваны в группу планирования штаба сразу после «вечерней молитвы» адмирала. Мы рассмотрели ситуацию, сделали выводы, затем согласовали действия, которые должны были быть предприняты, что фактически представляло собой набор оперативных приказов. Это позволило нам выиграть время, необходимое Теду и его людям для собственных приготовлений.

Очевидно, что разведка должна подтвердить наличие цели. Я признал вероятность обнаружения только самолетов и, возможно, некоторого количества вспомогательного оборудования, подчеркнув, что ВМС придают большое значение радару. Я надеялся, что большое количество самолетов поможет инициировать штурм, но предупредил о возможности того, что этого не произойдет: не будет радара, возможно, не будет и налета. Если мы все-таки пойдем, мы должны тщательно отработать все: радар, самолеты, наземные средства поддержки, материальные средства. Затем последовали дебаты о пилотах, все согласились, что они будут атакованы. Одно дело для врага - восстановить поврежденные или уничтоженные самолеты и оборудование, гораздо сложнее заменить летный состав. Разведка должна определить способ штурма эскадрона и быть готовой вести ее в атаку. Необходимо избегать жертв среди гражданского населения, а также излишнего ущерба имуществу Фолклендских островов. Подчеркивается точность и пропорциональное применение силы.

Gemini не упоминались вообще. Отряд отправлялся на байдарках, вертолеты высаживали их в районе Пурвис-Пойнт, на «большой земле» напротив острова Пebbл. В течение дня после высадки они наблюдали за узкими местами и дальним берегом, а затем переправлялись на байдарках по тихой воде ближайшей ночью. Это давало нам окно для атаки, начинающееся через три ночи. Мы проанализировали все возможные варианты развития событий – «что если», как мы их называли. Что, если патруль обнаружат на «западе»? Что, если они не смогут переправиться на байдарках? Что, если их обнаружат на острове? Что, если рейд задержится? Что если они обнаружат самолеты, которые улетят прежде, чем мы сможем их достать?

Мы обсудили план связи и его влияние на мою способность отдавать подробные приказы для рейда. Тед будет использовать ручную передачу Морзе по высокочастотной радиосвязи, посылая сообщения на *Hermes* через средства ретрансляции на острове Вознесения или в Великобритании. Следовательно, он не сможет передавать большие объемы информации. Ему нужно только подтвердить наличие или отсутствие цели. В противном случае он должен подавать сигналы в порядке исключения. Если его наблюдения в целом соответствовали нашему заранее согласованному плану, мне больше ничего не требовалось. Если нет, то ему лучше сообщить мне все необходимое. Перед вылетом к нему я должен был выдать эскадрону концепцию операции, а также набор задач «будьте готовы к». Когда мы все соберемся вместе на острове Пеббл, в точке входа, мы с ним быстро обсудим план, прежде чем отдать бойцам подтверждающие приказы и инструкции.

Завершая совещание, я с уверенностью заявил, что не все пройдет гладко. В ту ночь нам нужно будет многое сделать. У нас был простой план. Его нужно придерживаться. Мы пойдем почти полным эскадром. Мы должны быть в состоянии пойти на оправданный риск. При условии, что мы добьемся внезапности и превосходства в точке атаки, мы сможем навязать необходимый нам ход мероприятия. Тед все уяснил.

На следующее утро мы столкнулись с обычными, утомительными проблемами с погодой. Прогноз, очевидно, исключал возможность использования ПНВ для вертолетных операций в ближайшую ночь: в целом плохая видимость при шквалистом дожде, сильный ветер, усугубляемый низким уровнем освещенности. Старший пилот был непреклонен: не полетим. Мы не знали его и его команду так хорошо, как знал Г. Я скучал по Яну Стэнли и *Antrim*. Я бы доверился Яну без вопросов; если бы он сказал «нет», значит, нет. Но этот человек не был Яном. Он не умел с сочувствием отказать человеку. Кроме того, если таблица светимости луны показывала не лучшие условия для полета в выбранную ночь, почему, черт возьми, это не всплыло раньше? Обстановка накалилась.

Война на море была почти невыносимо утомительной. Если не было чего-то одного, то было другое, чаще всего стихия. На каждом шагу мы оказывались заблокированными. Мы отчаянно хотели покинуть корабли, чтобы получить больший контроль над своими делами. Отсрочка была почти невыносима. Старший пилот оставался безучастным к нашей все более очевидной решимости. Мы пробовали один обходной путь за другим. Ничего не получалось. Учитывая, что адмирал назначил время выполнения задания, мы опасались, что задержка может привести к полной отмене операции. Его это тоже не волновало. Это был вопрос цифр. Если уровень освещенности говорил, что полеты с ПНВ запрещены, то ответ был «нет». Конец вопроса. Что еще обсуждать?

Почти отчаявшись, но решив не сдаваться, пока не будут исчерпаны абсолютно все возможности, я обратился к *Brilliant*, спросив, может ли Тед вылететь, чтобы обсудить от моего имени вопрос, который лучше не обсуждать в эфире. Я имел в виду проникновение с моря, возможно, на корабле, возможно, на байдарках, если только *Brilliant* сможет доставить нас близко к берегу, в достаточно спокойную воду. Если кто и был готов к скрытным морским операциям в темное время суток, то это должен был быть Джон Ковард. И он был готов.

Без колебаний он послал *Lynx* за Тедом. Вскоре они вдвоем разработали план проникновения, при условии, что корабль будет освобожден от обязанностей по охране «ворот» на ночь. Более того, Джон объяснил Теду, что ему удалось подправить программное обеспечение своих *Sea Wolf*. Это зенитные ракеты, но теперь он был уверен, что сможет заставить их поражать наземные цели. Возможно, это пригодится во время самого рейда. Неисправимый!

Тем временем с вертолетами дело продвигалось. Очевидно, прогноз на предстоящую ночь улучшился. Или, возможно, кто-то переговорил со старшим пилотом. Так или иначе, он пришел в себя и теперь был готов попробовать. Я сообщил об этом Джону Коварду, поблагодарив его и отметив для себя, что *Sea Wolf* был усовершенствован. Он пожелал нам удачи.

По мере приближения времени я направился на ангарную палубу, чтобы перекинуться последним словом с Тедом и его людьми перед их отлетом. Ангарная палуба никогда не затихала, это был улей активности под резким, ярким светом, независимо от времени суток. Звуки инженерных работ отдавались эхом, подкрепляемые пьянящими запахами авиации, смесью масла, керосина, электрики, металла, механизмов, даже нейлона от сидений и ремней безопасности. Это сочетание можно было найти и в других местах, в других самолетных ангарах, в других местах, но на авианосце оно имеет интенсивный характер, являясь результатом ограниченного пространства, постоянного использования и нелепости того, что все это происходит в море.

Восемь человек из разведывательного патруля собрались в одном углу, где Грэм уложил большую часть наших запасов. Они были тихими, почти неподвижными по сравнению с окружающей их суетой, негромко переговариваясь. До этого я обсудил с Тедом и Чиппи все вопросы, не в последнюю очередь для того, чтобы убедиться, что мы учли все, чему научились в Южной Георгии. Мы не могли позволить себе больше никаких заминок при входе.

Южная Атлантика и ее погода вызывали у нас глубочайшее уважение. План отражал это. Он не предполагал никаких вольностей. За исключением короткого перехода через узкий пролив к острову Пиббл, люди не должны были подвергаться чрезмерному воздействию изменчивых, часто бурных настроений моря. Мне нравилось думать, что потенциальные тактические преимущества пролива между «материком» и островом Пиббл, охраняемого погодой, использовались с определенной степенью уважительной изощренности. Он обеспечивал безопасность: препятствие между нашей точкой входа и врагом. И это обеспечивало неожиданность: подход, которого аргентинцы могли не ожидать. Что еще? Нам бы не помешало немного того Gore-Tex, о котором все говорили. У нас было мало непромокаемой одежды. Возможно, Херефорд доставит нам ее в ближайшее время.

Что касается противника, с которым мы встретились в Южной Георгии, насколько типичным он был? В разведывательном досье говорилось о морпехах. Были ли они более высокого класса, лучше мотивированы,

чем их коллеги в Грютвикене? Будут ли они оставаться вблизи укрытий, как гарнизон в Лейте, или будут патрулировать местность на совесть? Стали бы они так же располагать свои оборонительные сооружения, прикрывая в основном очевидные подходы и море? Мы сделали все возможное, чтобы уменьшить риски, как мы их понимали? Например, был ли план атаковать их сзади? И снова Тед заверил меня, что, насколько он мог судить, он все учел.

Что касается местности, Фолклендских островов, то никто из нас раньше не ступал на архипелаг. Мы знали, что нас ожидает экстремальная форма Дартмура, омываемая водой, избиваемая ветром, холодная и мокрая. Это, конечно, должно быть правдой. Но насколько легко было найти укрытие? Судя по всему, местность была очень открытой. Разведчики должны спрятать довольно много снаряжения, байдарки, да и самих себя. Удастся ли им это? И снова Тед и Чиппи решили, что они все предусмотрели, как могли, посоветовавшись с членами эскадрона G, которые решали аналогичные вопросы.

И так все и вертелось. Но теперь все было решено. Нет смысла повторять все это снова. Я спросил о байдарках, в основном из-за отсутствия темы. Определенно, это был правильный выбор. Они были устойчивы, прочны, известны, немного не хватало места для хранения, что ограничивало количество снаряжения, которое можно было взять с собой, но они хорошо подходили для спокойных вод. Никто не хотел использовать Gemini. Тед подтвердил, что они будут держаться ближе к береговой линии, прежде чем рвануть через пролив. Но даже тогда они будут внимательно следить за ветром и состоянием моря.

Я не стал перечислять процедуры, которые мы согласовали для использования в случае, если дела пойдут плохо, аварийные точки, где, когда и как часто мы можем их посещать и в какой последовательности. Это было бы лишним. Тед уже отрепетировал их и оставил детали в оперативном отделе. Его патрули должны были хорошо знать такие стандартные оперативные процедуры. Я не хотел ни в коем случае их тревожить.

В последний раз я попросил их не усложнять ситуацию, подчеркнув, что общий концептуальный план рейда эскадрона будет сформирован ими после получения разведданных. Они должны будут доработать его в полевых условиях на основе наблюдений, которые им еще предстоит сделать, и информации, которую им еще предстоит собрать. Они должны были представить окончательный план нам, когда мы соберемся в зоне высадки эскадрона. В общем, все было именно так, как мы задумали для Лейта две или три недели назад.

В конце концов, пришло время, и они вошли в ангарный лифт, который доставил их на летную палубу к ожидающему их вертолету. Без необходимости я сказал им, чтобы они берегли себя. Они кивнули, сказали несколько ободряющих слов, пару «до встречи, босс», и ушли.

Вернувшись в спокойную обстановку оперативной комнаты, Дэнни свернул и передал мне сигарету. Мы погрузились в нашу долгую, тревожную ночь, к нам присоединились Джорди и Лоуренс.

Позже мы узнали, что высадка прошла успешно, и что патруль был высажен в условленном месте, не обнаруженный, насколько мог судить экипаж вертолета. Они предупредили, что погода была спортивной: сильный западный ветер со шквалистым дождем.

На берегу погода действительно осложняла жизнь. Поднявшийся ветер вызвал сильный прибой; в сочетании с приливом, хлынувшим через проход Пурвис, это сделало плавание на байдарках вдоль берега неразумным, а возможно, и невозможным предприятием. Стихия снова диктовала свои условия.

После я сам видел эти воды в мирное время. Когда в прекрасный летний день смотришь на остров Пиббл с северного побережья, у границы фермы Критты Ли площадью 250 000 акров, отдаленная красота трогает душу. Все кажется нетронутым, естественным, неизменным, почти невозможным, до боли чистым. Один из немногих признаков присутствия человека – «йоркширский туман», колышущаяся золотистая трава, завезенная вместе с овцами породы корридейл давным-давно. Солнечный свет искрится. Воздух кристально чист, за исключением редких всплесков ослепительных соленых брызг. Море кипит в узких

местах, вода движется туда и обратно, принося пищу на поверхность для бесчисленных тысяч морских птиц. Птицы кишат. Преобладают олуши, прилетающие с мест размножения, которые они делят с самым отважным и очаровательным пингвином – крошечным «скалолазом».

Но сейчас была зима, и было совсем не спокойно. Теду и его отряду предстояло проделать большую работу. Если они не смогут плыть на байдарках, им придется идти пешком. По прямой от места высадки вертолета до Китовой бухты, откуда они надеялись переправиться на Пebbл на вторую ночь, было пять или шесть километров. Легче сказать, чем сделать. Кроме байдарок на них была полная боевая выкладка. Направление ветра не помогало, он то и дело пересекал их путь, неудобный в обоих направлениях, мощно дергал и толкал, не ослабевая.

Это заняло у них почти всю ночь. Измученные, мокрые насквозь, в основном от дождя, частично от усталости, незадолго до рассвета они завершили переход. Может быть, устали, но им удалось найти укрытие и достаточно безопасную позицию «лежа» (LUP), с которой они могли наблюдать за следующим этапом своего путешествия. Они были там, где планировали быть в то первое утро. Они воспользовались этой возможностью, чтобы перекусить, отдохнуть, собраться с силами для предстоящей ночи, и отправить SITREP на *Hennes*.

Отправка SITREP заняла некоторое время, поскольку даже по стандартам того времени наша патрульная связь была устаревшей. Они были основаны на высокочастотной архитектуре, разработанной в Великобритании, и патрульная рация была очень тяжелой, удивительно, что такое оборудование было принято на вооружение. Однако она поставлялась с новыми литиевыми батареями, которые были легче и относительно долговечнее предыдущих типов. Радиостанция требовала от оператора многого: умелой ориентации длинной проволочной антенны и, прежде всего, умения читать и передавать вручную азбуку Морзе.

Медленная и в лучшие времена, азбука Морзе оказалась чрезвычайно сложной в морозных, почти антарктических условиях фолклендской зимы. Вместе с Морзе появилось автономное шифрование, включающее

использование бумажного одноразового блокнота - еще одного наследия Второй мировой войны. Шифрование с помощью одноразового блокнота обеспечивало полную безопасность, но требовало терпения и кропотливого внимания к деталям при использовании. Сообщения должны были быть тщательно зашифрованы, иногда до степени загадочности.

Хотя TACSAT связывал командира с Херефордом и его эскадронами, достаточного количества комплектов для передачи патрулям не было, а также не было полосы пропускания для поддержки необходимого количества дискретных каналов. Пришлось использовать HF.³⁰

Сильные ветры предыдущей ночи предвещали резкое понижение давления. К середине утра Фолклендские острова оказались в тисках суровой непогоды, надвигавшейся со стороны Антарктики. Сильные порывы достигали верхней границы шкалы Бофорта, из-за чего было трудно стоять на ногах, напоминая Теду и его отряду о Южной Георгии. Они наблюдали, как воды, которые они планировали пересечь этой ночью, превратились в яростное, бушующее, хаотичное месиво, прилив, надвигающийся с противоположного направления, усиливал брожение, воздух был плотным от водяных брызг, срывающихся с растущих волн. Даже мелкий дождь лил с ослепляющей, жгучей яростью. Морская вода в воздухе бросала зеленоватый, неземной свет на сцену. Видимость сократилась до ярдов, и лишь изредка можно было разглядеть противоположный берег. Волны вырастали на фут в высоту. И это в защищенных водах! Команда знала достаточно, чтобы не рисковать. Ни они, ни байдарки не продержатся долго. Придется ждать, пока пройдет шторм. Они устроились, как могли, чтобы переждать бурю.

Погода на Фолклендских островах отличается непостоянством. Изменчивость - одна из немногих ее предсказуемых черт, это и почти постоянный ветер, дующий в основном с запада. К позднему вечеру ветер стал быстро стихать, в итоге установившись на уровне умеренного бриза. Море стало тише.

³⁰ Описание снаряжения SAS можно найти в Приложении.

Группа переправилась вскоре после наступления темноты и высадилась в бухте Филиппс в дальнем углу фермы Пеббл-Айленд, Пурвис-Ринкон, примерно в пяти милях к востоку от поселения. Убрав в тайник байдарки и бергены, они осмотрели окружающую местность. Первые впечатления были обнадеживающими. Бухта должна была подойти для зоны высадки эскадрона, здесь было достаточно места для одновременной посадки четырех или пяти вертолетов при вероятном западном ветре. Благодаря возвышенностям вокруг, вертолеты смогут скрыть свой подход и посадку от любых радаров на взлетно-посадочной полосе; кроме того, они будут находиться вне пределов слышимости.

Более широкий осмотр окрестностей подтвердил первоначальное благоприятное впечатление. Автомобильная колея огибала бухту с севера на восток - ничего необычного, учитывая, что ферма Пеббл была действующей. Утром они проверят, нет ли следов недавних шин.

Оставив пару человек, чтобы охранять спрятанные байдарки и завершить тщательное, более детальное обследование выбранной зоны высадки, остальная часть патруля отправилась к взлетно-посадочной полосе и ферме, чтобы провести тщательную разведку района цели. Им не потребовалось много времени, чтобы добраться туда. Дорога была хорошей, в целом твердая, полого волнистая луговина. Встречались болотистые участки и много «дидл-ди» - верескоподобного низкорослого кустарника, распространенного в некоторых районах Чили и на островах Патагонского шельфа. Жители Фолклендских островов используют его ягоды для приготовления кислого джема, но это очень сложный вкус.

По мере приближения патруля к цели связь по внутрипатрульным радиостанциям УКВ в бухте Филиппс стала прерываться. Для УКВ-радиосвязи необходима прямая видимость. Чтобы решить эту проблему, Тед оставил двух человек, чтобы они служили радиорелейной станцией, связывающей пятимильный разрыв между фронтом и тылом его сил. Если разведке придется отступить при контакте, ретрансляционная станция могла бы также служить охраняемой точкой сбора, давая возможность отбиться от вражеской поисковой группы. Диспозиция должна была сохранить команду Теда сбалансированной, что было

результатом его смекалки на мелкие тактические приемы. Он поручил группе ретрансляции проверить окружающую местность, чтобы определить, может ли она также служить местом сбора эскадрона в ночь рейда, а также возможной минометной позицией. Они должны были искать складку местности с достаточно твердым грунтом, чтобы выдержать опорную плиту миномета. Он правильно предположил, что мы возьмем с собой миномет; нам нравилось иметь его в составе группы, если это было возможно.

Когда все было готово, и теперь патруль состоял из четырех человек, он пошел вперед, чтобы получить представление о самой цели. Он надеялся установить наблюдательный пункт в месте, откуда будет видно полосу и ферму, желательно на безопасном расстоянии от них, чтобы наблюдатели не попали в поле зрения вражеских патрулей по периметру. Но с наступлением рассвета оказалось невозможным вовремя найти подходящее место, и им пришлось довольствоваться видом только на взлетно-посадочную полосу. Когда рассвело, они увидели перед собой одиннадцать вражеских самолетов: шесть смертоносных Pucara, один Shorts Skyvan и четыре разведчика Beechcraft Mentor.

Команда была в восторге, увидев такое количество самолетов. Наш основатель Дэвид Стирлинг и его второй номер, Пэдди Мэйн, должно быть, испытали схожее волнение, когда в 1941 году на одном из отдаленных аэродромов в пустыне обнаружили скопление самолетов Люфтваффе. Но наше волнение сопровождалось слабым чувством нереальности. Мы все еще были близки к нормам мирного времени, противостоя врагу, которого трудно ненавидеть, против совершенно неожиданного врага. Несмотря на недавние потрясения на море, в желании причинить им вред все еще ощущалось что-то преступное. Действительно, я не думаю, что мы научились желать плохого аргентинцам в каком-то злобном, исполненном ненависти смысле. Наступил момент, когда мы все почувствовали, что конфликт затянулся. Если жесткое и быстрое насилие могло сократить его продолжительность, то так тому и быть, для блага всех участников. Но глубокой вражды никогда не было.

Тед и его команда не видели ничего, что могло бы свидетельствовать о том, что противник с первыми лучами солнца занял позицию на самой взлетно-посадочной полосе. Внизу на ферме было слышно, как оживает генератор - своего рода свидетельство того, что люди вступили в новый день. Из постройки на краю полосы, где должен был размещаться пожарный прицеп FIGAS, вышла пара мужчин, вероятно, это был ночной дозор. Двое других, в конце концов, появились со стороны фермы, чтобы сменить их. Дальнейшие смены происходили с регулярным интервалом в течение дня, все довольно неторопливо. В середине утра вокруг одного или двух самолетов возникла беспорядочная активность: пара наземных экипажей проверяла и закрепляла кожухи двигателей - такая вот рутинная работа. Не было ни тягачей для буксировки самолетов, ни какого-либо другого механического оборудования. Была странная бочка с топливом, но в остальном не было никаких средств обслуживания или какого-либо оборудования. Возможно, это действительно было просто аварийное поле, предназначенное для временного использования. Может быть, самолеты в любой момент улетят туда, откуда прилетели, прежде чем мы сможем их достать. Мы не знали, что недавняя плохая погода в кои-то веки сработала в нашу пользу. Она размягчила почву, сделав взлет и посадку на острове Пеббл нецелесообразными.

Что касается обороны, патруль практически ничего не обнаружил: ни зенитных орудий, ни патрулей, несколько нитей какой-то проволоки вдоль западной стороны периметра и ни одного радара. За весь день они увидели лишь горстку людей, все место выглядело открытым. В то утро Тед отправил сообщение:

Одиннадцать, повторяю, одиннадцать самолетов. Уверен, что настоящие. Эскадрон атакует сегодня вечером.

Бухта Филиппс. Отправьте расчетное время прибытия.

8. Рейд

Сообщение поступило на *Hermes* около середины утра, вызвав небольшой переполох. Сразу стало ясно, несмотря на желание адмирала выполнить работу как можно скорее, что с «сегодня вечером» Тед был слишком крут. План мог быть простым на земле, но в море он требовал большой координации. Если *Hermes* будет служить платформой для запуска вертолетов, то для того, чтобы доставить их в радиус действия, ему придется приблизиться к островам, что так или иначе повлияет на каждое подразделение оперативной группы. Ему понадобится как минимум один корабль сопровождения для защиты от самолетов и любой подводной лодки. И мы планировали иметь у берегов острова Пebbл боевой корабль, чтобы обеспечить необходимую огневую поддержку на земле. Что касается других кораблей, что они могли бы делать одновременно? Где они должны находиться во время операции?

Каждый аспект рейда вызывал серьезные опасения у его участников и командования. Во всех этих волнениях было бы слишком легко упустить из виду детальные потребности самой рейдовой группы. Я не ожидал, что мы станем главным тактическим усилием; защита авианосцев как нашего оперативного центра тяжести, вероятно, сказывалась на этом на ранних стадиях, если не на протяжении всей войны. Однако оперативная группа намеревалась пойти на большой риск, оправдание которого лежало на наших плечах. Наши приоритеты могли быть формально защищены. Возможно, прежде всего, нам нужно было время на земле, как можно больше. Похоже, не существовало оперативной процедуры, которая защищала бы этот важный факт от многочисленных отвлекающих факторов. Так или иначе, все было готово к ночи с 14 на 15 мая, на следующий день.

Странно, но, возможно, из-за сматокси, никто не спросил о радаре. В сообщении Теда не было ни одного упоминания об этой неуловимой штуке. Казалось, все довольны тем, что охотятся только за самолетами. Я не стал настаивать на этом. Возможно, за это время разведка найдет радар. Мы, конечно, должны посвятить время его поиску в эту ночь, если это возможно. Едем дальше.

Командиры отрядов получили свои приказы, и у них было достаточно времени, чтобы отдать распоряжения своим людям и сделать все необходимые приготовления. Я начал с передачи того, что мы знали о противнике на острове Пebbл. Данных было немного, но я напомнил им, чтобы они не недооценивали противника. Вероятно, мы собирались нанести удар по аэродрому рассредоточения, предполагающий уничтожение самолетов и соответствующего оборудования. Я подчеркнул важность, придаваемую радару. Если мы его обнаружим, он будет иметь приоритет перед всеми другими целями.

Я подтвердил, что это будет шумная атака, более или менее лобовая атака силами эскадрона. Мы должны будем действовать быстро, так как времени будет мало. Основной упор делался на уничтожение техники и материальных средств противника, но план допускал возможность покушения на экипажи самолетов, если позволит время. Кроме того, мы могли бы попытаться связаться с местными жителями в поселении, чтобы узнать, какую информацию они могут иметь о враге и его активности в других местах на островах. В общих чертах, 17 отряд, уже находящийся на берегу, должен был действовать в качестве проводников; 16 отряд должен был отправиться в поселение; 18 отряд должен был отправиться на взлетно-посадочную полосу; 19 отряд в резерве должен был быть готов оказать помощь в поселении или на взлетно-посадочной полосе. Все должны были быть готовы к работе по радару, если таковой обнаружится.

Меня не волновало, как они уничтожат вражескую технику, я предложил самый быстрый и простой способ - стрелковое оружие и одноразовые РПГ: подошел, выстрелил, пошел дальше. Это было гораздо проще, чем устанавливать подрывные заряды с их капризными взрывателями. Мы возьмем миномет со запасом осветительных и осколочных мин. *HMS Glamorgan*, однотипный корабль-сестра *Antrim*, будет оказывать непосредственную поддержку своими орудиями. Крис Браун будет корректировщиком. Он должен начать с огня по горе Фёрст, к западу от взлетно-посадочной полосы, по моему приказу, пока мы не добьемся того, что нам нужно. Мы должны были использовать смесь осколочных и осветительных мин. Я не рассматривал миномет как часть разрушительных усилий, больше для того, чтобы запутать и запугать

противника, в готовности вытащить нас из неприятностей, если мы столкнемся с ними. Точечное уничтожение вражеской техники предназначалось для бойцов.

Чтобы все было просто и для экономии времени на земле, вертолеты будут загружаться по отрядам или функциональным группам. Если по какой-либо причине вертолет, перевозящий меня и тактический штаб (ТАС), не доберется до места, Тед примет командование на себя. Высадка должна была производиться в бухте Пурвис, а возвращение - примерно в полукилометре к востоку от эскадрона, где располагались общая точка сбора и миномет, к югу от озера Биг-Понд.

Я рассмотрел ряд других координационных моментов и инструкций по связи, и не в последнюю очередь те, что касались поселения. Я мог выделить 16 отряду очень мало времени, чтобы пробраться в это место, и вся атака начнется, как только они поднимут шум. Но если 16 отряд задержится, мне придется отменить штурм взлетно-посадочной полосы. Я бы уведомил 16 отряд об этом. Я беспокоился о поселении. Я понимал, как это может все разладить. Я буду следить за этим. В случае, если бы я по какой-либо причине потерял радиосвязь, Дэнни имел право начать штурм аэродрома, исходя из заранее установленного времени, которое мы бы согласовали на земле.

В заключение я подчеркнул, что эскадрон должен быть собран на точке сбора для погрузки на вертолеты не позднее 07:00 по местному времени, морские сумерки, последний свет - 07:30 по местному времени. Чтобы подчеркнуть этот момент, я напомнил всем, что корабли подставляют шеи ради нас. Они должны были подойти близко к берегу, подвергая себя серьезному риску воздушной атаки. Корабли должны вовремя вернуться в море. Каждая миля, каждая минута были на счету. Кроме того, мы и сами не хотели быть застигнутыми средь бела дня на маленьком острове, где мало укрытий и нет путей отхода. Все уверяли меня, что понимают важность быстрого проникновения и выхода под покровом темноты.

Готовы к рейду на остров Пebbл. Слева направо – Марк Астон, Сид Дэвидсон, Лофти Арти, Бильбо Дрейк.

В конце следующего дня, когда мы начали двигаться вперед, с совершенно утомительной предсказуемостью план столкнулся с проблемой: опять погода! На суше все было не так уж плохо, ясный вечер обеспечил хорошую видимость при сильном ветре. Однако в море ветер поднимался неумолимо. Когда *Hennes* и его эскорт отвернули от остальной оперативной группы, чтобы дойти до точки старта вертолетов, мы оказались в зубах шторма силой от 7 до 8 баллов. Это оказало серьезное влияние. Это замедлило корабли. А экипажи не могли подняться на полетную палубу, чтобы подготовить вертолеты: шквальный ветер удерживал их внизу во время перехода вперед. Наверху ничего не произойдет, пока корабль не замедлит ход, достигнув района старта, или пока погода не ослабеет. В этом заключалась еще одна проблема. Чтобы бороться с встречным ветром после взлета, вертолеты должны нести дополнительное топливо, но они не могли нести больше топлива на первоначально запланированное расстояние

из-за загруженности людьми. *Hermes* пришлось бы продвинуться дальше, чем планировалось изначально. И сделать это он мог только медленно из-за ветра и моря. Если бы это не было достаточно плохо, море повредило зенитную систему *Sea Wolf* корабля *Broadsword*. Без защиты этой системы ПВО ближнего боя *Hermes* не мог идти дальше. Поэтому нам пришлось замедлить ход, чтобы провести ремонт *Sea Wolf*. Различные заминки и изменения съедали заложенные в план запасы на ошибки.

Когда мы приблизились к точке старта, а время шло, я начал думать, несколько несправедливо, что ВМС потратили чрезмерную долю времени на свою вспомогательную часть плана, упустив из виду центральную часть нашего. Я был близок к тому, чтобы отменить все, точнее, попросить адмирала отменить или отложить. Но я колебался. Мы определенно находились на волоске, но, возможно, еще есть шанс. Сойдем на берег, и, возможно, нам еще удастся что-то решить. Корабли, возможно, стартовали поздно для большего удобства. С тех пор они упорно работали. На *Broadsword* был произведен ремонт. Штурман и летный состав *Hermes* работали и дорабатывали то, что могли. И *Glamorgan* не стал бы сдерживаться, если бы, подобно своему кораблю-сестре *Antrim*, пробивался сквозь шторм. Мы тоже должны были сделать все, что в наших силах.

Наконец мы достигли рассчитанной заново точки старта, потеряв более часа. Нас пригласили подняться на летную палубу для погрузки в вертолеты. Не успели мы туда подняться, пошатываясь под тяжестью груза, раздираемые воющим штормом, как нам приказали вернуться вниз. Теперь в баках вертолетов было слишком много топлива. Они должны были подняться над морем, сбросить часть топлива, вернуться и только потом высадить нас. Во время всего этого, пытаясь удержаться на ногах на раскачивающейся, избитой штормом палубе, я заметил, что Крис Браун дергает меня за рукав, пытаясь привлечь мое внимание.

Я был обеспокоен, ошеломлен, пытаюсь разобраться в своих потрепанных чувствах, не говоря уже о последнем случае операционного диссонанса. Из-за брызг и дождя было почти невозможно нормально видеть и слышать, оцепенение от сочетания ветра и холода было почти

непреодолимым. Были темные, неожиданно знакомые очертания вертолетов, странно обнадеживающие в этой суматохе, в некотором роде часть нас, предлагающие своего рода поручни, за которые можно держаться. Там были темные фигуры экипажей летных палуб, несколько человек у вертолетов боролись с бурей, их тянуло и толкало, пока они занимались работой, небольшая группа укрылась под надстройкой авианосца, сгорбленная, но внимательная, ожидая, когда нужно будет броситься вперед. Сама летная палуба была залита водой, с ее поверхности летели шлейфы воды. На заднем плане бушевало невидимое, дикое море, за ритмично поднимающимся и опускающимся краем палубы, корабль гремел, когда волны разбивались о него. Воющий, ревущий ветер сбивал с толку, почти оглушая. Дезориентация усиливала пугающе притягательную, завораживающую угрозу открытого края палубы. Каждого, кто упадет за борт, ждала верная смерть.

Я едва слышал, что Крис кричал мне. Я едва мог уловить хоть что-то, обрывки, отдельные слова. Это должно было касаться плана огня. Я был уверен, что он упомянул об огневой поддержке *Glamorgan* и о горе, начинающейся где-то там. Я просто не понимал.

- Как скажешь, Крис, как считаешь нужным, - беспечно ответил я. Я был абсолютно уверен в нем. Если бы речь шла о каких-то технических вопросах артиллерии, он бы знал лучше всех. Он знал, что потребуется, чего мы хотим от морской огневой поддержки.

- Как будет лучше.

Мои выкрикнутые слова, похоже, сработали. Казалось, они отвечали тому, чего он добивался. Мое внимание вернулось к еще менее привычному занятию - находиться на открытой палубе авианосца ночью в южной Атлантике, когда штормовой ветер грозит выбросить человека за борт.

Некоторые психологи говорят, что мужчины особенно склонны к увлечению новым, необычным, шумным и блестящим, а не к менее показушным и, возможно, более рутинным вещам. Новизна и блеск не являются истинными мерами важности, реальными или относительными. Мне следовало больше сосредоточиться на том, что

должен был сказать мне мой корректировщик, а не на редко встречающейся, впечатляющей, но скоротечной суматохе вокруг.

Наконец, после короткого перерыва внизу, мы тронулись в путь. Sea King был почти идеален для такой работы. У него был просторный салон, много мощности, и он был тихим для вертолета, но не внутри, а снаружи. Его роторы издавали свистящий шум, двигатели - низкий, приглушенный звук, изредка в смеси с более высоким тоном. У вертолета была одна сквозная кабина, пилоты и пассажиры находились на одном уровне, что сближало их и помогало взаимодействовать.

Я пристроился позади пилотов во время полета, стараясь не опираться на дверь левого борта, склонную открываться под давлением. Мне казалось, что я смогу видеть то, что могут видеть два пилота. Как оказалось, шансов было мало. У них был ПНВ. У меня - нет. Кроме того, оттуда можно было наблюдать за ними. По языку тела можно было многое понять, даже когда два тела были прочно пристегнуты к вертолету Sea King Mk IV из 846-й военно-воздушной эскадрильи, мягко освещенному тусклым зеленым светом приборной панели. Но в основном я мог слушать их, используя переговорное устройство, расположенное на переборке, и говорить, если потребуется.

Борттехник в задней части подтвердил, что все находятся на борту, оборудование закреплено. Старший пилот проверил готовность всех вертолетов. Они были готовы. Вертолет поднялся, мощность поступала, неуклонно тянулась к точке, в которой она зацепилась за зависание, стремясь к полету, педаль противодействовала крутящему моменту и ветру, циклически реагируя на бушующий снаружи шторм. Даже в спокойных условиях взлет Sea King не был плавным; на мгновение возникало ощущение недостаточной мощности. Вертолет боролся, вздрагивал и трясся, словно разрываясь на части. Затем, все еще протестуя, он поднимался, неохотно отрываясь от земли или палубы, слегка кренясь то в одну, то в другую сторону, оседая, а затем переходя к плавному наклону вперед, прежде чем в конце концов взлететь, как и было задумано, роторы создавали слабое покачивающееся движение. На этот раз попутный ветер помог, добавив подъемной силы. Мы почти мгновенно перешли от подъема к полету.

Обойдя *Hennes*, мы вышли на курс более или менее в сердце шторма, проносясь над водой. Я мог разглядеть тяжело бегущее море, изредка разбивающиеся волны выбрасывали брызги, тянущиеся к нам. Дворники на ветровом стекле то включались, то выключались. Казалось, прошла целая вечность, но это было не так: в один момент мы покидали *Hennes*, а в другой уже мчались к земле. Появилось это всепоглощающее дрожание, вертолет протестовал против посадки: затем толчок, подъем, мягкий толчок, оседание. Мы приземлились. Все выскочили наружу, борттехник стоял по одну сторону двери, беззвучно подгоняя нас.

Потом они улетели. Наш теплый мир металла и машин, его запахи антикоррозийной жидкости, масла, нейлона и сгоревшего авиационного топлива резко, абсолютно и решительно сменились более знакомым миром земли и растительности. В тот момент это было темное и холодное место, которое шевелил влажный ветерок, но в остальном оно было неожиданно тихим и спокойным после суматохи полета. Мимолетное, обрывочное, отрешенное, покинутое ощущение медленно уходило, дезориентация сохранялась, пока не сменилась активностью; но не холод, горький и пронизывающий после тепла корабля. Мы излучали тепло из всех конечностей. Потребуется некоторое время, чтобы тело вернуло все тепло в свое «ядро». Впрочем, Теда и его людей это не отвлекало: они прочно обосновались здесь.

Они быстро собрали эскадрон в строй для переброски к поселку и взлетно-посадочной полосе. Дрожа почти бесконтрольно, я быстро просмотрел план с Тедом. Он был практически неизменным, за исключением некоторых деталей. Я отдал командирам отрядов и другим командирам подразделений подтверждающие приказы. Я надеялся, что они понимают, что именно холод и ничто другое заставляет меня так сильно дрожать. Я дал командирам отрядов несколько минут, чтобы они, в свою очередь, проинструктировали своих людей. По совету Теда мы построились в две шеренги, эскадрон шел двумя колоннами, бок о бок. Мне это не очень нравилось. Это казалось неуклюжим. Если бы мы вошли в контакт с фланга, то в бой могли бы вступить только бойцы с этой стороны, что сокращало бы нашу потенциальную огневую мощь вдвое.

Ладно. Нет времени ломать голову над подобными деталями. Примем риск. Нужно добраться до цели. Я проверил время: 04:00 по местному времени. Мы сильно опаздывали. Я прокручивал в голове все, пока мы шагали. Скажем, четыре-пять миль до точки сбора эскадрона: час, в зависимости от хода и чистоты от противника. Затем вперед к краю взлетно-посадочной полосы и поселению, не забывая о миномете: тридцать-сорок минут. Это давало нам около часа на уничтожение; более чем достаточно для аэродрома, но, вероятно, недостаточно для поселения? По радару по-прежнему ничего. Очень плохо. Продолжаем.

Через полмили или больше, непрактичность сдвоенного строя стала очевидной. Невозможно было сохранить строй, две колонны не могли соответствовать скорости друг друга. Я отдал приказ идти одиночным строем, согласившись с Тедом. Пожертвовав безопасностью, тактическим балансом, всем ради скорости, мы ушли от «*PARA style*» так быстро, как только могли.³¹ Я отчаянно хотел выгадать этот час.

Это заняло больше времени, чем ожидалось. Несмотря на смену строя и отброшенную на ветер осторожность, мы достигли района к югу от озера Биг-Понд, где находились точка сбора и минометная позиция эскадрона, на час или даже больше позже расчетного времени прибытия. Это оставляло меньше часа на все: пробраться вперед, занять позицию, атаковать и отступить. *Glamorgan* уже напомнил Крису, что они должны отойти в ближайшее время, не позднее 07:30 по местному времени. Я разделял тревогу на корабле. Я слышал, как бойцы прибывают с марша. Дэнни вместе с Лоуренсом пришли, чтобы присоединиться ко мне и Теду. Через пару минут мы должны быть готовы к движению вперед. Мы посоветовались. Попробуем? Мы все согласились. Попробуем. Тогда ладно.

Земля под ногами была мягковата, если не сказать пористая, едва ли подходящая для миномета. Жаль, но ничего не поделаешь. Придется искать твердое место в ближайшем районе. Хуже того, мы потеряли один из отрядов, оторвавшийся во время нашего стремительного рывка,

³¹ PARAs 'tab'; это слово относится к их быстрой, шаркающей походке на марше; для меня оно говорит об их беспокойном, энергичном духе. Морпехи «yomp», «прыгают».

что было не совсем удивительно. Одна из динамик одиночного строя заключается в том, что скорость в задней части колонны будет вдвое больше, чем в передней, ну или так кажется. Мы не учли этого во время нашей перегруппировки, задав такой темп спереди, который, должно быть, был кошмарным сзади.

Я дал недостающему отряду несколько минут, чтобы внести коррективы. 16 отряд должен был не более чем прикрывать поселение с позиции недалеко от взлетно-посадочной полосы; времени на что-то более сложное не было. Стюарт Харпер выглядел расстроенным.

- Хорошо, до края поселения, не дальше.

Я просто не мог позволить им втянуть себя во что-то, что могло бы лишить нас инициативы, потребовать от нас отвлечь ресурсы на их помощь, фактически подкрепить неудачу. Неаккуратное, затянувшееся столкновение могло серьезно осложнить все дело, возможно, мы опоздаем на вертолет. Это могло бы привести к настоящему бедламу. Мы бы остались на острове на весь следующий день, сдерживая разбушевавшегося противника. А что, если бы оперативная группа не смогла вернуться следующей ночью: потеря эскадрона? Я отогнал эту мысль на задворки сознания.

19 отряд, ранее резервный, теперь будет заниматься взлетно-посадочной полосой. Когда я сказал ему об этом, лицо Джона Гамильтона просто расцвело. Он заверил меня, что у них есть все необходимое, включая стандартные заряды для подрыва. Я сказал ему: «Хорошо, но забудьте об ортодоксальности, стреляйте в эти чертовы штуки и продолжайте искать радар».

По прибытии 18 отряд перейдет в резерв. Тед, 17 отряд, без изменений: до аэродрома, действовать в качестве проводников и наносить тот ущерб, который они могли нанести из имеющегося у них оружия.

Мы должны будем начать шуметь с осветительным снарядом из миномета. Я закончил, подтвердив, что мы стоим на месте, которое будет служить точкой сбора эскадрона. Бойцы должны были бросить все свои дела и вернуться на точку сбора не позднее 07:00 по местному

времени, что давало им около двадцати минут до места эвакуации, скорее всего меньше. Я оставил себе немного свободного времени, зная, что пределы наверняка будут превышены. Было отчаянно тесно. Я снова задумался над тем, стоит ли продолжать.

«И не забывайте о радаре», - напомнил я всем, после чего они разбежались инструктировать свои подразделения, вероятно, даже не дослушав, все они вели себя так, словно только что крупно выиграли на футбольных ставках. Бессмысленный призыв, ведь они все равно собирались разнести в пух и прах все, что попадется им на пути.

Постоянное беспокойство о времени сбивало меня с толку; я не мог получать удовольствия от радостей момента. Вместо этого я все время думал о последствиях того, что я застряну на острове, о возможных вариантах развития событий, помимо тех, которые могут произойти непосредственно в следующий момент. Какие были варианты? Ничего не нравилось. Черт, это может подождать. Должно подождать. Если мы не разберемся с текущей ситуацией, мы можем ничего не добиться. Так что будьте готовы. Так мои мысли продолжали метаться, переходя от одного временного промежутка к другому.

Я проанализировал ситуацию в SHQ. Лоуренс будет дежурить на точке сбора, не в последнюю очередь для подсчета возвращающихся подразделений. Учет численности был самым важным. Мы не хотели никого оставлять позади. Когда они придут, 18 отряд должен был находиться в резерве на точке сбора. Я сказал Дэнни, что по-прежнему обеспокоен поселковой частью операции и буду следовать за 16 отрядом, как и планировалось изначально. Он должен присматривать за взлетно-посадочной полосой вместо меня, предпочтительно из точки сбора, или двигаться вперед за штурмом, если это абсолютно необходимо. Если он пойдет вперед, Лоуренс должен взять на себя оборону точки сбора на время его отсутствия. Прежде чем задействовать резерв по какой-либо причине, следует проконсультироваться со мной; однако я дал Дэнни полномочия использовать резерв, если он не сможет связаться со мной.

Дэнни и Лоуренс видели это так же, как и я. Действия в поселке, возможно, не были критически важными, но они могли доставить нам массу неприятностей. По сравнению с этим взлетно-посадочная полоса должна быть простой, требующей лишь выполнения заранее разработанного тактического плана 17 отряда. Они наблюдали за ней весь день. Никаких неприятных сюрпризов быть не должно. Да, если эта операция пойдет еще более неудачно, чем она уже шла, то, скорее всего, это произойдет в поселении.

Вернувшись к Крису, я сказал ему, чтобы он немедленно запросил с корабля осветительный снаряд, как только миномет откроет огонь, а затем начал усиливать огонь. Я без нужды напомнил ему, что мы ожидаем смесь осветительных и осколочных снарядов, достаточную для того, чтобы аэродром оставался видимым для атакующих, а враги опустили головы. Примерно в этот момент 18 отряд явился, чтобы услышать плохие новости: их отправили в резерв. Они были недовольны, их разочарование и гнев были ощутимы. Я ничего не мог с этим поделать. Но чувствовал себя гораздо лучше от того, что они вернулись в качестве резерва, проинструктированные и на месте. Я дал Питу Сазерби, командующему отрядом, быструю и грубую оценку ситуации, подчеркнув, что взлетно-посадочная полоса должна быть простой, а вот с населенным пунктом больше неизвестности. Если что, он должен быть готов помочь вывести 16 группу из поселения - вывести, а не втянуть!

Тед подтвердил, что они с Джоном добрались до края взлетно-посадочной полосы. Я знал, что Стюарт должен быть близко к поселению. Крис был готов с кораблем. Резерв был наготове. Все было готово.

Я сказал корректировщику миномета, что он может начинать. Миномет выстрелил осветительным, и ушел в болото, оставив на поверхности около шести дюймов трубы. На этом миномет завершил свою работу. Лоуренс хохотнул своей спокойной, добродушной манерой и пошел помогать. Он и минометчики провели большую часть оставшегося рейда, выкапывая миномет из цепкого болота.

Когда осветительный снаряд разорвался, не совсем там, где предполагалось, бросив свой оранжевый, рассеивающийся свет, на взлетно-посадочной полосе началось светопреставление. Хорошее такое: все влетает, ничего не вылетает: осветительные снаряды, трассеры, ракетные вспышки, взрывы, треск, грохот, скрежет. Один самолет сгорел с надрывным визгом из пушек; другой вспыхнул, добавив яркий, танцующий свет к освещению осветительных ракет. По радио не передавали ничего плохого. Все под контролем, отряды весело проводят время. Я отметил, что радиосеть была относительно тихой, никакой ненужной болтовни, несколько коротких, четких координат, когда войска обходили свои цели: ловко. По-прежнему нет упоминания о радаре. Жаль. Я с Крисом и связистом отправился догонять 16 отряд. Мы нашли их на краю зарослей терновника в нескольких сотнях ярдов от поселения, Стюарт сидел в окружении нескольких своих людей, очевидно, обдумывая свои дальнейшие действия. От кустарника земля перед ними полого спускалась к тому, что казалось сараем или деревянным зданием на самом краю нашего поля зрения; открытая луговина с проволочным ограждением. Мины? Я держался позади, Крис разговаривал с *Glamorgan*.

Поддержка артиллерийским огнем с HMS Glamorgan

- Наводи, Крис, - сказал я без необходимости, не имея ничего другого, и приказал ему начать то, что он уже начал, управляя огнем морской артиллерии.

Я не знал, где точно находится корабль, кроме как в море на севере, но я полагал, что снаряды, летящие со скоростью около мили в две секунды, могут находиться в воздухе десять или двенадцать секунд, возможно, меньше. В любом случае, так держать.

Я двинулся вперед, чтобы присоединиться к Стюарту и его группе. К этому времени у нас было довольно много света от осветительных снарядов корабля и наших собственных ракет «Шермули».

Разлетающиеся ракеты отбрасывали тусклый, почти непрозрачный оранжевый свет, быстро скользящие тени создавали впечатление театральности, искусственности, как на сцене. Мы обследовали открытую, пустую землю перед нами. Никаких признаков врага. Однако

это не сработало бы, если бы мы приблизились к краю поселения. Внезапность была потеряна. Пересекая широкое травянистое пространство, мы были бы сильно уязвимы, поскольку были бы открыты спереди и опасно освещены происходящим на взлетно-посадочной полосе. И я не доверял этому ограждению. Может быть, вокруг фермерского поселения оно и нормальное, но в равной степени оно могло обозначать минные поля. Это могло бы быть и так. Достаточно близко. Нет необходимости рисковать больше, чем нужно. У нас было достаточно дел.

Я отказался от этой затеи. Стюарт проявил понятное разочарование, но он знал, что в этом есть смысл. Пусть враг подбирается к нам, если ему не все равно. Я оставил его блокировать поселение, устроить засаду на его нынешней позиции, чтобы поймать любого врага, подходящего к полосе. Он не должен пропустить ни одного.

Блокирование поселения должно было быть правильным решением. Одним беспокойством меньше, и это обеспечило всем нам дополнительную защиту. Вес был взят. А так как на взлетно-посадочной полосе до сих пор не было сообщений о противнике, пора было начать развлекаться. Почувствовав себя не только намного легче, но даже немного взбодрившись, я сосредоточил свое внимание на приятном деле передачи приказов открыть огонь одному из кораблей Ее Величества.

Я посмотрел на взлетно-посадочную полосу, где свет и шум не ослабевали. Это выглядело и звучало очень весело. Я подумал о том, чтобы присоединиться. По быстрому размышлению, это была плохая идея — входить во что-то столь текучее, как это, в середине потока. Слишком легко принять за врага, забрести в чей-то сектор обстрела, встать на пути. Забудь это. Займись своим делом. У отрядов было все в руках. Вместо этого мы вернулись к RV эскадрона.

Вскоре подойдет время возвращаться домой, поэтому для нас с Крисом должна была подойти точка сбора. У него был хороший обзор вперед, и резерв, готовый ответить в любом направлении. Это обеспечивало тактический контроль. И пока я не отдал приказ на отход, отрядам в этот

момент не требовалось от меня ничего другого, кроме как держаться подальше от их дороги.

- Давай, Крис, - сказал я, чувствуя, что в кои-то веки все в порядке и наслаждаясь односторонним боем.

А потом в сети появился Тед, спрашивая обо мне лично.

- Дай осветительный.

Быстро, спокойно, сдержанно, но явно не в хорошем настроении, он продолжил:

- Я не хочу звучать так, как будто я жалуюсь, но нужна ли нам вся эта артиллерийская стрельба? В любой момент я начну нести потери.

- Черт побери! - рявкнул я на Криса. - Стоп, стоп, стоп!

За всеми этими событиями я начисто забыл об урывчатом, полуразобранном разговоре с Крисом на беспокойной палубе *Hermes* несколько часов назад. Теперь оно нахлынуло на меня, обрушившись с шокирующим осознанием: гора Фёрст-Маунт далеко, можно ли начать обстрел с точки, расположенной ближе к взлетно-посадочной полосе? Теперь все это обрело ужасный смысл.

Мы должны были начать вести огонь не с расстояния в несколько миль, не с хорошо видимых, очерченных склонов горы Фёрст-Маунт, а откуда-то между горой и западным краем взлетно-посадочной полосы. Учитывая количество корректировок, которые я так легкомысленно провел, было удивительно, что я не убил всех нас.

И, возможно, еще не слишком поздно. Снаряды могли быть еще в воздухе, на пути к взлетно-посадочной полосе, к войскам Теда и Джона в это самое мгновение. Мне пришло в голову посоветовать им нырнуть в укрытие.

- Не стоило. - ответил Крис на мой очевидный вопрос в своей ровной, простой и скромной манере. - Я сказал им, чтобы они убрали осколочные и перешли на осветительные.

- Хорошо. Тогда больше никаких осколочных. - подтвердил я вяло, внезапно почувствовав себя гораздо менее самоуверенным. Крис подтвердил, и послал соответствующее сообщение по радиации в размеренных, ровных тонах.

- Я попрошу осколочные, если нам понадобится еще. - сказал я без необходимости, для собственного спокойствия, чтобы убедиться, что он понял. Он кивнул, продолжая давать указания кораблю. Я вернулся к Теду, взяв себя в руки.

- Прием. - сказал я так легко, как только мог, безусловно, более спокойно, чем имел право чувствовать, плавно, как будто все было под идеальным контролем, на кончиках моих пальцев, все шло как по маслу. - Осветительные снаряды с этого момента, хорошо?

- Принял. - прозвучал четкий ответ Теда.

Вот тебе и возможность держаться подальше от солдат. Поразмыслив, я бы сказал, что Крис был в курсе событий задолго до того, как Тед появился в сети. Но, должно быть, осколочные разрывались уже совсем близко, раз он вышел на связь.

И вот оно, мое участие в рейде на остров Пebbл, операции спецназа, которую многие считают образцом своего типа, прекрасным примером точного, разумного, сдержанного применения силы, безупречного в планировании, безупречного в исполнении. Значительную, если не подавляющую часть времени, проведенного на острове, я обстреливал свои собственные войска.

Оглядев точку сбора, я заметил успокаивающее присутствие Лоуренса. Я надеялся, что он еще не пронюхал о делах с артиллерией. Я увидел, что ему и минометчикам удалось извлечь из ямы миномет. Он пришел весь в грязи, его лицо озаряла кривая ухмылка; пожав широкими плечами, он кивнул в сторону минометчиков и предложил мне один из своих Rolo.³² Мы оба чувствовали приближение рассвета и шепотом согласились, что

³² Шоколадные конфеты с карамелью Rolo, рекламировавшиеся в течение многих лет под слоганом: «Любите ли вы кого-нибудь настолько, чтобы отдать ему свой последний Rolo».

теперь нам нужно уходить. Как бы подчеркивая это, Крис сообщил, что с корабля пришли слегка встревоженные сигналы. Они не торопились, но явно хотели поскорее повернуть обратно в море. Я связался с Тедом, чтобы сказать ему, чтобы он отходил. Он «Wilcoed»,³³ сказав, что они уже почти закончили. Я повторил, что хотел сказать ему, чтобы он прервал все прямо здесь и сейчас, даже если он еще не «закончил». Я был уверен, что к тому времени они должны были уничтожить все самолеты. Пора уходить.

Я дал ему несколько минут, достаточных для того, чтобы 17 и 19 отряды сделали свои первые шаги назад, прежде чем дать указание Стюарту начать выводить свои силы из поселения. Я бы предпочел оставить 16 отряд на месте, чтобы прикрывать нас еще некоторое время, чтобы обеспечить более четкую последовательность отвода отрядов. Но время резко сокращалось. Приходилось идти на риск. Лоуренс повернулся, чтобы проверить людей, входящих и выходящих из точки сбора. Я знал, что он тоже это чувствует - уязвимость, когда все сразу, большая часть сил находится в движении. Любой мало-мальски приличный враг мог легко подставить подножку.

Прибыл Дэнни, подтвердив, что Тед не отстает - чистый отход, никакого вражеского преследования. Я сказал Крису отпустить корабль. Никакой поддержки тяжелым огнем с этого момента, как раз тогда, когда мы могли в ней больше всего нуждаться. Ничего не поделаешь. Корабль должен уйти. И миномет тоже ушел, упакованный. Я посмотрел в сторону поселка, затем на взлетно-посадочную полосу, молча призывая солдат отходить, отмечая слабый свет, пробивающийся в ночном небе. Где они были? Я потянулся за конфетой, предпочитая сигарету. Ни одной. Проклятье.

- Корабль ушел, - доложил Крис.

³³ WILCO (Will Comply) полезный жаргонный термин, часто используемый как прилагательное, например: he's a WILCO person, означающий полезный, позитивный, оптимистичный, уступчивый даже, но не в уничижительном смысле.

Хорошо. Одним поводом для беспокойства меньше. Риск был странно захватывающим. Дэнни подошел к Лоуренсу. Они стояли, тихо переговариваясь, Лоуренс повернулся и указал назад, где находился миномет. Их дружеская неспешность внушала спокойствие и уверенность. Наконец, начали прибывать отряды. Тед подошел к нам, чтобы сообщить о паре легкораненых, ничего серьезного, в остальном все в порядке, все самолеты уничтожены. Радара нет! С небольшим запасом времени он ушел, чтобы присоединиться к своему отряду. Противник по-прежнему ничего не предпринимал.

Мои мысли переключились на следующую проблему: вертолеты. Найдут ли они нас, прилетят ли вовремя? А если они не вернуться? Должны ли мы вернуться в поселок, чтобы взять противника на мушку? Или мы должны лететь на всех парах до конца острова? И что потом?

- Все, - доложил Лоуренс, когда 16 отряд прошел, - все прошли точку сбора.

С этими словами он в последний раз огляделся вокруг, чтобы убедиться, что в самой точке есть все, кто должен быть. Все были на месте. Мы оба обратили внимание на груды неизрасходованных мин. Они должны были остаться. Мы должны идти. Противника все еще не было. Где же они?

К этому времени горизонт на востоке начал приобретать глубокий темно-синий цвет с оттенком сиреневого. Поднялся легкий предрассветный ветерок. Было жутко холодно, но мы этого почти не чувствовали. Мы свернули точку сбора и направились к зоне эвакуации более или менее обратным путем, быстро набирая скорость, чтобы сохранить расстояние между нами и поселком с его взлетно-посадочной полосой. Черт, не хотел бы я оказаться на месте вражеского командира, которому пришлось бы отвечать за ночное происшествие. Мы оставили его в страшном хаосе.

Поврежденная ВПП и самолеты на острове Пebbл, после окончания Фолклендской кампании

Вскоре мы достигли места эвакуации. Дэнни, Лоуренс и Джорди привели эскадрон в порядок, подготовив его к быстрой погрузке. Это была еще одна авантюра - сделать это без сил прикрытия, чтобы уберечь зону эвакуации от вражеского воздействия, и перевести все на быстроту. Я с тревогой посмотрел на часы, а затем назад, в ту сторону, откуда мы

только что пришли. Я был совершенно уверен, что за нами не следили. Но, возможно, нам следует выставить охрану. Сколько еще осталось? Мои часы показывали, что с минуты на минуту. Темные фигуры солдат были неподвижны, готовы, терпеливо ждали. Все стояли или сидели, сгорбившись, но в них чувствовалась настороженность, напряжение.

Если вертолеты не прилетят очень-очень скоро, придется применить «план Б»; и определенно начать с выставления заслона. В голове снова зашумело. Мы оставили байдарки в точке входа эскадрона, намереваясь забрать их при эвакуации. Несомненно, решение не было верным: переправить эскадрон на байдарках на Западный Фолкленд, чтобы уклониться. Глупая мысль. А как насчет варианта с поселением - вернуться обратно? Тогда мы могли бы диктовать события. Прижать их. Если держать гарнизон Пebbл под прицелом, им будет трудно атаковать нас наземными самолетами, опасаясь поразить собственные войска. Но что делать с гражданскими? Должны ли мы начать с поселения, а затем с боями пробиваться назад к району, который можно будет занять ближайшей ночью, и провести отход в течение дня? Сколько у нас было боеприпасов? Сможем ли мы забрать минометные мины? Все шло по кругу. Вертолеты должны были прилететь.

Лоуренс, сидящий рядом с Джорди, полез в правый нагрудный карман. «Джорди, старина, возьми мой последний Rolo». Он тоже, должно быть, чувствовал себя не в своей тарелке.

А потом, вот они, Sea King, парящие на рулежке, приближающиеся к нам в футах над землей, тени на фоне полумрака, ночь уступает место незаметно приближающемуся рассвету. Всплеск облегчения: абсолютно точное время, 07:30 по местному времени. Как я мог сомневаться в авиации флота? Они опустились на землю перед каждой шеренгой ожидающих войск, не нуждаясь в наших помощниках. Мы загрузились так быстро, как только смогли; мы были правы, когда делали упор на скорость. Я пристроился за пилотом, взял гарнитуру из кармана переборки, мы обменялись приветствиями, капитан вертолета повернулся в мою сторону с легким кивком головы, что я принял за простое, товарищеское приветствие. На горизонте перед нами появились горящие вражеские самолеты. Наш летчик доложил о готовности. Почти

одновременно все остальные вертолеты отозвались, загрузившись. И с этим мы поднялись, чтобы вернуться в море, на *Hermes*, к сытному завтраку, усталые и довольные.

Седрик Делвес и Ян «Круки» (справа) на фоне уничтоженного Pucara, после окончания Фолклендской кампании

Прежде чем приступить к «Full English», английскому завтраку, включающему кровяную колбасу и поджаренные тосты, я доложил в оперативный штаб: одиннадцать самолетов уничтожено вместе с большим количеством топлива и других предметов. Мы не были уверены, что убили или ранили кого-либо из противников. Сопротивление было незначительным. Я объяснил, что мы не обнаружили ни одного радара и что у нас было мало времени на его поиски. Мы прибыли поздно и успели только на взлетно-посадочную полосу. Казалось, они не удивились и были довольны. Возможно, они просто испытывали облегчение от того, что все закончилось, мы вернулись, а корабль смог вернуться под прикрытием оперативной группы и возобновить более привычную и соответствующую его статусу роль. А возможно, это никогда не было чисто радарным вопросом.

Я продолжил объяснять, что у нас двое раненых, один с небольшим осколочным ранением ноги, вероятно, осколком от его собственной 40-мм гранаты. Другой получил сотрясение мозга, когда аргентинцы взорвали фугасный заряд на одном из перекрестков взлетно-посадочной полосы. Вся местность на взлетно-посадочной полосе была болотистой, за исключением самой главной взлетно-посадочной полосы. Но болотистость прилегающей стоянки и сортировочной площадки, а также воронка от подрывного заряда, вероятно, сделали это место временно непригодным для использования. Мы не вступали в контакт с населенным пунктом.

Как отметил Дэнни в своем дневнике:

- Тренировка, только проще. Корабль опоздал, погода была плохой, вертолет опоздал [он имел в виду заброску, а не выброску], один отряд заблудился и все еще повторение действия типа Пэдди Мейна».

Рейд показал мне, что ни одна операция никогда не пройдет так, как планировалось. Это был мой опыт в Дофаре, Северной Ирландии, Южной Георгии и в последние часы. Казалось, что война так и останется на девять десятых исправлением проёбов.

А капитан Ковард на *Brilliant* сказал бы, что «сущность войны - насилие, умеренность на войне – глупость». На первый взгляд, ситуация с вражескими экипажами на острове Пebbл подтверждает это. Наше позднее прибытие исключало любую попытку покушения на их жизнь. Вместо этого у нас не было другого выхода, кроме как атаковать одни самолеты. Тем не менее, в тот же день противник компенсировал уничтожение Рисага перегонем четырех запасных самолетов из Рио-Гальегос, в результате чего он потерял два самолета, доведя общее число Рисага на Фолклендах до пятнадцати. Быстрота реакции аргентинцев позволила предположить, что они могли считать этот рейд непосредственной подготовкой к нашей основной высадке. Это, безусловно, подчеркнуло то значение, которое они придавали Рисага как системе оружия, являющейся частью их планов по борьбе с высадкой десанта. Относительная легкость, с которой они восстановили численность самолетов на Фолклендах, подчеркнула значимость

экипажей и ключевых технических специалистов, сделав их законными целями, которые труднее заменить.

Но в этом должно было быть нечто большее. Из того, что грозило провалом, мы извлекли нечто примечательное. Врагу и всему миру оперативная группа должна была показаться жесткой и смертельно эффективной. Кроме того, проявилась заметная порядочность. Некоторые аспекты Южной Георгии были положительно джентльменскими. Теперь же был пример сдержанности, сочетающейся с точностью. Я думаю, что инстинкты эскадрона были склонны к этому всегда; я не думаю, что многие из нас, если вообще кто-либо, получил бы хоть малейшее удовольствие от убийства пилотов в их постелях, если бы у нас было время добраться до них. То, что нам не удалось нанести этот удар, было настоящим облегчением. Отсутствие какого-либо намека на жестокость позволило нам всем получить безграничное удовольствие от нашего успеха. Концентрация только на уничтожении материальных средств позволяла нам оставаться на определенной моральной позиции. Действительно, мне нравилось думать, что тон операции на острове Пиббл, следуя примеру Южной Георгии, в некоторой степени удерживал конфликт в рамках, предполагая, что в войне есть место умеренности.

Безусловно, для всей оперативной группы это был своевременный, обнадеживающий импульс. Мы могли получить пару ударов, в частности, *Sheffield*, но в основном удары продолжали идти в другую сторону. Мы с легкостью справлялись с нашим противником. Наш профессионализм, казалось бы, должен был привести нас к победе. Для эскадрона это было очень удачное время - мы отошли от разочарований Южной Георгии. Роджер Эдвардс был уверен, что известие о нашем успехе распространится по островам, подбодрит наших людей на берегу и, соответственно, ослабит боевой дух их оккупантов.

Этот рейд, должно быть, нанес аргентинскому духу еще один мощный удар как здесь, на «Мальвинах», так и за их пределами. Первый контакт с нами на суше, на самих Фолклендах, и он приводит к их откровенному унижению, которое, несомненно, усиливается нашим явным пренебрежением к их военнослужащим: мы уничтожаем авиацию, исключая летчиков и войска. Это последнее поражение в растущем

каталоге неудач, и можно ожидать, что оно усилит любое растущее чувство уныния по всей стране и чувство изоляции среди гарнизонов на Фолклендах.

Эскадрон проделал «достойную работу», как говорят в Девонпорте и его окрестностях. И поэтому с чувством удовлетворения я в конце концов приступил к своему великолепному флотскому завтраку, хотя к тому времени, когда я это сделал, оказалось, что над кровяной колбасой уже поработал «Весёлый Джек»!

9. План кампании

В течение последнего месяца стратеги и планировщики оперативного уровня боролись с проблемой того, как сбить с толку аргентинцев, учитывая, что на первый взгляд все складывалось в их пользу. Они были недалеко от дома, с боеспособным военно-морским флотом и значительными современными военно-воздушными силами, которые включали в себя реактивные самолеты, работающие за пределами материковых баз. На Фолклендах их наземные силы были многочисленны, хорошо оснащены и находились на подготовленных позициях, при поддержке штурмовиков и вертолетов, что позволяло им при желании вести мобильную оборону.

С другой стороны, мы действовали на протяженных линиях связи длиной 8000 миль, что ставило нас в крайне невыгодное положение. Износ кораблей и другого необходимого оборудования ограничивал продолжительность наших действий. Сухопутные войска были легко оснащены, имеющиеся суда не могли перевозить или разгружать наше более тяжелое имущество, такое как танки. Аналогичным образом, мы могли перебросить только определенное количество войск и материальных средств. Мы вряд ли сможем приблизиться к соотношению атакующих и обороняющихся три к одному, которое диктует ортодоксальная теория; в лучшем случае, мы сможем достичь что-то близкое к паритету с противником на суше.

Трудности для обеих сторон усугублялись погодными условиями: холод, частые шторма в среднем каждые несколько дней и дождь пятнадцать дней в месяц в течение всей зимы. И аргентинцы имели преимущество перед нами. Они были на позициях и подготовились к зиме на Фолклендах, а мы были на открытой местности и вынуждены были нести всю тяжесть ее последствий. Неудивительно, что в Великобритании рассматривались и другие варианты, кроме прямого выдворения противника.

В середине апреля проблема рассматривалась в документе для начальников штабов.³⁴ В нем предлагалось выполнить два предварительных условия перед высадкой, а именно контроль над морем и разумное превосходство в воздухе над Фолклендами. В оценке отмечалось, что гористая местность перед Стэнли благоприятствовала обороне, и выражалась озабоченность по поводу перспективы жертв среди гражданского населения в результате боя, который должен был перейти в город. По возможности следует избегать боев в застройке (FIBUA). Для них нужно большое количество войск; будут тяжелые потери среди военных и гражданского населения; и огромный ущерб имуществу. Планировщики определили три общих варианта высадки, хотя в документе, представленном начальникам, признавалось, что высадка в районе Стэнли была наиболее подходящей с точки зрения достижения «быстрых и решающих военных результатов»:

Западный Фолкленд. Высадка на западе должна быть относительно легкой и безопасной. Но это окажет лишь скромное давление на противника, который в то время базировался в основном в Стэнли и вокруг него на Восточном Фолкленде; это потребует от нас второй высадки, если возникнет необходимость сблизиться с ними.

Лафония (южная часть Восточного Фолкленда). Опять же, здесь должно быть относительно слабое сопротивление противника и очень низкий риск для гражданского населения. Любое продвижение на Стэнли должно проходить через перешеек у Гус Грин.

Восточный Фолкленд (северное побережье). Высадка в непосредственной близости от Стэнли и его основных оборонительных сооружений может оказать значительное давление на противника; но при этом высадка подвергается наибольшему риску вражеского противодействия.

В какой-то степени эти варианты указывают на некоторую первоначальную неуверенность на высших военно-стратегических

³⁴ Этот раздел основан на стр. 194 и далее в книге Сэра Лоуренса Фридмана "Официальная история Фолклендской кампании", том II, Эбингдон: Раутледж, 2005.

уровнях в отношении того, как лучше действовать, если и когда мы высадимся на берег. Консенсуса пока не было. Это проистекало из серьезной озабоченности относительно наших сил по сравнению с силами противника. Поэтому планировщики были вынуждены искать варианты действий, не предусматривающие полного захвата островов. Мысли высказывались самые разные. Одна идея предполагала создание анклава, из которого можно было бы оказывать давление на аргентинский гарнизон путем проведения рейдов. Другая представляла собой взлетно-посадочную полосу, способную поддерживать самолеты ПВО ВМФ, что позволило бы разгрузить авианосцы. Еще один предполагал морскую и воздушную блокаду, чтобы взять измором вражеский гарнизон, признавая, что это принесет не меньшие страдания нашим собственным гражданам, находящимся под оккупацией.

На нашем уровне мы не замечали возни со стратегическим планированием. Для нас это всегда был простой вопрос: выбить аргентинцев, вернуть наших людей и острова. Предстояла драка, подробности потом. Мы были бы озадачены, возможно, даже встревожены, если бы узнали, что наше высшее руководство рассматривает что-то другое, кроме прямого изгнания захватчика. На уровне «рядовых бойцов» мы просто были уверены друг в друге, что сможем выполнить работу.

Со временем нам стало известно о беспорядке в оперативном командном звене. Мы знали, что адмирал Филдхаус, командующий флотом в Нортвуде, является главнокомандующим. Мы были менее знакомы с детальным порядком командования ниже этого уровня. Флот не имел достаточного представления о сухопутных операциях; соответственно, они привлекли генерал-майора Джереми Мура, Королевская морская пехота, чтобы он консультировал их. Со временем он стал командующим сухопутными силами Фолклендских островов (CLFFI, произносится как «Клиффи»). Мы, «пехотинцы», так и не узнали Мура как своего командира, даже после того, как он присоединился к нам на театре военных действий. В течение некоторого времени контр-адмирал Вудворд считал себя командующим всем, что находилось на Фолклендах и вокруг них, как и мы. В какой-то степени флот поощрял его думать в таких категориях. В результате, пока его в конце концов не

поправили, он считал себя командующим десантными силами, включая 3 бригаду Commando. Это было не так. Штаб в Нортвуде оставил командование десантными силами за собой. В течение короткого критического периода операции между Вудвордом и командующими десантными силами возникла сильная напряженность: командующим десантными силами (COMAW) и командиром 3 бригады Commando, коммодором Клэппом и бригадным генералом Томпсоном соответственно.

Позиционируя себя всегда рядом с командирами более высокого уровня, мы быстро уловили сложности, присущие системе C2. Это была частая тема для разговоров по TACSAT между командиром и оперативным отделом в Херефорде. Не заботясь о том, что правильно, а что нет, мы с Юэном считали Вудворда «боссом», фактическим командующим объединенными силами на театре. И мы продолжали так считать до самого конца, даже когда Мур оказался на земле. Это могло быть выдачей желаемого за действительное, но это также говорило о репутации Вудворда, если не о его статусе, как военного. Мы были с ним рядом в трудные моменты. Мы видели, что у него есть все необходимое. Он пользовался нашим доверием и уверенностью. Он нам нравился.

17 апреля адмирал Филдхаус собрал своих командиров на острове Вознесения, где был согласован общий план, устранены разногласия и достигнута определенная ясность. Сначала они рассмотрели нашу собственную физическую и моральную устойчивость, а значит, и количество времени, которым мы могли располагать для ведения боевых действий. Их особенно волновала исправность авианосцев и атомных подводных лодок. Они проанализировали относительные силы противника и состояние обороны Стэнли. Они приняли во внимание все другие соответствующие военные и геостратегические факторы. Затем обсуждались оперативные направления действий. Они могли видеть, что любой вариант, кроме полного возврата островов, скорее всего, приведет к тупику. Возврат стал явно предпочтительным вариантом: выдворение аргентинцев острием штыка, если потребуется, и возвращение всего Фолклендского архипелага. Однако подробности на тот момент установить не удалось.

Филдхаус и его команда составили примерный график, согласно которому авианосная группа должна была установить TEZ к 19 апреля; сами авианосцы, вероятно, могли работать в интенсивном режиме до шести недель, не более того. Они отводили пятнадцать дней на предварительные операции, включая сбор информации силами специального назначения (эскадрон G и SBS), и еще двадцать один день на операции после высадки. Таким образом, высадка должна была быть произведена не позднее 23 мая.

Дома, несмотря на то, что штаб в Нортвуде принял решение о возврате, в МО продолжалась оценка и переоценка вариантов. Работа включала в себя анализ физического дисбаланса сил в пользу аргентинцев. Почти все боевые корабли, которые можно было задействовать, были задействованы, как и боевые самолеты. Что касается сухопутных сил, то после долгих мучений было принято решение развернуть 5 пехотную бригаду, маневренный «стратегический резерв» армии, вероятно, вводящий в заблуждение титул для формирования, легко оснащенного скорее по недосмотру, чем по замыслу.

В течение многих лет приоритеты в оснащении армии были направлены на тяжелые механизированные и бронетанковые войска, дислоцированные в Германии, почти полностью непригодные в условиях этого конкретного национального кризиса. Для сравнения, потребностям наших легких сил, включая 5 бригаду, уделялось относительно мало внимания. Все осложнялось тем, что в самом начале текущей чрезвычайной ситуации 5 бригада была сокращена, а два ее парашютных батальона, 2 PARA и 3 PARA, были переподчинены 3 бригаде Commando. Усиление двумя гвардейскими батальонами, шотландским и валлийским, вернуло бригаду в строй, но все признали, что это был не самый лучший способ мобилизации формирования для войны: сначала разобрать его на части, а затем снова собрать из незнакомых друг с другом подразделений.

В армии проявилась тенденция к стандартизации бригад, двойное значение слова «бригада» само по себе служит для закрепления этой черты, являясь как глаголом, так и существительным. Основными строительными блоками армии были ее «юниты», подразделения.

Подразделения объединялись в бригады, которые считались наиболее подходящими для тех или иных обстоятельств, и этот метод назывался «организацией задач». Помимо явных преимуществ индивидуального подбора сил для выполнения задач, это облегчало управление все более скудеющими ресурсами. Сотрудники оперативных отделов могли формировать подразделения на местах, беря одно отсюда, другое оттуда, в зависимости от широкого спектра управленческих факторов. Для того, чтобы при организации задач чисто боевые соображения всегда и категорически перевешивали административные удобства, требовался очень добросовестный персонал оперативных отделов.

И вполне понятно, что физические возможности, как правило, имели больший вес, чем другие аспекты боеготовности, такие как знакомство подразделений с приемами и способами действий друг друга, а также такие нематериальные факторы, как командный дух и общая идентичность.³⁵ Конечно, тактика, практика и процедуры - это то, что должно быть общим, что облегчает организацию специальных задач; но могут быть и шероховатости, как мы обнаружили в Южной Георгии. Риски работы с незнакомыми подразделениями можно уменьшить с помощью соответствующей программы подготовки перед развертыванием, охватывающей как индивидуальные, так и коллективные навыки. Хорошо проведенная программа должна объединить подразделения в отточенное формирование (бригаду), состоящее из всех видов вооружений. Кроме того, можно было опираться на известную полковую систему, которая создавала моральные устои на уровне подразделения. Можно было ожидать, что подразделение будет хорошо вести себя на операциях, потому что это то, что оно всегда делало, и всегда будет продолжать делать или

³⁵ Доктрина британской армии рассматривает боевую мощь как состоящую из трех взаимодействующих компонентов. Физический: численность войск, их вооружение, снаряжение и тому подобное. Моральный: по сути, боевой дух, готовность вести бой с врагом. Наконец, есть концептуальный: как все это собрано вместе и используется с точки зрения доктрины (то, что отрабатывается и изучается). Фолкленды можно рассматривать как случай, когда физический дефицит был преодолен боевым духом и умелым использованием того немногого, что у нас было.

стремиться делать, независимо от обстоятельств, независимо от компании. Это, как можно ожидать, компенсирует любой недостаток дисциплины на уровне формирования.

Однако полная подготовка бригады, организованной для выполнения конкретных задач, требует времени: недавно на подготовку бригады к операциям в Афганистане ушло около шести месяцев. Но Фолклендская война началась в стиле «пришел в чем был», без времени на исчерпывающую подготовку перед развертыванием. Потребовался бы очень особенный командир и штаб, чтобы организовать 5 бригаду без тщательной подготовки перед развертыванием, в условиях контакта, в совершенно незнакомых условиях амфибийной войны и под открытым небом южноатлантической зимы. На бумаге соотношение наземных сил заметно улучшилось после добавления 5 бригады, что позволило оперативной группе на суше почти сравняться по численности с нашим противником на островах. Но была и уязвимость. Это должно было проявиться.

К счастью, 3 бригада Commando была в отличной форме, являя собой яркий пример организационной стабильности. Составляя единый «клан» коммандос, будь то армия или флот, она обладала мощным, почти религиозным, боевым духом, что делало ее поразительно способной поглощать дополнительные подразделения. PARA вписались в бригаду очень хорошо, морпехи и десантники инстинктивно доверяли и уважали друг друга, признавая родственные связи, включая вполне здоровое профессиональное соперничество. И, конечно, бригада была экспертом в теории и практике ведения боевых действий с моря, в том числе в суровых климатических условиях.

Несмотря на встречу на острове Вознесения, и несмотря на то, что оперативная группа будет доведена до большей численности, сохранялась существенная неопределенность: как именно должна проходить кампания после высадки десанта? Этот вопрос так и не был полностью решен. Вместо этого события разворачивались не столько по плану, сколько в ответ на обстоятельства по мере их развития. Сэр Лоуренс Фридман в своей книге ясно говорит об этом:

На каждом этапе кампании поворот назад было политически немыслимым, оставаясь логистически непрактичным, поэтому единственным вариантом было перейти к следующему этапу, без какого-либо твердого плана.³⁶

Адмирал Филдхаус осознавал неопределенность. Он сделал все возможное, чтобы прояснить ситуацию в приказах о вторжении, которые он издал 12 мая. Больше никаких разговоров об анклавах, никакого градуированного давления с воздуха, моря, с помощью спецназа и так далее. Он приказал провести шестифазную операцию с задачей: как можно быстрее вернуть себе Фолклендские острова.³⁷

Один человек мог бы внести ясность в ход сухопутной кампании: генерал-майор Мур, как CLFFI. Именно он должен был разработать план сражения на берегу, а также получить полномочия и средства для его осуществления. Его приказ командиру 3 бригады Commando, отданный в тот же день, когда командование флота разослало официальный приказ как можно быстрее овладеть островами, является показательным и заслуживает полного цитирования:

- 1. Вы должны обеспечить плацдарм на Восточном Фолкленде, на который могут быть высажены подкрепления, на котором может быть создана взлетно-посадочная полоса и с которого могут развиваться операции по возврату Фолклендских островов.*
- 2. Вы должны продвигаться вперед с плацдарма, насколько это позволяет поддержание его безопасности, для получения информации, установления морального и физического господства над противником и продвижения к конечной цели - возвращению островов.*
- 3. Вы сохраните оперативный контроль над всеми силами, высаженными на Фолклендах, до тех пор, пока я не создам свой штаб в этом районе. Я намерен сделать это после высадки с борта Fearless*

³⁶ Сэр Лоуренс Фридман, Официальная история Фолклендской кампании, том. II, Абингдон: Рутледж, 2005, с. 445.

³⁷ Оперативный приказ CINCFLEET 3/82 от 12 мая 1982 г.: операция «Саттон».

как можно раньше. Я ожидаю, что это произойдет приблизительно на D+ 7.

4. Затем я намерен высадить 5 пехотную бригаду в районе плацдарма и разработать операции по полному возвращению Фолклендов.³⁸

Из четвертого указания выше можно сделать вывод, что у Мура мог быть план, предназначенный для реализации двумя бригадами, требующий его присутствия для командования. Но в предыдущих трех инструкциях нет практически ничего, что могло бы подтвердить это. Возможно, были зарождающиеся мысли. Он действительно проводил обсуждения и проверял идеи с командиром 5 бригады во время их совместного перехода на юг.

Скорее, инструкции имеют узкую цель: указания только для ведущей бригады. Они намекают на недоработки в системе управления на театре военных действий, в которых Мур не виноват. Сосредоточившись на сухопутных аспектах почти без учета всего остального, его приказы, похоже, упустили из виду влияние, которое они окажут на других, в первую очередь на ВМС, чьи возможности, вероятно, составляли наш оперативный центр тяжести на протяжении всего времени.

Они действительно давали разрешение на определенное тактическое продвижение вперед, вероятно, не более чем на активное патрулирование, поскольку подчеркивался приоритет безопасности плацдарма. Более того, выбор слов «получить информацию» и «установить моральное и физическое господство» обычно ассоциируется с агрессивным патрулированием, а не с чем-либо еще, что, несомненно, должен был понять такой профессионал, как Томпсон. Подтекст инструкции, похоже, заключается в том, что Мур хочет, чтобы 3 бригада не делала ничего существенного, что могло бы привести к тому, что силы будут привержены определенному оперативному курсу действий до того, как он сам прибудет вместе со всей своей боевой мощью, чтобы определить, направить и провести.

³⁸ Сэр Лоуренс Фридман, Официальная история Фолклендской кампании, том. II, Абингдон: Рутледж, 2005, с. 446.

Теперь невозможно скрыть статичный характер этих инструкций, которые, похоже, остались незамеченными всеми заинтересованными лицами в то время, возможно, включая их автора. Согласно этим инструкциям, оперативная группа высаживала силы на берег только для того, чтобы неделю или около того ждать прибытия CLFFI с 5 бригадой. По сути, наземная кампания должна была начаться с «оперативной паузы».³⁹

Это было опасно. Можно было ожидать, что противник энергичноотреагирует на наше прибытие, бросив все силы на то, чтобы победить нас, пока мы находимся в наиболее уязвимом положении. Высадка на берег с половиной имеющихся сухопутных сил и ожидание оставшейся части в течение недели или около того должны были позволить противнику провести свои контрдесантные операции беспрепятственно. Это давало им инициативу, создавая условия для нашего постепенного поражения. Военно-морской флот был бы несколько скован, вынужден вести длительное воздушное сражение за амфибийную оперативную зону, при этом многие его корабли, находящиеся близко к берегу, не могли бы использовать свое оружие с максимальной эффективностью.

Мы все могли бы сделать что-то более перспективное, в идеале - более плотный «кулак» из 3 и 5 бригад в объединенной оперативной зоне; курс действий, разработанный для минимизации подверженности кораблей воздушным атакам, максимально использующий наши возможности ПВО, такой, который заставит десант покинуть пляжи и перейти в наступление если не сразу, то очень скоро после этого. Но у нас не было единого командующего в театре, на которого была бы возложена общая ответственность за реальные боевые действия, который мог бы видеть картину на оперативном уровне и рассматривать взаимодействующие

³⁹ «Оперативная пауза» определяется как «временная приостановка операций», позволяющая реорганизовать и восстановить силы, чтобы они не выдыхались. Термин признает циклический характер войны, когда противники истощают свои соответствующие ресурсы, им нужно время, чтобы восстановиться, прежде чем возобновить свои усилия. Оперативные паузы выстраиваются таким образом, чтобы удовлетворить эту потребность так, чтобы инициатива не перешла к другой стороне. Было бы странно начинать с паузы.

силы в целом, был бы в состоянии читать и реагировать на то, что он чувствует кончиками пальцев (fingerspitzengefühl).

Если инструкции CLFFI показывали неуверенность в том, как нам действовать после высадки, то он был не одинок в этом. Это была нерешительность, разделяемая на самых высоких стратегических уровнях, многие люди все еще сохраняли надежду, что мы сможем достичь наших военных целей, не прибегая к крупным наземным операциям в Стэнли и вокруг него. Но когда войска уже введены, наступает время действовать. Нам нужна была ясность. Зная то, что мы знали о нашем враге и его вероятной реакции, простой сход на берег для ожидания не должен был быть приемлемым. В конце концов, эскадрон втянулся бы в перерыв, обнаружив, что мы действуем не столько для того, чтобы вдохнуть жизнь в нашу собственную кампанию, сколько для того, чтобы помешать противнику вести свою.

10. К месту высадки

Оперативная группа собралась вместе через четыре дня после операции на острове Пebbл. 18 мая к изрядно потрепанному морем и выглядящим побитыми подразделениям авианосной группы присоединились десантные силы, только что прибывшие с острова Вознесения. Впервые с начала операций эскадрон оказался в непосредственной близости от штаба RHQ, который в то время находился на борту HMS *Fearless*, главного десантного корабля-амфибии, вместе с COMAW и командиром 3 бригады Commando.

Я не уверен, как много можно получить от названия корабля: *Fearless* и *Intrepid* - примеры, которые, как можно ожидать, укрепят боевой дух. Подозреваю, что репутация может иметь большее значение. Тем не менее, помогает каждая мелочь. Это были впечатляющие корабли, *Fearless* и *Intrepid*, доки с посадочными платформами (LPD), идеально подходящие для предстоящей работы, предназначенные для транспортировки и высадки десантных войск. Каждый из них имел огромный док, расположенный под столь же просторной полетной палубой, способной принять пять самолетов Sea King. Корабли могли затапливать корму, чтобы десантные корабли могли вливаться и выплывать, обеспечивая быструю погрузку и выгрузку войск и материальных средств.

Командиру не понадобилось много времени, чтобы перебраться с *Fearless* на *Hermes*, догнать нас и проинструктировать о предстоящих событиях и нашей роли в них. Я говорю «проинструктировать», поскольку не помню, чтобы я когда-либо получал от него формальный набор приказов, представленный в какой-либо привычной структурированной форме, с началом, серединой и концом, с таблицами по темам, с сигнальными и координирующими инструкциями. Он предпочитал показать, что у него на уме, оставляя остальное на наше усмотрение. Нужно было быть начеку, так как ход его мыслей мог меняться. Нужно было уметь отличать конкретные вещи от более дискуссионных или иллюстративных. Были те, кому было трудно с ним справиться, те, кто придерживался более традиционного подхода, предпочитал ортодоксальность, конечно, люди без опыта работы в SAS.

Мы справлялись с этим, его стиль был более чем хорош для нас. Действительно, мы это очень ценили.

В конце концов Майк Роуз дослужился до члена Совета армии в звании полного генерала. С точки зрения полка, мы всегда радовались его повышениям, некоторые из нас, возможно, удивлялись, хотя и слабо, но каждое повышение было полным свидетельством не только его лидерских качеств, но и самой обнадеживающей готовности армии признать и принять оригинальность и здоровую, подлинную эксцентричность. У него были высокоразвитые солдатские инстинкты и молниеносный ум. С ним было приятно находиться рядом, он был энергичным, позитивным, веселым, с острым глазом на глупости и острым языком.

На *Hermes* мы держали все в узде для приказов командира: Юэн и его группа планирования, я и моя группа, в которую входили Дэнни и Джорди, которые занимались вопросами радиосвязи. Некоторые из нас должны были сойти на берег в тылу врага. В случае захвата и возможного допроса под давлением, человек не смог бы рассказать то, чего не знал. Поэтому я изо всех сил старался ограничить свои знания. В свою очередь, я передавал руководству эскадрона только то, что было необходимо для выполнения их конкретной роли в любой операции.

Это несколько противоречило обычной практике армии, согласно которой младшие командиры должны понимать общую картину и общие намерения вышестоящего командира в достаточной степени, чтобы иметь возможность приспособиться или иным образом внести коррективы в ход операции, почти наверняка не такой, как ожидалось. Но лишь слегка, поскольку SAS была убежденной сторонницей этого метода. Просто в некоторых случаях оперативная безопасность могла ограничивать его применение, особенно когда противник мог успеть отреагировать на любое значительное нарушение безопасности. Это был один из таких случаев, никого из других войск не пригласили, чтобы ограничить осведомленность о том, что командир должен передать нам.

Майк подтвердил, что высадка будет произведена через две ночи в Сан-Карлосе. Он объяснил выбор места высадки: естественная, защищенная

глубоководная гавань, расположенная примерно в шестидесяти милях к западу от Стэнли в северной части Фолкленд-Саунд. Она была хорошо защищена, и врагу было трудно подобраться к ней с воздуха, моря или суши. В тот момент он был защищен лишь горсткой противников у входа в него, на Фаннинг-Хед. Это было еще не все, но мы обошли стороной другие причины выбора. У всех нас, в том числе и у Майка, сложилось впечатление, что следующая фаза кампании будет характеризоваться тем, что мы наберем обороты, выберемся на берег и затем начнем действовать. Он сообщил нам, что, по сообщениям SBS, район и его пляжи были свободны от противника, за исключением Фаннинг-Хед на севере; с него открывался вид на главные морские подходы к Фолкленд-Саунд, и он был занят группой из примерно шестидесяти аргентинских пехотинцев, оснащенных двумя безоткатными противотанковыми орудиями и минометом.

Фотография поселения Порт-Сан-Карлос, предположительно, сделанная патрулем SBS с другого берега бухты Сан-Карлос

Предположительно, панорама бухты Мидл-Бей, сделанная из района мыса Мидл-Пойнт, в верхнем левом углу подножие горы Фаннинг-Хед. Голова кого-то из патруля SBS.

В ночь высадки Фаннинг Хед должен был быть очищен от противника группой SBS численностью около двадцати человек при поддержке нашего дорогого друга *Antrim*: впрочем, все могло быть и наоборот. SBS должны были взять с собой испаноговорящего морского пехотинца, вооруженного мегафоном, чтобы он мог призывать противника к сдаче. Это прозвучало несколько снисходительно. Мне пришло в голову, что лучше бы это было задание для эскадрона D, возможно, усиленного G. Мы уже достаточно хорошо понимали, что такое атака с моря. Мы знали *Antrim*. И мы встретили врага, в отношении которого мы все еще были склонны проявлять осторожность, отмечая, что он будет находиться на подготовленных позициях, защищая землю, к которой он, похоже, был сильно, эмоционально привязан. Один только эскадрон мог собрать в три раза больше, чем имеющееся количество SBS, и мы прибыли со всеми видами относительно тяжелого вооружения. SBS пытались взять на себя большую задачу, имея небольшое количество людей, скудные ресурсы и, возможно, настроения, подпитанные чьим-то слишком легкомысленным отношением к качествам нашего противника.

SBS были настроены весьма решительно. Я просто не считал это особенно справедливым по отношению к ним, неожиданный выбор, сделанный, как мы догадывались, потому что они нашли противника первыми, имея тем самым форму права собственности. Мы

рассматривали это как еще один пример относительно слабо связанного подхода к операциям спецназа в целом. Один командир спецназа, имеющий полномочия над всеми имеющимися на театре SF и способный взвесить все плюсы и минусы своих различных активов, скорее всего, сделал бы другой выбор, хотелось думать нам. Мы не заикливались на этом, к тому же у SBS была поддержка *Antrim*, чтобы склонить ситуацию в свою пользу. Они должны были справиться.

Основная высадка должна была проводиться скрытно в три этапа, в течение одной ночи и до утра следующего дня. Сначала 2 PARA и 40 Commando должны были занять позиции для защиты от вторжения со стороны Дарвина/Гус-Грин, что потребовало бы от PARA расположиться на горе Сассекс на юге. Далее шли 3 PARA и 45 Commando, чтобы занять оставшуюся часть береговой линии, соответственно Порт-Сан-Карлос на севере и Аякс-Бэй на западе. Затем артиллерия и противовоздушная оборона должны были выйти на берег, чтобы охватить весь береговой плацдарм, и, наконец, 42 Commando заняли позиции на севере в направлении поселка Дуглас и Тил-Инлет.

Первые высадки были запланированы на 06:30 ZULU, что давало около пяти часов темноты. Из-за угрозы EXOCET авианосцы будут находиться далеко в море под защитой фрегатов типа 22. Учитывая расстояния, CAP SHAR будут ограничены примерно тридцатью минутами оперативного времени на основных подходах к амфибийной оперативной зоне. Это накладывало большую ответственность на возможности эскортных кораблей и Королевской артиллерии Rapier по противовоздушной обороне (ПВО) в самом районе Сан-Карлоса. Все ожидали энергичной контратаки со стороны аргентинской авиации: быстрых реактивных самолетов Pucaras и, возможно, боевых вертолетов.

Майк объяснил, что Томпсон хотел, чтобы его бригада в течение нескольких часов заняла сильные оборонительные позиции, хорошо окопалась и была способна выдержать атаку, какую бы форму она ни приняла, цитируя его слова:

«После надежного закрепления, но не раньше, бригада будет вести агрессивное патрулирование и проводить операции, чтобы подорвать моральный дух и желание врага сражаться».

Это точное отражение инструкций CLFFI не вызвало у нас никаких опасений. Никто из нас тогда не видел, что «твердо установленный и не раньше» означает последовательность, начинающуюся с того, что может показаться слишком длинной паузой. Действительно, Майк, который в течение последних недель был близок к команде планирования высадки, подчеркнул, что высадка не должна рассматриваться как самоцель или как «данность». Вполне возможна борьба за первоначальную позицию, но мы все представляли себе, что наступление вот-вот начнется всерьез, и с этого момента оно будет идти полным ходом.

Майк подчеркнул, что бригаде придется окапываться в дневное время. В некоторых местах траншеи могут быстро заглубляться в торф. В других местах, где коренные породы подходят близко к поверхности, возможно, придется строить сангары.⁴⁰ В первый день войскам требовалось как можно больше времени, свободного от вмешательства противника. Соответственно, для получения необходимой передышки был разработан план обмана. В нем участвовали мы.

Стратегема состояла из двух частей, а ее цель заключалась в том, чтобы создать впечатление крупной высадки между Чойзел-Саунд и Стэнли, на южном побережье Восточного Фолкленда. Это логичное место высадки предлагало глубоководные подходы к многочисленным бухтам и пляжам, подходящим для высадки войск и техники. На протяжении нескольких дней велась обманная операция с использованием ложных радиопередач, воздушной активности и ночного обстрела кораблями мест на суше, которые могли бы вызвать наше беспокойство. Это даже включало патруль SBS, отправившийся на берег, чтобы связаться с местным населением с целью распространения дезинформации. Эта

⁴⁰ Пуштунское слово, часто используемое британской армией, обозначающее оборонительные позиции, построенные из камня или мешков с песком, где рытье траншей нецелесообразно.

деятельность будет доведена до максимума в ночь высадки. Ко всему прочему, эскадрон должен был совершить диверсию в районе Дарвина.

Неизвестный нам, третий, стратегический элемент стремился обмануть высшее командование Аргентины, создавая неопределенность в отношении наших самых основных, оперативных намерений.

Официальные комментарии в Лондоне создавали впечатление, что может быть предпринят ряд инициатив, направленных на постепенное усиление военного и политического давления на противника.

Наблюдателей и комментаторов призывали не ожидать события, подобного «Дню Д» в Нормандии в 1944 году. Прежде чем что-то подобное может быть предпринято, необходимо было закрутить гайки то тут, то там. Различные рейды на сегодняшний день, включая наш, можно считать соответствующими этой схеме, что, возможно, отчасти объясняет конечный интерес Вудворда к острову Пейбл.

Стратегический обман - дело тонкое, поскольку правительство Его Величества по-прежнему намерено избегать распространения лжи. Это предполагало самое осторожное использование слов и фраз, полагаясь на то, что журналисты сделают свои собственные интерпретации, питаемые их собственными предчувствиями. Судя по всему, это сработало. Накануне высадки один американский журналист сообщил в Вашингтон, что, по его сведениям, министр кабинета министров сообщил, что этой ночью вторжения не будет, и это сообщение, несомненно, было услышано в Буэнос-Айресе и передано Стэнли.

Объяснив нашу роль в высадке и введя нас в курс дела, Майк ушел, чтобы провести час или около того с «Веселыми людьми», как Дэнни называл бойцов. Я же занялся тем, что обдумывал то, что мне только что приказали сделать.

Я начал с того, что подумал о рейде на Дарвин/Гус Грин - очевидная мысль (карта 6). Но я быстро отказался от этой идеи. Там находились силы реагирования противника оперативного уровня, состоящие из боевой группы 12 пехотного полка и самолетов Рисага. Они будут находиться на сильных, хорошо подготовленных позициях, аэродром будет защищен скорострельной зенитной артиллерией, которая по

наземным целям будет совершенно разрушительна. Пути на перешеек были предсказуемы, легко перекрывались и, вероятно, были защищены минами. После острова Пиббл, имея взлетно-посадочную полосу, защитники должны были быть в полной боевой готовности.

Не то чтобы я считал Дарвин/Гус-Грин слишком крепким орешком. Просто сама идея рейда не казалась мне удачной. Начнем с того, что я не мог понять, как мы сможем организовать его в отведенное время: двадцать четыре часа или около того. Разведка должна занять два-три дня. Если все пройдет хорошо, мы сможем вывести на цель силы, способные нанести определенный ущерб. Одно только время исключало возможность налета. А действительно ли нанесение небольшого ущерба соответствует требованиям? Интуиция подсказывала, что нет.

Пытаясь разобраться во всем этом, я вернулся к основным принципам, возвращаясь к тому, что командир рассказал мне о миссии, ее «намерениях» и других элементах обманных схем. Наша диверсия(и) должна была правдоподобно дополнить схему, которая работала некоторое время и достигла зрелости. Предположительно, это уже заставило противника думать и смотреть не в ту сторону. Таким образом, нам не нужно было привлекать их внимание в каком-то конкретном направлении, а лишь усилить оперативную картину, которая к тому времени уже была хорошо разработана. Если усиленная «maskirovka»⁴¹ в эту ночь работала так, как было задумано, они должны были поверить, что вторжение началось недалеко от побережья в направлении Чойзел-Саунд, и готовиться к ответным действиям.

Их планы на случай непредвиденных обстоятельств должны включать воздушные и сухопутные силы, расположенные в Гус-Грин. Если эти силы появятся, они могут серьезно осложнить, даже отсрочить реальную высадку, поймать 3 бригаду в уязвимый момент. Эскадрон должен работать над тем, чтобы предотвратить это. Наши отвлекающие усилия должны были если не остановить, то хотя бы задержать продвижение противника с его нынешних позиций. Рейд вряд ли мог этого добиться,

⁴¹ Maskirovka - русская военная доктрина обмана, разработанная в начале двадцатого века и доведенная до совершенства Красной Армией в 1940-х гг.

его легко было прочесть по тому, чем он был: наступление с последующим плановым отходом, не более и не менее. Конечно, он мог нанести определенный ущерб и вызвать кратковременное замешательство, но вряд ли посеял бы длительную оперативную неразбериху или удержал бы предупрежденного противника от продвижения.

Если бы мы атаковали подступы к их расположению с севера, они могли бы расценить это как предварительные, хотя и неуверенные, шаги полномасштабной атаки на Дарвин/Гус-Грин. Не имело большого значения, воспринимали ли они это как наступление со стороны Чойзела или нет. Они будут знать, что мы высадились. Но это могло просто убедить их придержать свои позиции на некоторое время, так как мы, казалось, шли к ним, на землю, которую они подготовили для обороны, на заранее подготовленные места для уничтожения и все такое. Это сыграет в их пользу. Возможно, они не будут долго медлить, но это позволит выиграть время, каждая минута которого позволит нашим силам лучше закрепиться в Сан-Карлосе.

Мы с Дэнни обдумали эту идею и решили, что она действительно имеет смысл. Мы должны представить себя передовым элементом более крупной операции, возможно, разведывательным отрядом, наступающим на внешний периметр противника с общего направления на Чойзел. Это заставит их гадать. И это может заставить их на некоторое время застыть на месте. Я не думал беспокоить RHQ объяснениями. Схема маневра, похоже, соответствовала картине, которую нам дали, и намерениям командира: достаточно хорошо.

Мне всегда было интересно, каково это - быть частью диверсии, идти на риск, чтобы отвлечь от главного. Теперь я знал. Это было нормально, если только можно было поверить, что это может существенно способствовать успеху. Если нашими усилиями оперативный резерв противника останется на месте в течение нескольких часов, а лучше больше, мы должны были внести существенный вклад.

Помимо инструктажа по плану высадки и нашей роли в операции - отвлекающей роли - командир сообщил нам о принятом в последнюю

минуту решению перераспределить войска с *Canberra* на десантно-штурмовые корабли. Он вышел с острова Вознесения с тремя основными подразделениями на борту: 40 и 42 Commando и 3 PARA. Мур запретил ему входить в Сан-Карлос с таким количеством войск на борту, примерно 2 400 человек: лучшая часть всей бригады. Это было абсолютно логично, но кто-то мог заметить опасность раньше, чем за несколько дней до высадки. К счастью, установилась хорошая погода, что позволило провести необходимую переброску посреди океана с использованием десантных кораблей LPD, а также вертолетов.

Как и ожидалось, в рамках перераспределения сил двум эскадронам было приказано покинуть *Hermes*. Нам нужно было держаться поближе к новым, основным усилиям на берегу. Мы должны были отправиться на *Intrepid*, который находился у Сан-Карлоса. Это вызвало небольшое разочарование. Было очень полезно находиться рядом с адмиралом в этот важный период. Мы с Яном, конечно, полюбили и зауважали Сэнди Вудворда. Но *Hermes* был большим и, следовательно, неизбежно несколько обезличенным; кроме того, он был флагманским кораблем авианосной группы, что побуждало людей быть более корректными, как и подобало его статусу. Мы все скучали по более простой атмосфере близости на меньших кораблях. Нам казалось, что чем меньше подразделение или группа, тем больше вероятность того, что они будут чувствовать себя единым целым, а все бойцы хорошо реагируют на тесное товарищество. Возможно, на *Intrepid* мы сможем вернуться к такому же уровню товарищества, каким мы наслаждались на наших кораблях у Южной Георгии.

На следующий день мы начали переход с *Hermes* на *Intrepid*. К тому времени мы с Дэнни изучили имеющиеся разведданные и карты в поисках возможных вражеских целей к северу от Дарвина. Мы определили пять или шесть заслуживающих внимания изолированных домов в этом районе. Было бы разумно ожидать, что враг использует один или два из них в качестве передовых баз для патрулирования. Если повезет, некоторые из этих домов будут использоваться в эту ночь. Мы хотели не столько уничтожить патрули, сколько добиться от них того впечатления, которое мы надеялись создать.

Мы понимали, что там могут находиться гражданские лица, наши собственные люди. Я должен был разъяснить бойцам, что, несмотря на всю важность задачи, она может быть решена посредством угрозы насилия в той же степени, что и путем нанесения реального физического ущерба, поэтому было бы трудно оправдать любой сопутствующий ущерб. Достаточно было бы устроить шоу. Мы определили пять целей.⁴²

Закончив с этим, Дэнни отправился посмотреть, как Грэм справляется с переброской людей и материальных средств на *Intrepid*. Я уселся за стол, чтобы составить проект распоряжений для последующей проверки нами двумя. Через некоторое время Дэнни вернулся и сказал, что Грэм уже перешел на палубу с передовым отрядом, чтобы принять наши вещи, оставив Лоуренса отправлять людей и оборудование со стороны *Hermes*. Все было в полном порядке, нам ничего не оставалось делать. Если я закончил писать приказы, почему бы нам не отправиться туда раньше? Я проявил нежелание, склонный откладывать дела на самый последний возможный момент.

- Подними свою задницу, Седрик. Если мы пойдем сейчас, то успеем выпить пива перед ужином.

Мысль о пиве подействовала. Я собрал свои вещи и пересел на *Intrepid*. И вот так Дэнни, скорее всего, спас мне жизнь.

Мы перебрались на корабль и обнаружили, что он переполнен войсками. Под палубой PARAs и морпехи были втиснуты во все мыслимые пространства: многие пытались «закрепиться» в коридорах, большое количество находилось в доке. Это были преимущественно члены 3 PARA, бдительные на вид, обращающие внимание на свое новое окружение в манере тех, кто привык действовать по своей воле, но, оказавшись на мгновение в незнакомых обстоятельствах, занимающиеся восстановлением контроля. Я видел, что в них была эта «готовность к делу» - то, что ожидается от парашютного полка.

⁴² Каждому отряду было поручено по одному дому, а одному отряду - два: 16 отряд - дом Камилла-Крик-Хаус; 17 отряд - дом Бернсайд-Хаус; 18 отряд - дом Тил-Крик-Хаус и дом Хай-Хилл-Хаус; и 19 отряд - дом Кантерра-Хаус.

Как всегда, Грэм обеспечил мне довольно уютную «баша»,⁴³ на этот раз с отдельной душевой/ванной! Я так и не понял, как ему это удалось. На каждом корабле, на который мы садились, я получал отдельную койку. Я не спрашивал, подозревая, что он, должно быть, каким-то образом повышает мое звание или военный статус, полагаясь на общую неосведомленность людей о специфике работы SAS.

Испытывая симпатию к PARAs и чувствуя себя немного виноватым за свою удачу, я пригласил младшего капрала и его пулеметный расчет в свою комнату в коридоре, убедившись, что они оставили мне кровать. У меня возникли сомнения, когда я увидел размер их бергенов и количество разнообразного снаряжения, которое они должны были доставить на берег. Я оставил их, чтобы они втиснулись как можно лучше, а сам отправился искать Дэнни в баре.

Я нашел дорогу без особых проблем, продемонстрировав слегка тревожную способность отыскать пиво почти при любых обстоятельствах. В данном случае во время войны, в море, на одном из кораблей Ее Величества, собирающемся штурмовать захваченное врагом побережье. Более обнадеживающим, пожалуй, было то, что мой успех продемонстрировал неплохо развивающуюся способность ориентироваться внутри военного корабля, поскольку я намеренно пошел в обход дока. Ангар показался мне каким-то неправдоподобным, слабо напоминающим сцену из фильма о Джеймсе Бонде: настоящий, работающий док, но внутри корабля, пещерное пространство с кранами и всей атрибутикой дока, мягко покачивающиеся десантные корабли. Голоса перекликались, вещи звенели, механизмы гудели, и все это под ярким светом дуговых ламп. Огромная камера выглядела идеально приспособленной для выполнения своих функций, усиливая благоприятное впечатление от корабля. Сгущающийся мрак за открытой кормовой дверью наводил на мысль, что работы по переходу на палубу

⁴³ Малайское слово, означающее «укрытие», подхваченное малайскими скаутами (предшественниками 22 SAS) во время чрезвычайной ситуации на Малайях и с тех пор используемое полком для обозначения места проживания. Возможно, в британской армии это слово используется менее свободно, но оно также было в обиходе у австралийцев и киви.

должны быть близки к завершению, если они должны быть выполнены при дневном свете; я надеялся, что так и будет, имея в виду Лоуренса и тыловую группу на *Hermes*. Вечером мне нужно было обсудить некоторые вопросы с «головным звеном» эскадрона, чтобы подготовиться к предстоящей вылазке на берег.

Найдя Дэнни в кают-компании, стоящего в очереди за обслуживанием в маленьком, переполненном, но манящем баре, я рассказал ему о доке. Он тоже посетил его. Мы оба нашли его удивительным, и охотно беседовали. А потом пришло это, укол чистой ненависти, скользнувший сзади: напускное негодование, произнесенное как шипящий возглас в сторону, слабая насмешка, явно предназначенная для того, чтобы мы оба услышали.

- Взгляни на них; что они там о себе возомнили?

В ход пошли «чертовы лохмы» и, для пущей убедительности, «неряха»; из нас двоих, это отличие, несомненно, должно быть моим, выделенным тогда для особого внимания.

Мы были смешанной толпой: солдаты, моряки, морские пехотинцы, даже один летчик. Я не мог поверить, что это был флот. Хотя это было не совсем удивительно. Такое случается, как мы уже испытали в Кении. Но я не ожидал этого в тот момент и в том месте. Мы были на войне некоторое время. Прошли через многое. Это помогло, как мне хотелось думать. Научились чувству меры. Одежда никогда не имела для нас такого значения, как хорошо смазанное оружие. А длинные густые волосы помогали согреть голову на берегу. Там было чертовски холодно. Мы были в одной лодке, затеяли одно грандиозное предприятие, шли против общего врага. Это были обстоятельства, которые должны связывать: братская дружина. Но, похоже, не для этого идиота. Я полагаю, что очень маленькие, аккуратные и глубоко невежественные умы имеют свое место даже во время войны. Но это было чересчур. На следующий день мы возвращались в тыл врага, чтобы помочь этому болвану.

Мог ли я себе это представить? Я не повернулся, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Это было бессмысленно - пустой взгляд в ответ на

обвинение, которое слишком легко отвергнуть с притворным негодованием. Вместо этого я посмотрела на Дэнни. Его лицо было спокойным, ничего не выражающим, он слышал. Он сосредоточился на пиве. Я тоже старался не обращать на это внимания, выбросить из головы оскорбленное чувство честной игры, в частности, размышляя, не намекает ли это на возможность раскола между опытными ветеранами TEZ и блестящими новоприбывшими с острова Вознесения. Мы, «старожилы», действительно чувствовали себя по-другому, но не в каком-то превосходном смысле. Но за короткий период мы многое пережили вместе, как падения, так и взлеты. Возможно, нет, и даже если бы это было так, операции, как правило, заставляли большинство людей крепко стоять на земле и держаться вместе. Нужно забыть об этом, были более насущные вещи, о которых стоило беспокоиться: для начала, достать пиво.

И тогда пропорциональность действительно заявила о себе, мощно, с ужасающей, безжалостной законченностью. Мгновение спустя по громкоговорителю передали, что упал вертолет. Мы не придали этому значения. К тому времени сообщение о падении вертолета стало почти обычным делом в TEZ. Вертолеты ПЛО, в частности, были склонны к механическим повреждениям, которые могли привести к падению в море после зависания. Всего за пару дней до этого упал «пингер», ASW Sea King, все члены экипажа остались живы.

Затем к нам подошел морской офицер. «Мы думаем, что это может быть вашим», - тихо сказал он мне на ухо.

Сначала я не понял, что он имел в виду, всю серьезность его слов. Он повел нас с Дэнни на мостик. Там было тихо, все спокойны, внимательны, информация и инструкции передаются на слух, но на низких тонах. Вахтенный офицер подтвердил, что это был наш, упавший вертолет, последний в этот день. Спасатели были на месте происшествия и искали выживших. Меня передернуло от этого слова: выжившие! Масштаб ситуации обрушился на меня. Я чувствовал, как люди бросают любопытные взгляды в нашу сторону, занимаясь своими делами. Они знали, что все это значит.

Летная палуба HMS Interpid во время переброски с Hermes (на фоне) 19 мая, за час до заката и падения вертолета.

В тот момент мы все были мореплавателями, вместе столкнувшимися с опасностями моря. Скольких они успели спасти? Они не знали. Это должен был быть Лоуренс и его тыловая группа. На мостике нас заверили, что все, что можно было сделать, уже сделано. *Brilliant* было дано задание. Это помогало, зная, что Джон Ковард контролирует спасательную операцию. Он будет делать все возможное, стремиться к максимуму.

Я вышел на мостик, а Дэнни - в нашу оперативную комнату внизу. Снаружи было темно, лютый холод. Спасательные огни были видны, трудно сказать, как далеко, изредка мелькал *Brilliant*, парящий вертолет скорее ощущался, чем виделся. Огни подтверждали нашу веру. Военно-морской флот бросил осторожность на ветер, соизмеряя риск обнаружения с необходимостью срочного спасения. Море было ледяным, с легким волнением. Экипаж мог продержаться некоторое время в своих водолазных костюмах, но бойцы быстро погибли бы. Я вернулся за новостями.

Офицеры мостика внимательно следили за выполнением своих обязанностей. Больше они ничего не могли сделать. Наступила тяжелая, неловкая тишина, которую разбавляло спокойное прохождение рутинных сообщений. Никто из них не мог ничего сказать или сделать в утешение. Я вернулся на крыло мостика, чтобы посмотреть на прожекторы, мечущиеся туда-сюда. Я чувствовал пустоту, растерянность, неуверенность, беспомощность. *Brilliant* было видно от мгновения к мгновению, когда он стоял на посту, в силуэте прожекторов. Мне хотелось быть с Джоном Ковардом, на его мостике, рядом со спасателями и черпать силы в его мощном, позитивном спокойствии. Взяв себя в руки, я вернулся внутрь, попросил вахтенного офицера держать нас в курсе событий и сказал, что буду в оперативном отсеке, где мы попытаемся составить список пострадавших. Я почувствовал его облегчение. Он видел, что я чего-то добивался, неизвестно чего, чего-то, что он и его команда не могли дать. Лучше бы каждый из нас занялся тем, чем может, тем, чем должен, по-своему. Я ушел с чувством оцепенения.

Дэнни был в оперативной комнате, вместе с Джорди и Грэмом. Они были спокойны, странно неподвижны, сосредоточенны, ждали. Они смотрели на меня. У меня ничего не было для них. У нас было довольно четкое представление о полетном манифесте. Это был последний подъем в этот день. На *Hermes* никого не осталось. Следовательно, все, кто не был на борту *Intrepid*, должны были находиться на вертолете. В оперативном отделе шла перепроверка данных, поступивших от войск и подразделений. Сигнальщик сообщил мне, что один из выживших был доставлен на корабль и сейчас находится в медотсеке. Я пошел переговорить с ним.

Один из выживших на носилках доставляется для оказания мед. помощи.

Там я нашел капрала Уилсона, связиста. Медики держали его в теплой ванне, чтобы повысить температуру тела. Он пробыл в море совсем недолго. Его была неконтролируемая дрожь. Я не хотел обременять его, но чувствовал необходимость узнать больше. Проявив необыкновенную стойкость, полностью владея собой и собравшись, он объяснил, что они подошли к корме *Intrepid* и им отказали. Когда это случилось, они пошли по кругу. В один момент они летели, а в другой - оказались в море. Это был сильный и внезапный удар. Он был рядом с дверью. Спасатели прибыли быстро, но, к сожалению, он больше никого не видел. Он оказался один в воде. Я вернулся в оперативный штаб, опасаясь худшего.

У Дэнни был полный список, но было бы разумно подождать, пока *Brilliant* объявит о завершении спасательной операции, прежде чем передавать в RHQ отчет о потерях (NOTICAS). Они уже были в курсе происшествия. Мы знали о девяти выживших: один из эскадрона G, один связист, пять из эскадрона D и два пилота. В остальном, у нас было двадцать человек «пропавших без вести», включая группу RAF, специалистов по лазерному целеуказанию. Мы знали, что «пропавшие

без вести» означает убитые в бою, потери. Некоторое время мы цеплялись за надежду, хотя каждая минута приносила все больше ужасающей уверенности. Но мы все равно ждали. Это было слишком, чтобы принять это, чувство беспомощности сбивало с толку. Многие из пропавших людей эскадрона были из одного отряда - горного. Пробежавшись по списку, мой палец остановился на имени Лоуренса.

- Да. - тихо, полушепотом сказал Дэнни, - Я знаю.

В оперативной комнате воцарилась тишина, движения были подавлены, повисло молчание. Мы ждали, каждый из нас замкнулся в себе, тишина была густой и тяжелой. Затем пришло сообщение от *Brilliant*. Он сделал все, что мог. Выживших больше не было. Он также не смог найти тела. Мы зашевелились, черпая слабое облегчение в активности, занимаясь тем, что нужно было сделать. Наши «пропавшие» были мертвы, исчезли. Погибли в море. Оперативная группа двинулась дальше.

Мы доложили в штаб, я обратился непосредственно к командиру, повторяя каждое имя через TACSAT. Казалось правильным, что мы вдвоем должны сделать это лично, а не перекладывать ответственность на кого-то другого. Вудворд заметил по поводу наших потерь при переброске в тот день: «Возможно, отказ оборудования или ошибки пилота, но за все приходится платить, почти всегда человеческими жизнями».⁴⁴

После того, как были отправлены NOTICAS, мы подвели итоги. Эскадроны D и G потеряли двадцать человек - самая большая оперативная потеря, постигшая SAS после войны в одном инциденте. Для некоторых, выживших на Фортуне, это была уже третья авария вертолета. Семь человек были извлечены из моря, из них четверо вернулись в строй, трое эвакуированы в Великобританию. Семь погибших и пострадавших из эскадрона были из горного отряда, что ставит под сомнение его жизнеспособность как специализированного, десантного отряда.

⁴⁴ Сэр Лоуренс Фридман, Официальная история Фолклендской кампании, т. II, Abingdon: Routledge, 2005, стр. 462.

Джорди отметил, что наша самая насущная проблема связана со связью; мы должны сделать что-то с этим здесь и сейчас. Связисты G обеспечивали связь на период операции по переброске из ранее созданного COMCEN (центра связи) на *Hermes*, в то время как связисты эскадрона D, перебравшись на борт *Intrepid*. Как только D начнет работать, G будет закрыт, чтобы сделать свой ход. Нам потребовалось больше времени, чем ожидалось, чтобы восстановить связь, люди из G в конце концов передали связь D, а затем собирались перейти на *Intrepid* во время последнего подъема в этот день. В результате, связь эскадрона G была потеряна почти полностью: четыре из шести связистов, рации и коды. С патрулями эскадрона G, развернутыми в поле, нельзя было терять ни минуты. Это подчеркивало серьезность нанесенного нам удара. Боеспособность обоих эскадронов была снижена как в активных штыхах, так и в войсках поддержки. Джорди заверил нас, что, взяв двух оставшихся в живых связистов эскадронов G, он возьмет на себя ответственность за связь обоих эскадронов до конца войны: так оно и оказалось.

В какой-то момент произошла трехсторонняя дискуссия по TACSAT между командиром, оперативным офицером в Херефорде, Яном и мной на *Intrepid*. Во время конференции Херефорд предположил, что эскадрон D сделал достаточно и должен быть готов к помощи эскадрону В. Я отреагировал плохо. Возможно, это было сделано из лучших побуждений, но я расценил это как жалкое предложение, даже бесчувственное, прозвучавшее в самый неподходящий момент. Правильно или, скорее всего, неправильно, но я истолковал это как попытку эскадрона В вступить в игру. Вполне справедливо. И я мог бы поаплодировать их настрою. Но у меня не было настроения отступать. И эскадрон не собирался тоже, в этом я был абсолютно уверен. У нас была работа, которую мы должны были сделать, война, которая едва началась, и которая только что стала очень личной. Мы получили тяжелый удар, потеряли много хороших и дорогих друзей. Я знал, что Лоуренс, все они, ожидали, что мы будем сражаться дальше. Я знал, как мы можем приспособиться к нашим потерям и оставаться мощной силой. Нет, если беспокойство касалось нашего психического состояния или чего-то подобного, лучшей терапией было бы действие, и побольше.

Что касается самой войны, то мы втянулись в нее, вошли в курс дела. Мы стали солдатами моря. Для этого пришлось пройти несколько тяжелых уроков. Мы извлекли из них уроки. Как мог В сразу же сравниться с этим? Это не имело смысла. У нас не было настроения останавливаться. Ни тогда, ни в любое другое время, как выяснилось. Мы вчетвером пришли к оглашению. Это был короткий разговор

Вскоре после этого Майку Роузу удалось найти вертолет, чтобы переправить его на *Intrepid*. Он прибыл, чтобы лично поговорить со мной и бойцами. Говорить было особо не о чем. Но мы смогли заверить его в нашей решимости и несломленном духе.

На следующее утро эскадрон собрался, чтобы получить информацию о том, как мы будем действовать дальше. Я рассказал о том, что приказал нам командир, что мы вернемся обратно предстоящей ночью, проведем диверсии, как было запланировано ранее, без изменений. Бойцы явно не ожидали ничего другого. Действительно, если бы я передал идею Херефорда заменить их эскадром В, как только это станет возможным, они были бы ошеломлены. Думаю, мы все сговорились бы сделать это практически невозможным. Я подтвердил, что мы останемся с ORBAT из четырех отрядов, примерно равных по силе, причем горный отряд будет усилен за счет перераспределения живой силы из других четырех отрядов. Я объяснил, что нам будет гораздо легче поддерживать маневр на уровне эскадрона с четырьмя, хотя и недостаточно сильными отрядами, чем при переходе на три сильных отряда.

Это был спорный вопрос. Но Дэнни и я, обсудив это предыдущей ночью, пришли к выводу, что мы должны продолжать выглядеть и чувствовать себя как можно более нормально; сокращение до трех, тем не менее, сильных отрядов подчеркнуло бы нашу потерю видимым, структурным образом. Лучше было бы остаться с четырьмя.

Я попросил командиров и штаб-сержантов отрядов собраться сразу после брифинга, чтобы произвести необходимые перестановки и убедиться, что они проинформировали штаб об изменениях до ночного развертывания. Командирам отрядов было сообщено, что подтверждающие приказы на проведение диверсионной операции

последуют после того, как они разберутся с перестановкой личного состава. После этого эскадрон разошелся, чтобы «ты должен идти, Джон».

Это был торжественный момент. Не было ни вопросов, ни комментариев, ничего эмоционального или драматического, просто люди воспринимали плохие новости и их последствия. Эскадрону, чьим делом была война, просто нужно было понять, что произошло, и как мы должны были адаптироваться, чтобы продолжать действовать как единое целое: практические вопросы. Им не нужны были волнующие слова накануне битвы. И они не получили их от меня, ни тогда, ни в любое другое время. События могли принять крайне неудачный оборот, но у нас была работа. На нас полагались люди. Никому не нужно было говорить им об этом. У каждого из нас было свое собственное развитое чувство профессиональной ответственности.

Наверное, есть место и для речей. В свое время армия явно отдавала предпочтение «Приказу дня», регулярно используя его на протяжении всей Второй мировой войны, чтобы обратиться к силам, состоящим в основном из граждан под оружием, вовлеченных в борьбу за национальное выживание. Но если эти слова должны быть чем-то большим, чем просто ожидаемая банальность, используемая по случаю, они могут затронуть глубокие внутренние чувства.

Насколько я помню, во время войны мы получили только одно обращение, которое прозвучало на борту *Hennes*, произнесенное, как я полагаю, его капитаном. Оно действительно произвело впечатление. Оно было произнесено накануне начала бомбардировок, перед налетами SHARs на аэродромы Стэнли и Гус-Грин, в ночь перед первой бомбардировкой Vulcan. В нем в сокращенной форме упоминался шекспировский Генрих V. Я уверен, что не представлял себе этого. Это удивительно театральные слова, хотя тогда они звучали довольно заезженно; возможно, потому, что мы, солдаты, чувствовали себя в стороне, сторонними наблюдателями, которые, следовательно, почти не чувствовали события.

Однако я уловил упоминание о собственной семье: чтобы они гордились, и чтобы не подвести их. В то время мне казалось странным привлекать к этому семью. Само собой разумеется, у нас был долг, который мы должны были выполнить в соответствии с «Англия ожидает», но, поразмыслив, можно было увидеть, что все мы несем дополнительную, очень личную ответственность перед нашими семьями и друзьями. Они должны иметь возможность гордиться нашими действиями, независимо от того, как все обернется. Речь шла не только о мужестве, но и о порядочности и человечности, о соблюдении наших общих ценностей. Капитан напомнил нам, что наше поведение будет иметь последствия не только для страны и для нас лично, но и для самых близких нам людей, наших семей. Он оценил, как легко не замечать их, их нужды, их чувства. Так что, да, несколько хорошо подобранных слов, вероятно, имеют свое место.

11. Домашняя база

Служба в армии предъявляет к семье солдата высокие требования. Возможно, это клише, но это неоспоримая правда. Говорят, что переезд на новое место жительства является одним из самых стрессовых событий в жизни, для многих людей он связан с переездом в другой город или округ. К моменту начала Фолклендского конфликта мы с Сьюзи были женаты шесть лет и четыре раза переезжали из дома в дом. Вполне обычное дело. Она рассказывала мне, что к тому времени, когда мы отработали тридцать лет в «сопровождении», перед ее преждевременной смертью от рака, мы переехали в общей сложности семнадцать раз, причем четыре раза за границу. Это не для того, чтобы пожаловаться. Я бы не стал жить по-другому, и Сьюзи все устраивало, если не считать переездов. Я упомянул об этом, чтобы предложить лишь один из примеров того, как бурная жизнь солдата может повлиять на дом, - проблема, признанная фельдмаршалом Слимом в его классической книге «От поражения к победе». Рассказывая о достижениях 14-й армии в Бирме во время Второй мировой войны, он посвящает книгу своей жене Эйлин:

Жене солдата, которая шла за барабаном и из глинобитной хижины или правительственного жилья создавала Дом.

В этом нет ничего нового, но помимо суматохи, связанной с упаковкой и распаковкой вещей в доме с неумолимо регулярными и частыми интервалами, переезд может быть чрезвычайно разрушительным во многих других отношениях: например, для учебы в школе или чего-либо еще, где важна стабильность. Многие жены бросают карьеру, чтобы следовать за барабаном, обнаруживая, что им трудно найти работу из-за постоянных переездов, часто на значительные расстояния. Затем наступает разлука.

Полковая служба, служба в боевом подразделении, предполагает ежегодные недельные, а то и месячные отлучки на учения и даже операции. Из двадцати четырех месяцев, в течение которых я командовал эскадроном D, шестнадцать я провел вдали от дома, из них двенадцать - в операциях. Семьи учатся справляться с этим. Обычно, когда я находился в полевых условиях, мне давали отпуск для отдыха и

восстановления сил (R&R), что позволяло провести несколько дней дома. Как ни странно, Сьюзи никогда не ценила R&R, говоря мне, что это нарушает их с детьми распорядок дня. Я чувствовал обиду, но понимал, что она имеет в виду; устоявшийся распорядок дня может помочь человеку справиться с большинством проблем.

Примерно через четыре недели после начала войны семьи уже вполне освоились, хотя и испытывали повышенную тревогу, учитывая, что это был национальный кризис, которому СМИ уделяли почти постоянное внимание. Конфликт стал почти единственной темой для разговоров. С самого начала в полку была создана система, обеспечивающая оперативное получение информации в случае необходимости, а в остальных случаях - на регулярной основе. В самом обычном случае информация передавалась из штаба RHQ и от офицера по работе с семьями по структуре, которая повторяла структуру развернутых эскадронов. Жена командира эскадрона могла иметь контактные данные жен командиров отрядов. В свою очередь, жены командиров отрядов знали, как связаться с женами и подругами военнослужащих. Конечно, все было более тонко и менее формально, чем кажется. В нашем случае Вэй и Линда, жены Дэнни и Лоуренса, а также Сьюзи были близкими подругами, что значительно облегчало «создание контактов» в эскадроне. Важно было иметь метод, охватывающий весь полк, чтобы все были на связи.

Офицер по работе с семьями, Питер Дейви, помогал решать любые бытовые проблемы и быстро передавать официальные уведомления. В случае необходимости сообщить родственникам о смерти или ранении, он, или в его отсутствие другой офицер, был обязан сделать необходимый звонок на дом, обеспечив немедленное оказание всей возможной помощи. Это был устоявшийся и отработанный метод, которому предстояло пройти самое суровое испытание на сегодняшний день.

Энн, жене Теда Иншоу, позвонили за несколько минут до отъезда на работу, мягко, но твердо попросив ее прийти в «Тайнс» на важную встречу в спортзале в 10 часов. Утром она получила отгул на работе.

Спортзал был полон, атмосфера в основном любопытная, никакой тревоги, несмотря на необычный характер звонка с просьбой о встрече без предварительного уведомления. Никто из них не мог припомнить ничего подобного. Все они знали, как происходит оповещение о потерях, о страшном стуке в дверь - всегда офицер, по возможности в сопровождении друга и священника. Они знали достаточно об операциях, чтобы понимать, что мы неизбежно понесем потери, учитывая масштаб событий, ведь мы участвовали в большой войне. Уже были потеряны корабли с обеих сторон. Нет, это не мог быть NOTICAS, не так, не массово, не оптом, открыто и безлично. Что же это могло быть?

Энн верила в Теда, который делал любимую работу в компании с лучшими профессионалами. Ее подруги и многие другие женщины чувствовали себя примерно так же: уверенно, хотя иногда и с некоторой опаской. Многие из них предполагали, что звонок должен быть как-то связан с прибывшим командиром Невиллом Хейвордом, который должен был принять командование как раз примерно сейчас.⁴⁵ Так и должно было быть, ведь он стоял там, незнакомый офицер рядом с адъютантом. Возможно, учитывая обстоятельства войны, он хотел представиться, сопоставить лица с именами. Адъютант попросил внимания. В зале воцарилась тишина. Невилл шагнул вперед.

- Ваши мужья в безопасности, - прямо заявил он, переходя сразу к делу, желая как можно быстрее развеять тревогу и страх, - поскольку вы находитесь здесь, в этой комнате, значит, с вашими мужьями все в порядке.

Большинство были ошеломлены, не зная, что на это ответить. Другие огляделись в поисках подруг, которые могли отсутствовать. Невилл проинформировал их о вертолете накануне вечером, подчеркнув, что те, кто понес утрату, были проинформированы, и что обо всех позаботились. Полк предпочел бы хранить привычное молчание, но, учитывая серьезность вопроса и обстоятельства, об инциденте станет известно общественности по Би-би-си в программе новостей рано утром; отсюда и

⁴⁵ Разумно было отложить передачу/принятие командования до окончания войны, никто не хотел нарушать устоявшуюся систему командования в разгар военных действий.

срочность встречи. Далее он предложил совет по ряду связанных с этим вопросов. Они должны без колебаний обращаться за помощью к Питеру Дейви, специалисту по работе с семьями, в чем бы она ни заключалась, какой бы пустяковой она ни казалась. Их предупредили, чтобы они остерегались повышенного интереса прессы. Если к ним обращаются, люди должны направлять представителей СМИ в полк. В случае каких-либо домогательств или преследований, опять же, они должны немедленно связаться с Питером.

Я подозреваю, что большинство из нас, вернувшись на *Intrepid*, практически не задумывались о том, как будут обстоять дела дома, и в то время почти не думали о Линде или других вдовах. Война поглощала нашу энергию днем и ночью, давая нам скудную возможность думать о чем-то вне ее. Уже на следующую ночь мы возвращались обратно; мы неустанно перемещались от одного события к другому.

Это может показаться бесчувственным, поскольку рискует подтвердить сложившееся мнение о SAS как о бездушных убийцах - впечатление, распространенное в художественной литературе, индустрии развлечений, включая СМИ того времени. Этот образ прочно укоренился вскоре после осады иранского посольства двумя годами ранее, когда полк оказался в центре внимания.⁴⁶ С тех пор нас представляли как некую секту монахов-воинов нового времени, способных на все и любое боевое искусство, каким бы бессмысленным оно ни было. Глупость закрепилась отчасти потому, что люди хотели в это верить.

Ситуации не слишком способствовала политика Министерства обороны, которая не подтверждала и не опровергала деятельность спецназа, как текущую, так и историческую, что создавало информационную пустоту, легко заполняемую недобросовестными людьми для продвижения продаж своих творческих домыслов или любых других планов или

⁴⁶ Иранское посольство в Лондоне было захвачено вместе с двадцатью шестью заложниками группой из шести вооруженных людей. Осада продолжалась с 30 апреля по 5 мая 1980 года и закончилась тем, что спецназ ворвался в здание, убил пятерых террористов и спас всех заложников, кроме одного.

интересов.⁴⁷ Газеты могли быть особенно изобретательными, фабрикуя всевозможную чепуху, чтобы разогнать тиражи. Со временем мы ощутили бы это влияние: смирение трудно сохранить в чистом виде, когда многое неустанно движет его к антитезе. Было бы удивительно, если бы ни одна голова не повернулась, учитывая, как легко можно притворяться и изображать скромность, внутренне получая удовольствие от плутовства.

На самом деле, боец SAS - такой же человек, как и любой другой, соответствующий воображаемому типу: лучше всего делает одно дело за раз, забывает о годовщинах, склонен откладывать на завтра то, что нужно было сделать накануне, увлекается всякими штучками и так далее. У «фолклендцев» и предыдущих поколений полка этими штучками были в основном «пиво и сигареты»; но многие обходились без этого. Мы тогда были всех форм и размеров. Но тогда, как и сейчас, наиболее очевидной на первый взгляд отличительной чертой человека из SAS от любого другого нормального солдата была его способность переносить груз невероятного веса на огромные расстояния в течение длительного времени; это и природная способность работать в джунглях или, по крайней мере, уметь справляться с ними.⁴⁸ Были еще одна или две вещи, но это было все; основным, базовым вопросом была психическая стойкость.

Среди них были колоритные воины; например, Альфи Таскер, которого я впервые встретил в джунглях. Потрепанный, с торчащими из парусиновых ботинок пальцами ног, он производил плохое визуальное впечатление: на мой тогдашний неискушенный взгляд, он выглядел потрепанным ветераном Борнео, выдавшим лучшие времена. Огромная ошибка. Он элегантно и легко скользил по густым зарослям, а мы, молодежь, проходившие обучение, пробирались следом за ним,

⁴⁷ Политика не подтверждать и не отрицать деятельность спецназа была призвана помочь защитить безопасность текущих операций и персонала SAS от враждебного внимания.

⁴⁸ Обе эти задачи являются основными при отборе в SAS: переноска бергена плюс полная боевая выкладка и тренировки в джунглях. Первое проверяет умственную и физическую выносливость, а джунгли хороши для выявления и последующего развития основных солдатских навыков.

разбиваясь, ударяясь и зацепляясь, едва успевая за ним. На операциях в Омане, в Дхофаре, он надевал шляпу, которую носил в джунглях, когда участвовал в совещаниях по планированию в *geysh* (регулярная армия султана Омана); к ней был прикреплен болт, под которым он написал «Screw the Nut».⁴⁹ Он не очень любил пустыню, как и британских офицеров, служивших в *geysh* на временной основе, если вспомнить об этом; тем не менее, его солдатская служба под открытым небом гор Джебель была столь же успешной, как и под окутывающим пологом девственных джунглей.

Потом был легендарный Ровер Слейтер, мой первый старший сержант, который однажды вскоре после первых шести месяцев моей службы в войсках вдруг громко заявил, обращаясь ко мне, но, чтобы все слышали: «Все. Хорошо. Отныне ты - это ты», то есть с этого момента я мог командовать войсками. А я-то думал, что все это время был «в деле», а он был моим вторым номером. Глупый мальчишка. Ровер, по слухам, откусил кому-то кусок уха во время драки в баре, когда в молодости служил на Дальнем Востоке, отсюда и кличка. Еще один блестящий солдат в джунглях, но не менее хороший и в других местах, он проявил гений в военном искусстве, что сделало его одним из лучших тактиков. Я никогда не встречал подобного храбреца ему ни раньше, ни после. Он поднял мое понимание военного дела на уровень, который я буду применять на протяжении всей своей карьеры, независимо от уровня командования.

Но всех нас, и стариков, и молодых, поддерживали сильные, надежные жены или подруги. Можно сказать, что наши женщины должны были быть сильными и самодостаточными, чтобы выдержать все это. Одно дело - неумолимый темп оперативного и учебного цикла, когда каждый год приходится разлучаться на недели и месяцы. Совсем другое дело – «неустанное стремление полка к совершенству». Это требовало почти полного погружения в профессиональную деятельность. В этом отношении, возможно, мы действительно напоминали военных монахов, поглощенность работой не оставляла места для семейной

⁴⁹ Дословно – крути гайку. Значение – работайте усерднее, засранцы, прим. перев.

жизни. И тем не менее, стабильный домашний «фронт», как оказалось, способствовал высоким профессиональным показателям. Это не должно удивлять. Если страх лишает человека мужества, то стресс и давление в целом должны снижать эффективность работы.⁵⁰ Можно ожидать, что человек, испытывающий давление дома и вынужденный справляться с требованиями войны, будет с трудом отдавать и сохранять свои лучшие качества. А в SAS нужны были только лучшие.

В то время, я думаю, многие из нас не до конца понимали, насколько важен был дом для нашей способности воевать. Стабильность в семье, бескорыстно дарованная нашими женами и семьями, давала нам свободу отдавать всего себя операции. Если мы и думали о доме, то это было мимолетно. Для большинства из нас он был просто там, в безопасности и защищенности, и это было тем более важно. Через несколько часов нам предстояло сойти на берег. Было много вещей, о которых нужно было подумать, которые нужно было сделать до этого. Горе должно было подождать, а вместе с ним и все более мягкие мысли, как бы бессердечно это ни звучало. Но, как пронизательно напомнил нам капитан *Hermes*, мы можем приступить к работе и сделать то, что должны, так, чтобы это принесло гордость всем нам, включая семью.

⁵⁰ В молодости лорд Моран служил в окопах во время Первой мировой войны. В своей книге «Анатомия мужества» он пытается ответить на вопрос «Что можно сделать, чтобы отсрочить или предотвратить истощение мужества?». Он считал, что у человека есть только определенный запас мужества, и что, израсходовав его, он должен сломаться.

12. Маскировка мест высадки

К позднему вечеру мы все были готовы к обманной операции, включая экипажи воздушных судов на *Hennes*. Персональные комплекты были укомплектованы в основном боеприпасами, немного еды на случай, если нам придется задержаться дольше, чем ожидалось, и несколько предметов сухой одежды, запечатанных в полиэтиленовые пакеты с помощью обычной клейкой ленты. Корабль был готов. И 3 PARA тоже выглядела более чем готовой к своей ночи. В какой-то момент во время подготовки Джорди напомнил мне, что из-за инцидента с вертолетом ему не хватает людей, включая связистов со значками, поэтому ему трудно найти квалифицированных радистов для работы в тылу врага. Можно ли мне в этот раз взять связиста без значка? Он заверил меня, что этот человек подает большие надежды. Действительно, он был бы рад возможности дать парню «обкатку», чтобы мы вдвоем лучше почувствовали, из чего он сделан. Джорди оценил бы мое мнение, прежде чем рекомендовать ему пройти отбор, или нет.

Говорят, что человек получает значок, пройдя отбор для службы в качестве полностью квалифицированного члена SAS. Было неписаное правило, что в патруль должны входить только те, кто имеет значок. Конечно, специалисты без значков могут быть направлены вперед, мы их поддерживаем или наоборот; но, насколько это возможно, члены патруля должны быть со значками.

Я понял трудности Джорди. Обычно он не стал бы просить меня нарушить наши собственные правила войны. Это были действительно исключительные обстоятельства. Я колебался, но решил, что отвлекающие маневры не должны быть чрезмерно сложными. Расстояние, которое предстояло преодолеть, было не очень большим - от двадцати до двадцати пяти километров, возможно, тридцать с учетом обходов. Что касается тактического маневра, то операция была разработана как серия задач на уровне отрядов. Я планировал следовать за одним из отрядов, а затем передислоцироваться, чтобы прикрыть любой случай, требующий реагирования на уровне эскадрона. Было сложно предположить, что это может быть такое. Если бы обман не удался, существовала возможность того, что противник выйдет к Сан-

Карлосу. Мы можем наткнуться на удобную цель. Маловероятно. Все казалось довольно простым. Я согласился взять связиста без значка. Ночь выдалась адской.

Мы собрались у летной палубы. Было светло и солнечно, впереди еще много дневного света. Я надеялся, что пилоты рассчитали все правильно, сообщив об этом Дэнни. Меня не волновал дневной свет. Когда дело доходило до выхода на берег, мы становились ночными существами. Мой связист пристроился у меня за плечом, слишком близко, слишком внимательный. Он старался изо всех сил, и в остальном производил благоприятное впечатление: крупный парень, с большим бергенном.

Я мог бы выкурить последнюю сигарету, но авиация и курение плохо сочетались. Повсюду висели объявления, ясно дающие это понять. Вместо этого я в последний раз обсудил все с Дэнни. Я напомнил ему, что планирую пристроиться за 18 отрядом Пита Сазерби и догнать его у RV эскадрона за час или около того до рассвета к западу от горы Асборн.

На следующее утро мы неизбежно будем идти при дневном свете на протяжении части нашего обратного пути, возможно, километров десять, прежде чем попасть в район 2 PARA в горах Сассекс. Я надеялся встретиться с их командиром Н. Джонсом, другом, который был родом из моего полка «Девон и Дорсет». Дэнни тоже хотел заскочить, чтобы встретиться со своим сыном Гарри, также служившим во 2 PARA.

Огромная полетная палуба *Intrepid* позволяла сравнительно легко подняться в воздух. Я отметил, что Дэнни делал то, что должен был делать Лоуренс - следил за всем, чтобы люди попадали в нужное место, в нужное время, в нужном порядке. Мне не нужно было говорить ему об этом. Способности эскадрона к восстановлению оказались огромными, и они уже начали проявляться. Без подсказки, на всех уровнях люди заменяли тех, кого уже не было рядом. Мы поглощали наши потери, чтобы продолжить нашу эволюцию в хорошо отточенное, высокочувствительное оружие войны. До конца эскадрон мог переходить от одной сложной тактической эволюции к другой лишь с несколькими скупыми инструкциями, охватывающими вопросы в основном в порядке исключения. Такой высокий темп был обусловлен

главным образом отработанными учениями, а также тем, что люди просто думали самостоятельно, как часть целого, предвидя и зная, как и когда действовать. Конечно, мы познали нашу войну: врага, наших друзей, местность и погоду. Это помогло.

Я занял свое привычное место за левым пилотом, пристегиваясь ремнями для взлета. Затем последовала знакомая сильная вибрация, планер протестовал, когда подавалась мощность, все сильно дрожало, неохотно отпускало то одну, то другую сторону, когда колеса оторвались от поверхности, а затем мы взлетели, перешли на новый курс, грациозно накренились над морем, вертолет перешел в полет. Вокруг меня витал пьянящий запах авиационного топлива и всего того, что составляет внутреннее убранство Sea King, идущего по своим делам.

Я подавал знак бортмеханику, сидящему сзади, у все еще открытой двери. Потребовалась секунда или две, чтобы привлечь его внимание. Он поднял палец вверх. Я отстегнулся и встал позади пилотов, потянувшись за гарнитурой, которая, как обычно, была прикреплена к переборке напротив. Все, как и должно быть, экономный обмен информацией между двумя пилотами и иногда бортмехаником, деловой и непринужденный.

Мы держались на малой высоте, двигаясь над относительно спокойным морем, слегка кренясь на ветер, идущий с запада, с нашего правого борта. Вскоре мы приблизились к мысу Долфин, который как раз в это время купался в глубоком золотистом вечернем свете, солнце вспыхивало, когда опускалось к горизонту; красивое побережье, которое летом изобилует дикими животными, в частности, тюленями. Но не сейчас. Я заметил несколько морских птиц и ощутил любопытное чувство вторжения, когда море резко сменилось скалами и травой. Как странно видеть почву, коричневую траву и то, что выглядело как вереск. Как тревожно мчаться над ним при дневном свете! Я ожидал, что мы приземлимся после наступления темноты, а не в сумерках. Правильно ли поступили пилоты? Я знал, что в ту ночь у них было много дел, помимо высадки; возможно, мы были их первым заданием, но темнота была для нас так же важна, как и для их последующих серий. Они ничуть не волновались, лишь изредка переговаривались, когда встречались точки

маршрута и вносились небольшие коррективы. Это и язык их тела говорили о том, что все под контролем, все идет как надо. Я промолчал.

Нам оставалось пролететь около пятидесяти километров, что займет четверть часа. Должно быть, это гора Асборн на горизонте, быстро исчезающая в сгущающемся мраке. Пилоты потянулись к своим шлемам за ПНВ, сначала один, потом другой. Между ними пронеслась пара фраз, каждый подтвердил, что он «готов к ночному полету». Как я мог сомневаться? Мы прибыли, как они и обещали: в полной темноте.

При высадке снова возникло ощущение покинутости, мгновенная дезориентация, когда чувства пытались осмыслить все происходящее. Вертолеты улетели, унося свой шум и оставляя прощальный запах своего почти пьянящего парфюма, сожженного авиационного топлива. Затем подул тихий ветер, когда мы оказались в новом окружении; сырое, зверски холодное место после тепла корабля и сквозняка Sea King. Мы неуверенно передвигались по незнакомой траве и горбатым кочкам дидл-ди, по камням. Карты сориентированы, снаряжение подогнано, строй принят, последние инструкции даны, отряд двинулся в путь, я и связист шли сзади.

Я не уделял особого внимания навигации, изредка сверяясь с компасом, полагаясь на Пита и его бойцов. Мы шли в правильном направлении, насколько я мог судить. Я заметил, что мой спутник, похоже, немного запыхался, издавая слабые звуки. Я удивился, ведь мы едва начали, темп был комфортным, а путь не слишком плохим: волнистая вересковая местность, несколько болотистых участков. Мои лодыжки болели, все еще восстанавливаясь после той ночи в Кении. Моя РПС натирала то тут, то там - обычное явление в начале патрулирования, когда тело и комплект притираются вместе, - но потом все улеглось. Все было более или менее так, как должно быть. Хорошо быть на берегу в своей стихии, с винтовкой в руках, без особых дел, кроме как идти следом за тем, кто впереди. Мне нравился мой Armalite за его легкость и за то, что большой палец упирался в ресивер, как будто он был сделан специально для моего пальца, и ни для какого другого, его комфортная знакомость успокаивала.

В конце концов, мы замедлили шаг, приближаясь к нашей цели - Хай-Хилл-Хаус. Я не заметил, в какой момент отряд разделился: вторая половина отделилась, чтобы направиться к Тил-Крик-Хаус. Возможно, мне следовало быть более внимательным, но все развивалось так, как и ожидалось. Потом мы остановились, мой связист явно был рад перерыву. Он тяжело опустился в вереск. Он подтвердил, что с ним все в порядке. Через некоторое время мне стало холодно. Оставив связиста, я пошел вперед.

Командир патруля и еще один или два человека собрались в кружок. Они думали, что впереди может быть противник. Возможно, ОП на небольшом возвышении, едва заметном невооруженным глазом. Я одолжил у командира патруля бинокль, чтобы посмотреть. Было трудно сказать. Казалось, что там есть какое-то движение, но это могло быть и воображением. Все сошлись во мнении, что что-то есть. Спросив мое мнение, я ответил, что это не имеет особого значения. В приказе я четко указал, что прежде чем открывать огонь по домам, мы должны быть уверены, что ведем огонь по противнику, а не по гражданским лицам. Если есть сомнения, стрелять надо намеренно мимо. В данном случае цель находилась на открытой местности, и маловероятно, что это были гражданские лица. Она находилась недалеко от нашей цели и в месте, подходящем для вражеской позиции. С другой стороны, это могли быть и овцы. Я предложил патрулю вступить в бой, стреляя чуть выше. Если будет открыт ответный огонь, то просто пустить в ход все, что есть. Если нет, то мы должны были создать шум в нужном месте, чтобы нас заметили и сообщили.

Они так и поступили, в ночное небо устремилось множество трассеров, хорошее зрелище. Мы ничего не получили в ответ. Даже с осветительными ракетами на парашютах было трудно увидеть, что у нас впереди. Я знаю, что из-за этой и других демонстраций на обширной территории в ту ночь противник на некоторое время был захвачен врасплох, полагая, что мы совершили крупную высадку, не сразу понято где, и что мы наседаем на них в Дарвине. Вскоре мы уже возвращались на север к RV эскадрона. И тут начались неприятности.

Все началось с приглушенного булькающего звука - мой связист явно был в беде. Мы вдвоем остановились. Он не отвечал. Наклонившись к нему, я увидел, что ему жарко, на нем слишком много слоев одежды. Я сказал ему, чтобы он снял один или два из них и попил воды. Тем временем, когда остальных уже не было видно, я проверил свои ориентиры. Я не испытывал излишнего беспокойства. Идущий последним в патруле должен был в конце концов понять, что мы пропали, и остановить остальных, чтобы мы могли догнать их. Ошибка. Возможно, они и остановились. Но мы так и не догнали их.

Мы были там сами по себе. Я чувствовал себя скорее глупо, чем тревожно из-за того, что мы разделились. В конце концов мы сошли с дороги и прошли всего несколько шагов, прежде чем бульканье возобновилось, перейдя в низкий стон. Я пошел дальше. Он замедлился. Я взглянул на часы. Это может занять много времени. Я начал беспокоиться. Что, если враг быстро выдвинется из Дарвина, чтобы отреагировать на диверсии и предотвратить возможную высадку? Я должен как можно скорее вернуться на RV, чтобы взять на себя управление эскадроном для повторного сбора, как и планировалось. Мы прошли еще пару сотен ярдов, прежде чем снова пришлось сделать паузу. Стоны стали громче. Я сказал ему, чтобы он молчал. Это может привлечь врага. Стоны становились все громче. И тогда я усугубил наши проблемы.

Горизонт перед нами оказался не таким, как я ожидал по карте. Мой компас указывал на землю гораздо ниже, чем я ожидал. Я решил применить «правую руку вниз».⁵¹ Ошибка. Как оказалось, большая, поскольку это вело к востоку от горы Асборн, а RV эскадрона находился на западе. Если этого было недостаточно, то она вела прямо в обширную область каменных полос. Это была моя первая встреча с этими необычными геологическими особенностями. По внешнему виду они очень похожи на ледниковую морену, но сформированы по-другому. Они представляют собой беспорядочную массу довольно однородных, угловатых камней, часто влажных ночью от тумана или росы.

⁵¹ Повернуть направо – прим. перев. В вождении автомобиля «левую руку вниз» - поворот налево, «правую руку вниз» - поворот направо.

Поскользнувшись, можно было легко получить травму конечности, вплоть до перелома. К ним нужно было относиться с максимальным уважением, а лучше избегать их.

Через некоторое расстояние мы оказались прямо среди них, камни во всех направлениях. Казалось, нет другого выхода, кроме как идти вперед в надежде, что путь улучшится. Не повезло. Это был настоящий ад. Мы продвигались мучительно медленно, оба поскальзывались и оступались. Мой связист практически не продвигался вперед. Я все время возвращался за ним. Я подумал о том, чтобы оставить его и искать помощь - свидетельство моего растущего отчаяния. Вместо этого я взял его РПС и винтовку. Это позволило нам углубиться в камни еще на несколько ярдов. Он продолжал шуметь и замедлился еще больше. Я попробовал нести и его берген. Невозможно. В любой момент я мог поскользнуться и, скорее всего, сломать ногу. Где бы мы остались? Я решил спрятать его снаряжение среди камней, все, включая винтовку, сохранив только коды.

Мы снова отправились в путь. Идти рука об руку не получалось, не среди камней. Я отпустил его и пополз вперед на четвереньках, время от времени возвращаясь, чтобы подгонять его. Но я не мог его понять. Он был крупным, крепким парнем. В ту ночь мы прошли не так много и не так быстро: меньше нескольких миль, в основном на осторожной патрульной скорости. И теперь он нес только себя. Но он все еще держался позади. Он фактически выбросил полотенце. Это озадачило меня больше всего. Как именно сдача помогла ему? Как это должно было улучшить его положение? Я попробовал применить эти доводы к нему. Не сработало. Мало что получилось.

Каким-то образом мы пробились вверх по склону к седловине на востоке, не с той стороны вершины горы Асборн. Я чувствовал себя ужасно из-за того, что усугублял наши трудности своей никудышной навигацией, но держал это в себе. После короткого отдыха, воды и галет мы снова отправились в путь. Я нуждался в передышке, возможно, больше, чем он. Я чувствовал себя вымотанным, мои лодыжки были болезненными и уязвимыми после бега по камням. Ночь приобретала черты Отбора, возможно, даже хуже: в конце концов, мы находились в

тылу врага. Когда мы приблизились к вершине, мне показалось, что я вижу что-то впереди, может быть, сангар? Я не думал, что это очень вероятно, но это было именно то место, где враг мог бы расположить ОП. Я сказал ему, что пойду вперед, чтобы быстро осмотреть окрестности и убедиться, что наш маршрут свободен. Это означало оставить его одного на некоторое время. При этом шум от него только усилился.

Я пошел вперед, чувствуя себя одновременно озадаченным и рассерженным, оставив его там, где он сидел, зная, что если впереди действительно есть враг, то он будет в полной боевой готовности ждать нас. К счастью, ничего, лишь груда камней; для верности я проверил дальше, вверх и за вершину, пользуясь своей минутной свободой двигаться как угодно. По-прежнему ничего. Когда вершина и окрестности, очевидно, были свободны от врага, я вернулся за связистом. Его было легко найти. Мы продолжили наше неспешное продвижение к RV эскадрона.

Рассвет. Мой спутник к тому времени уже более-менее успокоился, шаркал, еле поднимаясь на ноги, представляя собой воплощение страдания. Мы опаздывали на несколько часов. Я устал, проблема была в моих лодыжках, они очень болели, я чувствовал слабость в странной хрупкой форме. Наконец, спускаясь по западному склону горы Асборн, я увидел нашу цель. Там было румяное лицо Дэнни, сияющее в ярком утреннем солнечном свете, когда он смотрел на нас из-за скал. Увидев RV, мой внешне измученный, истощенный спутник сбросил мою руку и с визгом восторга бросился вперед, чтобы зайцем спуститься по склону к безопасному расположению бойцов внизу. Он рванул с места с заметным подпрыгиванием и помчался прочь, как чемпион по бегу. Я не мог не восхититься его стилем, ловкостью и, не в последнюю очередь, силой его лодыжек! Не было ни малейшего намека на усталость. Ни малейшего! Я зашагал вниз по склону вслед за ним, придерживаясь травы и вереска, чтобы смягчить шаги. Я спустился, чувствуя себя решительно глупо. Дэнни протянул мне сигарету, а кто-то другой дал

мне глотнуть «пойла».⁵² Я сказал Джорди, что не слишком высокого мнения о его связисте, не подходящем для Отбора, и передал коды. Быстрый ввод в курс дела, несколько долек шоколада, и мы все отправились в Сан-Карлос.

Бойцы 16 отряда во время обманной операции в окрестностях Дарвина

Мы не успели далеко уйти, как встретили патруль из 2 PARA, опустив головы, шедший в хорошем темпе, выглядевший целеустремленным и совершенно не удивленным тем, что наткнулся на нас. Они не остановились и не сбавили шаг. С несколькими «добрыми утрами» они продолжали идти к месту, которое мы только что покинули, как я догадался. Оттуда открывался прекрасный вид на Дарвин и Гус-Грин. Они должны были находиться в десяти-двенадцати километрах впереди

⁵² Прим. перев. – трудно понять, что от случая к случаю именуется словом «brew». Вообще – это жаргонное обозначение напитков и жидких блюд из сухого пайка, но на бортах ВМС, видимо, было и пиво.

от своих линий, за пределами дальности стрельбы минометов их батальона, полагаясь в этом случае на поддержку артиллерии. Н. был прав. Смотреть далеко вперед. Вот что мне нравилось в Paras, так это «встань и иди».

Мы услышали его прежде, чем увидели - Русага. Я бросил взгляд назад по хребту, чтобы увидеть эскадрон, выстроенный в линию, хорошо разнесенный, но в уязвимой, линейной конфигурации. Затем он появился в поле зрения, маленькое пятнышко из-за горы Асборн. Одновременно бойцы исчезли из виду в складках местности, под прикрытием странных скальных выступов. Отлично. Не требовалось никаких команд, все были начеку и делали то, что нужно. Русага продолжил подъем, повернув параллельно нам на расстоянии пары миль. Мы не знали, что нас заметили.⁵³ Пилот заводил свой самолет для атаки с запада, чтобы получить возможность прямой стрельбы по всей нашей длине; заход с востока потребовал бы, чтобы он обогнул гору Асборн, усложнив его штурмовой заход. В блаженном неведении я улегся в гостеприимный вереск, воспользовавшись паузой, чтобы достать сигарету. Я уже потянулся за ней, когда к моему ужасу увидел, как из укрытия выскочили две фигуры, одна с чем-то похожим на жердину через плечо: два члена 16-го отряда с ПЗРК «Стингер», Карл Родс и Киви.

- Черт возьми, Дэнни!

Не знаю, почему я обвинил его. Он выглядел таким же изумленным, как и я. Мы очень мало знали о «Стингере». Дюжина или больше была сброшена с парашютом вместе с Пэтом Мастерсом всего несколько дней назад. Он получил их от наших товарищей из американского спецназа в Северной Каролине, которые провели для него краткий курс по их использованию. Добродушный гигант со сломанным носом, Пэт обладал одним из тех обезоруживающих южно-ирландских акцентов. Он погиб в

⁵³ Майк Роуз встретил пилота несколько лет спустя в Загребе. Тогда они оба служили вместе в ООН, Майк командовал UNPROFOR в Сараево. Пилот утверждал, что видел нас, когда выходил из-за горы Асборн, и наше перемещение в укрытие привлекло его внимание.

вертолете. К счастью, за то короткое время, что он пробыл с нами, ему удалось передать кое-какие инструкции 16-му отряду.

Нам предстояло это выяснить, так как останавливать их было уже поздно. Они не замечали ничего, кроме находившейся перед ними добычи, полностью поглощенные тем, что пытались сделать: сбить смертоносный штурмовик из совершенно незнакомого оружия, без какой-либо внятной подготовки, с первой же попытки, которая не должна провалиться. И все это в неоптимальных условиях, поскольку я заметил, что солнце - достаточный источник тепла по стандартам ракет с тепловой ГСН - лежало низко на горизонте примерно на одной линии с самолетом. Я оценил их энтузиазм, но я знал, что это должно плохо кончиться.

По сути, «Стингер» был оптимизирован для стрельбы на догонных курсах, для поиска и попадания в выпускную систему самолета. Он должен был заходить сзади. У Русага была низкая тепловая сигнатура, которая еще больше уменьшалась благодаря «омыванию» пропеллером. Самолет приближался практически лоб в лоб, возможно, на градус или два отклоняясь в сторону, так как он направлялся на конечный параллельный курс. Эта ракета должна была быть если не чудодейственной, то очень хорошей. Все складывалось против успеха. Поганцы из 16-го отряда. Если мы переживем это, я поклялся устроить им ад.

Я скорее представил, чем услышал, мощный свист, а не грохот; огромный шлейф дыма остался висеть в относительно неподвижном, влажном утреннем воздухе, слегка извиваясь. Пилот Русага не мог не заметить массивный след в миле или около того левее своего носа. Ракета устремилась вдаль. Мы могли видеть ее: длинная, похожая на шест, штуковина отчаянно пыталась повернуть, зайти сзади самолета, кружилась, дрожала. Затем вспышка, за которой вскоре последовал приглушенный взрыв. Попадание с первого раза. Фактически, как выяснилось гораздо позже, это было первое в истории боевое применение «Стингера». Не было ни ликования, ни вскакивания на ноги, тишина, шлейф выхлопных газов ракеты все еще витал в воздухе. Мы все, должно быть, испытывали одинаковое чувство облегчения, если не

сказать неверия. 16-му отряду это сошло с рук. Нам это сошло с рук! Они были сняты с крючка, вера в них была восстановлена.

Боец SAS с ПЗРК «Стингер».

Рисага пытался набрать высоту, прежде чем пилот катапультировался. Парашют раскрылся. Хорошо. И тут я вспомнил, что членов экипажа должно быть двое. Когда один парашют раскрылся и пилот пошел вниз, 16-й отряд отправился за своим призом. Дэнни позвал их обратно. Летчик был далеко, а нам еще предстоял путь. Оставим его.

После этого вражеские самолеты появились густо и быстро, направляясь к Сан-Карлосу по обе стороны от нашего хребта. Мы наблюдали за аргентинской контратакой как с трибуны. Это был настоящий натиск, энергичный и решительный, хотя и немного запоздалый. Штурмовики продолжали появляться со стороны Дарвина, некоторые - со стороны Стэнли, к ним присоединились базирующиеся на материке McDonnell Douglas A-4 Skyhawks. С мастерством и отвагой, которые все мы признаем, они прошли в футах над землей. Кроме заборов и редких телефонных линий, на Фолклендах было мало препятствий для низких

полетов, кроме погоды, камней и земли. Вокруг поселений росли деревья, но не было пилонов или церковных шпилей. Тем не менее, это был бреющий полет в его лучшем впечатляющем виде, одновременно искусный и смелый. Но, возможно, слишком смело, слишком низко, потому что бомбы, которые они сбрасывали с этих высот, часто не имели достаточного времени постановки на взвод и не детонировали при падении.

Самолеты в основном неслышно приближались сзади, с востока. Неожиданно, там, под нами, мы могли заглянуть в кабины с нашей линии хребта, мимолетно взглянуть на шлем пилота, его внимание всегда было приковано вперед, полностью поглощено, не обращая на нас никакого внимания, пока они склонялись над своими пультами управления. Они шли четверками, парами в свободном строю, один чуть позади другого. Казалось, их было много.

Я обдумывал, как лучше поступить. У нас была полезная огневая мощь, которую мы могли применить против того, что, как я предполагал, являлось основной и заранее спланированной траекторией полета. После нашей первой попытки последующие попытки взаимодействия со «Стингером» были неудачными. Если бы мы разместились на более устойчивых позициях, возможно, результаты улучшились бы. С другой стороны, моими инструкциями было как можно скорее войти в зону действия ПВО Сан-Карлоса и вернуться на *Intrepid* для выполнения новой задачи. ВМС прикрывали ПВО как одну из своих задач, а армейские зенитки RAPIER прибывали на берег в качестве приоритетной помощи. Я также хотел выйти к 2 PARA при дневном свете, как они ожидали. Н. Джонс придумал пароль на случай ночного перехода рубежей: пароль *semper*, отзыв *fidelis*, афоризм нашего дорогого полка «Девон и Дорсетс». Поразмыслив, можно сказать, что это был не такой уж и пароль, известный многим, включая 195 000 военнослужащих Корпуса морской пехоты США, которых, по справедливости, не было на островах. Несмотря на задумчивое ожидание Н., я все же предпочел перестраховаться и пройти при дневном свете. Вот так перераспределение задач вышло на первое место по сравнению с противовоздушной обороной.

Мы двинулись дальше. Чтобы подстраховаться, мы останавливались, в попытках поразить самолеты, когда они пролетали мимо. Но стрелять по ним было непросто. Было предпринято еще пять попыток запуска «Стингера», но ни одна из них не увенчалась успехом, так как основные двигатели не запускались, вероятно, в результате того, что мы опаздывали выстрелить. Мы почти наверняка добились лучших результатов нашим стрелковым оружием: самолет проходил так близко, плотность огня была высокой. Я точно помню, как выпустил целый магазин с прицелом в абсолютно точно нужное место, впереди А-4; но 5,56 - это легкий патрон, который наносит малый вред самолету, удаляющемуся со скоростью около 300 узлов. Мы больше не сбивали самолеты. Точнее говоря, ни один из них не упал в результате наших усилий. Были самолеты, которые вернулись на свои базы в тот день, с повреждениями огнем из стрелкового оружия. Некоторые из них, как можно предположить и как хотелось бы думать, наших рук дело.

Ближе к концу дня я посмотрел на море, где находилась 2 PARA. Военный корабль медленно кружил в бухте к югу от нас, явно поврежденный, горящий, из отверстий в его верхней части лениво поднимался серо-зеленый дым. Он явно терпел бедствие. Если мы шли в Сан-Карлос по одному маршруту, то он должен был идти по другому маршруту, поднимаясь в пролив Фолкленд-Саунд.

Ужасная мысль обрушилась на меня.

- Скажи мне, - обратился я к Крису Брауну, нашему офицеру огневой поддержки, - там внизу не наш корабль?

Он понял, что я имею в виду. Предыдущей ночью *Ardent* был на позиции, чтобы поддержать нас во время диверсии огнем, если бы нам это понадобилось.

- Возможно, - ответил он.

- Но мы ведь отпустили его, не так ли? - спросил я, пытаясь скрыть нарастающее предчувствие.

- Совершенно верно, - сказал он, - несколько часов назад, до рассвета, как только все отряды были на RV.

И снова, люди мыслят самостоятельно, инициативно. Возможно, я был занят своим связистом в то время, но эскадрон продолжал функционировать без меня, и жизненно важный вопрос освобождения корабля вовремя, чтобы он успел уйти, не был упущен из виду. Какое облегчение. Мы шли дальше.

Но мысль продолжала терзать меня, и мое облегчение было сдержанным: если это был *Ardent*, а это должен был быть он, то не внесли ли мы какой-либо вклад в его судьбу? Поймали ли его, когда он уходил с линии огня? Или его повторное задание, было ли оно каким-то образом следствием его предыдущей позиции, случай, когда он вошел туда, он мог бы остаться там, чтобы сделать то, это или другое? Или же он был пойман в месте и способом, совершенно не связанными со всеми предыдущими заданиями?

Позже мы узнали, что это был *Ardent*. Он был атакован самолетами А-4 во время патрулирования у островов Норт-Уэст ранним утром, через несколько часов после того, как его освободил Крис. Будучи ключевым компонентом противовоздушной обороны района десантирования, он был расположен для наблюдения и обстрела пролива Фолкленд-Саунд, где, как выяснилось, находилась главная воздушная точка входа противника в Сан-Карлос. Он выдержал многократные атаки, с доблестью принимая на себя огонь, который в противном случае обрушился бы на десантные суда и войска. Он затонул на следующий день после героической борьбы за выживание.

Времени на посещение 2 PARA не было. Мы прошли через их оборону на закате, торопясь вернуться на базу. Прибыв на базу, я заглянул в оперативный штаб. Для нас там ничего не было, но все шло хорошо, все высадились на берег более или менее по плану. Карта показывала патрули PARA далеко впереди. С горой Фаннинг-Хед было покончено. Военно-морской флот был настроен оптимистично, выдержав яростный натиск врага с воздуха. Возможно, самым обнадеживающим с нашей точки зрения было то, что противник еще не предпринял контратаки по суше. Если он будет медлить дольше, то будет слишком поздно. Возможно, эскадрон действительно помог ему остаться на месте, придержать свой оперативный резерв в Дарвине/Гус-Грин. Если так, то

маскарад сработал. Вместе с другими, включая *Ardent*, который обстреливал взлетно-посадочную полосу той ночью, мы, возможно, помогли подать нужный сигнал. И мы сделали это незаметно, без церемоний, известные лишь немногим, как и любили в полку.

Следующие дни будут интересными, но в это время для нас ничего не было, никаких новых задач. Я передал это эскадрону с советом поехать, отдохнуть и иным образом подготовиться к следующей «серии». Я сделал то же самое, найдя время поразмыслить над вопросом о связисте.

После заветной ночи в тепле и сухости члены эскадрона D с улыбками на лицах у дверей ангара HMS Interpid

Все это было странно, и от этого было слишком легко отмахнуться. У него не было значка. Поэтому я был неправ, взяв его с собой. Я нарушил одно из наших основных правил: на этом все. Но, конечно, должно быть что-то еще. Он был физически здоровым и подготовленным солдатом с

амбициями вступить в полк. Разве он не должен нести какую-то ответственность за свое несолидное поведение?

Он провалился, быстро и решительно, без видимых причин. Ему не грозила реальная опасность, ни мимолетная, ни длительная. Он также не испытывал чрезмерного физического напряжения. До самого выхода из игры это событие было не более чем прогулкой в парке. Но он был на передке, в некотором смысле в тылу врага. Могло ли это повлиять? Какова бы ни была причина, он, похоже, потерял хватку на несколько часов. И в этом заключалась еще одна загадка.

Разве отстранение не должно повысить эффективность? В данном случае его поведение фактически увеличило опасность для нас обоих. С другой стороны, возможно, для него все же стало лучше. Он был освобожден от своего снаряжения, что было значительным физическим преимуществом, а затем фактически обезоружен. Мог ли он в то время сознательно или иным образом ожидать, что это улучшит его положение? Возможно, но, скорее всего, нет; казалось, что он вышел за пределы рассудка. Более того, с этого момента он стал выполнять обязанности на базовой станции. Он никогда не возвращался в поле. Его также не отправили домой; для этого у нас было слишком мало связистов.

У нас были сильные социальные механизмы, чтобы поощрять хорошую работу и препятствовать любой поломке. В то время самым ценным личным отличием человека была храбрость, а ее противоположностью - трусость. Это были сильные социальные чувства, которые редко, если вообще когда-либо, озвучивались. От людей просто ожидалось, что они будут вести себя и работать должным образом, без необходимости явного вмешательства. Во всей оперативной группе подавляющее большинство людей действительно вели себя правильно, держа страхи в узде и при себе. Когда представилась возможность, многие поднялись выше, проявив героизм - термин, который в то время использовался исключительно для тех, кто проявлял бескорыстное мужество самого высокого порядка. Наверное, мало найдется людей, которых не грела бы мысль о том, что их считают героями в строгом смысле этого слова. В то же время, прослыть трусом было бы в то время делом совершенно

ужасным, что придавало непосредственность страхам, которые большинство из нас скрывали, которые грызли нас большую часть времени, усиливаясь в моменты кризиса, угрожая скорее склонить к поражению, чем возвысить до героизма.

Я не могу сказать, подавляло ли это отношение какие-либо подлинные, клинические случаи стресса или нет. Но что касается эскадрона, за этим единственным исключением у нас не было явных случаев чрезмерного беспокойства, ни в то время, ни в последующие годы. Если бы нас спросили, мы бы, вероятно, ответили, что мы просто выполняли то, что от нас ожидали. Если бы на нас надавили, я бы сказал, что производительность - это сумма многих вещей, при этом страх неудачи является очень сильным мотиватором, а активность - самым мощным отвлекающим фактором. В данном случае человек, обладающий хорошим потенциалом, был признан несостоятельным, и ни один из обычных механизмов и гарантий не оказался эффективным.

Я знал достаточно, чтобы уберечься от слишком усердного применения призывов к храбрости и порицания трусости, так как они также могут нарушить профессиональное суждение. Достаточно трудно принимать разумные решения, когда все остальные шумы войны мешают этому. У меня был непосредственный опыт в этом, полученный во время операций в Дофаре, Оман, пять или более лет назад. Там британский офицер, прикомандированный к вооруженным силам султана, настолько заботился о том, какое впечатление, по его мнению, он должен производить, что подвергал окружающих опасности бесцеремонными, банальными и совершенно ненужными актами инсценированной бравады. По всей вероятности, это было сделано для того, чтобы скрыть его собственные недостатки, одним из которых, возможно, было недоверие к собственным страхам. Его иррациональные поступки могли быть своего рода формой вытеснения. Так оно и вышло, ведь мы не нуждались в поддержке.

С тех пор я старался осторожно относиться к смелости и трусости, особенно когда они могут быть использованы для влияния на планирование, поскольку они могут загрязнить объективное мышление. Это всегда будет вопросом баланса.

13. Сан-Карлос

Потребовалось три дня и растущее разочарование ходом событий, чтобы мы добились перераспределения задач, дни, в течение которых ВМС вели битву на истощение с мужеством и твердой решимостью против ВВС противника, которые были настроены столь же решительно. Это было высшее состояние войны.

В соответствии со строгими указаниями генерал-майора Джереми Мура боевые группы пехоты заняли крепкие позиции на плацдарме в ожидании своего начальника и его дополнительных сил. Одновременно полк тылового обеспечения 3 Commando и десантные и логистические корабли начали создавать на берегу зону обслуживания для поддержки возможного наступления. Это позволило держать значительное количество военных кораблей в Сан-Карлосе и вокруг него для защиты выгрузки и того, что мы считали застопорившейся операцией.

Военно-морской флот не был полностью подготовлен и не был оптимально оснащен для ведения воздушного боя в прибрежной зоне. Он был подготовлен в первую очередь для операций в средней части океана, чтобы держать Северную Атлантику свободной от советских подводных лодок и морской авиации, чтобы США могли усилить НАТО в случае войны в Европе. Операции вблизи берега против вражеских ВВС наземного базирования были непредвиденным событием, которое стало серьезной нагрузкой на людей, машины и доктрину. Не следует также забывать о доблести и самоотверженности торгового флота; многие из судов, отправлявшихся Сан-Карлос, были судами REA или судами, изъятыми из торговли (STUFF).

Немногие из кораблей, в том числе и боевых, имели современные зенитные орудия большой мощности: ближнего радиуса, точечные средства ПВО последней надежды. На фрегатах типа 21 стояли 20-мм пушки Oerlikon, а на десантных кораблях (LSL) - старинные 40-мм Bofors времен Второй мировой войны. В остальном, противовоздушная оборона полагалась на ракеты. Sea Dart, ракета большой дальности, предназначенная для работы в море, была склонна к ошибкам, когда ее радар отражался от суши. Sea Cat, устаревшая дозвуковая ракета, управляемая оператором по системе прямой видимости, не имела таких

проблем с радарными. А 2 корабля типа 22 оснащались новой и многообещающей системой ближнего радиуса действия Sea Wolf, которая была малоизвестна.

Но у ВМС имелись Sea Harrier, оснащенные, как выяснилось, разрушительной современной ракетой AIM-9 Sidewinder. Сухопутные войска могли добавить RAPIER, BLOWPIPE и стрелковое оружие.

На бумаге аргентинские ВВС имели явное преимущество, насчитывая около 240 быстрых реактивных самолетов. Но многие из них находились в плохом состоянии в результате длительного международного эмбарго на поставки оружия. И половина из них была развернута для защиты от нападения со стороны Чили. Кроме того, чтобы добраться до Фолклендов со своих материковых баз, А-4 должны провести дозаправку в воздухе (AAR); при наличии всего двух самолетов-заправщиков KC130 это существенно ограничивало количество А-4, которые могли быть подняты над островами в любой момент времени. Самолеты Dagger не были способны к ААР. Они должны были лететь практически по прямой туда и обратно, что давало им всего десять минут пребывания в районе цели. Что касается вражеских Super Etendard, то на них имелось всего восемь ракет EXOCET. Несмотря на трудности, аргентинцы достигли приличного уровня вылетов в течение войны: примерно 140 для А-4 и 150 для самолетов Dagger.

За несколько недель до нашего прибытия аргентинцы приняли решение придержать свою воздушную мощь для десанта. В первый день они намеревались бросить все силы на один сокрушительный и решающий воздушный удар по амфибийным силам и поддерживающим их авианосцам в море. Но когда настал момент, им не удалось обнаружить авианосцы. Однако им удалось перебросить сорок пять самолетов в операционную зону амфибийных сил. Из них они потеряли десять реактивных самолетов и наш Русара. Еще несколько самолетов были повреждены огнем стрелкового оружия. В ответ они потопили *Ardent*, обездвижили *Argonaut* и нанесли повреждения некоторым другим сопровождающим кораблям, включая *Antrim*. Важно отметить, что они пропустили жизненно важные амфибийные корабли и корабли материально-технического обеспечения. На самом деле, авиаудары в

первый, жизненно важный день прошли неудачно. Они не смогли добиться нашего поражения. А уровень потерь около 20% не мог быть обеспечен.

Что касается наземной атаки противника, если она должна была быть, то для достижения какого-либо эффекта она должна была быть предпринята в первые часы, когда мы были наиболее уязвимы, все еще выходя на берег или находясь на открытой местности. Ничего не произошло. К позднему вечеру было уже слишком поздно. Мы могли отбросить эту угрозу.

Если врагу не удалось остановить нас в первый день, то наши сухопутные войска должны были по инструкции остановить самих себя. И таким образом, сцена была подготовлена в основном нами, частично ими, для вялотекущей схватки, без которой обе стороны, вероятно, могли бы обойтись: нами - из-за отсутствия достаточно темпового плана кампании, ими - из-за неспособности нанести достаточно сильный удар достаточно скоро.

Это будет тяжелое воздушное сражение, в центре которого окажутся Сан-Карлос и авианосцы, что особенно тяжело для экипажей кораблей, находящихся вблизи берега, люди на боевых постах в течение многих дней, под палубами боялись худшего. Вахтенные офицеры часто делали «трубы»,⁵⁴ чтобы держать тех, кто находился внизу, в курсе событий, чтобы облегчить давление, облегчая ситуацию, как только могли. Экипажи держались более чем уверенно, люди находили изобретательные способы снять напряжение. Один матрос на борту *Antrim* укрывался с легко воспламеняющимся оксиацетиленовым баллоном и резакон; когда его товарищи спросили, какого черта он делает, подвергая их риску с таким опасным оборудованием, он объяснил, что, когда они будут подбиты и корабль превратится в черепаху, он прорежет корпус, чтобы вытащить их всех. Они поблагодарили его и в откровенных морских выражениях попросили его уйти, чтобы он убрал это в другое место. Корабль действительно был подбит. Он не перевернулся и не затонул - бомба не взорвалась. В

⁵⁴ Прим. перев. — объявления по громкоговорителям.

другой раз, когда их корабль перешел на боевой пост, чтобы встретить воздушный налет, один из членов команды по устранению повреждений бросился к своим товарищам, бешено выкрикивая предупреждение.

- Берегись, берегись!

- Какого черта? - отвечали они, каждый хватался за свое снаряжение.

- Там, - задыхался он, закатывая глаза и указывая назад, в ту сторону, откуда он прибежал, - зулусы, тысячи их!

День D+1 начался спокойно, противник собирался с силами после напряженной работы накануне. Поздно вечером состоялись два относительно легких налета: два Dagger, за которыми вскоре последовали три A-4. Они вошли в Сан-Карлос с юга, пролетев низко над горами Сассекс, и были обнаружены 2 PARA. Через несколько секунд самолеты пронеслись мимо, один из них так низко, что взбил море своей реактивной струей, мелкие брызги остались висеть в воздухе. К тому времени двенадцать RAPIER были уже установлены. Но застигнутые врасплох, они и корабли оказали неожиданно бессистемное сопротивление. Это обеспокоило всех нас, особенно Вудворда. После того, как RAPIER начнет действовать, он планировал сократить количество кораблей сопровождения, передав большую ответственность за противовоздушную оборону Сан-Карлоса наземным силам ПВО. Но постоянная неуверенность в эффективности RAPIER заставила его держать боевые корабли ПВО близко к берегу. К счастью, на этот раз атакующие не нанесли никакого ущерба. Неспособность радаров ПВО обнаружить приближение налетчиков, и разочаровывающая эффективность RAPIER были зловещими признаками нашей уязвимости.

Если в тот второй день наша ответная стрельба из стрелкового оружия была вялой, то в последующие дни она заметно оживилась, и в конце концов *Fearless* попросил всех нас взять себя в руки. Он занимал центральную позицию в бухте. Вражеские самолеты проходили на одном уровне с его верхней палубой. Он понимал терапевтическую ценность стрельбы по вражеским самолетам, но сам получал слишком много шальных прилетов от бойцов, которые поливали очередями больше, чем им хотелось бы признать. Признаюсь, что и я вполне мог

пустить очередь в его сторону, правда, больше по мачтам, чем по палубе, так как я следил за А-4 с магазином трассирующих снарядов.

Штаб эскадрона продолжал искать варианты заданий, в то время как солдаты воспользовались возможностью разобраться с личным снаряжением и провести другие приготовления. Нам не очень нравилась легкость, с которой враг, казалось, прорывался через нашу противовоздушную оборону. Военнослужащим рекомендовалось как можно чаще и любым способом выбираться на берег, чтобы немного потренироваться или принять участие в усилиях ПВО, просто чтобы не оставаться на корабле в светлое время суток.

Военно-морской флот тоже обратил внимание на проблему снижения риска и улучшения нашей обороны. Вудворд подвергался давлению со стороны тех, кто находился в Сан-Карлосе, с целью приблизить авианосцы, чтобы дать боевым воздушным патрулям Sea Harrier больше времени на патрулирование вокруг операционной зоны. Он решительно сопротивлялся этому, твердо придерживаясь своего убеждения, что потеря авианосца, даже сейчас, вероятно, означала бы конец. Когда у нас будет действующая взлетно-посадочная полоса на берегу, то возможно, но не раньше. Вместо этого он развернул то, что стало известно, как «комбинация 42/22» - корабли с взаимодополняющими ракетными системами: Тип 42 с дальнобойными Sea Dart, Тип 22 с более близкими Sea Wolf. Для начала он разместил *Coventry* и *Broadsword* у острова Пebbл, где они должны были получить чистый радарный обзор, менее загроможденный эхом, исходящим от окружающей земли.

Вудворд также настаивал на том, чтобы Клэпп и Томпсон ускорили разгрузку материальных средств и вообще вывели из зоны боевых действий уязвимые логистические корабли, в частности, невооруженные и хорошо заметные STUFT. Две «амфибии» разделяли опасения Вудворда, но также были полны решимости добиться наращивания запасов на берегу, оптимизированных для обеспечения возможной наземной кампании. Они планировали выгрузить припасы на два дня, держать еще на два дня на каждом из LSL, по мере необходимости доставляя по одному в Сан-Карлос из зоны ожидания на северо-востоке архипелага для пополнения запасов. Теперь им предстояло разгрузить

множество судов в такой последовательности и в таком объеме, которые нарушали тщательно продуманную схему и расписание. Логисты с готовностью отреагировали на развивающуюся ситуацию и внесли необходимые коррективы в план.

Стало трудно следить за событиями и временем. Был день, когда в *Antelope* попали две бомбы, ни одна не взорвалась, одна из них врезалась в мачту. Бедный *Antelope* пробыл с нами совсем недолго. Позже в тот же день он затонул, когда одна из бомб взорвалась. Его нос еще некоторое время оставался виден, как бы протестуя против своей участи. Может быть, именно в этот день я увидел *Sea Cat*, сходящая с поста пикета ПВО на входе в Сан-Карлос Уотерс? Он неуклюже покачивался, пока оператор восстанавливал управление, чтобы преследовать быстро набирающий скорость вражеский самолет. Пилот, должно быть, увидел ракету, когда проходил мимо, потому что он резко вильнул влево, взревев форсажными камерами, чтобы облететь мыс и уйти через пролив, а *Sea Cat* понеслась следом. Эта ракета никогда не сможет его догнать. Могли ли они вообще поймать их? Какая-то часть меня была рада, что пилоту это сошло с рук. Мы все видели, что то, что делали вражеские пилоты, требовало большого мужества, и трудно было не восхищаться ими за это.

Многие самолеты так и не вернулись домой. Если они сталкивались с CAP, то почти наверняка погибали. Они не могли сравниться с *Sea Harrier* их ракетами *Sidewinder*. В одном случае, группа из 4 *Dagger* столкнулась с CAP. Три из них были сбиты почти сразу. Четвертый сбросил бомбы и сумел оторваться. Сдерживающий эффект SHAR был таков, что враг немедленно поворачивал к дому, если думал, что CAP где-то рядом. Это было не глупость, а простой здравый смысл, четкое понимание нашего технологического превосходства в воздушной части боя.

Мы никогда не видели CAP. Мы просто знали, что он был там, охотясь за внешней стороной зоны ПВО Сан-Карлоса. *Sea Harrier* достигли чрезвычайно высокой частоты вылетов, часто по пятьдесят и более в день. Вскоре после начала сражения оперативная группа начала получать более точные ранние предупреждения о налетах, поскольку

самолеты стартовали с более южных авиабаз Аргентины, что позволило САР заранее разместиться с большей точностью. Показатели перехвата улучшились. Были спасены корабли и жизни людей.

На следующий день после потопления *Antelope* противник попробовал другую тактику, сконцентрировав свои атаки в тридцатиминутный период, причем большинство самолетов приближались по суше с юго-востока, а не с моря вверх по Фолкленд-Саунд или вдоль северного побережья Западного Фолкленда. Их намерением было ошеломить нашу оборону за счет внезапности и концентрации усилий. До этого момента они атаковали все, что появлялось перед ними. На этот раз они будут преследовать суда материально-технического снабжения и STUFT, как и следовало делать с самого начала. У них было достаточно целей: одиннадцать кораблей материально-технического снабжения, включая два LPD, *Fearless* и *Intrepid*, под защитой шести военных кораблей.

Как обычно, в водах Сан-Карлоса было шумно, мелкие суда сновали туда-сюда, вертолеты тоже, все были в движении, сцена интенсивной деятельности. Корабли были распределены неравномерно, большинство из них стояли на якоре, хотя в целом их положение определялось ветрами, дующими в заливе. Звук вертолетов задавал звуковой ритм амфибийной зоны: *Sea Kings* с их приглушенным ритмом, более высокий тон, появляющийся и исчезающий, когда пилоты набирали или сбрасывали мощность, маневрируя от корабля к кораблю, от корабля к берегу, от берега к кораблю, казалось, никогда не останавливаясь. Запахи тоже: авиатопливо, этот всепроникающий аромат, смешанный с запахом морской соли, иногда запах мазута с поврежденных кораблей, и все это при относительно легком ветре. Погода была спокойной и ясной, какой она и останется на протяжении большей части битвы при Сан-Карлосе.

На суше тоже наступила рутина. Ограниченное количество механического погрузочно-разгрузочного оборудования постоянно перемещалось от посадочных площадок и причалов к местам хранения, десятки логистов и других людей перегружали материальные средства на склады. На окружающих холмах расположились войска, большинство из них скрылось из виду, лишь изредка движение было заметно снизу.

Над крошечными поселениями поднимались тонкие клубы дыма от торфяных печей, где постоянно готовили чай для всех и каждого, кто хотел заглянуть. Вдоль береговой линии лежали останки войны, в основном с *Antelope*, включая личные вещи моряков, оставленные нетронутыми из уважения, как тихое напоминание о нашей хрупкой индивидуальности среди шума.

Через четыре дня после начала сражения, в 13:45 ZULU, пришла первая волна, опять же без предупреждения, пять A-4 направились прямо на LSL. Полет самолетов Dagger отвлек пикет 42/22. *Sir Galahad*, *Sir Lancelot* и *Sir Bedivere* были поражены каждый, но бомбы снова не взорвались. Далее последовали восемь Dagger, четыре из них столкнулись с CAP, не сумев пробиться. *Lancelot* получил еще одну невзорвавшуюся бомбу, которая отскочила от поверхности моря, а затем врезалась в борт. *Fearless* был обстрелян из пушек. В 14:15 ZULU пронеслась последняя волна из трех A-4, которые, к счастью, не причинили никакого ущерба.

Во время воздушных налетов небольшие катера продолжали курсировать туда и обратно; большинство вертолетов тоже, некоторые ждали, пока вновь откроются летные палубы, садились на землю где-нибудь поблизости, не глуша двигателей. Даже наш огонь из стрелкового оружия, казалось, стал более размеренным, более дисциплинированным, более осторожным по отношению к друзьям. Корабли, вертолеты, грузчики на открытых площадках, складывающие свои грузы, и госпиталь в бухте Аякс - все продолжали работать, налет или не налет, ритм почти не нарушался, возвышенно спокойный. Шум нарастал, когда проносились реактивные самолеты, с сокрушительным ревом включался форсаж, завершая бомбометание и устремляясь в безопасное место; они чувствовали себя такими же жителями Сан-Карлоса, как и мы, разделяя его, пусть мимолетно, но со смертельной интенсивностью, как неотъемлемую часть целого.

Но под поверхностным спокойствием росло чувство разочарования, возможно, более выраженное в рядах сухопутных войск. Возможно, это была наша собственная НАТО-вская концепция Центрального фронта, организационная «ДНК» того времени, главного приоритета армии, бронетанковой войны, с ее акцентом на импульс, постоянную работу

массы, умноженной на скорость. Когда мы пересекали «линию старта» или «линию отправления», нас учили идти вперед, а не останавливаться. Нам вдалбливали: скорость и темп, темп и скорость. Блицкриг последних дней. Мы не могли понять отсутствие движения. Нам говорили, что это логистика, но мы не могли в это поверить. Мы знали достаточно, чтобы понять, что логистика - это «девять десятых». Но действительно ли это означало, что строительство зоны технического обслуживания войск (ЗТОВ), исключаящее все остальное, не имело никакого продолжения? Мы вспоминали нашу историю и знали, что нужно уходить с пляжа, что важно продвигаться вглубь страны на ранних стадиях, когда противник может быть разбалансирован, и все находится в состоянии волнения.

Наоборот, нам казалось, что мы привлекаем внимание к нашим слабостям, выставляя их напоказ: нашу логистику, FMA и корабли поддержки. И враг, похоже, заметил это, приняв возможность преследовать LSL и STUFT независимо от каких-либо отвлекающих событий на суше. Вместо того, чтобы сидеть на месте, принимая все как есть, ожидая, когда нас настигнет какая-нибудь логистическая или другая катастрофа, мы, солдаты, хотели сделать что-то, что угодно, чтобы заставить противника плясать под нашу дудку. Мы видели необходимость быть теми, кто создает шум и неразбериху, прикрывая свои уязвимые места активными действиями, одновременно атакуя.

Наш инстинкт просто продолжать войну, отойти от пляжей, был подкреплен трогательной уверенностью на нашем уровне, что логисты поддержат такой курс в любом случае. Мы просто знали, что они это сделают. Они понимали, как справляться с неразберихой, ожидали ее. Они привыкли удовлетворять зачастую почти неоправданные требования боевого состава. Это была главная особенность жизни логиста - иметь дело с наивными требованиями «F-эшелона», обеспечивая ему максимальную свободу действий, свободную от излишней административной заботы. Они ожидали, что мы начнем действовать, и готовились к этому, одновременно занимаясь более глубокой механикой материально-технического обеспечения. Другими словами, мы, молодые «боевые ножи», чувствовали себя так, как будто мы чрезмерно потакаем логистам. Мы не могли поверить, что они сами ищут такого внимания. Они, конечно, должны были ожидать, что мы

справимся, хотя и таким образом, чтобы они могли идти в ногу со временем. Но для наших бесхитростных, необученных глаз преднамеренное наращивание FMA, которое должно было быть завершено до начала наступательных действий, если это действительно было намерением, начинало выглядеть опасным, угрожая самой кампании.

На уровне эскадрона мы видели все это очень просто. Мы должны идти вперед. Сидеть сложа руки было неправильно. Мы все еще не могли представить себе поражение. Но казалось, что мы сами напрашиваемся на какое-то несчастье. Военно-морской флот и морская пехота, как и положено «дубовым сердцам», оказались лучше нас в умении стоять «крепко». Мы дрогнули первыми. Мы сделали шаг.

14. Гора Кент

Это была идея Майка Роуза. Он приказал эскадрону двигаться вперед. Мы должны были подойти к Стэнли (Карта 7). На первый взгляд, задача была достаточно ясна, она записывалась следующим образом:

Провести партизанские действия против Арг[ентинского] Гар[низона] района СТЭНЛИ.

Но он добавил код:

Addl [дополнительная] возможность вытянуть Bde fwd [бригаду вперед] на горы Кент/Челленджер.

Второй фрагмент вызвал у нас некоторый ажиотаж. Сухопутные войска должны перейти в наступление. Возможно, продвижение эскадрона могло бы послужить примером, стимулирующим общее, более существенное наступление. Мы все чувствовали, что стоит попробовать. Тем не менее, дополнение осложнило дело, по крайней мере, для меня. Не столько в тот момент, когда я получил приказ, сколько позже, когда я углубился в дело превращения конкретного стремления в действия для бойцов. Возможно, дело было в том, что я слишком много знал о «намерениях командира», а возможно, в данном случае - о надеждах. Я мог бы меньше конфликтовать только с первым вариантом, по сути, продвигаться вперед, туда, где мы все должны быть и сражаться, оставляя другим решение проблемы «бригадного отсоса».⁵⁵

Во время совещания по приказам командир говорил о надеждах на отход. Мы все знали, что торчать в Сан-Карлосе вредно для здоровья. Но он смотрел гораздо дальше. Он знал, что в конечном итоге битва на суше должна быть выиграна или проиграна перед Стэнли, а гора Кент была ключом к Стэнли. Гора Кент контролировала сухопутные подходы к городу и выходы из него и доминировала над другими объектами вокруг и поблизости. Она представляла собой «жизненно важную территорию», и наш противник, похоже, пренебрег ею! Если бы мы смогли вывести эскадрон в этот район, даже на гору Кент, возможно, это заставило бы

⁵⁵ Прим. перев – «to suck» в передаче командира в значении «вытянуть, вытащить» превратилось в «отсосать», солдатский юмор.

бригаду присоединиться к нам, не только начав наземную кампанию, но и одновременно обеспечив ключ к победе на суше: мастерский удар.

Я попросил командира разрешить мне сначала самому пройти вперед, чтобы осмотреться. Это могло бы добавить день или два. Мы все понимали необходимость скорости. Но было не совсем разумно высаживаться перед Стэнли и пускаться в наступление, как это было несколько дней назад к северу от Дарвина. Противник должен был патрулировать вероятные оперативные районы или каким-то образом контролировать их: например, с помощью артиллерии и боевых вертолетов. Беспорядочный ввод эскадрона в этот район не вписывался ни в один из аспектов миссии. Он согласился.

После этого я уселся поудобнее, чтобы прояснить свои мысли. Именно тогда все начало усложняться. Дела горы Кент и бригады отходили на второй план по сравнению с поставленной задачей проведения партизанских действий. Но «дополнительная выгода» стала приобретать все больший вес. Рейды и тому подобное могли принести тактические выгоды, но второе имело значение на уровне кампании. Не значит ли это, что второе имеет большее значение, чем рейды? Я позволил своим мыслям вольно блуждать.

Если гора Кент была жизненно важной территорией, которую мы собирались занять, то, конечно, мы должны ее занять; разве не было бы нарушением долга поступить иначе? Но как это согласуется с принципами SAS и задачей прямого действия? Если это означало захват и удержание позиции, то это было бы необычным поступком для SAS; не без прецедентов, но определенно необычным. Учитывая текущее состояние кампании и значимость местности, возможно, это был один из тех исключительных случаев. Опять же, перед нами стояла задача вести партизанские действия, а не захватывать территорию. Горы Кент/Челленджер были упомянуты в качестве полезного побочного эффекта, которого должна достичь присоединившаяся бригада. Однако, могли ли мы достичь и того, и другого, совершая рейды с горы Кент? Это было бросающееся в глаза, странное место для базирования эскадрона скрытно, так что, возможно, нет. Похоже, все сводилось к прямому выбору: либо перестать создавать себе неудобства, либо сделать что-то с

горой Кент. Блуждающие мысли не привели меня далеко. Я вернулся к первым принципам.

Нам было приказано проводить партизанские операции. Это было достаточно легко решить. Мы могли бы развернуться так, чтобы у каждого отряда была отдельная операционная зона, из которой и в пределах которой он мог бы проводить независимые атаки. Должны быть заранее спланированные меры, позволяющие нам вести оборону на уровне эскадрона, если враг выйдет на нас. В качестве альтернативы можно создать единый базовый район, из которого мы могли бы отправляться в рейды под более жестким, более централизованным контролем. Это облегчит поддержание тактического баланса для всех возможных вариантов развития событий, включая оборону.

В любом случае, если враг придет, мы будем вести мобильную, агрессивную оборону, предполагая, что мы являемся передовой частью чего-то гораздо большего, лежащего недалеко позади. Мы должны продолжать двигаться и не задерживаться на одном месте, рискуя потерпеть поражение в деталях.

Это вернуло меня ко второму элементу миссии. Горы Кент/Челленджер были упомянуты, но они не были связаны с рейдом каким-либо четким и ясным образом. Они были связаны с надеждой, что другие могут понять намек и выйти на них. Предположительно, поэтому мы не обязаны были размещаться в горах и вокруг них. Кроме того, если бригаду должно было «затянуть» вперед на эти два объекта, разве это не означало, что мы тоже должны были расположиться вблизи них? Но может ли это привлечь противника на ту самую территорию, которая считается жизненно важной? Означало ли это, в свою очередь, что мы должны занять позицию, чтобы обеспечить безопасность местности в ожидании бригады?

И так по кругу, пока я искал способ, который мог бы объединить все это в одно действие. Вероятно, это было невозможно. Но из двух аспектов гора Кент стала доминировать. Если мы займем ее и подвергнемся нападению, как долго мы сможем продержаться, прежде чем нам помогут? Что они бросят на нас? Да и вообще, получим ли мы

облегчение, если заметим, что сами угодили в передрагу? Мне определенно нужно было высадиться на землю и посмотреть самому.

Я обсудил все это с Дэнни, объяснив, что этой ночью я пойду вперед с патрулем из четырех человек. Мы высадимся к западу от Эстансия-Хаус, чтобы пробраться в район седловины, расположенной не так далеко под вершиной горы Кент, на ее западном фланге. Я обрисовал варианты рейда, рекомендовав централизованный метод. Он согласился. Я кратко изложил суть проблемы гора Кент - она казалась более важной частью миссии - и признался в своем нежелании разворачиваться для удержания позиций как таковых. Если бы мы обнаружили, что гора не занята, возможно, мы могли бы оставить ее такой и провести рейд? Все это было довольно запутанно. Разведка попытается решить эту головоломку, прежде чем он приведет эскадрон, чтобы присоединиться к нам.

Когда мы собирались отправляться к горе Кент, я услышал, что Н. Джонс, командир 2 PARA, хочет зайти к нам для консультации, что-то связанное с предполагаемой атакой или рейдом его боевой группы.⁵⁶ Конечно, это не было совпадением, это был еще один признак движения, решимости взяться за дело и что-то сделать. Мне было жаль упускать Н. Он всегда был веселым, быстрым, оригинальным и слегка непочтительным, солдатом до мозга костей. Я был бы рад возможности сравнить записи. Не требовалось много догадок, чтобы догадаться, что он хотел, чтобы мы прощупали аргентинский гарнизон в Гус Грин, где располагались ближайшие значительные силы противника. Н. должен был иметь доступ к тем же разведанным, что и мы, но, чтобы быть уверенным, я договорился, чтобы он имел возможность ознакомиться со всем, что у нас было, если он заглянет в мое отсутствие. Это включало отчеты о наблюдении эскадроном G. Мы, как и все остальные, знали, что там

⁵⁶ 2 PARA атаковала Дарвин/Гус-Грин, четыре или пять дней спустя, 28 мая, разгромив численно превосходящие аргентинские силы на подготовленных позициях, фактически добившись морального превосходства над нашим врагом на всех островах. Н. погиб во время боя, получив Крест Виктории. Это было решающее действие. После этого изгнание аргентинцев с Фолклендских островов приобрело атмосферу неизбежности, несмотря на дальнейшие, зачастую тяжелые испытания.

находится большой гарнизон, состоящий из боевой группы и авиакрыла Pucara.

Чтобы уменьшить вероятность обнаружения вражескими патрулями, разведка прилетела со стороны моря и высадилась на полпути между Тил-Инлет и Эстансия-Хаус. Снова возникла мгновенная дезориентация и чувство покинутости, когда вертолет улетел, почти сразу же поглощенный темнотой. Я еще раз восхитился низким уровнем шума Sea King, идеальным для скрытых операций.

Луны не было, только редкие проблески звезд сквозь тонкие, низкие, белесые облака. Сыро, легкий туман, тихо, мягкий ветерок шевелит траву, слегка касаясь ушей. Холод пронизывал до глубины души. Мы присели, каждый наблюдая за своим участком дуги, пока Джерри Малтби поправлял оголовье ПНВ. Быстро сделав это, мы отошли от места непосредственной высадки. Через 100 ярдов или около того мы снова остановились, Джерри сделал последние поправки, а мы все четверо уселись поудобнее.

Наши карты были хороши, маршрут прост. Мы знали, что справа от нас на горизонте виднеется возвышенность до самой горы Кент. Это было простое дело - двигаться вверх и по направлению к ней, избегая впадин с моря, постепенно поднимаясь к седловине, нашей цели. Нам нужно было добраться туда задолго до рассвета, чтобы найти положение, с которого мы могли бы наблюдать за окрестностями. Мне особенно хотелось иметь вид на гору Кент и ее вершину, чтобы иметь возможность наблюдать за ней в течение следующего дня. Мы определились с направлением и отправились в путь, Джерри вел нас с помощью ПНВ. Его использование ПНВ впечатляет. Я не мог использовать их в таком виде, пристегнутыми к глазам на марше. Они притупляли мои другие чувства. Мне нужно было, чтобы все работало на полную катушку: периферийное зрение, слух, обоняние, все вместе, чтобы питать шестое чувство. ПНВ давал мне туннельное зрение, практически исключая все остальное.

Мы быстро продвигались вперед. К рассвету мы укрылись от ветра на не приметном скальном выступе, откуда открывался вид на гору Кент и

на юг, к горе Челленджер. Гора Кент возвышалась над нами, темная масса серых скал на ее склонах. Она выглядела суровой, грозной. Плавные изгибы ее склонов подчеркивали впечатление запретной мрачности. От его всевидящего присутствия невозможно было скрыться. И все же она стояла незанятой, даже наблюдательного пункта, насколько мы могли судить, не было. Изучение карты показало, что склоны с тыла, обращенные к Стэнли, обрывались еще более круто и далеко, чем с той стороны, с которой мы вели наблюдение. Для аргентинцев гора, несомненно, должна была доминировать над всем. Если для них это выглядело так же угрожающе, как для нас, возможно, удастся перевести их от ощущения уязвимости к чему-то более опасному.

Командир был прав, это место имело параллели с Монте-Кассино.⁵⁷ Она доминировала над местностью, следовательно, над обороной, над Стэнли, включая все пути туда и обратно. С ее вершины можно было наблюдать за артиллерийским и морским огнем, а также авиаударами по всем позициям противника вплоть до западной границы города, а возможно, и дальше. Почему их командир не заметил опасности? Мы передали сигнал, вызывающий эскадрон, чтобы присоединиться к нам, и сообщили в RHQ, что действительно нужен батальон, чтобы взять и удержать гору Кент: место было открыто для захвата.

Когда мы вызывали эскадрон, я еще не определился с конкретным курсом действий. Чистый спецназ-хулиган во мне предпочитал партизанские действия из безопасной зоны между горами Кент и Челленджер, в то время как другой я тяготел к развертыванию эскадрона для защиты горы Кент, лишая ее врага. Действительно, пока я сидел и наблюдал, мои мысли работали почти исключительно о захвате и удержании горы Кент приемлемым для спецназа способом. Начал вырисовываться неудобный вариант действий. Он предполагал оставить это место в покое, не привлекая к нему внимания; скорее, речь шла о

⁵⁷ Монте-Кассино доминирует над одним из главных путей к Риму с юга. В 1944 году союзникам пришлось неоднократно штурмовать ее, прежде чем удалось выбить немецких защитников. Все, кто сражался на стороне союзников, отмечали гнетущее, нависающее, всевидящее присутствие горы, и это сильно влияло на их душевное состояние.

«защите» горы Кент, чем о ее захвате. Но было ли это уклонением от вопроса? Это было мягко говоря уклончиво, пассивно, даже несколько противоречиво.

Если у меня были сомнения, то что говорить о «едоках красного мяса», которые собирались присоединиться ко мне, о «веселых людях», как они могут на это посмотреть? Я черпал утешение в смутно припоминаемом отрывке из Т. Э. Лоуренса о пользе того, что иногда нужно оставить все как есть, чтобы враг продолжал действовать способом, который служит уже нашим интересам. Я смутно помнил, как он атаковал железную дорогу в Хеджазе, не так часто, чтобы заставить турок полностью прекратить ее использование, но с такой частотой, чтобы побудить их продолжать отправлять поезда по рельсам, каждый из которых был потенциальной целью для арабских партизанских сил. Я мог видеть параллели: если аргентинцы делали то, что мы хотели, зачем побуждать их поступать иначе? В данный момент наш противник не проявлял намерения занять гору Кент. Зачем тогда привлекать его внимание к этому? Зачем побуждать его признать и исправить ошибку? Конечно, если они в конце концов поймут и начнут исправлять ситуацию, мы должны быть готовы попытаться пресечь их действия в зародыше.

Когда мы смотрели со стороны НП, решение напрашивалось само собой. Площадка перед нами относительно полого поднималась к вершине, остальные стороны горы были обрывистыми и ограждены каменными россыпями. Это был самый простой путь вверх. Если бы мы заняли или иным образом контролировали этот подход, это, в свою очередь, дало бы значимое влияние на высоты? Возможно, да. Более того, он также располагался на боковых маршрутах север-юг по эту сторону гор, что давало нам возможность совершать рейды по флангам. Так что, возможно, в конце концов, было возможно обеспечить безопасность горы Кент, действуя по-партизански.

Если бы я знал о настроениях, царивших в высшем командовании, решение было бы принято легче и быстрее: земля, а не рейды, уровень кампании, а не тактические выгоды. Гора Кент становилась тем местом, за которым нужно было идти.

В Великобритании росло разочарование в связи с отсутствием прогресса с момента высадки. На высшем национальном уровне люди беспокоились, что любая дальнейшая задержка может привести к усилению давления в ООН на Лондон с целью заставить его согласиться на прекращение огня. Учитывая отсутствие прогресса на местах на сегодняшний день, это может стать настойчивым требованием, которому будет трудно противостоять. Мы отвоевали не более нескольких акров земли вокруг Сан-Карлоса и, казалось, застряли. В конце концов, Филдхаус имел дело непосредственно с Томпсоном. CLFFI был несколько отстранен от дел, все еще находясь на прерывистой связи, в открытом море на борту QE2, пробиваясь к «фронту», как мог, вместе с 5 бригадой. Главный командир дал Томпсону сигнал повторить политические реалии, как он их видел; он призвал командира бригады начать действовать, двигаться, наращивать темп, конкретно:

довести операцию Дарвин/Гус Грин до успешного завершения, в результате чего в Дарвине будет «Юнион Джек». Это позволит нам овладеть Лафонией.⁵⁸

Он добавил:

... усиление позиции эскадрона D к западу от главной позиции противника [имеется в виду Стэнли] позволит нам с полным основанием утверждать, что мы теперь контролируем обширные территории Восточного Фолкленда.⁵⁹

Очевидно, помимо Дарвина/Гус-Грина, главнокомандующий и его заместитель по сухопутным войскам, генерал-майор Трант, имели в виду создание передовых позиций пехоты, согласованных с позициями эскадрона, от горы Кент до горы Челленджер, с которых противнику перед Стэнли можно было бы угрожать артиллерией и другими огневыми средствами, даже уничтожить его. Опять же, казалось бы, что

⁵⁸ Лафония: обширный участок плоского, открытого травянистого пространства, лежащий к югу от полуострова Гус Грин.

⁵⁹ Сэр Лоуренс Фридман, Официальная история Фолклендской кампании, т. II, Абингтон: Роутледж, 2005, р. 557.

Кент - это ключ к успеху. Чтобы концепция сработала, ее нужно было занять.

Билли Кормак увидел его первым; я почувствовал, как Билли напрягся, его оружие медленно поднялось. Он обратил мое внимание на человека в четырехстах или более метрах впереди нас. Солдат появился словно из ниоткуда, шел бодро, по открытому месту, вооруженный, похоже, М-16 или Armalite, в РПС. У него была походка с высоким шагом, с наклоном назад, и он быстро и уверенно преодолевал расстояние.

- Вполне может быть. - согласились мы все, остальные отодвинулись, чтобы получше рассмотреть его, но все мы старались не выдать себя. Мы продолжали наблюдать за ним, заинтригованные. Похоже, он систематически прокладывал себе путь, продвигаясь в основном в

нашем направлении, двигаясь вперед и назад, в основном к скальным обнажениям и любым другим вероятным местам укрытия. Ищет? Нас?

- Это Гордон, Гордон Мазер. - убежденно заявил Джерри. Я не знал Гордона, члена эскадрона G, но поверил Джерри на слово, хотя все еще был склонен к осторожности. Что он делал, передвигаясь вот так на открытом пространстве, очевидно, в одиночку?

Он подошел ближе. Определенно Гордон. Мы позволили ему подойти к нам, чтобы не нарушать его манеру движения, прежде чем тихо объявить о своем присутствии. Он не сбавил шага и продолжил движение, остановившись в метре или двух от нас. Мы остались в укрытии. Он тоже играл свою роль, бесстрастно глядя вдаль, не обращаясь к нам, когда говорил.

- Доброе утро. - тихо сказал Клайв Лоутер со слабым намеком на иронию. Клайв всегда был вежлив и спокоен. Джерри присоединился к нам, мягко подтрунивая над Гордоном по поводу стандартных операционных процедур (СОП).

Гордон воспринял подтрунивание хорошо, в том добродушном стиле, в котором оно и было задумано, объяснив, что сначала ему сказали встретить нас за много миль от горы Харриет. Это было сделано накануне вечером. Затем, рано утром, он получил инструкции сделать RV этим ранним вечером к востоку от горы Кент, примерно там, где находились мы. Он не рассчитывал встретиться с нами до наступления темноты, когда, по его мнению, должен был прилететь наш вертолет. Я тоже был удивлен, так как договорился, что G покинет нашу операционную зону, а не войдет в нее.

- Гэнг-бэнг. - пробормотал кто-то вслух. Выразительная, хотя и неэлегантная фраза, имеющая в данном случае широкий смысл, означающий, что кто-то, где-то, как-то перепутал провода, вынудив Гордона сделать рискованный шаг в светлое время суток. Мог ли это быть я? Я так не думаю; скорее всего, это было изменение плана, которое еще не дошло до нас. На самом деле, хорошо, что он вступил в контакт при свете дня; ночью это легко могло привести к огню по своим, если бы мы все еще не знали о присутствии его патруля.

Он извинился за любую оплошность. Мы извинились за ошибку и за причиненные неудобства, любезно предложив ему убраться как можно скорее, но не раньше, чем мы воспользуемся возможностью обменяться информацией, которую он так смело создал.

Гордон подтвердил, что район чист от врага; за три непродолжительных периода он не видел здесь ни шерсти, ни кожи аргентинцев. Они были ближе к Стэнли. Гора Кент их, похоже, совершенно не интересовала. Я предупредил его, чтобы он держался подальше от нашей оперативной зоны, не вдаваясь в подробности наших намерений. Затем выяснилось, что он ожидал вылететь на вертолете, доставившем нас сюда. Все встало на свои места; почти наверняка это был случай перекрещивания проводов, результат зашифрованных коротких сообщений. Мы догадались, что он должен был отправиться с вертолетами, доставляющими нашу основную часть, и проинформировали его, организовав все соответствующим образом. Этот эпизод подчеркнул сложность координации тактических деталей с помощью сигналов, использующих метод шифрования времен Второй мировой войны, передаваемых с помощью ручной скорости Морзе по высокочастотной сети, работающей по системе запланированных сеансов. В любом случае, когда все было улажено к нашей взаимной выгоде, и мы обменялись пожеланиями удачи и заботы, он удалился, чтобы вернуться к своему патрулю, который фактически прикрывал каждый его шаг и весь эпизод незамеченным нами. Он не стал задерживаться, почти сразу исчезнув в тонком тумане, который начал надвигаться со стороны моря на север.

Бойцы эскадрона G. Обведен красным уоррент-офицер Дэвид Харви. Вместе со своими коллегами он был заброшен на вертолете за три недели до основного британского десанта и в течение 28 дней вел разведку в районах Блафф-Коув и Стенли.

Встреча с G подняла нам настроение. Возможность обсудить детали лицом к лицу была достаточно ценной, но мы также черпали из их уверенности, их очевидной легкости в том, что они находятся так далеко впереди, в тылу врага. Они делали это так естественно. В частности, ясность и заверения Гордона в отношении горы Кент во многом подтвердили, что мы, вероятно, находимся на правильном пути с нашим зарождающимся планом. Тем не менее, чтобы перестраховаться, мы решили перенести наше местоположение после последних лучей солнца.

В остаток того дня мало что произошло, если не считать вражеского патруля на нижних склонах горы Кент! Слава богу, они не появились во время нашей встречи. Их было двенадцать человек. Они появились из-за южных склонов горы около полудня, примерно в километре или более

от нас. Они двигались неторопливым шагом в одном строю, несколько человек с винтовками, перекинутыми через плечо, все в касках и со своим аналогом нашей РПС. У них был один пулемет на всех, М60 или аналогичный, и радист, командир впереди возглавлял группу. Они выглядели расслабленными, не ожидая неприятностей, но и не ища их, занимаясь патрулированием. Они остановились и сидели некоторое время, изредка поглядывая в нашу сторону, делая передышку, все они перекусывали, некоторые закуривали сигареты. Примерно через полчаса они отправились завершать свою прогулку и вскоре исчезли за северными склонами.

Их появление на сцене, ставшее неприятным сюрпризом, изменило ситуацию. Прибытие патруля противоречило тому, что эскадрон G сообщил нам всего несколько часов назад. Что-то изменилось. Я сделал пометку предупредить Гордона. Враг изменил свою модель поведения. Возможно, они наконец-то осознали свою оплошность. Возможно, они теперь оценили оперативное значение горы. Возможно, они разделяли наши предположения о том, что этот объект доминирует на подступах к Стэнли. Так что же они намеревались сделать? Что-то большое, например, занять это место? Или мы могли ожидать больше патрулей? Может быть, они выставят наблюдательные посты? Вариантов было множество. Но так или иначе, ситуация сдвинулась с мертвой точки, и казалось, что началась гонка.

К позднему вечеру мы получили ответ на наш SITREP, отправленный вскоре после ухода вражеского патруля. Эскадрон попытается присоединиться к нам в конце следующего дня, ранним вечером, как только стемнеет. Хорошо. Мы надеялись, что за это время не произойдет ничего необратимого. Мы расположились в ожидании, чтобы держать район под наблюдением еще двадцать четыре часа.

На следующий день часы медленно текли, ничего неприятного, противника не было, погода была идеальной, пока вечером в день высадки не появился густой туман. Мы знали, что это предвещает проблемы, и передали WETREP (метеосводку), которая не дошла до вертолетов, уже вылетевших из Сан-Карлоса. Группа прибыла абсолютно вовремя, пролетев в нескольких футах над нами, не видя земли. Должно

быть, они пробирались осторожно. Потребовалось некоторое время, чтобы они прошли мимо. Один из них пролетел прямо над нами, не заметив наши сигнальные фонари, обозначающие LZ. Казалось, он был достаточно близко, чтобы протянуть руку и дотронуться. Через тридцать минут погода прояснилась, создав идеальные условия для ночных полетов. По крайней мере, они не задержались. Их движение было непрерывным, что затрудняло для любого врага, находящегося поблизости, определить конкретное место интереса на их маршруте. Возможно, наше местоположение и намерения ускользнут от внимания. На всякий случай мы переместились на другую точку наблюдения, чувствуя разочарование, но не удивление.

На следующее утро мы расположились на ночлег, чтобы наблюдать за местностью, по-прежнему имея хороший вид на гору и ее окрестности до Эстансия-Хаус. Это должен был быть вопрос «тяжелой рутины», то есть никакой подготовки, никакого сна в спальнях мешках, мы четверо были экипированы и готовы к немедленным действиям. Но глубокий, сырой, пронизывающий холод снижал нашу эффективность, побуждая нас немного облегчить жизнь.

Некоторые предпочитали устраивать передовую и тыловую позиции, одну для отдыха, другую для наблюдения. Но на каждом шагу мы находили большие скальные выступы, с которых можно было вести оба вида деятельности. Мне больше нравилось, когда патруль занимал круговую оборону в одном месте, а не рассредоточивался. Это было тактически более отзывчиво и более сбалансировано. Работая в парах, мы вели наблюдение на 360 градусов, один человек из каждой пары отдыхал, а другой наблюдал за своей половиной общей дуги; и у нас было очень большое поле зрения, за исключением случаев, когда спускался туман. В каждом НП, который мы занимали, Билли и я всегда занимали сторону, ближайшую к горе Кент.

Все, кроме того, что могло пригодиться, было упаковано и готово к быстрому перемещению. Мы всегда оставались полностью одетыми и обутыми. Оружие всегда было под рукой или наготове. Наблюдатели носили свою РПС; человек, находящийся на отдыхе, мог снять ее, чтобы поспать. Человек «не на вахте» мог приготовить варево в светлое время

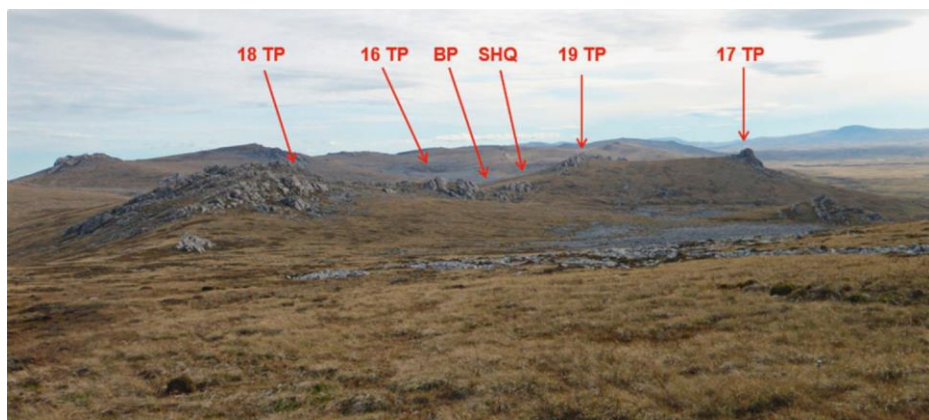
суток, но никогда ночью. Пищу ели холодной, опасаясь, что запах готовящейся пищи может распространиться. Мы не использовали ни палаток, ни пончо, ни укрытий от дождя, ничего подобного. Недавний выпуск диковинных предметов одежды из Gore-Tex, включая бивуачные мешки, сделал возможным хороший, теплый сон. Спальные мешки использовались только для сна. Возможно, немного расслабившись, НП, тем не менее, оставались скорее ульем, чем гнездом, готовым безжалостно ужалить, если его потревожат, в точности так, как вдалбливала нам Учебка в те годы во время Отбора.

Чтобы развеять все и всякие сомнения по поводу того, какой курс действий выбрать, когда Дэнни в конце концов связался с остальными, он сообщил мне, что 42 Commando планируют присоединиться к нам, как только смогут, в течение дня или двух. Это был решающий момент. Мы должны избегать привлечения внимания и вместо этого сосредоточиться на охране горы Кент, провести командос и подняться на вершину без помех. Тактические дела, такие как рейды и прочее, могли подождать.

Из-за нехватки свободных вертолетов высадка эскадрона была выполнена не так, как нам хотелось бы. В конце концов, это было сделано в течение двух ночей подряд, по два отряда за раз, причем первая переброска произошла через двадцать четыре часа после первой неудачной попытки. Помимо затянувшегося наращивания сил, меня беспокоило частое появление вертолетов; враг должен был обязательно заметить и отреагировать, по крайней мере, патрулировать, чтобы посмотреть, что происходит. В этот период возникло ощущение, что началась трехсторонняя гонка со временем: успеть высадить эскадрон раньше командос, и все это до того, как враг выйдет на нас с новыми силами. Я искренне надеялся, что нам удастся избежать обнаружения, но смирился с тем, что придется бороться за то, чтобы удержать позиции до тех пор, пока так или иначе не придет помощь.

По мере их прибытия я быстро инструктировал отряды, чтобы они выдвигались к своим местам, расположенным на расстоянии около тысячи метров или более друг от друга, находясь на расстоянии пулеметного выстрела друг от друга. Я подчеркнул важность взаимного

поддерживающего огня и необходимость маскировки. Мы будем вступать в бой с врагом только по моему приказу и только в случае крайней необходимости. Когда весь эскадрон был на земле, мы в конечном счете расположились бы на двух или более квадратах сетки, воздействуя своей огневой мощью на большую часть четырех. Это давало нам необходимое пространство для маневра, чтобы встретить и поглотить любое вражеское вторжение. Если они придут в силе, я хотел сбить врага с толку, чтобы он подумал, что мы являемся частью больших усилий, - снова идея экраны.

Позиции эскадрона D у горы Кент, BP – позиция минометного расчета.

Дэнни прибыл с новостями из внешнего мира, хорошими и плохими. Устроившись вместе с ним и Джорди в том месте, которое станет штабом эскадрона, я сначала выбрал хорошие новости.

- Мы в Дарвине/Гус Грине.

Это стало неожиданностью. Я забыл о Н. и его поисках разведданных, предполагающих атаку в этом направлении. Мои мысли были настолько поглощены горой Кент и ее важностью, что я совершенно упустил из виду возможность движения в любом другом направлении, кроме как в нашу сторону! Близорукость, эгоизм, но были ли это хорошие новости, учитывая, что ключ к победе, похоже, лежал здесь, наверху? Скорее всего, по крайней мере, мы были в движении, еще один успех склонил ситуацию в нашу пользу. Внизу находился оперативный резерв

противника. Предположительно, 2 PARA сделали это. Это должно быть очень важно, как в физическом, так и в моральном плане.

- Плохие?

- Боюсь, что твой друг Н. мертв.

Н. Джонс, командир 2 PARA в горах Сассекс.

Ни он, ни я не могли предположить, как сильно это ударит: сначала шок, неверие, разрывающее желудок, а затем гнев глубокого, холодного типа. Не направленный ни на кого, просто непреодолимое и внезапное чувство, что война продолжалась достаточно долго. Мы теряли слишком много друзей и хороших людей. Вертолет и теперь это. Мы должны были закончить это чертовое дело как можно быстрее, больше не болтаться без дела, не заниматься ерундой. Мы должны приступить к делу.

Мы погрузились в тишину, я со своими мыслями, Дэнни и Джорди сосредоточенно разбирались с рациями перед тем, как передать в RHQ

отчет о ситуации. Я считал правильным предупредить RHQ о наших намерениях, о том, что мы сосредоточимся на Кенте, а не на рейдах. Теперь это не казалось таким уж важным. В тот момент мне было не до тонкостей: смерть Н. нарушила мое равновесие. Дэнни и Джорди могли сами набросать что-нибудь для отправки. Я не был нужен им. Я знал, что мы должны делать. Поднять 42 Commando на эту чертову вершину. С практической точки зрения, все остальное в тот момент не имело особого значения. Сообщение было отправлено с необычайной скоростью благодаря навыкам Джорди.

Позиция SHQ эскадрона у горы Кент. Видна «тарелка» TACSAT.

Позже, после утренних приготовлений, разобравшись с неотложными делами и доев свои скудные завтраки, мы вдвоем, Дэнни, Джорди и я, сели за кружку варева, чтобы еще раз все обдумать и убедиться, что мы готовы ко всему, что нас ожидает в ближайшем будущем. Все четыре отряда были развернуты, спрятаны от посторонних глаз. Грэм, еще в Сан-Карлосе, ознакомился с ситуацией. Он позаботился о том, чтобы отряды были нагружены дополнительными припасами. Если дело дойдет до схватки за гору Кент, мы не собирались испытывать недостатка в «пулях и бобах». С боеприпасами проблем не было, за это мы должны были благодарить Грэма. Войска прикрывали все подступы к горе Кент с западной стороны, видимую вершину и LZ 42 Commando. У нас были все

возможности сорвать любую попытку противника занять гору. Лучше всего то, что морские пехотинцы должны были подойти к нам в ближайшее время, возможно, в конце дня. Что касается противника, то если бы он намеревался занять гору, он, вероятно, сигнализировал бы об этом, начав с осмотра местности. В любом случае, они, скорее всего, сначала отправят разведку, возможно, разместив там НП. Конечно, мы не могли сбрасывать со счетов возможность того, что они могут начать операцию по зачистке местности, поддерживаемые самолетами Pucara и боевыми вертолетами. Нам не нравилась идея атаки с воздуха, но у нас был «Стингер», а у 16 отряда было время разобраться со своими первоначальными проблемами. Мы пришли к выводу, что враг, скорее всего, сделает то, о чем мы не подумали, но мы были готовы к большинству возможных вариантов. Все прояснится.

Утро проходило мирно, погода была ясной и тихой, дул слабый ветерок, никакого движения на горе Кент, ничего во всем районе. Мы с Дэнни спокойно курили, когда из-за горы Кент появилась большая группа вертолетов, направлявшихся на юго-запад: пять или шесть «Хьюи», два «Чинука», одна «Пума», с флангов два боевых вертолета. Скорее всего, это была штурмовая ротная группа.⁶¹ Когда они уже собирались исчезнуть, в эфир вышел 16 отряд и попросил разрешения пострелять по ним из «Стингера». Слишком поздно, к тому же я не понимал, чем это может помочь, сбив вертолет только для того, чтобы разворошить осиное гнездо за несколько часов до прибытия 42 Commando. Энтузиазма не занимать, но категорически нет!

⁶¹ Более чем вероятно, что это было вражеское подкрепление из Дарвина/Гус-Грина. Рота пехоты, находившаяся где-то на дальней от нас стороне горы Кент, возможно, в качестве резерва или части патруля или заслона, была переброшена к югу от Гус Грин на вертолете в последнее утро битвы. Слишком поздно, чтобы повлиять на события, они были встречены градом артиллерийского огня, направленного 2 PARA. Это была благородная, смелая, но, как оказалось, тщетная попытка восстановить положение. Возможно, им было бы лучше остаться на месте, оспаривать нашу оккупацию вершины горы: такова непредусмотрительность. И удача благоволила нам в этом случае: бой 2 PARA прямо, пусть и невольно, помог нашим усилиям на жизненно важном участке перед Стэнли, отвлекая на себя всех ближайших вражеских защитников.

Вскоре после этого, когда стало смеркаться, пришло сообщение, информирующее нас о том, что 42 Commando не сможет присоединиться к нам в этот день, как мы надеялись; они предпримут попытку через двадцать четыре часа. Почти в то же мгновение моя УКВ-станция затрещала. 16 отряд видел, как два вражеских вертолета «Хьюи» высадили два патруля по восемь человек в каждом перед пиком Блафф-Коув, позицией 17 отряда. Патрули направлялись в нашу сторону. 17 отряд подтвердил, что это, должно быть, произошло на мертвой для них зоне, поскольку они не видели.

16 отряду было приказано действовать. Они могли свободно маневрировать, все остальные должны были сидеть тихо и не вступать в бой, если только они не идентифицируют врага, приближающегося к их позиции. Сжатые сообщения, без долгих объяснений, мы не выдали ничего, чтобы слушающий враг мог принять решение, кроме упоминания о вертолетах.

Спорное фото, либо боец 16 отряда, либо 17.

Освободившись, 16 отряд оживился. Они решили устроить засаду в форме буквы L. Оставив два GPMG там, где они были, десять человек из

группы бросились на позицию группы уничтожения, чтобы открыть фланговый огонь по медленно приближающемуся противнику. В это время здорово стемнело. Я скорее почувствовал, чем увидел, как бойцы разбегаются по своим местам. Как все идет? Свет? Оставь их. Они знали свое дело.

Когда они заняли позицию, устроили засаду, свет почти совсем ушел. Вражеский патруль продолжал неторопливо пробираться по каменному спуску к GPMG. Прежде чем они окажутся в предпочтительной зоне поражения, наступит кромешная тьма. У засады не было другого выхода, кроме как начать действовать раньше. Открылся огонь. Мгновенно враг исчез из поля зрения, скрывшись в скалах. Огонь лился, трассеры устремились в ночное небо. Плоский треск винтовочных гранат M203 эхом отражался от холмов. Уже совсем стемнело, когда фланговая группа понесла потери: Дик Палмер получил пулю в ягодицу, Карл Родс - осколки в колено. По всей вероятности, попадания были нанесены сверху, из расположения их собственного отряда. Отряд немедленно внес необходимые коррективы, поддерживая огонь еще некоторое время. В ответ они ничего не было.

- Ну, теперь они знают, что мы здесь, Седрик, - заметил Дэнни.

- Ммм...

- Что скажешь? - спросил он, явно думая о следующих двадцати четырех часах и об отложенном прибытии морских пехотинцев.

- Остаемся на месте, - ответил я. Похоже, у нас не было выбора.

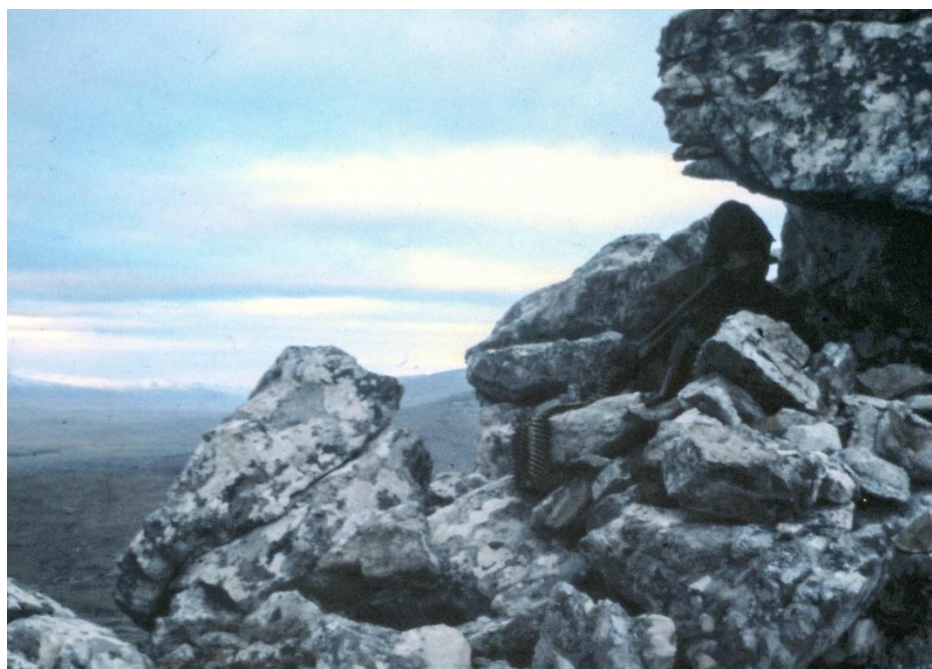
Без сомнения, сейчас мы находились в гонке со временем, но после всей неопределенности последних дней было приятно чувствовать себя приверженцами единственного четкого курса действий: удерживать это место, чтобы получить возможность подняться на гору Кент.

Мы передали слова эскадрону, чтобы они крепко держались на своих оборонительных позициях, чтобы свести к минимуму передвижения в течение ночи. В этом месте могли появиться бродячие враги. В том числе 16 отряд, который должен был вернуться на исходные позиции и не

проверять место засады. Мы могли бы обойтись без затягивания того, что может превратиться в беспорядочное ночное столкновение.

Джорди тем временем отправил сообщение в RHQ, информируя их о ситуации и предупреждая, что, если станет слишком жарко, что сделает LZ непригодным для использования, мы попытаемся доставить 42 Commando в другое место, о котором будет сообщено. У нас были легкие потери, которые могли подождать, пока мы выйдем с 42 Commando, но не более того; так или иначе, нам нужна была CASEVAC предстоящей ночью. Сделав это, мы все приготовились к тому, что обещало быть напряженным днем, бдительно высматривая разбежавшегося врага. Остаток ночи прошел без происшествий.

Вскоре после рассвета Джон Гамильтон, который, насколько мы могли судить, никогда не спал, наблюдал за позицией Теда на пике Блафф-Коув, когда увидел двух мужчин, осторожно передвигавшихся по открытой местности. Они выглядели как враги. Он оповестил 17 отряд, попросив Чиппи помахать рукой или сделать что-то подобное, чтобы подтвердить, кто эти двое - свои или враги. Неудивительно, что Чиппи ответил, что предпочел бы этого не делать. Почти сразу же раздался хлопок гранаты и короткий, отрывистый звук выстрела. Затем тишина. Мы ждали. Время шло. Сеть молчала. В конце концов, Дэнни спокойно, негромко запросил оперативную сводку. Чиппи ответил с таким же спокойствием, подтвердив, что двое врагов убиты. Противник успел бросить гранату, прежде чем их уничтожили, ранив Дона Мастерса, не тяжело, но достаточно сильно, чтобы вызвать беспокойство. Он испытывал дискомфорт.

Бойцы 17 отряда на своей позиции.

Джорди тут же начал готовить запрос на CASEVAC, никто из нас не видел смысла откладывать это на потом. После этого последнего контакта враг должен был знать, что что-то случилось, и где именно, и обязательно проведет расследование. Не было смысла задерживать наших раненых. Они могли замедлить наше продвижение, если бы нам пришлось начать маневрировать быстро и жестко. В итоге Джорди понадобился целый день, чтобы передать сообщение, используя ручную морзянку на высокой частоте, учитывая неблагоприятные атмосферные условия. Это были невероятные усилия, шесть-восемь часов непрерывного стучания, облегчение приносило лишь периодическое питье и галеты, передаваемые Дэнни. К тому времени, когда мы вытащили наших пострадавших и доставили их в медицинскую службу в бухте Аякс, двое из раненых едва держались на ногах - относительно ранения со временем стали тяжелыми в холодных и сырых условиях.

В какой-то момент Тед подошел спросить, что ему делать с телами врагов. Это было странно. Я догадался, что он хотел разделить чувство тревоги, как и все остальное. Я посоветовал ему похоронить их и обозначить могилы; взять и оставить идентификационные метки и убедиться, что он записал точные восьмизначные координаты. Мы хотели все сделать правильно. Я сделал мысленную пометку, чтобы 16 отряд тоже проверил место засады, когда придет время.

Остаток утра прошел без происшествий, каждый из нас поглядывал на часы чаще, чем это было необходимо, призывая время идти быстрее. Некоторое время я занимал себя изучением карты и местности, уточняя мысли о нашей оборонительной схеме маневра, разрабатывая варианты. Я поделился этими мыслями с Дэнни. Один из нас должен был проследить за тем, что может оказаться сложной, мобильной обороной до тех пор, пока нас не освободят или не заставят отступить. Враг должен появиться скоро: через пару часов, возможно, через три. Им потребуется столько времени, чтобы мобилизовать аэромобильные силы реагирования, проинструктировать свою артиллерию, поднять в воздух наземную ударную авиацию (не дай Бог), а затем двинуться на нас. Да, в любое время.

- Давай-ка закурим, Седрик.

Дэнни Уэст и Седрик Делвес (на фоне) на горе Кент

Я свернул сигарету. По-прежнему ничего, только Джорди выстукивал Морзе среди скал напротив. День тянулся. Свет начал меняться; медленно, мучительно медленно он тускнел. Это был прекрасный, яркий день с легким ветерком. Солнечный свет искрился. Теперь, с наступлением вечера, температура понизилась, свет приобрел глубокий золотистый отблеск. И по-прежнему ничего: ни вида, ни звука врага.

Когда запрос CASEVAC наконец-то был успешно отправлен, Джорди с облегчением и вполне заслуженным чувством удовлетворения откинулся от рации, и ему передали еще один кусок шоколада и печенье. Рация снова ожила, точка загудела.

- Я приму, - сказал Дэнни. Он и сам был довольно опытным связистом на Морзе. Это был RHQ, он подтвердил, что на эту ночь все готово, и запросил WETREP. Ждать осталось недолго, тишину по-прежнему ничто не нарушало. Какой вялый враг! Конечно, они должны думать о своем пропавшем патруле. По всей вероятности, вражеский патруль успел бы передать по радио сообщение о контакте. А что насчет шума и трассеров? По крайней мере, 16 отряд не использовал осветительные ракеты. Хорошая мысль. Они были бы видны за много миль, четко указывая на наше местонахождение. Где же ожидаемая реакция противника?

Она последовала в самый неподходящий момент. Вражеский патруль из пяти человек высадился на вертолете в районе Эстансия-Хаус и сразу же направился к нам. Еще одна разведка, но эта группа выглядела более целеустремленной, чем другие. Несшие бергены, они выглядели и двигались очень похоже на нас. Спецназ? Так вот оно что. Прислать больших парней? Мы рассчитали, что они должны быть у нас в сумраке, опять же, примерно в то время, когда должны были прибыть командос. Мы должны были прижать их. Они могли испортить нам весь вечер. Все молча подбадривали их, чтобы они добрались до нас до того, как погаснет свет, опережая расчетное время прибытия 42-ой.

В конце концов, они приблизились, свет померк, что еще больше осложнило ситуацию. На этот раз настал черед 19 отряда, враг неуклонно приближался к ним. Тем временем, мы развернули отряды

для обеспечения безопасности и обозначения LZ. Наши раненые были собраны для эвакуации. Все они выглядели очень уставшими. Надо было их согреть. Оставшиеся отряды и SHQ оставались на своих позициях, так что эскадрон оставался сбалансированным, и каждый элемент знал местоположение всех остальных. Учитывая, что на подходе боевая группа, а контакт, вероятно, будет происходить одновременно, возможностей для огня по своим будет достаточно. Я сказал 19 отряду, что им не следует использовать сигнальные ракеты, опасаясь ослепить пилотов, которые будут работать в ПНВ. Меньше всего нам нужно было, чтобы один из вертолетов зашел на посадку из-за того, что пилот потерял ориентацию вблизи земли. Войскам пришлось полагаться на ночные прицелы и личные ПНВ.

Как только сумерки перешли в ночь, Джон и его команда вступили в бой, сопровождаемый грохотом, огромным количеством автоматных выстрелов и множеством разрывов. И снова мы были вынуждены открыть огонь раньше, чем нужно, и на более дальних дистанциях, чем хотелось бы. Противник скрылся в скалах среди углубляющейся темноты быстро надвигающейся ночи. Один или двое открыли ответный огонь, хотя и не очень убедительно. Соппротивление быстро ослабевало по мере того, как огонь стихал, и солдаты с благодарностью пользовались тем, что враги изредка обозначали себя вспышками выстрелов. Трассеры отскакивали от скал, грациозно поднимаясь в небо, некоторые из них с пиротехническим блеском взлетали в воздух. Очень здорово. У 19 отряда все было под контролем. Они наслаждались своим моментом. Я догадался, что они могут поддерживать огонь немного дольше, чем это действительно необходимо.

Я отправился к LZ, добравшись туда, когда прибыла 42, масса из них веером устремилась в сгущающуюся темноту, инстинктивно пригибаясь, пока отряд Джона продолжал палить, как я и предполагал. Не было смысла сдерживаться; Джон и его люди должны были подавить этот район. Мы не могли позволить себе иметь врага на LZ. Это был уязвимый момент. Из мрака появился Майк Роуз; просто удача, что я оказался в том месте, где приземлился его вертолет. Мы обменялись приветствиями. Он не спрашивал, как всегда, принимая все как должное, но я объяснил, что за шум. Он в свою очередь познакомил меня с

величественным присутствием человека по имени Макс Гастингс, «журналиста», сказал он, и я в свою очередь передал его Дэнни. По какой-то причине Дэнни принял его за Ника Во, командира 42 Commando, и начал вводить его в курс дела, пока его не остановил неожиданный ответ, что-то вроде:

- Необычное у вас ружье, что это?

Дэнни, в свою очередь, передал его одному из бойцов на охрану, так как ситуация была изменчивой.

Я чувствовал себя на высоте, зная, что засада проходит успешно, 19 отряд к этому времени, вероятно, растягивал события ради чистого удовольствия. Это было приятно, ощущение того, что мы все только что смогли продержаться до 42 без происшествий, целыми и невредимыми, чувство командной работы. И в довершение всего, нам больше не нужно было мешкать, боясь отвлечь врага от его собственных ошибок; мы могли застрять еще раз - все просто.

Я разыскал командную группу 42. Они с облегчением услышали, что у нас все под контролем, что район безопасен, и им нужно лишь подняться на гору и занять позицию. Возможно, я мог показаться немного легкомысленным, не обращая внимания на их заботы, поскольку я знал, что любой враг, находящийся поблизости, либо мертв, либо вот-вот станет мертвым, либо иным образом уничтожен. Без особых церемоний, вскоре все они уже поднимались на вершину горы Кент под руководством 16 отряда.

42 попросили, чтобы мы продолжали охранять LZ и в целом помогали с выгрузкой боевой группы до конца ночи и до следующего утра. Мы с готовностью согласились сделать это, но предупредили, что мы должны внести свой вклад более обычными способами, как только это станет возможным. Я имел в виду налеты и тому подобное. С вершины горы Кент мы сможем увидеть множество потенциальных целей.

На рассвете часть нашей артиллерии прибыла, чтобы расположиться под нами, за низким хребтом, что ставило их в мертвую зону для противника и любых радаров для обнаружения минометов. Это не заняло много

времени, вертолеты доставили «трубы», тяжелое оборудование и материальные средства прямо на позиции. В течение нескольких минут они были собраны, замаскированы, готовы к действию, но с несколькими снарядами на каждого. Вертолеты возвращались неоднократно в течение дня, переправляя снаряды и другие боеприпасы для орудий и морских пехотинцев.

Некоторое время я сидел один, глядя на неглубокую долину внизу, испытывая удовлетворение от того, что мы, возможно, помогли инициировать. Мой взгляд остановился на орудиях. Артиллеристы занимались своими делами с уверенностью, как будто владели этим местом, что заметно контрастировало с тем, как мы крались всего несколько часов назад, избегая любого риска быть обнаруженными. В тот момент я позавидовал обычным войскам, их способу ведения войны, удобству действий в численном составе, их более открытому характеру, их способности передвигаться прямо и при дневном свете, овладевать территорией. Это было так освежающе - быть на открытом пространстве; и неожиданно обнадеживающе - видеть, как Королевская артиллерия занимается своим довольно стилизованным, четко выполненным делом. Казалось, что обстрел подступов к Стэнли - это то, чем они занимаются каждый день.

Они были оснащены 105-мм легкими пушками, способными стрелять фугасными, дымовыми и осветительными снарядами на расстояние до семнадцати километров на максимальном заряде. Это означало, что одним махом мы поставили все аргентинские силы перед Стэнли под удар наших орудий. В мгновение ока Королевская артиллерия стала отвечать на запросы об огне, поступающие с горы Кент. Мне пришло в голову, что они, вероятно, сделали нас ненужными: легче нанести артиллерийский удар по тактическим целям на поле боя, чем участвовать в одном из наших кропотливых рейдов в ближнем бою.

Несколько огневых задач было отправлено из 16 отряда, развернутого в периметре обороны 42. 18 отряд вскоре должен был отправиться в путь, ведя роту морских пехотинцев к горе Челленджер. 17 и 19 отряды были развернуты для обеспечения безопасности тыла Commando и орудий, а

также в качестве резерва. В нашем мире все было в порядке. Я решил немного вздремнуть. Это была долгая ночь.

Сначала Дэнни, Джорди и я решили не спеша позавтракать. Возможно, мы даже разогреем консервированный бекон - удовольствие после нескольких дней, проведенных на холодном пайке, одобренном редким варевом.

Вскоре в котелке весело шипел консервированный бекон, запах которого был просто райским и прекрасно сочетался с успокаивающим ароматом горящего гексамина. Я уже держал в руках кружку горячего сладкого чая, когда один из солдат вышел на связь по рации, прервав наше расслабление. Они сообщили, что, очищая свой район после рассвета, они наткнулись на аргентинца, блуждающего без памяти, вероятно, после контакта накануне вечером. Я сказал, чтобы они привели его к нам. Мы организуем его транспортировку в клетку для военнопленных (PW - Prisoner of War). Джорди предупредил пару своих связистов, чтобы они приняли и охраняли пленного.

Любопытствуя встретиться с врагом лицом к лицу, после завтрака, вместо того чтобы лечь спать, я решил пойти с Дэнни посмотреть на нашего пленника. Джорди, как обычно, был занят кодами, рациями и прочим, оставаясь на месте. PW был крупным мужчиной с индейскими чертами лица, угрюмым, отстраненным, явно не наслаждавшимся своим пленением. Связистам было трудно с ним справиться. Он постоянно вставал, чтобы уйти. Мы усадили его на место, но он почти сразу же встал, чтобы снова уйти, руки глубоко в карманах, плечи ссутулены, надутый, какой угодно, только не покорный.

- Черт побери! Дэнни, ты говоришь по-испански?

Он немного нахватался знаний лет шесть назад, в Буэнос-Айресе, когда мы с ним проходили там подготовку на телохранителей нашего посла.

- Скажи ему, чтобы он этого не делал. Скажи ему, что он пленник. Он не может просто так уйти.

Дэнни собрался с силами, вопросительно и пристально глядя на меня. Затем, поднявшись во весь рост, он повернулся лицом к заключенному.

Стоя прямо перед ним, глядя вверх, на возвышающегося над ним человека, Дэнни ткнул пальцем, чтобы придать вес своим тщательно подобранным словам.

- Para usted, mi amigo, la Guerra es terminado,⁶² - произнес он с пышностью и последним взмахом пальца. Дэнни обернулся ко мне, его лицо озарила широкая ухмылка.

- Знаешь, Седрик, не многим выпадает возможность сказать такое?

Флорес, так его звали, смотрел в пустоту. Не впечатленный, возможно, даже не понимающий, он сначала покачал головой, а затем пренебрежительно помотал головой и пошел прочь. Встав на плоский камень, он принял позу. Плечи расправлены, спина выгнута дугой, он осматривает все вокруг, рассматривая оружие, голова медленно качается вперед-назад, черные пышные волосы развеваются на ветру. Кем он себя возомнил?

Связисты вернули его обратно. Они устали от театральных представлений, их вид начал выводить из себя, все более убийственным образом. Далее, сопровождаемый связистами, он направился в тыл нашей позиции, руки все еще глубоко в карманах, наглый, высокомерный, угрожающий в мачистской манере, небрежно пиная дидл-ди, как будто собираясь уйти от нас.

- Приведите его сюда, - крикнул я его сопровождающему. Усадить его?

Они сделали все возможное, но Флорес не сел, а присел на корточки на своих огромных, мускулистых ногах, словно собираясь в любой момент броситься на нас.

- Мудак, - сказал я. Спецназ? Похоже на то.

Мы порылись в его бергене и РПС, сначала проверив, не обыскали ли его связисты на предмет скрытого оружия. Обыскали. У него его не было. У него было несколько хороших вещей, большая часть которых все еще

⁶² «Для тебя, мой друг, война окончена».

была в оригинальных упаковках, брошенных в его берген без всякого логического порядка.

- Уходил в спешке, - заметил Дэнни.

Мы наткнулись на совершенно новую балаклаву. Я предложил ее ему. Он с презрением отвернул голову. Идиот. Я не против. Я оставил ее себе. В самом низу, Дэнни наткнулся на ПНВ, второе поколение, с превосходной оптикой. Опять же, совершенно новый, в подсумке с запасными батарейками. Мы обратили внимание на его оружие - массивную спортивную охотничью винтовку с огромным оптическим прицелом. Впечатляет, такая штука предназначена для охоты на слонов. И тут мы подошли к боеприпасам: пустотелые, расширяющиеся патроны, достаточно большие, чтобы проделать гигантскую дырку в любом человеке, запрещенные Женевскими конвенциями! Наше удивление и гнев были налицо.

- Что это за хрень? - прорычал я, направив предмет острым концом вперед к его наглой морде.

Нам не нужен был испанский. Он знал, что его раскусили. Это открытие все изменило. Надменного ублюдка осенило. Он находился в плохом месте, среди очень злых людей, которые больше ни на йоту не заботились о его благополучии. Он выглядел менее уверенным, но все еще сердитым. Он сделал вид, будто хочет встать.

- Нет, - тихо сказал я, покачав головой, и наш холодный, неподвижный воздух угрозы подчеркнул, в какой беде он теперь оказался. Мы не очень любим снайперов за то, что они снайперы, но те, у кого есть экспансивные патроны, должны знать, что, если их поймают, они окажутся в глубокой трясине. И Флорес понял, что попал в беду, уловив наше совершенно изменившееся настроение.

Я передал свой Армалайт Дэнни, встал и вставил один из «думдумов» в слонобой. Флорес напрягся. Но я прицелился в лишайник на скале, примерно в двадцати ярдах от него, по одну сторону. Ружье сильно лягнулось, раздался оглушительный грохот. Лишайник выжил. А вот пятачку дидл-ди не повезло. Снаряд угодил в землю, далеко справа,

выбросив вверх внушительный кусок Фолклендских островов. Я был не таким уж плохим стрелком, просто это штука даже не была пристреляна. Я с отвращением бросил ружье. Оно с удовлетворительным клацанием шмякнулось о камни. Флорес понял суть. Мы относились к нему с презрением: дешевка, не лучше гангстера, профессиональный позор.

После этого он успокоился, его животный инстинкт выживания взял верх над его шовинизмом, если это было именно так. Когда мы уходили, вдоволь насмотревшись на него и забрав все, что хотели, из его набора, его охранники спросили, не связать ли его и не накинуть ли на голову мешок. Заманчиво, но это может быть истолковано как сенсорная депривация и необоснованное физическое принуждение, что само по себе является нарушением конвенций. Мы сказали им, что нет, но пусть они снимут шнурки с его ботинок; и пусть помогут себе его вещами, но оставят его хорошо одетым. Когда мы вернулись к Джорди и чаю, я заметил Дэнни, что надеюсь, что мы не единственная сторона, которая «играет в крикет».

Когда мы допивали чай и собирались подняться на вершину горы Кент, чтобы посмотреть, как идут дела у 16 отряда и 42 Commando, Джон Гамильтон промчался мимо к тылу нашей позиции, но через несколько мгновений бросился обратно. Через несколько секунд после этого он снова помчался в тыл, его ноги превратились в сплошное велосипедное пятно, а за ним следовали один или два бойца из его отряда. Его беготня туда-сюда противоречила спокойствию утра, согретого солнцем и укрытого от слабого прохладного ветерка.

- Он всегда такой перед завтраком? - сдержанно спросил я, размышляя о его утренней энергии, не ища ответа, спокойно относясь к жизни и размышляя о том, когда мы сможем выпить две из четырех миниатюрных бутылочек аргентинского виски, которые мы нашли среди пайков Флореса. Две другие достались связистам.

- Еще один вражеский патруль идет в нашу сторону, - проворчал Джорди, принимая вызов на УКВ.

- Он его контролирует.

На этот раз светлое время суток. Мы должны взять его на мушку. Я решил понаблюдать.

Их было пятеро, по всей вероятности, еще один патруль спецназа, они бродили прямо на открытом месте и не пытались использовать землю, чтобы скрыть свое продвижение. Выглядели они довольно жалко, безобидно. На самом деле они представляли собой реальную угрозу, заходя в тыл оружейной линии. Хуже того, они приблизились к низколетящему маршруту вертолетов, которые входили и выходили из LZ горы Кент. Джон должен был быстро их уничтожить, пока вертолеты не вернулись.

Как раз в тот момент, когда враг приблизился к быстро созданной засаде, патруль начал удаляться на юг. Отряд открыл огонь, два GPMG среди них, подавляющий огонь, мощная смесь одиночных прицельных выстрелов из винтовок и коротких очередей тщательно направленного автоматического огня. Противник нырнул за большой камень, для всех там было мало места, появлялись ноги, затем исчезали, снова появлялись и снова исчезали. Они были на достаточном расстоянии от нас, не намного меньше того расстояния, на котором сгорают трассеры. Пули вбивались в камень и землю вокруг. Трассеры рикошетили в небо или кружились вокруг вереска. Должно быть, там, внизу, был настоящий ад.

Вскоре из-за скалы показался приклад винтовки, махавший взад-вперед, затем клочок белой ткани. Джон тут же остановился. Хорошо. Затем он и его отряд вскочили на ноги и бросились вперед. Не совсем хорошо. Не самый лучший способ принять капитуляцию, если это было то, что они задумали. А что у них на уме? Я взял себя в руки и побежал догонять их. Мне не стоило беспокоиться. К тому времени, как я добрался до скалы, патрульные медики уже добродушно спорили между собой о том, как лучше оказать первую помощь: у троих противников были относительно легкие повреждения конечностей. Я оставил их, посоветовав Джону передать пленных в штаб, чтобы они присоединились к Флоресу для эвакуации в тыл.

Это был четвертый вражеский патруль примерно за 48 часов, каждый из которых был остановлен на своем пути и понес потери. Мы можем сказать о двух убитых и шести пленных, из которых трое были ранены. Еще восемнадцать человек были рассеяны или лежали где-то мертвыми или ранеными. Если это была программа патрулирования противника с целью оспорить наши подступы к его основным оборонительным сооружениям, то мы, несомненно, если не полностью разгромили его на этом участке, то, по крайней мере, нанесли ему поражение.⁶³

Тем не менее, мы отметили, что артиллеристы сделали несколько довольно точных залпов контрбатареистой стрельбы, тяжелыми 155-мм снарядами, разрывающимися в воздухе над гребнем, лежащим в нескольких сотнях метров впереди оружейной линии. Это наводило на мысль, что противник может вести огонь, используя артиллерийский радиолокатор, из-за своих передовых позиций или с НП впереди, а возможно, и с того, и с другого. Отрядам было приказано проводить патрулирование и вести постоянное наблюдение за окружающей местностью. Мы ничего не обнаружили, ни НП, ни остатков предыдущих контактов, ни других вражеских патрулей.

После всех этих отвлекающих моментов я в конце концов поднялся на гору Кент и обнаружил, что 16 отряд и 42 Commando имели вид с трибуны прямо на Стэнли. Позиции противника были разложены перед нами. Со временем можно будет точно определить почти каждую позицию. Это действительно был собственный Монте-Кассино на Фолклендах. У орудий было не так много боеприпасов, но 16 отряд успел пострелять по появившимся целям. Я мог видеть еще одну, примерно в трех-четырех километрах, длинную линию войск, терпеливо стоящих на открытом месте, скорее всего, в очереди за едой. Что может быть более удручающим, чем попасть под обстрел, стоя в очереди за едой? Множество вещей, но это казалось достойной целью:

⁶³ Аргентинцы развернули патрульный заслон перед Стэнли, чтобы уничтожить наши разведывательные силы и другими способами сорвать продвижение из Сан-Карлоса. Из 170 человек, имевшихся в наличии для этой миссии, было задействовано пятьдесят, из которых тридцать два были убиты, ранены или потеряны иным образом, причем значительная часть из них приходилась на долю эскадрона.

концентрация врага на открытой местности. Мы попросили огонь и сразу же получили «трубу» для наводки. Снаряд прошел над головой. Мы не видели падения снаряда. Противник продолжал выстраиваться в очередь. Еще один выстрел. На этот раз мы все внимательно наблюдали. Ничего.

- Вот в чем проблема, - сказал кто-то сзади. - Это маленькие снаряды, и они уходят в торф. Ничего особенного не видно.

- Дым?

- Не очень много, видимо, я думаю, они сдерживают его.

Не желая тратить боеприпасы и думая, что такие вещи лучше оставить боевой группе, мы остановили орудия, поблагодарив их. Аргентинцы продолжили трапезу, а мы - наблюдение и непринужденную болтовню.

Вскоре после этого, слева от нас, в поле зрения появился Harrier, который пронесся через промежуток между горами Эстансия и Верне. Разразился настоящий ад, шум донесся до нас, огромная, злобная масса огня из стрелкового оружия. Никакого вреда. Он пролетел через пропасть, предположительно застав врага врасплох. Невероятно, но через несколько мгновений самолет снова появился из-за дальних холмов, чтобы повторить заход по тому же курсу. Зачем? Какая цель может быть настолько важной, чтобы оправдать одновременное нарушение «Правил 1 и 2 атаки истребителями»: никогда не заходить дважды, и никогда, никогда, никогда не заходить на одну и ту же траекторию. Безумие. Конечно, он был сбит. Я уже был свидетелем именно такого случая: Strike Master в Дофаре был сбит во время второго захода по идентичному профилю атаки. Harrier качнуло, сильно дернуло, он пытался набрать высоту, шатаясь, прежде чем исчезнуть в направлении моря и своей «мамы».

Если это было плохо, то то, что происходило дальше, было слишком тяжело смотреть: медленно разворачивающееся шоу ужасов. Sea King с подвешенным грузом, вероятно, боеприпасами для пушек, пронесся над головой, затем спустился по склону к нашему фронту. Он летел к врагу на небольшой скорости, по абсолютно прямой линии, на высоте около

шестидесяти футов над землей. Можно было почувствовать неуверенность в кабине, когда они работали, чтобы сопоставить местность с картой, а бортмеханик сзади сканировал зону высадки и наземную группу. Они должны были знать, что мы находимся не дальше горы Кент, а за ней, несомненно, только враг. Как они могли пролететь прямо над самой большой горой в этом районе и не заметить ее? И как они могли не заметить Стэнли, приближающийся по носу, всего в девяти милях от нас, мерцающий в солнечном свете? А в миле или двух впереди, на открытой местности, находились вражеские войска, которые все еще терпеливо стояли в очереди за своим обедом, или это был завтрак? Они летели. В любой момент враг должен был заметить их. Возможно, они и заметили, но насмешки победили войну. В противном случае, если эпизод с Harrier был хоть сколько-нибудь показателен, все быстро закончится. Мы все смотрели в ужасе, замороженные, безмолвно умоляя экипаж повернуть назад.

В тени к северу от горы Ту-Систерс наступил переломный момент. Медленно, мучительно медленно, пилот сделал плавный, пологий поворот, чтобы не допустить колебаний груза. Затем, с не меньшей осторожностью, чем входил, он бесстрастно полетел обратно, сохраняя свой обдуманый, неторопливый темп. Большинство людей бросили бы груз и бросились наутек, но не эти. Возможно, их навигация была под вопросом. Возможно, их просто плохо проинструктировали. Но это были стойкие, преданные своему делу летчики Королевского флота, выполнявшие задание по доставке груза. И они собирались сделать именно это, доставить весь груз в целости и сохранности.

Мы молча подбадривали их. Я хотел отвести глаза, но лишь беспомощно смотрел на них. Чего ждал враг? Они должны были их увидеть. Возможно, аргентинцы не могли найти в себе силы сбить экипаж с таким безмятежным, неугрожающим спокойствием; или, возможно, они не могли поверить, что это один из наших так далеко впереди. И вот он уже почти дома, вертолет мало-помалу поднимается обратно по крутым восточным склонам горы Кент. Наконец, он прошел над головой не более чем в быстром прогулочном темпе. Мы помахали им, как в знак облегчения, так и для того, чтобы поприветствовать их возвращение, наша привязанность к военно-морскому флоту возросла еще на одну

ступень. Они пролетели мимо, бортмеханик в дверях был явно невозмутим, небрежно подняв большой палец в знак приветствия.

Поздним вечером у Эстансия-Хаус, в трех или четырех милях от нас, мы увидели сотни бойцов, двигавшихся со стороны Тил Инлет, многие из них мельтешили вокруг поселка и его зданий, другие расходились веером, а третьи целенаправленно двигались по направлению к Стэнли. Мы приготовили пушки, враг на открытой местности, много врагов. Но что-то заставило нас задуматься. Эти войска казались другими, их движение было медленным, хотя и уверенным, как будто отягощенным тяжестью снаряжения. И они были темнее, чем враг, которого мы видели до сих пор, чьи оливковые мундиры хорошо сочетались с лугом. Эти войска выделялись больше, почти черные на фоне серо-зеленых тонов окружающей местности. И не красный ли это цвет? Осознание нахлынуло на нас. Бордовый! Paras! Это, должно быть, наши. Оказалось, что это 3 PARA, идущие из Сан-Карлоса, расстояние около пятидесяти миль. Мы отменили арту, чувствуя себя довольно виноватыми: еще один артиллерийский обстрел! Я начал не доверять себе в обращении с оружием.

Мы не знали о перемещении 3 PARA, не говоря уже о предполагаемом времени прибытия, что, вероятно, было моей ошибкой. Мы установили связь с 42 бригадой, но, очевидно, недостаточно тесную. Очевидно, что все не могло продолжаться так, как было, когда мы действовали независимо в боевом пространстве 3 бригады Commando. Если мы хотели избежать несчастных случаев, мы должны были перейти под тактическое управление бригады, быть скоординированными в бою, как и любой другой актив бригады. У меня не было доктринальных разногласий по этому поводу, если это оправдывалось поставленной задачей. И вот тут-то и возникла загвоздка. Я не мог понять, что мы могли бы сделать такого, чего не смог бы сделать кто-нибудь из личного состава бригады, если не лучше, учитывая, что мы не имели практики на уровне бригады. Конечно, одно дело - вступить в бригаду, совсем другое - вернуться обратно, если мы захотим или понадобится для работы на более высоком уровне. Бригада привыкает к тому, что мы у нее есть, и, соответственно, неохотно отпускает нас. Я уже сталкивался с этим на другом оперативном театре. Поэтому, вместо того чтобы подчиняться

бригаде, казалось предпочтительным уйти с дороги. Мы сделали все, что от нас можно было ожидать в районе горы Кент. Мне хотелось думать, что мы внесли весомый вклад, помогли начать наземную кампанию и перебросить регулярные войска на жизненно важную территорию, в нужное место на карте для того, что, несомненно, должно было стать приближающейся кульминацией. Мы должны двигаться дальше и попытаться найти работу сопоставимой эффективности, желательно в глубине и в нашем собственном боевом пространстве. RHQ согласился. Вскоре после этого мы уехали.

15. На запад

Прибыв в Сан-Карлос, мы обнаружили, что *Intrepid* вернулся в море, повсюду 5 бригада, с жильем туго. Тем не менее, вопреки, должно быть, почти непреодолимым трудностям, Грэм обеспечил нам место на *Fearless*, снова перевезя свои тонны оборудования и материальных средств. Этого будет достаточно, пока мы не найдем место, более подходящее для наших нужд: менее людное, с меньшей вероятностью уплыть, с меньшей вероятностью быть потопленными. Хорошо бы было где-нибудь на берегу, но наши базовые средства связи нуждались в электроэнергии. У нас не было подходящего генератора. А все места в поселениях и среди них уже давно были заняты.

Сан-Карлос выглядел более оживленным, чем когда-либо, а зона технического обслуживания вооруженных сил представляла собой сцену непрерывающейся работы, небольшие суда и вертолеты прибывали и убывали, все намереваясь переправить грузы войскам в Стэнли. Мы находились в самом сердце нашего предприятия, в точке пересечения, где 8000-мильная линия снабжения вливалась в битвы и сражения, а вместе с ними - в надежды и ожидания нации. Если бы это место пало, сухопутная кампания потерпела бы неудачу, в том виде, в котором она была разработана в настоящее время. Но неутомимая энергия Сан-Карлоса, его целеустремленный ритм повышали нашу уверенность. Мы знали, что батальоны могут это сделать. Мы сами видели их решимость и спокойную, профессиональную убежденность. Здесь было доказательство того, что они получат все необходимое для этого. Кто может сомневаться в определяющей силе логистики?

Вскоре после того, как мы поднялись на борт, начался воздушный налет. Мы держались в стороне, надеясь на лучшее, так как *Fearless* был очевидной и ценной целью. Пара самолетов А4 прошла сквозь нас, но ни одна из сторон не пострадала. Штаб 3 бригады *Commando* высадился на берег некоторое время назад, чтобы расположиться на пляже, как в целях безопасности, так и по соображениям пространства. Мы должны постараться сделать то же самое. Майк Роуз обратил наше внимание на *Sir Lancelot*, разгруженный логистический корабль, который попал под бомбардировку и теперь ожидал ремонта. Он стоял в конце бухты. Он

рассудил, что он должен быть маловероятной целью для вражеской авиации, поскольку в него уже явно попадали. Кроме того, он был хорошо укрыт за невысоким холмом и в стороне от обычного маршрута вражеских бомбардировок, а значит, к нему трудно подобраться. Почему бы не взглянуть?

Я отправился туда сам, взяв с собой небольшую разведгруппу, в которую входил Джорди, чтобы проверить, сможет ли корабль поддерживать нашу связь. Когда мы оказались на борту и начали спускаться по трапу вниз, корабль перешел в режим «Красный сигнал воздушной тревоги», предупреждение прозвучало по системе оповещения в тягучих, занудных, скучающих тонах. Видимо, чтобы создать атмосферу спокойствия. Мгновенно началось столпотворение, что подтвердило наше предположение. Как будто из ниоткуда, появилось удивительно большое количество оживленных китайцев - судовых прачек.⁶⁴ Один из них попытался протиснуться мимо нас, чтобы пройти наверх, предположительно на свое рабочее место. Примечательно, что на нем был старинный стальной шлем времен Второй мировой войны и круглые очки в роговой оправе - честное слово!

Он умолял меня убраться с дороги, бешено переминался с ноги на ногу, то так, то эдак, с нарастающим отчаянием пытался протиснуться мимо меня, подняться по узким ступенькам. Я с такой же энергией пытался выполнить его просьбу, срочно пытаюсь сделать себя менее заметным, двигаясь из стороны в сторону в непреднамеренном, синхронном противодействии.

Сверху доносилось заунывное «пом, пом, пом» - корабль мягко вибрировал, стреляя из своего старинного орудия Vofors времен Второй мировой войны по какому-то аргентинцу. Мой невольный спутник по танцам удвоил свои усилия, чтобы протиснуться, пробиваясь мимо. Я

⁶⁴ В то время было принято нанимать мужчин из Гонконга для службы на кораблях НМ и RFA в качестве прачек. Им была предложена возможность покинуть корабли в Гибралтаре или на острове Вознесения. Почти все они предпочли остаться на своих кораблях.

повернулся к Джорди, крепко прижавшись к переборке, чтобы не мешать остальным промчаться мимо.

- Мне нравится это место. Что думаешь? - спросил я, не забывая о пушке Vofors. Что может быть лучше, даже если просто использовать ее в качестве дополнительного наблюдательного пункта?

- Сойдет, - прорычал он в своей манере Джорди. Но я мог сказать, что он тоже уже был увлечен *Lancelot*.

Эскадрон D располагается на Sir Lancelot

Капитан и его первый лейтенант поприветствовали нас. Корабль стал нашим домом до конца войны. В нем было много места, много еды, летная палуба и огромная дыра, обозначающая пролет неразорвавшейся бомбы, которая пробила его насквозь. На судне было электричество, оно могло двигаться, но было признано непригодным для плавания. Вскоре мы разместились, и корабль был более или менее в нашем распоряжении. Бойцы проводили время на берегу или в других местах, тренируясь и готовясь, пока руководство эскадрона размышляло над тем, «что дальше?».

В течение некоторого времени дела у аргентинцев шли неважно. Оперативная группа оценивала потери врага в воздухе примерно в восемьдесят самолетов, и понимала, что оставшиеся самолеты испытывают серьезные проблемы с техническим обслуживанием, включая повреждение двигателей из-за попадания соляных брызг.⁶⁵

⁶⁵ Согласно достоверным аргентинским источникам, с 1 мая по 7 июня потери их авиации составили 45 самолетов: 2 - Mirage III, 11 - Mirage V, 16 - A4, 1

Многие из их лучших пилотов были потеряны, что также снижало эффективность их атак. Их военно-морской флот был вытеснен с моря, а армия подвергалась все большей критике за свою пассивную деятельность на сегодняшний день. Военно-воздушные силы чувствовали себя особенно уязвленными, видя, что их героические усилия не были вознаграждены, возможно, даже растрчены. Не самое здоровое и в лучшие времена аргентинское межведомственное сотрудничество начало рушиться.

На высших уровнях любой оптимизм улетучивался; мало кто из вражеских командиров верил в то, что сможет оказать эффективное сопротивление. Вместо этого мысли переключились с успешной обороны Фолклендов на обеспечение приемлемой, если не полностью респектабельной позиции на переговорах. Это побудило некоторых рассмотреть возможность усиления Западного Фолкленда, возможно, по морю, возможно, с помощью парашюта. В оперативном плане это должно было позволить им угрожать нашим тылам, и можно было ожидать, что это улучшит политические перспективы Аргентины в случае урегулирования путем переговоров.

До высадки они использовали парашютное пополнение запасов в рамках воздушного моста между Аргентиной и островами, совершая сбросы в Порт-Ховард и Гус-Грин. По оценкам разведки, после высадки было предпринято еще до пяти попыток, в основном на западе, но все они закончились неудачей, вероятно, из-за погоды, а не из-за нашей противовоздушной обороны. Однако, имея всего полдюжины самолетов C 130 и десять Fokker Friendship, противник мог добиться немногого, используя этот метод доставки, то есть совсем немногого.

Однако в аргентинской прессе появились сообщения о том, что на Западном Фолкленде расположились 1500 полностью экипированных бойцов, чтобы открыть второй фронт и поймать нас в клещи. Возможно, это и фантазия, но усиленный гарнизон на западе вполне мог бы

бомбардировщик Canberra, 14 - Pucara и 1 - C130. Эти цифры должны включать в себя Skyvan и 4 разведывательных самолета Beechcraft Mentor, уничтоженных на острове Пибл, поэтому на долю эскадрона приходится значительный процент потерь тактической авиации Аргентины на театре в тот период.

улучшить стратегическую позицию противника. К этой перспективе следовало отнестись серьезно. По крайней мере, это могло повысить их способность совершать рейды в наш тыл, в том числе в Сан-Карлос, чтобы нанести значительные разрушения и ущерб. Нежелательная возможность того, что вновь активизировавшийся противник будет беспрепятственно владеть Западным Фолклендом, привлекла внимание главнокомандующего в Нортвуде.

Этот вопрос привлек и наше внимание - то, за чем мы должны внимательно следить. Эмоционально мы бы предпочли внести более непосредственный вклад в наступление, кульминация которого наступает перед Стэнли. Но в остальном, учитывая, что в глубине нашего тыла может возникнуть значительная угроза, мы, вероятно, должны сделать что-то, чтобы помочь отразить ее, оставив наши регулярные войска свободными для продвижения вперед, очистив их от всех и всяческих отвлекающих факторов. RNQ согласился и призвал нас сделать именно это: перейти к тому, что очень походило на стратегическую/оперативную оборону.

Мы собрали командную группу эскадрона, Дэнни, Джорди и Грэма, чтобы быстро оценить ситуацию. У нас было не так много информации. Эскадрон G вернул свои патрули с запада неделей ранее, задолго до того, как стали очевидны мысли противника, и когда оперативная группа почти полностью сосредоточилась на Стэнли. После более чем месячного пребывания в полевых условиях в условиях непрерывной тяжелой рутинной работы, в сырости и холоде, без использования современной, защищенной от непогоды одежды, которая только недавно была доставлена из Херефорда, имело смысл привлечь патрули отовсюду, откуда только можно; те, кто находился в Стэнли и вокруг него, оставались на месте до самого конца. Соответственно, при отсутствии разведданных, мы должны были в срочном порядке вновь ввести патрули, чтобы прикрыть основные места расположения противника - Порт-Ховард и Фокс-Бей.

Помимо восстановления разведывательной деятельности, нам нужно было держать элементы эскадрона в состоянии готовности, чтобы использовать любые возникающие возможности. Однако быстрота

реагирования должна была стать проблемой. Все вертолеты были заняты доставкой войск, материальных средств и других необходимых вещей на фронт; мы могли оказаться на отшибе. Если только цель не имела важное значение для кампании, нам трудно было бы получить больше, чем одну единицу техники. Возможно, нам следует принять более продуманный, запрограммированный подход, эффективно бронируя вертолеты для заранее определенной одной или двух атак. Серия рейдов показала бы врагу, что о нем не забыли, что мы имеем влияние на его дела, что усиление Запада опасно, а то и нежизнеспособно. Понятно, что, если «Инт»(штабная разведка) придумает что-то конкретное, нам все равно следует действовать по обстоятельствам. Но, какой бы метод мы ни выбрали, так или иначе, Запад должен быть оспорен. Он должен был казаться врагу таким же опасным, как и любая другая часть островов.

Позже мы собрали все руководство эскадрона, чтобы еще раз проанализировать ситуацию, убедиться, что наша первоначальная оценка имеет смысл, что ничего не было упущено. Эти встречи могли отнимать много времени, но в основном они позволяли тщательно изучить любую ситуацию, часто подбрасывая фантастические и неожиданные идеи. Люди получали возможность высказаться. Это помогало добиться «покупки» окончательного плана. В данном случае мы вернулись к тому, с чего начали, подтвердив курс действий, записанный в нашем «военном дневнике» следующим образом:

Лишить противника передышки и предотвратить подкрепление.

Намерение состояло в том, чтобы удержать врага на Западе в том виде, в каком он был: в стороне от происходящего.

Я обсудил с Дэнни распределение отрядов по задачам. Поскольку Лодочный отряд Теда провел разведку Южной Георгии и острова Пиббл, вероятно, пришло время дать задание другим. Кроме того, мы, вероятно, должны попытаться удержать их от возможности использования лодок в ходе разведки. Так же, поскольку у воздушных войск были «Стингеры», их следовало держать наготове для реагирования на разведданные о вражеских транспортных самолетах.

Таким образом, оставались переформированные горный отряд и мобильный отряд.

Ответственность за разведку Порт-Ховарда и Фокс-Бея легла на отряд Джона Гамильтона. В обоих пунктах уже находились значительные аргентинские гарнизоны, что делало их наиболее вероятными позициями противника для усиления, а значит, естественными целями для нас. Джон был проинструктирован, что атака «в лоб» должна быть нашим предпочтительным вариантом, с использованием корабельных орудий или авиаудара. Но, как и всегда, более скрытные варианты, вплоть до численности эскадрона, будут рассматриваться для любых высокоокупаемых целей, которые могут выиграть от такого деликатного обращения. Короче говоря, это были наступательные действия, триггерные операции, а не наблюдательные патрули. Мы искали, что можно поразить, и рекомендованный метод атаки. Он все прекрасно понимал, решив сам наблюдать за Порт-Ховардом, а Билли Рэтклифф, штаб-сержант его отряда, взял Фокс-Бей.

ВМС беспокоились о возможном присутствии вражеского НП в районе горы Розали, сообщаящего о движении кораблей; цель оперативного значения. Мы должны уничтожить патруль или, по крайней мере, загнать его обратно в Порт-Ховард. В любом случае, это будет очень полезная ранняя победа. Задача выпала на долю мобильного отряда Пита Сазерби. Разумно, что они решили провести разведку, прежде чем выбрать какой-либо конкретный метод атаки.

Вскоре после нашей первоначальной сессии планирования разведка определила район хижины «Крысиный замок» как вероятную зону высадки подкреплений, доставленных на парашютах. Это не казалось очень вероятным местом, но штабная разведка была вполне уверена. Мы чувствовали себя обязанными проверить. Задачу взял на себя воздушный отряд. Они должны были поставить НП, чтобы держать район под наблюдением, развернув «Стингеры», чтобы воспользоваться любой пролетающей целью; в противном случае, мы попытаемся усилить их, если разведданные подтвердятся.

Вскоре были успешно высажены несколько патрулей, а оставшаяся часть эскадрона приготовилась к ответным действиям. Через день или два мы обнаружили, что враг едет по дороге на автомобиле из Порт-Ховарда в сторону Фокс-Бей. Или так, или по нашим предположениям, офицеры время от времени выезжали на рыбалку в несезон на реку Уорра, известной своей морской форелью. Лодочному отряду было поручено уничтожить «рыболовов», если это было именно так, в точке, удаленной от поселения.

Если мы сможем «накрыть» НП «Гора Розали» и нанести удар по «рыболовам», то аргентинцы в Порт-Ховарде, в частности, должны почувствовать себя весьма осажденными. Добавьте к этому атаку на одно или другое поселение, основное местоположение противника, или успех со «Стингером», и дело будет сделано, противник будет чувствовать себя прижатым к земле, не желая соваться в окружающую местность.

С четырьмя возможными действиями и большинством оставшихся на берегу бойцов, тренирующихся в светлое время суток, наступило относительно спокойное время для SHQ, спокойствие нарушалось ненадолго в большинстве дней, когда китайцы и другие члены экипажа уходили на свои боевые позиции по сигналу «Красный сигнал воздушной тревоги». Как-то раз заунывные «трубы» системы оповещения пропели:

«Кто бы ни был тот, кто зашел на борт, пусть найдет свою нежность в 600 футах позади».

Sir Lancelot, хорошо переносящий свои повреждения, был кораблем, спокойно относящимся к своей участи; буквально в первой линии, хотя и немного в стороне. В ожидании ремонта он дрался как мог, его орудие Vofors зафиксировало несколько попаданий. Артиллеристы просто наводили орудие на заранее пристрелянные точки, отстреливая обойму боеприпасов, опережая несчастных аргентинских летчиков, которые, имея только одну точку входа в этом конце бухты, должны были раз за разом заходить по одному и тому же пути.

Именно в это время командир, Майк Роуз, инициировал стратегию воздействия на уровень кампании. У него всегда было много ярких идей,

настолько много, что они могли утомить тех, кто их получал. Хитрость в борьбе с ними была двухсторонней и совершенно необходимой, если вы хотите сохранить рабочую нагрузку на управляемом уровне. Во-первых, постараться свести к минимуму встречи с ним лицом к лицу, поскольку его мысли могли вырваться наружу в разговоре; и во-вторых, принимать только те идеи, которые нравятся, или те, которые получают второе упоминание, поскольку он будет быстро двигаться дальше, забывая большинство из них в своем стремительном движении по жизни. Этот человек был «ретранслятором».

Он разместил свой штаб рядом с 3-й бригадой Commando в одном из поселковых зданий в Сан-Карлосе, разделив жилье с хозяевами. Майк, домоладцы и один или два его подчиненных сидели за кухонным столом и пили пиво, а его мозг беспокойно шевелился, устанавливая связи.

Наши нынешние обстоятельства напомнили ему ситуацию с заложниками/баррикадами в Кенсингтоне, хотя и в гораздо большем масштабе: аргентинская армия заперла в Стэнли наших людей против их воли. Несмотря на это, ее основы не так уж сильно отличались от осады Принцесс Гейт. В обеих ситуациях были общие принципы. Например, в таких условиях было крайне желательно установить связь в попытке достичь урегулирования путем переговоров, а не путем непредсказуемого и опасного применения силы. Столичная полиция добилась такой связи в Принцесс Гейт, внося существенный вклад в конечный успех.

Конечно, это было нечто большее, чем просто открытие канала связи. Это требовало умелого выполнения хорошо продуманной стратегии переговоров. Майк работал над этим вместе с уроженцем Коста-Рики, капитаном Робом Беллом. Белл свободно и идиоматично говорил на латиноамериканском испанском языке и помогал при капитуляции в Дарвине/Гус-Грин. Они вдвоем проконсультировались со старшим аргентинским офицером, военнопленным на борту *Fearless*. Он посоветовал им подходящие темы и подводные камни, которых следует избегать, предложив начать разговор как можно раньше. Они должны сами разработать специфику своего сообщения. Он не стал помогать с этим, сказав, что их подход потребует тщательного выбора времени.

Проще говоря, чем хуже перспективы врага, тем более восприимчивым он должен стать к благожелательному подходу. Скорее всего, это произойдет, когда оборона противника перед Стэнли начнет рушиться, когда исчезнет всякая надежда на помощь. Роуз и Белл знали достаточно, чтобы воззвать к порядочности и человечности аргентинцев и помочь им сохранить чувство собственного достоинства. Они проинформировали CLFFI. Мур был доволен, позволив им двоим заняться этим вопросом, по сути, оставив им разработку нашего подхода к капитуляции противника на Фолклендах. Но оставался вопрос о линии связи.

Как-то незаметно разговор за столом перешел на медицинские вопросы. Жители Фолклендских островов упомянули о своей системе «врачебных обходов» - ежедневном приеме по радио, когда терапевт в больнице в Стэнли проводил прием. Это происходило чаще всего по утрам. Больные люди, находящиеся в поселениях, могли сообщить о своих симптомах по радиосвязи. Врач на другом конце линии давал указания по лечению, часто с назначением лекарств из пакета, предоставленного больницей для хранения управляющими поселениями. Конфиденциальность, когда это было необходимо, достигалась переключением врача и пациента на другой канал, предназначенный для более частного использования; конечно, большинство людей переключались вместе с ними, чтобы быть в курсе событий, особенно когда речь шла о случаях, представляющих интерес. К счастью, в Сан-Карлосе была телефонная связь, что позволило решить проблему врачебной тайны. Оказалось, что служба все еще работает - аргентинские оккупационные войска оставили ее открытой из гуманитарных соображений.

Майк сразу же загорелся.⁶⁶ Может быть, это и есть та связь, которую они искали? Может быть, это средство? Его мозг бешено метался в поисках перспектив: возможно, прямая связь с самим вражеским командиром.

⁶⁶ Идея переговоров на оперативном уровне, вероятно, впервые зародилась во время разговора между Майком Роузом и Крисом Киблом, исполняющим обязанности командира 2 PARA, на следующий день после битвы при Дарвине/Гус-Грин. Битва завершилась переговорами, проведенными через пленного аргентинского офицера, которому помогали капитан Роб Белл и падре батальона Дэвид Купер.

Могут ли они оказать психологическое давление? Смогут ли они смягчить конфликт? Они должны попытаться развить взаимное уважение, возможно, даже больше? Это должно помочь, когда дело дойдет до обсуждения принципов и условий капитуляции, не так ли?

Он подумал, что надо попробовать, позвонить прямо сейчас. Больница отозвалась почти сразу. Майк ответил, что никогда не чувствовал себя лучше, после чего объяснил, кто он такой и что хотел бы поговорить с аргентинским офицером. Медсестра на другом конце провода, жительница острова, сказала, что найти такого офицера не составит труда, другое дело - соединить с ним. Дайте ей время, чтобы найти подходящего человека.

Майк бросился на поиски Роба Белла. Они установили первый контакт 5 июня, вскоре после того, как мы все вернулись с горы Кент, вскоре после утреннего завтрака. Они связались с капитаном аргентинского флота Барри Мельбурном Хасси, главным административным офицером в штабе Менендеса. Он объяснил, что у него нет полномочий обсуждать капитуляцию, но все согласились, что имеет смысл открыть канал связи между двумя сторонами и их соответствующими штабами. Он будет слушать каждый день в 13:00 по местному времени. Белл заверил Хасси, что линия на нашем конце будет обслуживаться двадцать четыре часа в сутки.

С самого начала разговор был цивилизованным и вполне разумным. Возможно, любезный тон помог удержать конфликт в рамках, и в конечном итоге нам удалось достойно пережить весьма нестабильные заключительные часы конфликта. В какой-то момент был поднят вопрос о важности защиты гражданского населения. Противник поспешил заверить Майка, что они понимают свою ответственность и что все меры предосторожности принимаются. Это оказалось блестящей инициативой, ценным вкладом, продуктом хорошо продуманного оппортунизма. Это подчеркнуло ценность смелости в продвижении ответственности через организацию, поощрения подчиненных к тому, чтобы они брали на себя ответственность, стремились к ней, и думали самостоятельно.

На борту *Lancelot*, не зная о работе командира над стратегией капитуляции, мы обнаружили, что на корабле есть практически все, что мы могли разумно пожелать. Было много хорошо приготовленной пищи. У большинства людей была кровать или достаточно места на палубе, чтобы поставить башу. Поначалу была проблема со связью, но вскоре Джорди полностью наладил ее, подключил нас к Великобритании и ни разу не потерял связь с патрулями на берегу. Ему даже удалось установить прямую связь со штабом RHQ в Сан-Карлосе. Однако меня это не очень впечатлило, я предпочитал рабочую связь с вышестоящим штабом, без излишнего шума. Мы даже нашли падре, который провел службу или две, чтобы удовлетворить наши духовные потребности. На них всегда было много народу, включая самых жестокосердных из нас. Подобные собрания, когда мы разделяли более мягкие, более духовные моменты вдали от войны, укрепляли человека, не в каком-то ура-патриотическом смысле, а тихо. Среди всех волнений и суровости это помогало вспомнить о нашей общей человечности.

Джорди впервые предупредил нас о неприятностях, когда связисты засекли внутрипатрульную УКВ-связь нашего патруля в Порт-Ховарде. Было раннее утро.

Один из связистов пытался предупредить другого о присутствии крупных сил противника, готовых вот-вот обрушиться на них. Это было ужасно. При получении новостей я почувствовал физическую тошноту. Это был кошмар, ставший явью: угроза в тылу врага. Всю войну я с ужасом ждал этого момента, зная, что он должен наступить. Я инстинктивно и бестолково взглянул на часы, чтобы подсчитать время, оставшееся до сумерек. До наступления темноты оставалось несколько часов.

Я молился, чтобы патруль избежал обнаружения. Это было маловероятно. Судя по всему, позывные звучали отчаянно, почти умоляя ответить на другом конце; враг должен был быть очень близко, так как они передавали шепотом. Я знал, что Джон, если его обнаружат, скорее всего, попытается вырваться. Это была встроенная, инстинктивная реакция, его приверженность принципу, что позиции SAS - это улы, а не гнезда. Шансы должны были быть сильно против успеха. Патруль из четырех человек был создан для того, чтобы избежать обнаружения и

уклониться, а не для того, чтобы встретить и победить численно превосходящего противника. Перспективы были мрачными. На первый взгляд, делать было практически нечего. Но мы не могли просто сидеть сложа руки. Возможно, мы успеем добраться туда вовремя и помочь переломить ситуацию. Или, может быть, мы сможем перехватить врага на обратном пути на базу, разгромить его и освободить всех пленных. Может быть, придется просто отправиться к аварийному RV патруля, чтобы вернуть всех ускользнувших. Все это было довольно безысходно и уныло. Но мы не могли просто сидеть сложа руки. Мы оповестили наши силы быстрого реагирования (QRF).

Однако получить в свои руки вертолет, чтобы доставить нас через Фолкленд-Саунд в район объекта, оказалось непросто. Хотя это и ожидалось, в сложившихся обстоятельствах это стало шоком. Патруль Джона столкнулся с тем, чего мы боялись больше всего. Мы не могли понять, почему другие не видят и не разделяют нашу тревогу. Возможно, они видели в этом только профессиональный риск, который нужно принять как часть своей судьбы. Это была война, и, учитывая ее масштабы, что можно сказать о патруле из четырех человек? Возможно, в какой-то степени эмоционально я считал, что мы заслуживаем лучшего; объективная реальность ситуации жестко меня осадила.

Джону Гамильтону и его команде понадобилось два дня, чтобы занять позицию для наблюдения: два человека - впереди, наблюдая за объектом, вторая пара - в нескольких сотнях метров или около того сзади. Места были расположены таким образом, чтобы одна пара могла поддержать другую огнем в случае необходимости. Стремясь поскорее начать работу, Джон отправился с Роем Фонсекой в то первое утро на цель. Он надеялся найти что-нибудь важное, узел связи или штаб.

Была ветреная, по-зимнему промозглая погода, на камнях и траве лежал тонкий слой снега. Кусачий, сырой ветер пронизывал до костей. Рой дрожал, откусывая шоколадку, похожую на камень; скудный завтрак, но такова суровая рутина. Открытые луга выглядели достаточно мирно. Темные каменистые обнажения и скалистые вершины возвышались над травой и вереском, создавая ощущение скупой суровости. Далекие виды на серое стальное море не приносили облегчения. Они называли это

место страной овцеводов, но не то чтобы здесь было много овец, поскольку они были разбросаны по огромной территории. Порт-Ховард был одним из крупных поселений на Западе, больше ранчо, чем ферма, скот был почти диким и разбежался при малейшем появлении человека.

Рой наблюдал, как снег оседает на его одежде, тает то тут, то там. Он смахнул его. Он чувствовал беспокойство. Что-то было не так. Сработало его шестое чувство. Затем он понял это, его нутро сжалось от осознания. Там, у его ног, между двумя камнями лежал клочок бумаги, обертка от конфет. Кто-то уже был здесь раньше. И если кто-то был здесь, он может вернуться. Патруль должен уйти отсюда; но уже рассвело. Им придется продержаться до конца дня и дожидаться темноты, прежде чем двинуться в путь. Впереди было восемь или более долгих, тревожных часов. Он посмотрел в ту сторону, где сидел Джон, глядя в сторону поселения. Он попытался привлечь его внимание, рассказать о том, что обнаружил. Он осторожно бросил щепотку камешков. Джон оглянулся, подтвердил, что понял, а затем подал знак, что собирается облегчиться. Через несколько секунд он вылетел из-за угла:

- Черт возьми, Фонц, мы окружены!

Почти в тот же миг Рой услышал металлический стук гранаты, отскочившей от камней и упавшей на их позицию. Времени на то, чтобы встать и бежать, не было. Они оба бросились на землю, грохот разорвал воздух. У них звенело в ушах, в остальном, что удивительно, ни царапины.

- Около десяти, - ответил Джон на вопросительный крик Роя: плохо, но не безнадежно.

Они были хорошо вооружены, у обоих были скорострельные штурмовые винтовки, идеальные для боя в ближнем бою, и много боеприпасов. Они занимали крепкую позицию, защищенную от пуль, с хорошим обзором. Кроме того, с позиции в тылу можно было вести огонь, ставя противника в затруднительное положение. Возможно, даже удастся переломить ситуацию, разгромить вражеский патруль, не говоря уже о побеге. Рой не мог понять, почему перекрестный огонь не был открыт раньше, и как враг смог подойти к ним сзади без предупреждения. Он взял рацию,

чтобы установить контакт и сообщить о своем намерении атаковать врага. Ничего, кроме помех. Это было частью ответа: сбой связи. Почему связь всегда отказывала в критические моменты? Нет смысла терять время. Они должны были действовать, и быстро.

К сожалению, аргентинцы действительно зашли со стороны тыловой позиции, прямо через нее. С рассветом «тыл» обнаружил врага, много людей, в нескольких футах от них. Два члена патруля находились прямо посреди них, и у них практически не было шансов открыть радиосвязь, не будучи услышанными. Им пришлось бы сначала отползти в сторону, чтобы оказаться вне пределов слышимости, прежде чем предупредить Джона и Роя. Это заняло целую вечность, в течение которой, неизвестно для них, несколько противников продвинулись дальше по склону в направлении НП. В конце концов, они нашли место, откуда можно было попытаться передать сигнал, хотя аргентинцы все еще находились рядом. Но они потеряли прямую видимость с НП, а вместе с ней и связь. С нарастающим отчаянием они попытались вызвать Джона и Роя. Не добившись связи, они переместились на позицию, с которой можно было бы вести поддерживающий огонь, если потребуется. В этот момент они услышали гранату, за которой почти сразу же последовал огонь из стрелкового оружия. События ускорились настолько, что они уже не могли повлиять на них.

После гранаты, находясь на передовой позиции, у Джона и Роя не было времени на раздумья. Они отреагировали инстинктивно. Они будут пробиваться наружу. Нет смысла уходить от врага. Это привело бы к тому, что они устремились бы к морю и в конце концов оказались бы прижатыми к береговой линии. Они должны вернуться на холм, вклиниться в ряды врага и прорваться сквозь них, чтобы уйти, и, возможно, по пути подобрать вторую пару. Рой вырвался из укрытия, чтобы занять первый рубеж. Джон прикрывал его. Разворачиваясь, один вел прицельную стрельбу, другой мчался, они надеялись отбросить врага назад стремительностью и дерзостью своего натиска. Невероятно, но Рой с восторгом принял вызов, чувства бурлили, сердце колотилось. Услышав сзади огонь Джона, он выскочил на открытое пространство и выпустил гранату из своего M203.

Она безвредно пролетела над головами врагов, находившихся впереди него. Позже один из членов аргентинского патруля сообщил, что «очень смелый, агрессивный темнокожий человек выскочил на них с оружием наперевес».

На мгновение показалось, что это сработало. Ближайший противник отпрянул, ошеломленный скоростью и свирепостью контратаки, интенсивностью и объемом огня. Аргентинцы бросились в укрытие. На несколько мгновений возникла возможность спастись. Но враги были слишком многочисленны; они быстро преодолели свое удивление. Они собрались, их огонь становился все более интенсивным и точным, но никогда полностью не прекращался. Конец наступил быстро, с ужасающей неизбежностью.

Трудно было бы сказать, в кого попали первым. К тому времени и Рой, и Джон сражались на открытой местности, встречая врага лоб в лоб. Для Роя удар был подобен удару кувалды, он задел руку, винтовка отлетела в сторону. Он упал на землю, его куртка была вся в дырах, но в остальном он остался невредим. Он потянулся за своим оружием. Джон тоже прекратил огонь, смертельно раненный в спину. Рой попытался сделать последний бросок игральные кости. Он выкрикнул приказ, приказывающий врагу остановиться. Невероятно, но они так и сделали: осторожно подошли вперед, направили оружие, чтобы взять его в плен. Они немедленно оказали Джону первую помощь, но не смогли спасти его жизнь. Контакт длился совсем недолго.

Находясь в Сан-Карлосе, мы в конце концов получили вертолеты. Не сумев получить их самостоятельно, мы обратились за помощью в RHQ. Майк Роуз отправился прямиком на самый верх, в COMAW, к коммодору Клэппу. Последовал жаркий обмен мнениями, поскольку COMAW придерживался соглашения об использовании недостаточного количества вертолетов: все на переброску боевых групп и их боеприпасов. Это был момент высокой драмы и некоторых эмоций. Клэпп понимал срочность и моральные аспекты нашей просьбы об использовании двух вертолетов. У него были ресурсы, готовые взяться за дело, его собственные пилоты. Но он мужественно и решительно придерживался согласованных приоритетов, пока не вмешался бригадный генерал Уотерс, заместитель командующего сухопутными войсками. Уотерс ясно видел обе стороны и предложил, что логистический поток может выдержать потерю пары вертолетов на короткий период. Он сообщил, что сухопутные войска не возражают. QRF может быть отправлена на вертолете, исключение будет сделано только на этот раз.

С этим заверением и с доброй милостью коммодор Клэпп освободил два Sea Kings от логистической нагрузки, признавая, что это был очень напряженный момент, один из тех случаев, когда могут быть сказаны вещи, которые желательно не говорить, когда рациональность и логика могут быть побеждены, как порой бывает, велениями не головы, а сердца.

Мы быстро двинулись в путь. Когда мы пересекали пролив среди бела дня с приближающимся вражеским побережьем на носу, я заметил, что пилоты сжались в своих креслах. Им это не нравилось. Я не мог понять, в чем проблема. Нужно быть очень невезучим, чтобы столкнуться с вражеским истребителем, охотящимся здесь за вертолетами. Я полагаю, что был шанс наткнуться на вражеский истребитель-бомбардировщик, совершающий отход из Сан-Карлоса. Но шансы, наверное, невелики. И надо быть совсем невезучим, чтобы наткнуться на наземные силы, помимо патруля, который мы уже обнаружили, и который мы надеялись встретить и взять на себя в любом случае.

Когда вертолеты покинули точку высадки, и мы рассыпались в строю для того, что могло быть равносильно продвижению к контакту, я заметил, что на мне все еще мои ботинки для джунглей, обувь, которую я приберег для теплого комфорта кораблей. Большая ошибка. Мы уходили в спешке. Это будет некомфортно.

Если не считать моих замерзших ног, развертывание оказалось совершенно непримечательным. Мы слишком опоздали, чтобы вмешаться. Отбросив все мысли о перехвате врага или обращении ситуации в свою пользу, мы направились к аварийному RV патруля в надежде забрать двух уцелевших. Двигаясь по открытому лугу, я заметил движение на самом краю периферийного зрения, справа. Повернувшись, я увидел два Sea Harrier в футах над землей, мчащихся к нам. Слишком поздно, готовясь, прими удар в лоб. Они пронеслись мимо, либо распознав в нас друзей, либо получив инструктаж о нашем присутствии, либо просто были слишком заняты, направляясь к чему-то другому. Это был поучительный опыт. Боевое пространство заполнялось большим количеством разнообразных элементов сил, сталкивающихся друг с другом. Это требовало тщательной координации. Из-за того, что вертолеты отвлекали меня, я лично не занимался этим аспектом спасательной операции, полагаясь на других, чтобы управлять нашим появлением на земле за пределами операционной зоны. В будущем мне нужно было быть более внимательным.

Мы продолжили путь, чтобы найти двух пропавших на неправильной стороне водоема. Они переплыли его, с облегчением отыскав сравнительную безопасность, но потом сильно замерзли. Проанализировав ситуацию, мы убедились, что делать больше нечего, кроме как возвращаться на базу.

На обратном пути 18 отряд привел врага, которого они нашли сидевшим в помещении для скотины, - жалкий экземпляр. У него не было оружия, но вокруг хижины валялись кастрюли и сковородки, грязные спальные мешки и прочий мусор, что свидетельствовало о том, что ее занимали до шести человек. Мы не могли понять, как он там оказался. Возможно, враг использовал лачугу как патрульную базу, а он был поваром, или же он был дезертиром. У нас не было времени на расследование.

В окружении любознательных, хмурых головорезов с черными лицами, которые говорили на незнакомом языке, демонов из его самых страшных кошмаров, он дрожал, закатив глаза. Я предложил ему одну из своих сигарет. Он тут же описался и наложил в штаны. Я знал, что мои сигареты плохо скручены, но это было чересчур. В конце концов, я делал их из лакричной бумаги и Old Holborn, сладкого, мягкого табака. У меня их было не так много, и я просто пытался подбодрить его.

- Босс, он, наверное, думает, что это будет его последняя затяжка. - сказал кто-то более внимательный, чем я, вручив бедняге вместо этого более обнадеживающий кубик шоколада. Эрнандо (так его звали) отвезли обратно на *Fearless*, чтобы привести в порядок. На всякий случай, если он окажется дезертиром, мы уговорили корабль взять его на время в качестве помощника, чтобы держать его отдельно от других заключенных. Когда численность PW снова начнет расти, возможно, они смогут подбросить его к ним с большим шансом, что он останется неузнанным. Возможно, это противоречило женевскому протоколу, но после этого его некоторое время можно было найти моющим посуду на камбузе, совершенно довольным, с широкой улыбкой на лице большую часть времени, чистым, сытым и в приятной компании.

В Порт-Ховарде у Роя нашли один или два предмета аргентинского военного снаряжения, захваченного во время стычек на горе Кент. Это не понравилось некоторым из его захватчиков. Его дознаватель, офицер разведки с безразличным английским, начал с пеной у рта возмущаться и приставил пистолет к голове Роя. В нужный момент вмешался Королевский флот. Вечером из Сан-Карлоса пришел корабль, чтобы сделать несколько выстрелов по вражеским «носам».

Когда разорвались снаряды, все разбежались. Роя бросили обратно в сырую яму под сараем для стрижки овец, где он оставался большую часть своего плена, выходя на допросы и время от времени на перекур и разминку. В ближайшие ночи флот совершил несколько артиллерийских налетов, чтобы поддержать давление на гарнизоны противника на Западном Фолкленде. Налеты на Порт-Ховард помогли поддерживать бодрость духа Роя, а возможно, и его похитителей.

В целом, если не считать инцидента с пеной у рта, противник вел себя достойно, демонстрируя искреннее восхищение Роем и Джоном. Они признали их мужество, похоронив Джона с воинскими почестями на кладбище Порт-Ховарда. После прекращения военных действий они поздравили Роя с его решительным поведением на поле боя и образцовым поведением после пленения. Когда он в последний раз вылез из своей норы, его похитители собрались, чтобы пооплодировать ему, а один из офицеров в знак уважения подарил ему один из беретов спецназа.

После захвата Роя противник в Порт-Ховарде прекратил патрулирование вплоть до реки Уорра, в результате обнаружения патруля Джона Гамильтона в такой близости или же нет, сказать трудно. Но это должно было быть благоразумно: прекратить все несущественные передвижения за пределы своего оборонительного периметра, рассматривая окружающую территорию как спорную. Через несколько дней мы повторно инициировали попытку засады 17 отрядом.

Внизу, в Фокс-Бей-Ист, Билли Рэтклиффу и его патрулю было трудно попасть в вероятные районы цели. Поселок и его окрестности были окружены минными полями. Были проходы, но они хорошо охранялись. Все осложнялось тем, что пологие пастбища давали хороший обзор, но поселение и основные вражеские населенные пункты находились вне поля зрения у береговой линии. То же самое было и в Фокс-Бей-Уэст. Билли решил продолжать искать варианты.

В ходе разведки 18 отрядом в районе горы Розали была обнаружена вертолетная переброска противника. В то время как отряд готовился к тому, чтобы атаковать их, вражеский вертолет вернулся, чтобы перебросить еще больше войск. Казалось, что сам отряд была обнаружен, и ситуация изменилась. Если это так, то, потеряв внезапность и оказавшись против численно более сильных сил, я решил отозвать бойцов. Отряд был горько разочарован. Они с нетерпением ждали «поединка». Но если мы хотели отбить у врага охоту выходить наружу, мы должны были крепко бить его при каждой встрече. После поражения Джона нам нужна была неоспоримо чистая, яркая победа. Отряд мог вернуться, когда ситуация улучшится.

Некоторое время ситуация казалась более благоприятной: 16 отряд устроил засаду на возможную точку десантирования противника. Настолько, что мы усилили их членами эскадрона В, который в то время начал прибывать на театр. И снова штабная разведка проявляла большую уверенность, но из этого ничего не вышло.

Мы действовали на западе уже большую часть недели. За это время вероятность того, что противник попытается предпринять что-либо значимое на Западном Фолкленде или с него, уменьшилась. Но ее нельзя было полностью сбрасывать со счетов. Оперативная группа должна была продолжать следить за ситуацией. Но по мере того, как кампания достигала своего апогея, все чаще возникало ощущение, что основные наступательные возможности эскадрона должны быть вновь переключены на Стэнли. Никто из нас, начиная с командира, не чувствовал себя в силах оставить большие батальоны для того, чтобы они сами предпринимали последние усилия. Эта война должна была закончиться. Она должна быть завершена как можно скорее и завершиться нашей победой. Все имеющиеся возможности должны быть использованы «чтобы сделать это», включая нас!

16. На Стэнли

Батальонные боевые группы вводились в бой перед Стэнли не столько в соответствии с планом исчерпывающе predetermined оперативной разработки, сколько с планом, который возник в ответ на развитие событий, отражая, помимо прочего, оппортунизм, целесообразность, некоторую предварительную продуманность и даже некоторую долю эгоизма. Она в значительной степени отражала условия, сложившиеся в высшем командном звене сухопутных войск.

К тому времени, когда генерал-майор Мур прибыл на театр военных действий после, должно быть, самоналоженного изгнания, на суше кости были брошены другими, реагирующими на события, в том числе и эскадроном. Он мог бы добраться до нас раньше, чтобы навязать свою волю более прямо, но отказался от возможности прыгнуть с парашютом в TEZ, считая это излишне ярким и подверженным гиперболизации со стороны СМИ. Кроме того, в то время на земле находилась только одна бригада, уровень сил и ситуация не требовали его раннего присутствия.

За время его отсутствия произошло много событий. Гус-Грин был захвачен, и, несмотря на его опасения, 42 Commando были переброшены на гору Кент, а остальная часть 3 бригады Commando следовала за ними по пятам. Эти действия были вызваны желанием главкома вывести нас из Сан-Карлоса и занять позиции, но операция застопорилась частично из-за инструкций CLFFI, данных Томпсону перед высадкой 3 бригады Commando. Таким образом, Мур был архитектором своей собственной первоначальной потери контроля над сухопутной кампанией - и не только в этом.

Ни CLFFI, ни его маленький штаб никогда не становились для нас очевидными в оперативном отношении, не в том смысле, который мы остро ощущали; не в том смысле, который мы ощущали и продолжали ощущать в присутствии адмирала Вудворда. Мы понимали Мура как вполне порядочного, явно чувствительного человека, который носил странную, неприметную шляпу, чтобы не обидеть кого-нибудь каким-либо проявлением предпочтения своему морскому племени. Как будто нас это волновало. Профессиональное исполнение - вот все, что имело значение для нас, стариков, по крайней мере, тех, кто находился на

театре с самого начала; и в любом случае, различные племена, похоже, прекрасно уживались друг с другом.

Однако мы знали Томпсона. Его преимущество заключалось в том, что он был «командиром бригады», вызывающей всеобщее восхищение, очень заметной 3 бригады Commando. Мы привыкли к тому, что он был «командиром сухопутных войск». Он был там в течение всего периода, сначала планируя, а затем проводя высадки. Мы научились доверять ему. Он пользовался нашим полным доверием. Даже PARA приняли его. Пауза после высадки была неожиданной, странной и очень нежелательной. Но наши нарекания никогда не касались его. Он пользовался всеобщим доверием. Он производил впечатление человека, знающего свое дело, и выглядел соответствующим образом, включая боксерский нос. Если мы вообще задумывались об этом, мы просто ожидали, что он будет тем самым человеком, который проведет всех нас через это. Даже когда стало известно, что он не был главным командиром сухопутных войск, мы все продолжали считать его лидером; конечно, те из нас, кто высадился вместе с ним в тот день в Сан-Карлосе.

Что касается бригадного генерала Уилсона из 5 бригады, то я помню, как с нетерпением ждал прибытия дополнительных войск, впервые услышав о такой возможности примерно во время паузы в Сан-Карлосе. Морпехи были достойны восхищения, они были твердыми и абсолютно надежными. Мы ожидали, что армейское формирование начнет действовать более привычными методами, возможно, с гораздо меньшим терпением. Прибыв с CLFFI, Уилсон действительно привнес определенный драйв. Неудивительно, что это противоречило тому своеобразию, которое нарастало в войсках. Усилия по поиску своего места для второй бригады, казалось, отвлекали от уже хорошо начатой операции, которую можно было бы усилить, а не модифицировать для размещения новичка.

Добавление второй бригады открывало возможность наступления с плацдарма на Стэнли с юга через Фицрой, а также с севера через Тил-Инлет. Мур отдавал предпочтение варианту с двумя осями, утверждая, что он может быть использован для того, чтобы запутать или отвлечь противника, которому придется смотреть сразу в двух направлениях, что

затруднит выбор места, где лучше всего сосредоточиться, чтобы встретить нас. Уилсон провел много времени, тщательно обсуждая эти мысли с Муром на борту QE2, когда они вместе добирались до театра военных действий. Уилсон настойчиво продвигал идею двух осей. Это дало бы 5 бригаде свой собственный, дискретный путь продвижения по южному маршруту, а 3 бригада Commando уже продвинулась по северной оси и овладела горой Кент. Две оси, возможно, и выглядели хорошо в качестве дивизионной схемы маневра, если смотреть на карту еще на QE2, но на местности они были менее убедительны.

Во-первых, было сомнительно, что противник сочтет уловку с двумя осями такой уж запутанной, поскольку оба маршрута сходились сразу перед Стэнли, не так уж далеко друг от друга, хотя и по обе стороны от гор Кент/Челленджер, земли, обозначающей нашу передовую линию войск, которая уже была прикрыта противником. А из области приблизительного сближения местность продолжала направлять атакующих в то, что фактически представляло собой амфитеатр взаимно поддерживающих оборонительных позиций. Аргентинцы должны были быть в состоянии справиться с большинством двухсторонних событий без необходимости перебрасывать войска с одной стороны на другую. Их артиллерия могла переключать огонь туда, куда нужно, без необходимости перемещать оружейные линии, и, конечно, их авиация и воздушные силы могли так же легко перемещаться из стороны в сторону, туда и обратно.

Во-вторых, у нас не было достаточного количества вертолетов и транспортных средств, чтобы без напряжения перебросить силы дивизии по одной оси, не говоря уже о двух. Было бы эффективнее перебрасывать людей и боевую технику по одному достаточно хорошо обслуживаемому маршруту, чтобы прибыть на другой конец в виде сформированных боевых групп, чем перебрасывать их по двум недостаточно обеспеченным ресурсами маршрутам, чтобы прибыть по частям к противнику.

В-третьих, северный маршрут обеспечивал лучшую безопасность, чем южный. Авианосная группа маневрировала у северного побережья, размещая северную ось в удобном месте в пределах своей

противовоздушной обороны, оптимизируя возможности как авианосцев, так и ракетных кораблей. Что еще более важно, теперь, когда мы находились на горе Кент, противник должен был испытывать трудности с ведением наблюдения за северными подходами; в то время как южная ось находилась под наблюдением аргентинцев на большей части своей протяженности. Таким образом, корабли и небольшие суда могли поддерживать морское движение на севере с той степенью безопасности, которая недостижима на юге.

Мур отдал приказ о наступлении 1 июня, за два дня до нашего возвращения с горы Кент. Несмотря на сильные оперативные и логистические аргументы против, это должно было быть наступление по двум направлениям, 3 бригада Commando по северному направлению через Тил-Инлет, 5 пехотная бригада по южному направлению через Фицрой/Блафф-Коув, оба направления сходились в районе гор Кент/Челленджер. В некотором смысле, это лишь формализовало существующую ситуацию. 3 Commando находилась далеко внизу своей оси с двумя боевыми группами, уже находящимися в районе горы Кент; 5 бригада была в начале своего пути с переподчиненной 2 PARA в районе Дарвин/Гус-Грин.

Поскольку 3 бригада Commando уже приближалась к району горы Кент, возможно, идея всегда заключалась в том, чтобы зайти с севера, слева, а 5 бригада должна была следовать за ней после их окончательного прибытия к югу от горы Челленджер. Но затем 2 PARA сделала кое-что, что позволило привлечь внимание к 5 бригаде.

Измотанная боями 2 PARA, возможно, нуждалась в отдыхе и некоторой реконфигурации, но батальон не признавал этого в полной мере. Повинуясь своему почти атавистическому желанию двигаться дальше, они двинулись к Суон-Инлет-Хаус, чтобы обнаружить, что телефонная линия от него до Фицроя не повреждена. Быстрый звонок подтвердил, что поселок Фицрой, расположенный в двадцати милях к востоку, чист от врага. Командуя единственным уцелевшим вертолетом RAF «Чинук», центр массы батальона вскоре был выдвинут вперед, в район Фицрой/Блафф-Коув и вокруг него, что вполне соответствовало головному подразделению 3 Commando на горе Кент. Это позволило

Уилсону вернуться к охоте. Если только, и только если он сможет подтянуть остальную часть своего соединения к 2 PARA, две бригады должны были оказаться в положении близкого оперативного паритета для финала.

На этом этапе стала очевидной хрупкость южной оси. Она была длиннее, чем северный маршрут. Уэльские гвардейцы попытались присоединиться к 2 PARA пешком, выйдя из Сан-Карлоса. Пройдя небольшое расстояние, они повернули назад, их скорость продвижения, менее одной мили в час, делала марш-бросок нецелесообразным. Все вездеходы и большая часть вертолетов были заняты обслуживанием северного маршрута. И вот, в конце концов, с большими сомнениями и после долгих уговоров ВМС согласились помочь перебросить подразделения 5 бригады на кораблях. Это было очень рискованное предприятие. Потеря такого крупного корабля, как *Fearless* или *Intrepid*, с сотнями солдат на борту могла поколебать национальную решимость, вызвать потерю общественной поддержки. С оперативной точки зрения, такая потеря могла снизить нашу боевую мощь на суше до уровня ниже необходимого для победы. Следовательно, крупные военно-морские силы не должны были использоваться.

Ранее десантные корабли использовались для переброски войск и материальных средств по северной оси от Сан-Карлоса до Тил-Инлет. Была надежда повторить успех на юге. Так и случилось, 8 июня аргентинцы обнаружили два десантных судна *Sir Tristram* и *Sir Galahad*, груженные войсками, стоящими на якоре в бухте Блафф, в виду их передовых НП. Противник, не теряя времени нанес воздушный удар десятью реактивными самолетами, в результате которого погибли сорок девять солдат и матросов, 115 человек были ранены, один десантный корабль был потерян, а другой сильно поврежден. Это был ужасный удар.

Даже когда две бригады приблизились к Стэнли, оставался вопрос о том, как поступить с его защитниками. Большинство из нас предполагало, что будет происходить постепенное, тщательное вскрытие позиций противника, некоторые из них, возможно, одновременно, а более сложные - последовательно, предсказуемость процесса будет облегчена

за счет изобретательной тактики на уровне подразделений, в частности, умелого применения взаимодействия всех видов вооружения и локальной внезапности.

Уилсон выдвинул альтернативу. Он предложил нанести концентрированный удар с южной оси, чтобы пробить брешь во внешнем периметре противника в районе горы Харриет. Через нее, под его руководством, должны были хлынуть боевые группы, чтобы ударить по обороняемым населенным пунктам за ее пределами. Возможно, эта идея отражала существовавшее в то время в армии стремление к физике бронетанковой войны, часть которой предусматривала прорыв обороны противника с целью вырваться в его уязвимые тыловые районы. Так это было или нет, но предложение выглядело противоречащим обстоятельствам. Перед нами было горнило войны, состоящее из сети усеянных камнями холмов, подготовленных для взаимной обороны. Склоны, каменные россыпи и многочисленные минные поля давали мало места и возможностей для быстрого маневра. Наши войска должны были идти пешком, обремененные снаряжением, уязвимые для любого вида вражеского непрямого и блокирующего огня. «Каскадный поток» бронетанковой войны предусматривает почти непрерывное движение, практически безостановочные действия, свежие эшелоны проходят через истощенные силы, сменяясь в свою очередь до принятия решения. Но наши логистические линии в Сан-Карлосе не могли справиться с непрерывным истощением ресурсов при интенсивном темпе боя. Нам нужны были паузы между событиями, чтобы перебросить людей и боевую технику, особенно артиллерийские боеприпасы. У нас просто не было вертолетов и других транспортных средств, необходимых для поддержания такой концепции. И даже если бы мы каким-то образом преодолели все, чтобы прорваться и рвануть вперед, мы бы наткнулись на Стэнли, «тыловую зону», не столько уязвимую, сколько сильно осложненную, населенную нашими собственными людьми и все еще удерживаемую противником, с обойденными силами противника в нашем тылу, предположительно, все еще способными вмешаться. Эта идея так и не получила широкого распространения. Она исчезла из поля зрения после трагедии в Блафф-Коув/Фицрой.

На другой стороне холма дела шли все хуже и хуже. Нашим противником начало овладевать отчаяние. В какой-то момент аргентинское верховное командование в муках вновь задумалось об атаке с Западного Фолкленда, скоординированной с атакой из Стэнли. Это была чистая фантазия. В конце концов, трезвый рассудок возобладал. Их единственным курсом было укреплять уже подготовленные оборонительные сооружения как можно лучше и ждать, пока мы выйдем на них, надеясь, что дальнейшие неудачи, подобные той, что произошла в бухте Блафф, могут достаточно ослабить наши наступательные возможности и дух, чтобы они смогли остановить наше продвижение и достичь патовой ситуации, если не чего-то лучшего. Поэтому Менендесу было приказано удерживать позиции, сражаться и не сдаваться.

Подтверждающие приказы Мура о наступлении были отданы 9 июня. 3 бригада Commando, включая 3 PARA, должна была в первую ночь ворваться в северный периметр противника. 5 бригада должна была последовать за ней и в течение двух-трех дней разгромить оставшиеся, внешние позиции. При необходимости, очистив таким образом близлежащие горы, бригада Commando ворвется в Стэнли.

Впереди горы Кент, на окраинах Стэнли, подразделения эскадрона G и SBS оставались на земле, некоторые патрули начали свой второй месяц непрерывной работы в полевых условиях в тылу врага. По мере приближения наших сил к Стэнли патрули перешли от передачи информации к наступательным действиям, корректируя воздушный, артиллерийский и морской огонь, а иногда и нанося удары по авиации. Это оказалось важным вкладом, внесшим столь необходимую точность в совместные огневые усилия, нанеся значительный физический и психологический ущерб противнику. Мы надеялись приумножить их не оглашенные достижения.

RHQ определил непосредственный дополнительный вклад, который мы должны были внести в Стэнли. Он состоял из двух частей, обе были направлены на снижение морального духа противника, а также на нанесение физического ущерба. Первая из них должна была быть выполнена силами флота, вторая - эскадром. Каждая из них в полной

мере демонстрировала признаки неугомонного воображения Майка Роуза. Я жалел, что мы не придумали первый вариант, а второй с самого начала вызывал сомнения.

Первоначальная операция отличалась определенной элегантностью. В течение некоторого времени крошечной группе штабной разведки RHQ стало известно, что аргентинский командующий регулярно проводит совещание своих руководителей в офисе Совета на улице Росс-Роуд, на набережной Стэнли и на виду у холмов на севере. Командующий сразу увидел потенциал, убедил CLFFI и BMC, что они должны попытаться нанести удар, тем самым одним махом обезглавив аргентинскую оперативную командную структуру. Это могло бы осложнить возможные переговоры, но потеря высшего командования в такой критический момент вполне могла ускорить крах оккупантов. Стоило попробовать, и атака была одобрена.

Цель, конкретная комната в конкретном здании, в определенное время, должна была быть поражена с предельной точностью. Морскую артиллерию можно было отбросить из-за ее неточности, требовавшей нескольких дальних выстрелов, не говоря уже о сложностях, связанных с позиционированием корабля и группы корректирования огня в нужное время. Наземная артиллерия была вне зоны досягаемости, а бомба с лазерным целеуказанием, доставленная Sea Harrier, была слишком разрушительной и могла привести к жертвам среди гражданского населения. Лучшим оружием оказалась ракета AS-12, запускаемая с вертолета. Обладая разрушительной силой 5-дюймового снаряда, помещенного точно в помещение, она должна была сорвать встречу, не причинив чрезмерного ущерба зданиям и людям в окрестностях.

Экипаж WILCO Wessex V был найден. Миссия требовала смелости, поскольку, хотя AS-12 имел радиус действия 7000 метров, условия диктовали, чтобы вертолет прошел далеко вперед, находясь в пределах досягаемости противовоздушной обороны Стэнли, которая включала в себя страшные, скорострельные зенитные орудия Rheinmetal. Полет ракеты SACLOS (полуавтоматическая система управления по линии прямой видимости) до цели мог занять до тридцати секунд, а при стрельбе обеими имеющимися ракетами - целую минуту или даже

больше. Это требовало стальных нервов, пилоту и оператору оружия приходилось буквально удерживаться на месте при возможно сильном, шквалистом ветре, все время находясь под интенсивным огнем противника.

Утром 11 июня вертолет с расчетливой беспечностью снизился над Стэнли, после чего завис в воздухе на расстоянии около мили или более от цели. В поле зрения противника были запущены две ракеты. Первая пронеслась мимо зданий Совета в нужный момент и с ужасающим грохотом врезалась в полицейский участок, расположенный сзади. Вторая упала в гавань перед целью. Несмотря на то, что офицеры, присутствовавшие на встрече и все остальные остались невредимы, включая тех, кто в это время находился в полицейском участке, атака вызвала сильное замешательство. В возникшей неразберихе противнику удалось сбить один из своих вертолетов. Это была предприимчивая, смелая попытка, Wessex привлек к себе много внимания с того момента, как он вступил в бой, и до того, как ему удалось скрыться. Все это заняло три-четыре минуты - долгое время, в течение которого приходилось держаться не просто ровно, а совершенно неподвижно под огнем.

Позже в тот же день, в ночь с 11 на 12 июня, Томпсон и его боевые группы пошли на внешние оборонительные сооружения противника в последовательности, которую трудно затушевать: гора Лонгдон, Ту-Систерс и гора Харриет. Нехватка имевшихся в наличии боеприпасов для флота и артиллерийских орудий только усугубляла их трудности. Но если на уровне бригады врагу было легко нас прочесть, то командиры боевых групп позаботились о том, чтобы на их уровне мы были загадочными. Каждая атака тщательно планировалась, каждая тактически отличалась.

Это было нелегко. Противник тщательно подготовил свои позиции, используя целый ряд средств, включая искусно расставленные минные поля, пулеметные гнезда и искусный заранее пристрелянный артиллерийский оборонительный огонь. Они будут сражаться упорно. Но хотя оборона каждого холма была расположена так, чтобы поддерживать друг друга, в итоге взаимный поддерживающий огонь так и не был реализован. Позиции падали по частям.

3 PARA, занявшая гору Лонгдон, решила провести «тихую атаку», стремясь повторить успех своих разведывательных патрулей предыдущих ночей, подкравшись к противнику, приберегая свои скудные артиллерийские и морские орудия для выполнения задач по требованию. Все шло хорошо, пока во время последнего подхода десантник не подорвался на mine. Поднятый по тревоге противник сражался хорошо, пока его не одолели профессиональные навыки, напор и бескомпромиссное мужество парашютистов.

В центре штурм 45 Commando на пики-близнецы Ту-Систерс также начался тихо и перешел в «шумный» бой, когда морские пехотинцы прорвали оборону противника, основанную на ряде гнезд тяжелых и средних пулеметов. Это был еще один жесткий бой, морпехи приняли на себя направленный минометный и артиллерийский огонь противника. И снова успех был достигнут благодаря умелому противодействию минометов, легкой артиллерии и огня морской артиллерии в сочетании с упорной борьбой пехоты. После этого 45 доложили, что «хотя некоторые враги стоят и сражаются храбро, большинство из них побегут, столкнувшись с агрессивными и решительными войсками».

Наши старые друзья из 42 Commando взяли на себя гору Харриет. Они использовали время, проведенное на горе Кент, с умом, хорошо изучив позиции и распорядок дня противника и местность перед ними. Используя эти знания, они смогли зайти противнику в тыл. Кроме того, они использовали артиллерию для отвлечения внимания на передовые позиции противника, что было смелым и хорошо рассчитанным использованием ограниченных возможностей огневой поддержки. Эта комбинация оказалась разрушительной. Они добились практически полной тактической внезапности. Противник понес тяжелые потери при относительно небольших потерях в три убитых и тринадцать раненых.

Теперь настала очередь 5 бригады. Уменьшение внешней обороны противника должно было завершиться захватом вершин Тамблдаун, Уильям и Саппер в течение нескольких ночей и дней силами шотландской гвардии, гуркхов и валлийской гвардии. План был изменен с переподчинением 2 PARA 3 бригаде, чтобы атака на Уайрлесс-Ридж была проведена одновременно с атакой на гору Тамблдаун. Таким

образом, 3 бригада Commando была бы свободна и готова к наступлению на город, если бы возникла такая нежелательная необходимость.

Включение полка в эти мероприятия, второй вклад спецназа в последний рывок, предусматривало проведение эскадронам операций впереди боевых групп, в тыловых районах Стэнли, с целью отвлечь противника, отвлечь его огонь, связать его резервы и иным образом увеличить физическое и психологическое давление на зажатого противника, атакованного со всех сторон. Чтобы успеть вовремя, нам придется попотеть. Мы уже пропустили начальные атаки 3 Commando.

Нам всем понравилась идея помочь, в частности, 2 PARA. Нас связывали тесные отношения и даже более чем мимолетная симпатия. В данном случае чувство родства было еще сильнее. Они были ветеранами Фолклендских островов, за плечами которых уже была знаменитая битва за Дарвин/Гус-Грин; мы тоже были ветеранами, хотя и не столь активными, поскольку начали свою деятельность в Южной Георгии, как тогда казалось, сто лет назад. Нам казалось совершенно правильным и уместным быть на финише, поддерживая наших друзей, особенно Парашютный полк. Но меня по-прежнему беспокоили некоторые практические аспекты нашего предполагаемого участия.

Беглое изучение карты подтвердило, что впереди боевых групп оставалось не так много территории, мало пространства для маневра до района Стэнли. Мы должны были быть зажаты морем и рельефом местности. Чтобы проникнуть к противнику в любое выбранное место в его тылу, нам пришлось бы пересечь воду.

А то пространство, которое там было, выглядело довольно тесным, занятым и находилось под влиянием как врага, так и наших собственных сил. Все это могло стать близким и понятным, но мы не были знакомы с тактикой общевойскового боя и не практиковались в ней, не говоря уже о сложностях координации действий в таком тесном боевом пространстве. По своей природе мы были приспособлены к тому, чтобы быть «снаружи» более или менее в одиночку. Не было возможности встретиться с бригадами или их подразделениями, чтобы обсудить

необходимые меры контроля. Риск дружественного огня должен был быть высоким. И если этого было недостаточно, мы также не обсуждали с ними напрямую, как именно мы должны были вписаться в их битву.

В этом заключалась еще одна проблема: наша сила и ее связь со временем. Мы привыкли действовать в условиях численного недостатка, и это накладывало отпечаток практически на все наши действия. Движение требовало скрытности, любые наступательные действия - внезапности и точности. Если мы хотели извлечь максимальную пользу из нашей малочисленности, то обычно атаке SAS предшествовала разведка, чтобы найти скрытые пути проникновения, пути отхода, точно определить, как и где нанести удар. Конечно, то же самое могло происходить и с боевыми группами, разница была лишь в степени. Наши требования были очень строгими. Мы должны действовать с должной осторожностью, наносить сильные и быстрые удары, прежде чем отступить; они могли сражаться, чтобы проникнуть внутрь и закрепиться, чтобы измотать противника непрерывными действиями. Им нужна была внезапность, достаточная для того, чтобы опередить любую реакцию противника; нам нужна была внезапность, чтобы не встретить никакой реакции. Для подготовки и проведения атак нам могли потребоваться дни, а не часы.

Однако на этом этапе конфликта наши собственные боевые процедуры были уже отработаны, основаны на частой практике в тяжелых условиях. Мы могли браться за сложные специальные операции практически без суеты, обращаясь к предыдущим действиям, изменяя практику здесь, тактику там. По нашим собственным понятиям, мы были быстрыми и проворными, способными действовать в высоком темпе, переключаясь с одного дела на другое, не задумываясь о его механике; вместо этого мы могли сосредоточиться на том, что делать, а не на том, как это делать. Мы знали, что важно, что можно сократить или даже пропустить, и при каких обстоятельствах. Наблюдатели могли заметить характерный стиль эскадрона D. На самом деле все было гораздо прозаичнее. Мы были просто опытными, настроенными на войну.

И поэтому, несмотря на то, что я знал о трудностях и различиях, я был воодушевлен мыслью, что у нас все получится. И чуть было не получилось.

Наша роль в финальной битве за Стэнли, как было приказано RHQ и записано в нашем военном дневнике, заключалась в том, чтобы эскадрон выдвинулся вперед:

Занять Мюррел и провести операцию в тыловом районе Стэнли.

Вот и все, никаких конкретных упоминаний о 2 PARA (Карта 8).

Как обычно, я быстро оценил ситуацию, проанализировав задание с Дэнни, Джорди и Грэмом. Мы считали занятие высоты Мюррел самостоятельной задачей, которая позволит нам впоследствии проводить наступательные операции в тылу врага в течение неопределенного периода времени. Поэтому очистка Мюррела и его окрестностей должна быть на первом месте. Мы не думали, что это займет много времени, может быть, один день; мы также не ожидали встретить что-то значительное, возможно, один вражеский патруль. Мы не были уверены в последствиях столкновения с чем-то более крупным; мы могли бы преследовать его, рассматривая его как часть «тылового района Стэнли». Но поможет ли это боевым группам? Возможно, нам придется вернуться в RHQ.

Аналогично, характер и частота наших атак не были определены. Они могли варьироваться от ведения совместного огня, диверсионных атак до крупномасштабных рейдов в составе эскадрона. Обсуждать это с Майком Роузом до нашего отъезда не представлялось необходимым. Ни один из нас не был склонен предписывать варианты. Мы были едины во мнении: как можно скорее выдвигаться вперед и помогать боевым группам в любой подходящей ситуации. При этом упоминалась атака 2 PARA на Уайрлесс-Ридж; мы должны поддержать ее, если сможем.

Мы вчетвером быстро двинулись дальше. Казалось, не было ничего сложного в том, чтобы перебросить эскадрон туда, обеспечить безопасность Мюррелла, а затем использовать возможности для прямых действий. Мы применим наши испытанные и проверенные методы, без

разведки не обойтись. Я предполагал, что у нас будет только одна возможность провести атаку силами эскадрона. Учитывая компактность территории, пересекаемой водными преградами, добиться полной тактической внезапности во второй раз может оказаться почти невозможным - наверное, это будет чудом. Мы все рассматривали аэродром за Стэнли как заманчивую перспективу, успешный налет на который мог принести эффект на оперативном уровне. В остальном, все выглядело так, как если бы мы атаковали с воздуха, используя пушки, авиацию или наше собственное дальнобойное оружие; налет с помощью такого огня в точно нанесенных концентрациях мог оказаться весьма эффективным. Мы могли видеть, как постепенная работа по выбранному списку целей может привести противника в замешательство и причинить ему боль. Конечно, любой метод атаки должен способствовать продвижению наших больших батальонов, но чем меньше необходимость в тактической координации - мы с ними, они с нами, тем лучше.

Как оказалось, наше мышление не совсем совпадало с мышлением штаба RHQ: это, конечно, моя вина. И Дэнни всегда говорил мне об этом: «Предположение - это мать проёба, Седрик». Командир видел это так, что мы начнем наши усилия в максимальном объеме с отвлекающей атаки в поддержку 2 PARA. Нас должны были доставить три патрульно-штурмовых лодки Королевской морской пехоты для штурма холма Кортли примерно в двух милях от хребта Уайрлесс, цели боевой группы. Я смотрел на ситуацию примерно так же, за исключением того, что для штаба RHQ это было конкретное задание. Я пришел к выводу, что это то, что мы должны сделать, если сможем. И «должны» как-то переросло во «вряд ли», учитывая дефицит времени. Это была действительно высокая задача: организовать тактическую диверсию многочисленных рабочих частей в течение нескольких часов после прибытия на землю. Поэтому я переключился на другие варианты в более легком для управления временном интервале. Все могло бы обернуться плохо, если бы не мастерство бойцов.

Когда мы готовились к отправке из Сан-Карлоса, наше ослабленное состояние стало очевидным. После потери вертолета мы продолжали работать с четырьмя отрядами, и я, если не остальные члены эскадрона,

был удивлен их нормальным функционированием. Мы должны были продолжать операции на Западном Фолкленде, в которых участвовали 18 и 19 отряды. Для Стэнли оставались только 16 и 17 отряды, оба из которых были ослаблены потерями, понесенными на горе Кент. Не колеблясь, эскадрон G выступил вперед, его 23 отряд восполнил нашу численность. Они пришли с энтузиазмом. После нескольких недель кропотливого патрулирования они были готовы бросить все силы. Эскадрон разделял их желание, если не их рвение. Мы должны были выдвинуться из Сан-Карлоса на вертолете, три патрульно-штурмовых лодки и их рулевые на каботажном судне, высаженные в районе залива Беркли, чтобы добраться до острова Кошон и там ожидать вызова вперед.

Все прошло по плану: эскадрон высадился в Эстансия-Хаус, чтобы дождаться темноты и продолжить путь. Здесь было оживленно - небольшой передовой логистический узел. Вертолеты прилетали и улетали, на мгновение нарушая спокойствие. Несколько островитян с потрепанным Ленд-Ровером и трактором помогали организовывать материальные средства в упорядоченные штабеля. Кто-то держал это место в руках, опытный командир эшелона «Б», как мы догадались, скорее всего, PARA, поскольку их тут было один или два. Никакой суеты, все неторопливо и по-деловому.

И здесь тоже были обнадеживающие признаки того, что люди вошли в рабочий ритм. Оперативная группа выглядела и чувствовала себя непобедимой. Но тогда большинство из нас на фронте и не подозревали, что корабли и самолеты потрепаны и отчаянно нуждаются в глубоком ремонте. И не многие из нас знали, что у орудий, морских и артиллерийских, на исходе боеприпасы, и наша система снабжения напрягается, чтобы удовлетворить спрос. Даже если бы мы знали, я подозреваю, что нас бы это не слишком беспокоило. Мы собирались победить.

17. Последняя ночь

Высадившись ночью в Мюрреле, в мертвой зоне Стэнли, мы были приняты патрулем SBS, который перешел под наш тактический контроль. Они быстро доложили нам обстановку, прозвучало это искрометно и очень точно. Они считали, что ближайший район чист от врага, но не могли поручиться за холмы чуть дальше к востоку, выходящие на залив Беркли. Мы все знали, что аргентинцы предполагали, что оперативная группа подойдет именно с этой стороны. У противника все еще могли быть силы на наблюдательных позициях, с которых открывался вид на морские подступы. Я поблагодарил SBS за их доклад и попросил, чтобы они присоединились к лодочному отряду Теда. SITREP соответствовал нашей предыдущей оценке, подтверждая, что мы должны очистить то, что фактически было нашим непосредственным тылом, на следующее утро, через несколько часов.

Действовать при дневном свете было бы не совсем удобно, но риски вполне соответствовали нашему пониманию ситуации, нашим инстинктам и тому, что сообщали SBS. Зачистка должна была проводиться мощными силами, на удалении от противника в Стэнли и вне поля его зрения. Мы считали, что небольшие подразделения противника вряд ли будут сражаться решительно. Если мы столкнемся с чем-то агрессивным и крупным, с чем мы не сможем справиться, мы могли бы провести боевой отход в направлении 3 PARA, которые находились в районе горы Лонгдон, вытягивая противника к его вероятному уничтожению. Это было бы спортивным упражнением, тактически сложным, но я знал, что эскадрон справится, и парашютисты тоже. Так или иначе, мы должны проводить время продуктивно.

Прочесывание местности через гору Твелв-О-Клок и за ее пределами показало, что там нет противника, за исключением патруля из восьми человек, который скрылся вдаль. 16 отряд попытался отрезать их, но аргентинцы имели преимущество и могли двигаться в темпе, зная местность и то, что их ожидает. Они не представляли особой угрозы. Мы отказались от обязательного преследования из-за нехватки времени, свет угасал по мере приближения вечера. Возможно, это было ошибкой,

так как патруль мог приложить руку к одной или двум нашим последующим трудностям.

Вернувшись на хребет Бигл, короткий разговор по TACSAT с командиром установил, что корабль добрался до острова Кошон незамеченным, готовый к тому, чтобы быть вызванным для отвлекающей атаки размером с эскадрон в поддержку штурма хребта Уайрлесс 2 PARA этим же вечером, через несколько часов! Как все шло? Отлично!

Это меня напрягло. Этого не должно было быть. Но я придерживался идеи, что мы будем действовать своим проверенным способом, в свои сроки. Мы наблюдали за Стэнли днем через оптику, но не нашли ничего подходящего в качестве цели для эскадрона. Патруль SBS ничем не мог помочь, и они уже давно находились в этом районе. Я намеревался выслать патрули в ту ночь, чтобы свежим взглядом осмотреть предстоящий день с разных сторон. Мне особенно хотелось посмотреть на район аэропорта и гавани, бухту Порт-Уильям и залив Бланко. Но теперь нам предстояло в кратчайшие сроки отправиться в неизвестность и, скорее всего, использовать наш единственный крупномасштабный снимок.

Мы могли отточить свои навыки, отточить зубы на разных вещах за последние недели, но могли ли мы повернуть такое: за пару часов, с холодного старта, без поддержки разведки, провести атаку на неизвестную цель, почти наверняка защищенную бдительным, численно превосходящим и более хорошо вооруженным противником на подготовленных позициях, защищенных минами и проволокой, за водной преградой, которую нужно было пересечь на незнакомых моторных лодках, управляемых людьми, с которыми мы никогда раньше не работали. Был только один способ узнать это.

Дэнни передал мне одну из своих сигарет, Джорди - кружку «варева». Оба ничего не говорили, чувствуя мое мрачное настроение, глубокое предчувствие с оттенком раздражения, не говоря уже о чувстве вины за то, что я так глупо выдал желаемое за действительное. Мне не нравилось ощущение того, что я не могу полностью контролировать наши действия, но я уселся с картой, карандашом и бумагой, чтобы

набросать набор приказов для чего-то столь же заманчивого, как «напрасная надежда».⁶⁷ Я корил себя за то, что не использовал наш день иначе. Но, размышляя об этом, как мы могли бы лучше использовать это время? Не было возможности провести разведку в ночь, когда мы высадились, и было бы глупо искать возможные цели среди бела дня, двигаясь по склонам вперед на виду у Стэнли. Я заставил себя не думать об этом.

Это граничило с мысленным нытьем, которое вряд ли приведет нас куда-нибудь. Кроме того, иногда приходится делать вещи, которые не очень хорошо выглядят на ближайшем горизонте, но, тем не менее, в общей схеме вещей дают результат. «Пора идти, Джон.»

По необходимости план атаки должен быть простым, если не сказать примитивным. Придерживаться чего-то в общих чертах стандартного - или того, как я представлял себе такую экспедицию на лодке. Это должно было быть экстремальное сочинительство в его самой крайней форме, возможное только благодаря отточенности наших инструкций и WILCO отрядов; приемлемое потому, что это было в помощь нашим товарищам из 2 PARA. У нас не было очевидной высокоценной цели, которую можно было бы поразить, не было цели, кроме врага на нашем фронте. Не было и точности, не в чем было быть точным. У нас даже не было проверенных путей входа и выхода. Что касается неожиданности: возможно, да, но, скорее всего, в смысле «они, должно быть, шутят», а не в том смысле, который нам был нужен. Оставались скорость и агрессия: проникнуть незаметно, когда начнется шум, ударить сильно и быстро и оставить «сладкий зуд».

Команда собралась для получения приказов, скорее объяснения схемы маневра с несколькими координационными точками, чем подробных инструкций в обычном смысле. Я объяснил, что наша цель - помочь атаке 2 ПАРА на Уайрлесс-Ридж через несколько часов, привлекая к себе

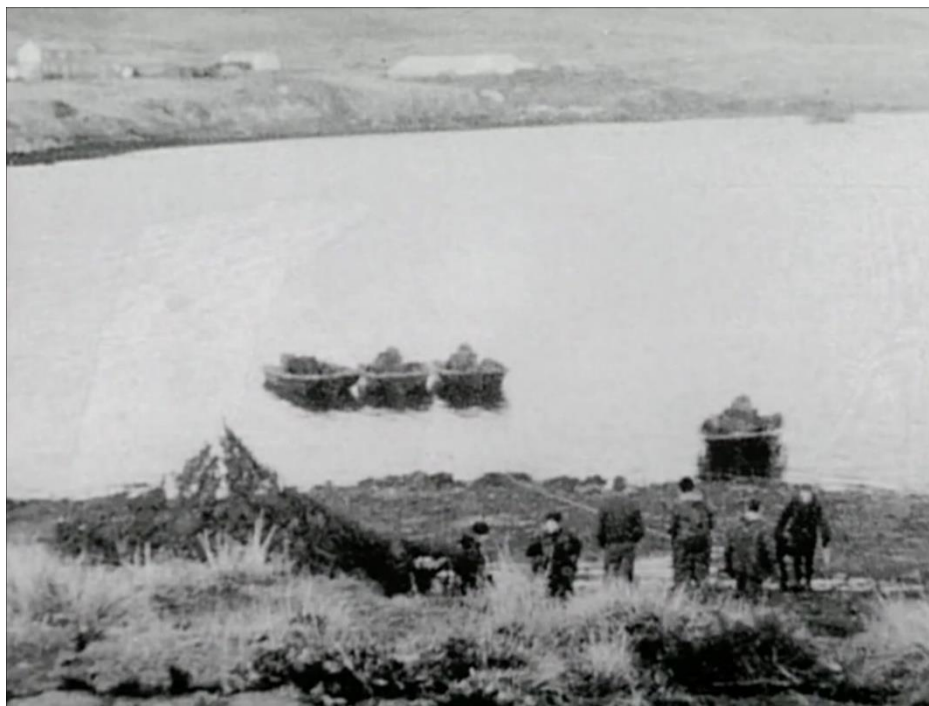
⁶⁷ «Напрасная надежда»: те, кого выбирают на роль лидера, когда шансы на выживание малы, например, при штурме бреши в обороне противника. В британской армии этот термин особенно ассоциируется с наполеоновским периодом, когда такой долг мог быть востребован, выжившие часто щедро вознаграждались.

внимание. Если это сработает, мы сможем связать любой вражеский резерв на решающий период. Более вероятно, что мы должны вызвать оборонительный огонь артиллерии на себя, подальше от боевой группы. Это никому не понравилось, поскольку у нас не было ни бронежилетов, ни даже стальных шлемов на всех! Мне не нужно упоминать о моральном аспекте. Мы все видели, что враг, должно быть, близок к краху. Нам хотелось думать, что наша уверенность в том, что мы рвемся в его тыл и на фланги, контрастируя с его растущим чувством обреченности, может стать тем самым фактором, который ускорит его крах, если не вызовет его.

Отчаянно не хватало времени, поэтому вся необходимая архитектура операции должна была быть сделана прямо по моей карте: зоны удержания и сбора, точка сбора лодок, точка высадки, маршруты входа, маршруты выхода, район высадки, район цели, позиции огневой поддержки, RV, пункты сбора, узлы связи. Однако реальной цели не было. Все существенные аспекты были определены без прямого наблюдения и не проверены разведкой. Это был вопрос нанесения шаблонного решения на карту и называния его планом. Люди из эскадрона D приняли его без колебаний, понимая, что в определенные моменты это необходимо. Эскадрон G и SBS явно ожидали большего, поскольку перешли в подчинение к D. Это был не самый лучший мой момент, но спорить было не о чем. Все было воспринято в полной тишине. Возможно, это был не самый лучший план, но мы все видели, что у этой штуки есть простота. Все понимали его форму и очертания. Каждый мог видеть свою роль. Это могло сработать.

Когда все разошлись, чтобы сделать свои приготовления в оставшееся ограниченное время, Тед задержался. Ему отводилась центральная роль. Он и его отряд, включая SBS, должны были переправиться через Хернден-Уотер на холм Кортли на патрульно-штурмовых лодках, чтобы поразить все, что они смогут найти перед собой, а затем вернуться обратно, не задерживаясь. Остальные части эскадрона должны были оказывать посильную поддержку огнем с «родного берега». Тед выразил беспокойство по поводу отсутствия цели, кроме «враг перед тобой, наступай». Я посочувствовал. Я согласился, что он может направиться к старым нефтехранилищам, четко обозначенным на карте. Я не думал,

что он зайдет так далеко, даже близко. Думаю, он тоже не думал. Но если это поможет ему иметь «прицельную марку», что-то, к чему можно идти, то он должен это иметь. Поразмыслив, можно сказать, что это был не самый лучший выбор. Нефть, если бы она существовала, могла бы понадобиться для гуманитарных целей после нашей все более вероятной победы. Но на войне совершаются ошибки. И эта была сделана, когда потребности моих войск превалировали практически над всеми другими соображениями. Я просто не думал о чем-то большем, чем сиюминутный момент и его тактические требования.

Лодочный отряд совместно с SBS у патрульно-штурмовых лодок перед задачей. Почему автор упоминает три лодки, а не четыре – непонятно.

Я знал, что Теду и его людям, вероятно, предстоит нелегкая ночь. Они знали это. Мы все это знали. Я сказал Дэнни, что пойду с ними, и что поэтому он должен будет контролировать «домашний берег». Я чувствовал сильную потребность разделить опасность. Он пристально

посмотрел на меня, прежде чем отвести меня в сторону. Твердо, спокойно, даже бережно, он объяснил, почему в этом нет необходимости, и вообще это плохая идея. Он признал, что Тед попадет в затруднительное положение. Он был человеком, лучше всего подходящим для командования своим отрядом. Я не нужен был ему там, чтобы еще больше усложнять его работу. Я был бы нужен там, где я мог бы все контролировать, связывая наверху, направляя вниз, помогая Теду войти и выйти, используя оставшиеся ресурсы эскадрона и вызывая огонь поддержки сверху, если это необходимо.

Дэнни, конечно, был бы рад взять на себя «домашний берег» и все, что с ним связано, но на самом деле этим должен был заниматься я. Он был прав. Несмотря на свои лучшие суждения и решимость, я позволил «шуму» чувств проникнуть внутрь. Я отступил от строгой объективности. Это было непрофессионально. Тед и эскадрон не нуждались в том, чтобы я приводил какие-то эмоциональные доводы ненужным жестом. Это был не тот момент, чтобы позировать. Мы все должны были быть в нужных местах и действовать с максимальной эффективностью. Дэнни напомнил мне о моем месте и вернул меня на путь истинный. Момент прошел, и мы с ним занялись тем, что в последний раз проверили детали. Затем, быстро съев холодный паек запив его кружкой чая, мы отправились в путь.

Смотреть было не на что: темная, неподвижная ночь, тишина; гораздо тише, чем я ожидал. Отдаленные звуки доносились с легким ветерком, несколько выстрелов из снарядов и стрелкового оружия, негромких, спорадических, предположительно атака 2 PARA. Изредка осветительный снаряд отбрасывал оранжевое свечение справа от нас. Я ожидал большего. С другой стороны, я не был так близко к полномасштабной атаке боевой группы на живого врага ночью. Возможно, все прошло неудачно? Может быть, атака 2 PARA застопорилась? Я считал маловероятным, что она потерпела поражение.

Дэнни, Джорди и я нашли неглубокую ложбину с видом на бухту Хернден-Уотер, примерно в миле к северу от нефтехранилищ по прямой. Большая часть остатков сил «домашнего берега» лежала справа от нас. Таким образом, мы вдвоем оказались близко к центру эскадрона, а

водная атака Теда должна была пройти в 500 метрах или около того слева от нас. Оставалось только ждать. Я надеялся, что ждать придется недолго, если это действительно была 2 PARA, шум и свет усилились. Если мы собирались помочь, нам нужно было срочно выдвигаться.

Это был мотор? Может быть, это лодки? Возможно, мне показалось. Может быть, это был ветер, мягко дующий через дидл-ди?

Мгновением позже покой был нарушен яростным треском стрелкового оружия всех возможных типов: автоматы, пулеметы, тяжелые пулеметы, грохот гранат. Трудно было точно сказать, кто из них чей. Вот только тяжелые пулеметы должны были быть их, у нас их не было. Моя рация затрещала. Это был Тед. Он высадился. И застрял. Не может продвинуться вперед. Все еще на пляже. Не может двигаться, вообще не может. Вот-вот попадет под удар. Он должен был вернуться. Сейчас. Немедленно. Он не был уверен, что сможет выбраться обратно!

Блядь, блядь, блядь. Мозг бешено колотился, затуманивался. Что делать? Какие были варианты? Прежде всего. Спокойно! Сбить огонь. Вряд ли мне нужно было говорить им об этом, но я все же передал по радио, призывая «домашний берег» дать прикрывающий огонь, какой смогут, держать его подальше от берега, опасаясь задеть наших, целиться как можно точнее по возвышенности и следить за дульными вспышками. Они так и сделали, и с этого момента все стало очень плохо. С холма перед нами, через узкий участок воды, на нас полился огонь противника, зенитки, пулеметы, тяжелые пулеметы, и даже кухонная раковина, насколько я мог судить. Весь этот чертов холм запылал, озаренный вспышками выстрелов. Вихрь снарядов, их, не наших, трассирующих, начинающихся медленно, как различные, отдельные движущиеся точки света на дальнем берегу воды, налетающих сплошными росчерками, шлепающих и трещащих, шипящих и вихрящихся, оглушительный грохот, вздымающий землю вокруг нас.

Одним из основных тактических боевых упражнений является «победа в перестрелке». Я вспомнил, как сержант Дуги Уорсфолл из Гренадерской гвардии четырнадцать лет назад вдалбливал это своим новым подопечным - младшим курсантам роты «Gaza» набора 41 Королевской

военной академии Сандхерст. «Здесь Дуги не победить», с тоской подумал я про себя: забавно, как работает разум в моменты кризиса.

Нужно восстановить подобие контроля. Я попытался вызвать Теда по радио, но не смог попасть в сеть из-за возбужденной болтовни 23 отряда G, незнакомого с нашими лаконичными радиопроцедурами.

Взбешенный, я в конце концов ворвался в сеть, невежливо попросив их делать то, что они могут, без разговоров. Нам нужна была незагроможденная сеть. Они очистили эфир и попытались продолжить работу. Но выиграть эту битву было невозможно. Наш огонь постепенно ослабевал по мере того, как враг навязывал свое превосходство. В следующий момент их воля могла взять верх над нашей. Я решил попробовать сам, чтобы лично победить в огневой схватке и побудить остальных усилить огонь.

Я отстрелял магазин по холму над тем местом, где, по моим предположениям, находились Тед и его отряд, в направлении аэропорта, где несколькими мгновениями ранее я слышал, как приземлился C130. Возможно, мои пули долетят до этого места. Ужас! В волнении я забыл о своей практике заряжать несколько трассеров в нижнюю часть магазина, чтобы сигнализировать о необходимости смены магазина. Трассера устремились вдаль, пылающий безошибочный поток прерывистого света, ведущий обратно точно к моей складке в земле, точнее, к неглубокой впадине, которую в тот момент я делил с Дэнни и Джорди. Мгновенно земля вокруг нас вздыбилась снова и снова, полетели огромные плотные комья земли, растерзанные зениткой напротив и много чем еще. Грохот стоял сокрушительный. Голова кружилась, в ушах звенело, глаза закатились, мгновенно придя в себя, я извинился перед своими спутниками. Я пообещал прекратить валять дурака и сконцентрироваться на разрыве контакта, чтобы вытащить нас из этой чертовой неразберихи, в которой мы оказались. Мы, пожалуй, создали нужный шум, если не отвлекающий маневр, поскольку аргентинцы, похоже, веселились от души.

Тед все еще не был уверен, что ему удастся выбраться тем же путем, каким он вошел. Я предупредил нашего офицера связи в бригаде, чтобы он сообщил 2 PARA, что отряду, возможно, придется пробиваться к

выходу, в конечном итоге выйдя на их передовые позиции. К сожалению, это было как-то неправильно истолковано как просьба о помощи. Мы ни в коем случае не делали этого; нелепо ожидать, что бригада изменит свой план, чтобы просто прийти нам на помощь. Кроме того, у 2 PARA было более чем достаточно забот. Это была наша проблема, которую мы должны были решить. Я просто не хотел, чтобы Теда подстрелила боевая группа, если нам придется воспользоваться этим вариантом, если он вообще зайдет так далеко. Вот и все.

Огонь с «родного берега» стал размеренным, за исключением одного не особенно умного клоуна на небольшом расстоянии слева от нас, который стрелял длинными, несколько нестабильными очередями из своего GPMG с утомительной частотой в направлении Теда. Каждый раз его трассирующие снаряды вызывали ответный шквал зенитного огня с холма, расположенного прямо напротив, через воду. Нужно было восхищаться его решимостью, но, похоже, это мало чего давало: он подбирался неудобно близко к Теду и лодкам, обрушивая при этом серьезную тяжесть огня на себя и на нас. Это, несомненно, скоро должно закончиться плачевно. Я пытался несколько раз крикнуть ему, чтобы он, черт возьми, был осторожнее, целился очередями в зенитки, а не в Теда. Я не мог достучаться до него. Я попросил Дэнни попробовать. Безрезультатно. Ничто не могло побудить его прекратить свои извращения. Я пробормотал про себя что-то об эскадроне G: сначала радиодисциплина, теперь огневая дисциплина. Это было несправедливо, потому что на самом деле остальные бойцы, более половины из которых составляли G, оказывали весьма умелое и храброе сопротивление, делая осторожные, прицельные, хорошо продуманные выстрелы по идентифицируемым вражеским объектам по ту сторону воды. И они больше не болтали об этом в сети!

Аналогичным образом, на дальнем берегу Тед и его команда начали понимать, что происходит на их участке боя. Они поняли, что противник не может вести огонь по самому берегу, включая короткий участок воды в двадцать ярдов. Для этого они должны покинуть защиту своих окопов; в данный момент противник не проявлял никакого интереса к этому, ни для того, чтобы улучшить свою меткость, ни для того, чтобы провести контратаку. Конечно, чем дольше Тед задерживался, тем больше была

вероятность того, что враг покинет свое укрытие или, возможно, откроет не прямой минометный огонь. Тед должен был действовать быстро. Он предупредил меня, что намерен вернуться в лодки и рвануть в безопасное место, полагаясь на впечатляющую скорость и маневренность патрульно-рейдовых лодок. Если он правильно рассчитает время, то, возможно, ему удастся уйти в темноту залива Бланко до того, как противник откроет эффективный, прицельный огонь. Как только он разорвет контакт, он проложит себе путь к заранее запланированной точке высадки. Я сказал ему, чтобы он действовал. Мы сделаем все возможное, прикрывая его огнем - только предупредите нас.

Я предупредил «домашний берег», чтобы они дали все, что смогут, по моему слову, чтобы прикрыть вывод сил Теда. Мы все выбрали цель, сеть была мертвой, безмолвной, только старый приятель выдавал редкие вспышки GPMG. Он действительно старался. Тед погрузил своих солдат. Лодки осторожно отошли от берега, чтобы тихо, медленно, рыскать туда-сюда, держась спокойной, неподвижной воды, надеясь не насторожить противника шумом своих неработающих двигателей, наблюдая за кипящим огнем морем за бортом, бдительно ожидая любой паузы или ослабления вражеского шквала. Солдаты делали все возможное, чтобы стать маленькими, сжимались в клубок, выглядывали из-за бортов, молясь, чтобы враг остановился, чтобы его внимание хотя бы переключилось. Тед предупредил нас, что они готовы. Его лодки ходили взад и вперед, настороженные, полностью готовые воспользоваться моментом, но ничего, никакого ослабления. Тогда мы открыли прикрывающий огонь, но в ответ получили сокрушительный ураганный огонь, настоящую стену, треск, звон и плевки раскаленного металла. Это было похоже на катаклизм. Было ли что-то из этого оттянуто от Теда и его берега, сказать трудно. Но лодки начали движение, пользуясь царившими вокруг грохотом и суматохой. Рулевые запустили двигатели, лодки в унисон развернулись практически на пятачке и с ревом рванулись вперед, устремляясь сквозь стену вражеского огня к манящей безопасности темноты за бортом. Мгновенно потеряв всякое чувство направления, они просто неслись сквозь кипящую воду. Шум по всему фронту был почти ошеломляющим,

вспышки трассирующих снарядов ослепляли. От нас исходило немного. В очередной раз усилия «домашнего берега» были быстро подавлены и свелись к единичным тщательно продуманным выстрелам, так как мощь и ярость вражеских зениток и пулеметов была неоспорима.

Вскоре Тед и его команда уже мчались по заливу, рулевые умело поднимали суда на глиссирование, чтобы максимально увеличить их скорость. Это было головокружительно. Они прорвались сквозь непрерывную процессию небольших судов, переправлявших раненых аргентинцев на госпитальное судно, в гавани горели огни. Лодки проскочили через них и свернули к месту высадки. Когда они прошли мимо медицинских судов, госпитальное судно включило один из своих прожекторов. Лодки бешено закрутились, пытаясь вырваться из-под коварного луча. Они начали привлекать огонь. В сети появился позывной эскадрона G, который срочно информировал нас о ситуации и просил разрешения уничтожить прожектор госпитального корабля ракетой MILAN. Я колебался.

Корабль был не прав, злоупотребляя своим статусом в соответствии с военными конвенциями. Он подвергал жизни моих солдат серьезному риску. Возможно, прожектором управлял невежественный новобранец, но действия корабля привели к тому, что огонь обрушился на мои войска. Мой долг - защитить своих солдат. У нас было право на самооборону. В любой момент это могло закончиться очень плохо для одной или нескольких лодок, что привело бы к гибели экипажа и всех пассажиров, потому что никто не смог бы долго продержаться в ледяной воде, раненый или другой, не нагруженный снаряжением. К черту дилетантов: война должна быть делом профессионалов. В голове мелькнула мысль об ублюдке Флоресе. Мы вполне можем быть единственными, кто играет в крикет.

- Нет, - ответил я, повторяя про себя, - нет! Еще несколько секунд, и лодки будут на свободе. Я молился об этом.

Тед и его люди все-таки добрались, но им пришлось оставить пустые лодки на берегу, которые вскоре были уничтожены огнем противника, что положило конец дальнейшим попыткам переправиться через воду.

Однако люди из эскадрона G были очень добры, что прежде запросили обстрел госпитального судна. Забавно, что эскадроны отличались друг от друга; возможно, лишь в незначительной степени, но каждый из них имел свой собственный характер. К 23 отряду я относился с теплотой. Я сделал мысленную пометку поблагодарить и похвалить их, когда и, если представится возможность, но забыл об этом, будучи поглощенным событиями.

Уничтоженные патрульно-штурмовые лодки

- Пойдем, Дэнни, - сказал я, сообщив ему, что Тед ушел с пляжа, который к тому времени уже скрылся в заливе Бланко, - Скажи этому болвану с GPMG, чтобы шел позади нас.

Когда мы все поднялись, чтобы отходить, Дэнни крикнул нам, но тут же получил еще один залп, на этот раз неточно направленный на нас. Аргентинец, это должен был быть аргентинец! Я испытал короткое, острое чувство вины за то, что подумал, что это мог быть один из нас,

один из эскадрона G, незнакомый с нашими порядками. Как я мог так подумать? Все это время мы кричали в сторону вражеской позиции, возможно, это был член того патруля, который мы не смогли поймать в начале дня. Почему мы не догадались об этом раньше? Пора уходить. Пора подвести черту под этой ночью, пока еще что-нибудь не пошло не так! Мы ускользнули, низко приседая и быстро отбегая в сторону.

Когда мы приблизились к месту сбора, большому пруду, выбранному по карте, над головой раздался безошибочный свист тяжелых артиллерийских снарядов; много снарядов, целая батарея, стон, гул, падение. Это должны были быть 155-мм снаряды. Это были очень сильные взрывы. Пруд и окружающая местность вспыхнули, вздыбились, возможно, всего в 100 ярдах перед головными отрядами. Мягкая земля поглотила большую часть энергии. Ударная волна прошла через нас, затем последовал ливень из обломков, кусков камня, металла, воды и большого количества грязного дерна и конфетти из измельченной растительности.

- Как, черт возьми, им это удалось? - спросил я, ни у кого конкретно, не ожидая ответа.

Мы отклонились в сторону, быстрая проверка, никаких попаданий. Артиллерия продолжала приближаться, но не преследовать, пока нет. Я догадался, что это может быть хорошее знание карты. Или это может быть часть умного оборудования для наблюдения: радар, ПНВ. Мы были направлены вперед к вершине Кортли. Возможно, меткий артиллерийский огонь противника следил за нашим отходом. Может быть, это снова тот патруль, который мы пропустили? Как бы это ни было сделано, наше уважение к аргентинской артиллерии возросло. Сохраняя бдительность ко всем возможностям, мы быстро продвигались вперед, чтобы выйти из зоны наблюдения, желательно в мертвую зону. Артиллерия продолжала работать еще некоторое время, отставая от нас.

В RV эскадрона мы подвели итоги, выставив охранный периметр. Все бойцы «домашнего берега» вернулись, потерь не было; чудо, ни царапины. Я не мог поверить, что нам это сошло с рук. Пока все хорошо. Мы ждали людей Теда. В их последнем отчете говорилось, что они

перебрались через залив Бланко, но при высадке их все еще обстреливали, и лодки были брошены.

Ждать пришлось недолго. Темные фигуры проскользнули внутрь, чтобы занять свое место на оборонительном периметре эскадрона. Я не хотел задерживаться, стремясь вернуться на безопасные позиции, которые мы занимали днем ранее и были хорошо приспособлены для обороны. Теперь меня определенно беспокоил этот возможный вражеский патруль. Он еще мог причинить вред. Мы должны были прижать его, когда у нас был шанс во второй половине дня.

Кто-то доложил, что тени действительно были людьми Теда, все учтены, включая рулевых патрульно-штурмовых лодок. У нас было двое раненых, оба ходячие. Мой товарищ по патрулю Клайв Лоутер был ранен куда-то в плечо, когда лодки выходили в залив, а (наш) Брумми Стокс получил ранение в бедро, осколок от снаряда миномета, когда лодки причалили к берегу, в самый момент достижения относительной безопасности. Я пошел туда, чтобы убедиться в этом. Старые друзья по эскадрону D, я был неравнодушен к ним обоим. Им удалось уйти, фактически проведя свою собственную эвакуацию. Клайв сидел, прислонившись к своему рюкзаку, Карл Родс собирался проверить его перевязку. Клайв выглядел крепким и в хорошей форме. Он даже смог нести свой берген, несмотря на травмы; типично для Клайва - спокойный, самодостаточный, никогда не жалующийся. Я спросил его, как он себя чувствует.

- Нормально. На редкость хорошо, босс, - ответил он, - ничего страшного - чувствуется онемение, немного трудно дышать, в остальном все в порядке.

Я спросил Карла, могу ли я взглянуть на него. Посветив своим экранированным фонариком туда, куда он указал, и увидев больше крови и беспорядка, чем ожидалось, я невольно громко и отчетливо произнес:

- О, черт возьми!

Клайв быстро потерял сознание. Карл сделал мне замечание. Я переключил свое внимание на Брумми, напоминая себе о тепле и

уверенности и о хорошей, горячей чашке чая. Я не стал осматривать Брумми. Он не выглядел нормально, уверяя меня, что с ним «все в порядке, босс, все в порядке», слабо отмахиваясь от меня.

Неожиданно, когда мы уже собирались двигаться, появился вертолет Gazelle, вызванный Джорди, который предвидел такую необходимость. Наши раненые вскоре были уже в пути. Я не стал долго раздумывать над этим вопросом. Так было принято в то время: люди знали, думали и делали сами, зная, что их действия будут поддержаны, правильные или неправильные, при условии, что они действуют добросовестно. И эта инициатива была точной, ее выдвинул Джорди, пока я был озабочен нашей безопасностью, механикой отхода и приведением Клайва в бессознательное состояние.

На рассвете мы вернулись на хребет Мюррелл, заняв сильную оборонительную позицию. Мы были уставшими, несколько истощенными. На нас опустилась какая-то неясная апатия. Так часто бывало после жесткого контакта. Спокойствие было нереальным, странно напряженным. Чувства были обострены и в то же время мутноваты; но тогда мои уши все еще были не в порядке, все еще звенели от того, что Дэнни выстрелил в нескольких дюймах от моего правого уха - или я оказался в нескольких дюймах от дула Дэнни в гуще вчерашней перестрелки? В любом случае, я чувствовал себя окутанным «белым шумом». Мало что было так, как должно быть. Мой слух так и не восстановился до конца. Возможно, организм неравномерно восстанавливался после длительного адреналинового возбуждения, немного противореча сам себе. Время вернет все в равновесие, но я наслаждался спокойствием, умиротворением, контрастами, повышением осознанности, восстановлением нормальной жизни.

Мы легко отделались. Клайв и Брумми находились в заливе Аякс, в полевом госпитале в Сан-Карлосе; мы знали, что полевая хирургическая бригада не потеряла ни одного раненого, пройдя такое расстояние. И 2

PARA одержала победу. Мне нравилось думать, что мы помогли.⁶⁸
Оставался Стэнли. Мы начали думать об этом после завтрака.

Я позавтракал двумя овсяными брусками, размоченными в подогретой воде, чтобы получилась сносная каша, затем фасолью и плиткой шоколада: весь двухдневный паек. Я чувствовал себя так, будто бурлачил лодку. Завтрашний завтрак? Завтрашняя проблема. Возможно, к тому времени мы получим пополнение припасов. Я взял свое варевое, чтобы присоединиться к Дэнни и Джорди, которые сидели спиной к большому камню, ловя немного тепла от солнца, низко стоящего над северным горизонтом. В этот раз Джорди не разговаривал по радио, предоставив это одному из своих вполне способных связистов. Ничего не поступало. Все было спокойно. Мы болтали тихо, негромко, отрывочно, пока спускались с высоты прошедшей ночи, чувствуя странную безопасность: ближайшая территория была очищена, а эскадрон развернут для защиты и укрытия. Мне пришло в голову сделать что-нибудь с аргентинским патрулем, который, предположительно, все еще находился там. Использовать 23 отряд? Придержаться отряды эскадрона, чтобы разведать потенциальные цели предстоящей ночью? Мне все еще нравился аэропорт. Я вспомнил о C130 предыдущей ночью; возможно, атака «Стингера», если у нас будет нужная дальность, отметив, что у нас может не хватить вариантов огневых точек, после потери лодок. Но успешный удар из ПЗРК мог бы помочь перекрыть их воздушный мост и, конечно, вызвать ответную реакцию. Я сделал мысленную пометку координировать все подобные действия с вышестоящим командованием, чтобы наши вертолеты и авиация не мешали. Пока я составлял список дел, которые необходимо решить, я свернул некачественную сигарету и передал ее Дэнни, который спрятал ее за ухо, продолжая работать над своим варевом. Я свернул еще одну для себя.

⁶⁸ Наш ночной рейд подвергся критике. Он был проведен не так, как нам хотелось бы. Но, вне всякого сомнения, мы отвлекали огонь противника на себя в течение довольно долгого времени, во время штурма 2 PARA. В том числе много тяжелой артиллерии. Насколько это усилило психологическое давление на противника, мы никогда не узнаем. Но передовые позиции 2 PARA сообщили, что противник отступил с направления холма Кортли вскоре после рейда, пройдя мимо них, чтобы попасть в Стэнли.

- Босс, подойди и посмотри на это, - нарушил нашу тишину взволнованный зов одного из связистов. Я отложил сигарету, чтобы переползти к нему. Мы осторожно заглянули за хребет, вниз к Стэнли. Я согласился воспользоваться предложенным им биноклем.

- Там, - прошептал он, - Не знаю, что они делают. И там.

В трех или четырех милях от нас, хорошо видимые через нашу оптику, находились многие сотни вражеских войск на открытой местности. Возможно, тысячи. Они медленно двигались, удаляясь от места, где должны были находиться наши боевые группы. Темная текучая масса текла в Стэнли, вокруг Стэнли, некоторые даже продвигались к аэропорту. И над всем этим - тишина. Орудия остановились. Ничего, только шум ветра. Так выглядела разбитая армия, и мы поняли, что это значит, на что мы смотрим. Даже с такого расстояния было видно, что с ними покончено: огромная масса изможденных людей медленно уходила.

Официальные слова дошли до нас только через несколько часов, но мы знали, что все закончилось.⁶⁹ Ни радостных возгласов, ни похлопываний по спине, ни рукопожатий, ни «мужских объятий», ничего этого, даже разговоров почти не было. Мы просто стояли в основном молча, вели тихие разговоры полупшепотом. Возможно, мы тоже были эмоционально истощены; конечно, мы устали от прошедшей ночи. Среди бела дня мы стояли на линии горизонта, получая простое удовольствие от самого этого: стоять прямо, смотреть вниз на Стэнли и наслаждаться слабым, слегка пригревающим солнечным светом.

⁶⁹ Командир подтвердил «ENDEX», как выразился какой-то остряк (END of EXercise, слово, используемое для информирования всех участников об окончании учений), когда он прилетел на вертолете Gazelle по пути в Стэнли, чтобы помочь провести переговоры о капитуляции. Мы дали ему «Юнион Джек», чтобы он пролетел над Домом правительства - местом назначения. Это была элегантная симметрия, поскольку в начале «Юнион Джек» эскадрона D был первым поднят над Кинг Эдвард Пойнт, административным центром Южной Георгии, а в конце – «Юнион Джек» эскадрона D был первым поднят над главным символом нашего суверенитета на Фолклендах.

Мы прошли долгий путь, и мы разделили момент победы тихо, вместе, каждый глубоко в своих мыслях. Я вспомнил о своей сигарете, прикурил ее, Дэнни тоже прикурил, наполовину ожидая, что Лоуренс присоединится к нам и предложит одну из своих «Rolos».

Эпилог

Итак, это было сделано

Кладбище Порт-Ховард расположено в миле или более за пределами поселения. Укрытое от ветра окружающими холмами и густой живой изгородью, оно расположено на небольшом мысе, откуда открывается вид на узкий залив. Море находится на небольшом расстоянии, за небольшим мысом, через узкий проход. К кладбищу ведет открытая травянистая дорожка, проходящая через поля, на которых пасутся овцы. Летом от желтого цветущего вереска исходит нежный запах разогретого масла, в котором гнездятся певчие птицы.

Но не сейчас. Была середина зимы, и ничто вокруг не шевелилось. Не было слышно ни звука, даже чаек; лишь изредка дул мягкий ветерок. Но свет искрился, чистый, мягкий зимний солнечный свет отбрасывал длинные тени. Вода в заливе внизу время от времени покрывалась рябью.

Джон был похоронен в углу, прижавшись к яркому, белому ограждению, в могиле, отмеченной простым крестом с его званием и именем: капитан Джон Гамильтон. Аргентинцы похоронили его там с заботой и уважением, признавая его доблесть. Теперь мы пришли попрощаться с Джоном и другими нашими потерянными друзьями и товарищами, у всех, кроме Джона, не было могилы.

Нас было не так много. Был только один вертолет, чтобы перевезти нас из Сан-Карлоса. К нам присоединился командир, и еще один или два человека, но в основном мы были членами двух эскадронов. Пришли все оставшиеся из его отряда. Их было немного, их число сильно сократилось, они погибли в море, когда мы в тот раз переходили с флагманского корабля HMS *Hennes* на HMS *Intrepid* в рамках подготовки к высадке. Неужели всего четыре недели назад столько людей из нашей части погибло, уйдя в море? Неужели прошло всего сто дней с тех пор, как мы отправились в путь из Херефорда, молодые, полные желания и бодрости духа?

РЕА *Lancelot* нашел нам падре. Мы собрались с ним вокруг могилы, с нашими мыслями, воспоминаниями и молитвами. Командир спросил, должны ли мы салютовать залпом. Мы отказались. Мы не хотели нарушать таким образом покой Джона, покой других, покой этого места. Мы покончили со всем этим, пока, возможно, нас не позовут снова. Мы вспоминали. Затем мы ушли.

Эскадрон D 22 полка SAS в полном составе на борту Sir Lancelot, конец Фолклендской кампании.

Приложение

Вооружение и снаряжение

Снаряжение и его переноска уже давно были проблемой в полку: считалось, что мы носим слишком много снаряжения. Мы это знали, но, казалось, ничего не могли с этим поделать. Одним из моих самых ранних полковых воспоминаний было то, как Питер де ла Бильер, мой первый командир SAS, увещевал нас носить меньше; это было в 1973 году. Это не имело ни малейшего значения, отчасти потому, что все мы были способны нести непомерные грузы. Отбор обеспечил комплектование полка людьми, способными нести груз ночью и днем в течение длительного времени, на значительные расстояния, через любую местность. Даже в джунглях мы носили на себе полный берген вместе с РПС. Никто из нас не желал оказаться слабаком. Нас учили отправляться за линию фронта, вдали от баз, где не было возможности пополнить запасы продовольствия.

Мы могли сократить запасы продовольствия, но никогда - боеприпасов. Мы были полны решимости не допустить, чтобы они закончились. По иронии судьбы, решение было найдено в самом бергене, именно в том, что, казалось, создавало проблему. Мы носили в РПС боевую выкладку, в основном боеприпасы, плюс несколько предметов первой необходимости для выживания, воду, еду, лекарства и тому подобное: все остальное клалось в берген. Берген можно было сбросить в случае контакта с врагом или спрятать в тайнике перед ожидаемым контактом, что придавало определенную маневренность. Мы все равно оставались перегруженными - но, по крайней мере, в те дни мы были избавлены от необходимости носить бронежилеты!

Во время Фолклендского конфликта я не помню, чтобы когда-либо указывался набор оружия, который должен был носиться на уровне подразделений, оставляя это на усмотрение командиров и их команд, в зависимости от поставленной задачи. Большинство из нас предпочитали боеприпасы калибра 5,56 мм. Он был намного легче, чем 7,62 мм, имел меньшую дальность стрельбы, был менее мощным, но на дистанции до 300-400 метров он был достаточно хорош. Можно было носить с собой

много 5,56 мм, и калибр шел в комплекте с AR 15/M16, удобной штурмовой винтовкой, способной вести автоматический огонь и отличающейся высокой точностью на дистанции боя. Как правило, мы считали, что объем огня важнее точности одиночного выстрела - не то чтобы стандартная армейская самозарядная винтовка калибра 7,62 с функцией одиночного огня была более точной на дистанции до 300 метров, чем наше штурмовое оружие калибра 5,56. Просто она была намного тяжелее и имела более мощный ударный механизм, чем ее аналог калибра 5,56. А вот пулемет общего назначения калибра 7,62 (GPMG или Jimpy) нам нравился. Ни один полноценный отряд не отправился бы в путь без двух GPMG, как минимум, ценя их за огневую мощь, живучесть и дальнобойность. В остальном, гранаты, пистолеты, штыки, большие ножи были вопросом личного выбора. Я никогда не беспокоился о втором оружии или гранатах, предпочитая носить с собой дополнительный шоколад.

Вопреки распространенному мнению, у нас было мало специализированного оружия. Был некоторый «подрывной набор» - пластиковая взрывчатка, взрыватели с часовым механизмом, взрыватели и детонаторы, не отличающиеся от того, что использовали наши основатели в 1940 годах или сбрасывали на парашютах французскому сопротивлению. Незадолго до отъезда из Херефорда нам удалось заполучить в свои руки несколько современных противотанковых ракет MILAN. Были также верные 81-мм минометы, а позже несколько 60-мм минометов, полученных от наших друзей из американского спецназа. Единственным экзотическим предметом, опять же прибывшим позже из США, был ПЗРК Stinger: восемь штук. Мы достигли ограниченного успеха, не имея опыта в их использовании.

Конечно, к концу мы выглядели неряшливо и потрепанно, многие из нас были одеты в хлопчатобумажные рубашки и брюки, которые мы использовали в Кении, дополненные вещами, купленными в фермерских магазинах Херефорда и на улице: нейлоновыми флисками, и тому подобными вещами, большинство из которых не совсем подходили для морского использования, учитывая их плохие противопожарные свойства. Возможно, моряки это поняли, так как я заметил, что довольно многие из эскадрона успели обзавестись одним из тех щегольских белых

свитеров, которые носили, например, Джек Хокинс в фильме «Жестокое море», подводники во Второй мировой войне. Это был не единственный привлекательный предмет из военно-морского набора для выживших, который «Джек» раздавал эскадрону: голубая хлопковая рубашка была еще одним желанным предметом, брюки тоже. После *Sheffield* я попросил Лоуренса покончить с этой мягкой формой «поощрения». Военно-морскому флоту, скорее всего, понадобятся их наборы для выживших и других людей, находящихся в отчаянной нужде; у нас к тому времени было более чем достаточно белых свитеров. Поверх всего этого мы надевали просторную куртку SAS, хлопчатобумажную, не защищающую от дождя, но, тем не менее, эффективно защищающую от ветра, особенно когда ткань становилась влажной.

В эскадроне была разная обувь. У горных войск, как правило, была самая лучшая, их собственные покупные, самые современные ботинки. Остальные обходились стандартными армейскими ботинками с резиновой подошвой DMS (Directly Moulded Sole) или, как в моем случае, патрульными ботинками Северной Ирландии. Большинство североирландских ботинок развалились под воздействием сырости и сильного холода, в том числе и мои, которые треснули по всей подошве. Что касается ботинок DMS, то их дешевая кожа впитывала воду как губка. Некоторые из нас обошли эту проблему, надев галоши NBC, простые прорезиненные сапоги, вероятно, первый и единственный раз, когда эта вещь была оценена и востребована.

Траншейная стопа стала проблемой среди батальонов. У нас дела обстояли лучше, поскольку мы пользовались преимуществом базирования на кораблях, где мы могли время от времени укрываться от непогоды и питаться четырехразовым флотским обедом.

Позже, во время войны, появились новые ботинки и большое количество одежды Gore-Tex, включая столь желанные стеганные куртки. Бронко еще в Херефорде удалось купить весь британский запас оливково-зеленых курток Cotswold Camping с полым наполнителем. Но даже тогда нам не хватило их на всех. Грэм выдавал их только тем, кто, скорее всего, сойдет на берег. Если до раздачи Gore-Tex мы выглядели разношерстно, то после мы, должно быть, выглядели очень солидно. Возможно, наша

одежда и раздражала некоторых, но не флотских, которые просто принимали нас такими, какие мы есть.

Опрятные умы, должно быть, были на грани помешательства по мере развития конфликта, поскольку, как только мы все сошли на берег, солдаты и морпехи становились все более растрепанными, а внешний вид и поведение - все более деловыми, лишнее и все прочие фланелевые вещи были отброшены. Это навело меня на мысль об одной из максим Учебки, сформулированной легендарным сержант-майором Учебки Джорди Лиллико, ММ:

«Суди о бойцовой собаке не по шерсти, а по зубам».

Китайская пословица.